

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES. INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ»»
«RESEARCH-AND-PRODUCTION ASSOCIATION “NORTHERN ARCHAEOLOGY”», LTD

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»
INDEPENDENT NONCOMMERCIAL ASSOCIATION “INSTITUTE FOR ARCHAEOLOGY OF THE NORTH”

MATERIALS AND RESEARCH ON THE HISTORY
OF NORTH-WEST SIBERIA

FASCICLE III

Lasting Legacy of Middle Ob

for Economic Development of the Territory
RPA “RN-Yuganskneftegas”

Nefteyugansk
RPA “Northern Archaeology”, Ltd

Yekaterinburg
2013

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

ВЫПУСК III

Древнее наследие Средней Оби

на территории хозяйственного освоения
ООО «РН-Юганскнефтегаз»

Нефтеюганск
ООО «НПО «Северная археология»

Екатеринбург
2013

УДК 904 (571.1)

ББК 63.4(2)

Д 73

Д 73 Древнее наследие Средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РН-Юганскнефтегаз» : Екатеринбург : Магеллан, 2013. – 256 с. : ил. – (Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири ; вып. III).

ISBN 978-5-906458-03-2

Издание посвящено исследованиям исторических памятников древней истории и традиционной культуры народов севера Западной Сибири, расположенных на территории Салымского края, к югу от среднего течения Оби. Издание содержит исторические документы и фотоматериалы начала XX в., отражающие исследования Салымского края историками и этнографами и данные современных археологических исследований памятников в зоне хозяйственной деятельности ООО «РН-Юганскнефтегаз». Впервые публикуется альбом Г. И. Лебедева, участника экспедиции Л. Р. Шульца, хранящийся в фондах Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (ТИАМЗ).

Для историков, этнологов, археологов и всех, кто интересуется культурным наследием аборигенных народов Северо-Западной Сибири.

УДК 904 (571.1)

ББК 63.4(2)

Монография обсуждалась на заседании сектора славяно-финской археологии ИИМК РАН и рекомендована к изданию ученым советом Института истории материальной культуры РАН

Отв. редактор:

чл.-кор. РАН Е. Н. Носов

Рецензенты:

д-р ист. наук С. В. Белецкий,

д-р. ист. наук В. А. Лапшин

Научный редактор:

к. и. н. В. А. Борзунов

Книга подготовлена к изданию и выпущена на собственные средства и средства организаций-учредителей АНО «Институт археологии Севера»

ISBN 978-5-906458-03-2

© ООО «НПО «Северная археология», 2013

© АНО «Институт археологии Севера», 2013

© Оформление М. Б. Горбуновой, 2013

100 лет
научного изучения Салымского края

35 лет
ООО «РН-Юганскнефтегаз»

Г. П. Визгалов, М. Б. Горбунова, О. В. Кардаш

**Два юбилея:
100 лет научного изучения Салымского края,
35 лет производственному объединению
ООО «РН-Юганскнефтегаз»**

Север Западной Сибири представляет собой удивительный регион. Его своеобразие обусловлено рядом факторов: пограничным положением между европейскими и азиатскими северными территориями, природно-климатическими и географическими характеристиками, определившими тесную связь человека и окружающей среды. Уникальная по сравнению с другими регионами сохранность аборигенных таежных культур, равно как их история, насчитывающая более десятка тысячелетий, дает возможность проследить пути формирования хозяйственной и биологической адаптации человека, осваивающего север, следовательно, понять и сохранить историю региона, его традиционные культурные ценности.

На территории Средней Оби находятся исторические памятники самых разных эпох и культур – от древнейших, эпохи камня, до современных. Начиная с Герарда Фридриха Миллера, путешествовавшего по Оби и Иртышу в 1740 г. в составе Второй академической экспедиции, их исследованиями в разное время занимались многие ученые. История этого поиска, в том числе археологического и этнографического, хорошо известна [Талицкая, 1953; Чернецов, 1957, 1963; Гемуев, Сагалаев, 1986; *Очерки культурогенеза...*, 1994а; 1994б; 1994в; Матющенко, 2001а; 2001б; Ивасько, Кардаш, Суровень, 2000; Барсова Гора..., 2002; Стефанова, Борзунов, 2002; *Археологическое наследие Югры...*, 2006; и др.].

Начавшееся в 1960–1970-е гг. активное промышленное освоение природных богатств Тюменского Севера, в первую очередь добыча нефти и газа, строительство новых городов и поселков, прокладка густой сети продуктопроводов и разнообразных коммуникаций, крайне отрицательно сказались на сохранении памятников культурного наследия края, традиционной культуры и образа жизни населяющих его коренных народов – хантов, манси, ненцев. Во второй половине XX в. на севере Западной Сибири были разрушены сотни и даже тысячи археологических памятников – древних поселений, могильников и святилищ. Прекратили функционирование многие современные культовые места и капища. В настоящее время все реже и реже можно встретить действующее святилище. Да и людей, помнящих во всех деталях обряды и обычаи, осталось крайне мало. Более того, исчезли с лица земли многие поселки аборигенов тайги. Часть жителей мигрировала в более глухие таежные места, другие подались в города и поселки. Их старые дома превратились в развалины, а руины – в современные этноархеологические памятники. Та же участь постигла кладбища малочисленных народов Севера.

С другой стороны, промышленное развитие региона активизировало общественный интерес и научно-исследовательскую деятельность по изучению традиционной культуры аборигенного населения и древней истории края в целом.

Салымский край, расположенный к югу от среднего течения Оби, исследуется уже более столетия, правда с большими хронологическими лакунами. В 1888 г. на соседних реках – Малом и Большом Югане – с целью сбора этнографических и фольклорных материалов работал ученый-этнограф К. У. Папай, а в 1897–1898 гг. – доктор Янош Янко. Последний также посетил ныне широко известное Кинтусовское городище на реке Салым, левом притоке Оби [Стефанова, Борзунов, 2002. С. 16].

Инициатором комплексного археолого-этнографического поиска в бассейне Салыма и на прилегающих к нему территориях выступил Тобольский губернский музей. В 1900–1912 гг. его сотрудники при участии работников других учреждений организовали 62 экспедиции на Обский Север. Две из них под руководством Л. Р. Шульца накануне Первой мировой войны, в 1911–1912 гг., побывали на Салыме. Именно эти годы можно считать отправными при отсчете начала научного изучения Салымского края. В числе прочих памятников в это время были обследованы средневековые Тимковское и Кинтусовское городища, выявлено разрушенное раннесредневековое (карымское) поселение в устье реки Салым, а на только что открытом Кинтусовском некрополе были проведены первые масштабные раскопки. До этого в окрестностях пос. Кинтусово проводил археологические сборы Вторушин. Материалы разведок по Салыму были опубликованы в 1913 г., а также частично использованы в работах, изданных сразу после Гражданской войны [Городков, 1913; 1926; Шульц, 1913; 1924; 1926], а главное – в известной периодизации древностей Нижнего Приобья, разработанной В. Н. Чернецовым [1957. С. 38, 162–163, 213, 224; рис. 1; табл. X]. В 1927 г., будучи уже директором Свердловского краеведческого музея, Л. Р. Шульц передал на хранение в музей коллекцию вещей, обнаруженных в 1921 г. на средневековом могильнике на оз. Ямантур (возможно, Кинтусовском) в бассейне Салыма [Берс, 1959. № 321]. В 1982–1983 гг., в связи с обустройством карьера по добыче суглинка, на Кинтусовском могильнике проведены охранные раскопки археологической экспедицией Уральского госуниверситета (г. Свердловск) под руководством Л. М. Тереховой [Стефанова, Борзунов, 2002. С. 40, 42]. Впоследствии этот памятник дал название одноименному этапу обь-иртышской культурно-исторической общности таежного Приобья [Сургутское Приобье, 1991. С. 137–141]. Сейчас этот некрополь переименован в «Ансамбль Кинтусовское 4». В 1987–1988 гг. в ходе обследования южного берега Большого Сорковского озера, в междуречье Большого Салыма и реки Демьянки (правого притока Иртыша), К. Г. Карачаров выявил уникальный археологический комплекс, насчитывающий около семи десятков городищ, селищ и стоянок, а также один могильник, датирующийся ранним железным веком и Средневековьем. В 1989 г. им же были открыты древние поселения на озерах Чагорово и Мамонтово.

Вместе с тем полноценное научное изучение памятников древней истории и традиционной культуры на территории Салымского края началось только в 1991 г. Тогда по инициативе предприятия «АВ КОМ-Наследие» Свердловского отделения Российского фонда культуры (г. Екатеринбург) администрацией Нефтеюганского района Ханты-Мансийского автономного округа была принята программа «Выявление, сохранение, изучение и популяризация исторического наследия». В рамках нее проходили все научные изыскания в бассейнах рек Малый и Большой Салым. Финансирование программы предусматривалось не только за счет регионального бюджета, но и с привлечением средств основного землепользователя – объединения «Юганскнефтегаз» (г. Нефтеюганск), осуществляющего добычу нефти и газа в Нефтеюганском районе. Для реализации программы администрацией Нефтеюганского района было создано первое в Ханты-Мансийском автономном округе региональное специализированное учреждение «Центр историко-культурного наследия» (г. Нефтеюганск), которое возглавил выпускник УрГУ археолог Г. П. Визгалов.

В 2003 г. этот центр был реорганизован в ООО «НПО “Северная археология – 1”». Научно-исследовательский коллектив этого предприятия, сформировавшийся в начале 1990-х гг.,

уже 20 лет ведет систематическую работу по выявлению, изучению, охране и популяризации культурного наследия народов севера Западной Сибири. Не вдаваясь в детализацию научного поиска, отметим, что археологи центра выявили и исследовали большой массив памятников историко-культурного наследия, включая такой уникальный археологический объект, как древнейшее в Среднем Приобье городище нового каменного века Каюково 2 на оз. Большое Каюково в верховьях реки Большой Салым.

На протяжении всей своей истории научно-производственное объединение «Северная археология – 1» тесно сотрудничает с объединением «Юганскнефтегаз», неуклонно исполняющим законы Российской Федерации по охране, сохранению, изучению и использованию памятников историко-культурного наследия. Заказчик и исполнитель работ совместно формируют музейные экспозиции, которые пополняют круг источников по материальной и духовной культуре обско-угорских народов, популяризируют их историю в периодических, научно-популярных и научных изданиях, а также знакомят жителей Нефтеюганского района, в первую очередь новое многонациональное население края, с сохранившимися объектами культурно-исторического наследия коренного населения севера Западной Сибири.

В этой связи уместно рассказать об истории обнаружения и восстановления уникального хантыйского святилища Ай-орт-ики – как положительного и показательного примера совместных усилий ООО «Юганскнефтегаз» и НПО «Северная археология – 1» в деле сохранения и изучения памятников культурного наследия малых народов таежного Приобья. Святилище входит в комплекс памятников XII–XX вв. «Савкунины Зимние» на реке Малый Салым, который отражает процесс формирования, развития и современное состояние культуры салымских хантов [Визгалов, Кардаш, 2010].

К моменту начала исследований комплекс «Зимние Савкунины» находился в 12 км к югу от крайних кустов скважин месторождения нефти Приразломное. В этой части месторождения был основан и обустроен вахтовый поселок нефтяников, проведены сейсморазведка запасов нефти, разведочное бурение и гидрологические исследования, до проектируемой дожимной насосной станции (ДНС-4) проложены изыскательские трассы – просеки. Закончен проект 1-й очереди разработки и перспективного развития южной части месторождения. Согласно условиям данного проекта, коридоры коммуникаций, включающие нефтепроводы, линии электропередач, автодорогу и подъездные пути к ДНС-4, должны были пройти по территории могильника Савкуниных, а также в непосредственной близости от самого поселения Юрты Савкунины Зимние. В случае реализации этого проекта проживание здесь Анатолия Савкунина и его семьи стало бы невозможным. Кроме того, первый вариант проекта не учитывал наличия здесь объектов историко-культурного наследия, так как в перспективе на месте святилища Ай-орт-ики и хантыйского поселка планировалось разместить кусты (комплексы) нефтяных скважин.

Подготовленный сотрудниками НПО «Северная археология – 1» научный отчет об археологических исследованиях в бассейне реки Малый Салым с сопроводительным письмом, подготовленным сотрудниками АВКОМА О. В. Кардашом, К. Г. Карачаровым и Г. П. Визгаловым, сотрудником Центра историко-культурного наследия администрации Нефтеюганского района и всеми картографическими материалами был передан в Нефтеюганский районный комитет по земельной реформе, занимающийся согласованием землеотводов. Копия документа была направлена предприятию НГДУ «Правдинскнефть», занимавшемуся обустройством Приразломного месторождения нефти. На основании этих материалов были внесены корректировки в первый вариант проекта. В результате инженерные коммуникации были перенесены на 4 км к западу от намеченных трасс, что позволило обеспечить сохранности объектов культурного наследия комплекса «Савкунины Зимние». Это была одна из первых, но к сожалению немногих совместных и реальных акций археологов и нефтяников по сохранению объектов культурного и исторического наследия.

Еще одним важным мероприятием по сохранению и популяризации культурного наследия стало изготовление для Нефтеюганского городского краеведческого музея копий скульптур

хантыйского святилища Ай-орт-ики в натуральную величину. Предполагается, что они будут выставлены на всеобщее обозрение в г. Нефтеюганске. Такой выход представлялся наиболее приемлемым для знакомства населения региона с уникальными объектами материальной и духовной культуры салымских хантов. Тем более что местными органами власти и руководством предприятия «Юганскнефтегаз» было принято решение о сохранении данного культового объекта в естественном ландшафте, а само это место является труднодоступным и нежелательным для его постоянного посещения посторонними лицами.

Подобная совместная деятельность, помимо всего, способствует развитию научных изысканий, выведению их на более высокий качественный уровень. В 2010 г. в г. Нефтеюганске был создан Институт археологии Севера (ИАС), что является следствием начала научных исследований на коммерческой основе и введения в научный и общественный оборот результатов археологических работ.

В 2011 г. объединение «Юганскнефтегаз» отметило свой 35-летний юбилей. Своеобразным подарком юбиляру от археологов, этнографов и историков «НПО «Северная археология – 1»» станет эта книга. Собранные в ней статьи разнообразны по стилю и тематике, но объединяет их одна идея. Почти все они посвящены результатам исследований памятников истории и культуры коренного населения Салымского края – городищам, селищам, святилищам, древним производственным местам, открытым в зоне хозяйственной деятельности вышеупомянутого объединения. Именно понимание со стороны заказчика необходимости постоянного проведения аварийно-спасательных и научно-исследовательских работ позволило уберечь от неминуемой гибели данные остатки прошлого, равно как и появиться в свет этой книге. Со своей стороны работники науки и культуры приложат все усилия для реализации поставленной ими благородной цели – изучения и популяризации истории и культуры больших и малых народов нашей многонациональной страны – России.

Литература

- Археологическое наследие Югры, 2006. Археологическое наследие Югры: пленар. докл. II Северного археологического конгресса (Ханты-Мансийск, 24–30 сентября 2006 г.). – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. – 152 с.
- Барсова Гора, 2002. Барсова Гора: 110 лет археологических исследований / под ред. А. Я. Труфанова и Ю. П. Чемякина. – Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова Гора», 2002. – 224 с.
- Берс Е. М., 1959. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во. – 83 с.
- Визгалов Г. П., Кардаш О. В., 2010. Святилище Ай-орт-ики на реке Малый Салым. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2010. – 216 с.
- Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., 1986. Религия народа манси. Культовые места XIX – начала XX веков. – Новосибирск: Наука, 1986. – 192 с.
- Городков Б. Н., 1913. Поездка на Салым // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск: ТГМ. – Вып. XXI. – Отд. II. – С. 1–100.
- Городков Б. Н., 1926. Краткий очерк истории населения крайнего северо-востока Западной Сибири // Известия Русского географического общества. – 1926. – Т. 58, вып. 2.
- Ивасько Л. В., Кардаш О. В., Суровень Д. А., 2000. Древняя история // Салымский край. – Екатеринбург: Тезис, 2000. – С. 33–70.
- Матющенко В. И., 2001а. 300 лет истории сибирской археологии. Омск: ОмГУ, 2001. – Т. I. – 179 с.
- Матющенко В. И., 2001б. 300 лет истории сибирской археологии. – Омск: ОмГУ, 2001. – Т. II. – 173 с.

- Очерки культурогенеза, 1994а. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Т. 1: Поселения и жилища. – Томск: ТГУ, 1994. – Кн. I. – 490 с.
- Очерки культурогенеза, 1994б. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Т. 1: Поселения и жилища. – Томск: ТГУ, 1994. – Кн. II. – 286 с.
- Очерки культурогенеза, 1994в. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Т. 2. – Мир реальный и потусторонний. Томск: ТГУ, 1994. – 475 с.
- Стефанова Н. К., Борзунов В. А., 2002. Археология таежного Об-Иртышья (хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа) / предисл. В. И. Стефанова. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – 136 с.
- Сургутское Приобье, 1991. Сургутское Приобье в эпоху Средневековья / Н. В. Федорова [и др.] // ВАУ. – Екатеринбург: УрГУ, 1991. – Вып. 20. – 126–145.
- Талицкая И. А., 1953. Материалы к археологической карте Нижнего Приобья // МИА. – М., 1953. – № 35. – С. 242–357.
- Хайду П., 1985. Уральские языки и народы. – М.: Наука, 1985. – 430 с.
- Чернецов В. Н., 1953. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. – М., 1953. – № 35. – С. 7–71.
- Чернецов В. Н., 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. // МИА. – М.; Л., 1957. – № 58. – С. 136–245.
- Шульц Л. Р., 1913. Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым Сургутского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск: ТГМ, 1913. – Вып. XXI, отд. II. – С. 1–17.
- Шульц Л. Р., 1924. Салымские остяки (из материалов к этнографии южных остяков) // Записки ТОНИМК. – Тюмень, 1924. – Вып. 1. – С. 166–200.
- Шульц Л. Р., 1926. Очерк Кондинского района // Уральский технико-экономический сборник. – Свердловск, 1926. – Вып. 8: Уральский Север. – Ч. 2. – С. 70–75.

Рис. 1. Город Нефтеюганск на реке Юганской Оби

Рис. 2. Здание ООО «РН-Юганскнефтегаз» в Нефтеюганске

Рис. 3. Сургутский район, река Малый Юган. Территория Киняминского меторождения нефти ООО «РН-Юганскнефтегаз»

Рис. 4. Сургутский район, верховья реки Большой Салым. Разведочное бурение Северо-Чупальского лицензионного участка ООО «РН-Юганскнефтегаз»

Рис. 5. Средне-Угутское месторождение нефти ООО «РН-Юганскнефтегаз» весной во время паводка. 2009 г.

Рис. 6. Средне-Угутское меторождение нефти ООО «РН-Юганскнефтегаз». Противоаварийные раскопки селища Атмпельурий 12. Карьер на трассе бурового станка. 2009 г.

Рис. 7. Стационарные раскопки селища Сартым-урий 18. Территория Угутского месторождения нефти ООО «РН-Юганскнефтегаз», 2009 г.

Рис. 8. Доставка экспедиции к месту раскопок. 2009 г.

Рис. 9. Правый берег реки Большой Юган. Территория Угутского месторождения нефти ООО «РН-Юганскнефтегаз». Корridor коммуникаций

Рис. 10. Территория Средне-Угутского месторождения нефти ООО «РН-Юганскнефтегаз»

Рис. 11. Аварийно-спасательные раскопки селища Атмелъурий 11

Рис. 12. Шурф на оси проектируемого коридора коммуникаций Приобского месторождения нефти ООО «РН-Юганскнефтегаз»

Рис. 13. Доставка экспедиции для стационарных раскопок. Разгрузка на реке Большой Юган

Рис. 14. Старый священный амбар и новый, восстановленный по результатам исследований в 1994 г. Святилище Ай-орт-ики, комплекс объектов культурного наследия «Савкунины Зимние» на реке Малый Салым на территории Приразломного меторождения нефти ООО «РН-Юганскнефтегаз»

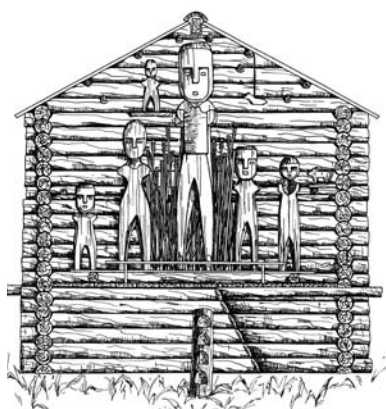

Рис. 15. Графическая реконструкция священного амбара и расположения скульптур, выполненная по обмерам и информации А. П. Савкунина

Рис. 16. А. П. Савкунин – последний хранитель святилища и знаток эпоса

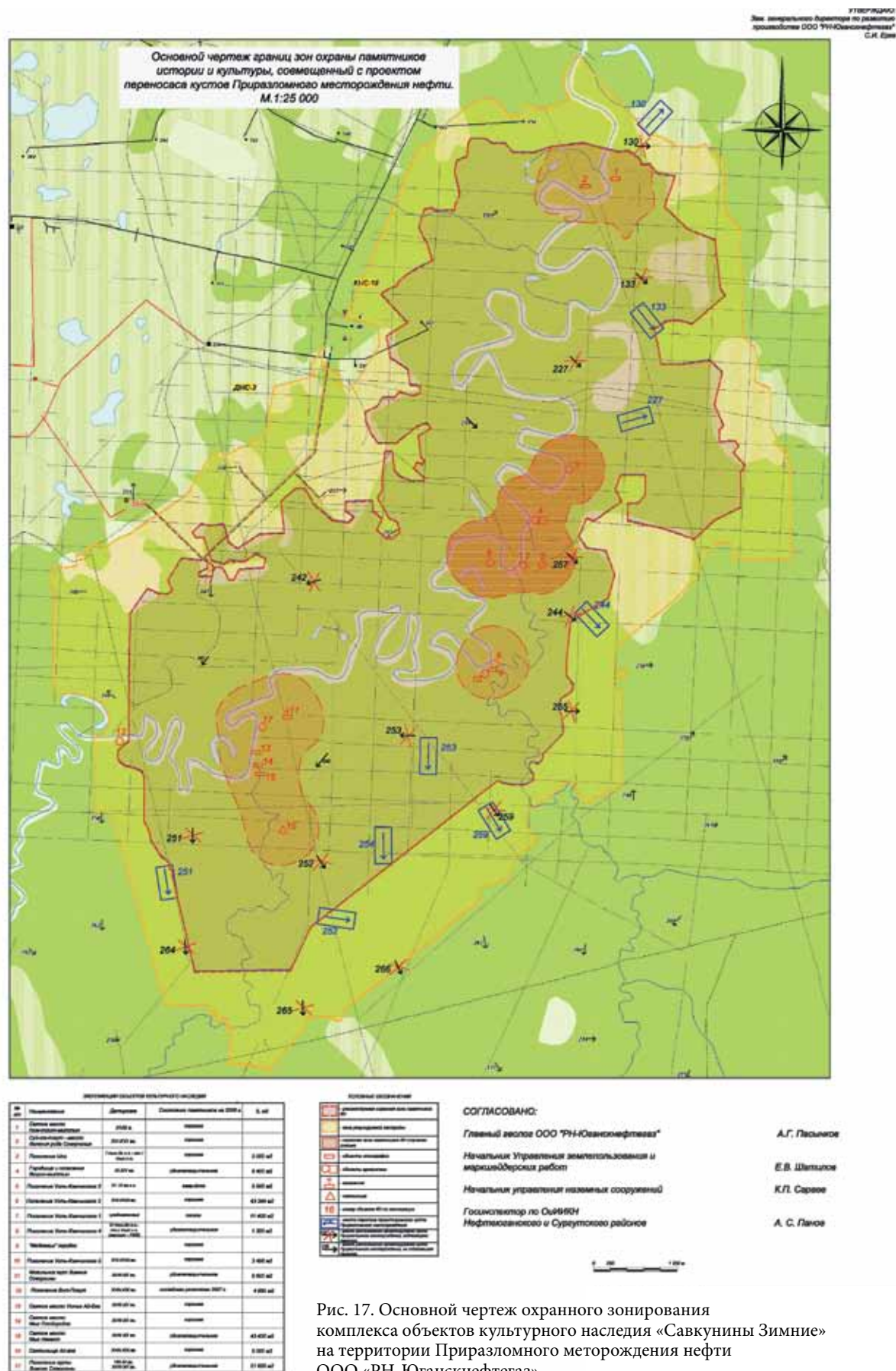

Рис. 18. Средне-Угутское месторождение нефти ООО «РН-Юганскнефтегаз»

Рис. 19. Река Кулунигый, комплекс объектов культурного наследия «Когончины». Участок территории ООО «РН-Юганскнефтегаз» до разведочного бурения. 2008 г.

Рис. 20. Река Кулунигый, комплекс объектов культурного наследия «Когончины». Разведочная буровая Р-114, последствия промышленного воздействия на ландшафт. 2009 г.

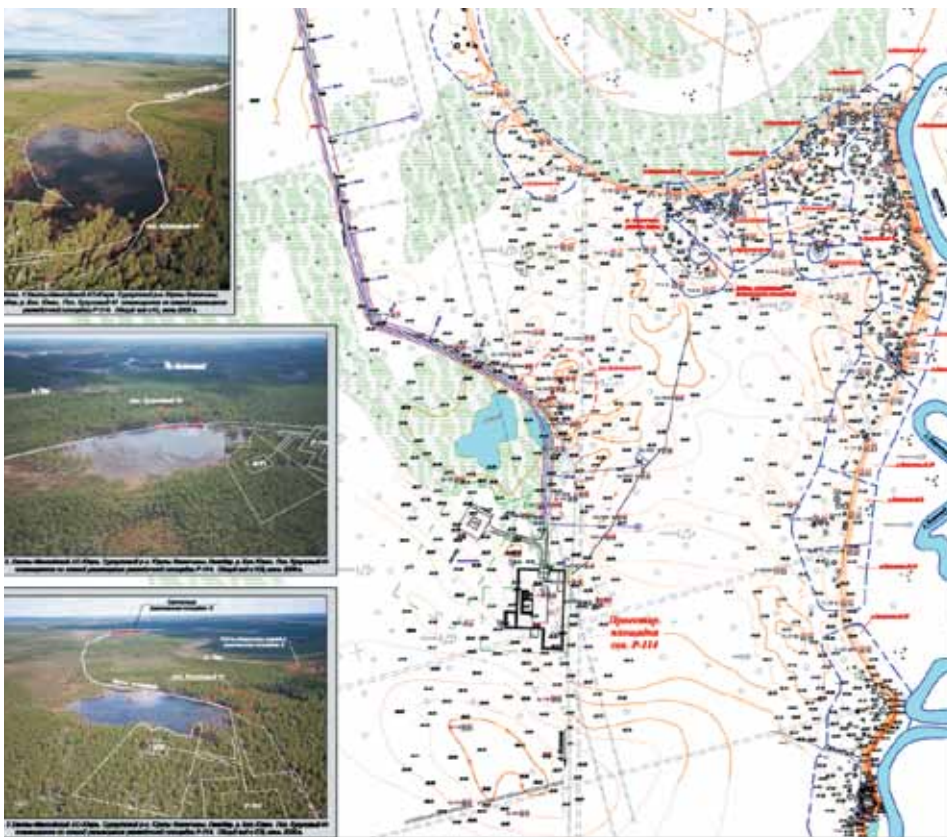

Рис. 21. Фрагмент опорного плана охранного зонирования комплекса «Когончины», совмещенный с проектом размещения разведочной скважины Р-114 на прилегающей территории

Памятники
древней истории

С. В. Александров, П. В. Пальянов, Т. М. Пономарева

Аварийные раскопки городища Нехсап I на территории Средне-Угутского месторождения нефти

Городище Нехсап I было открыто в 2005 г. С. А. Мызниковым в результате мониторинговых археологических работ по объектам культурного наследия на территориях Средне-Угутского и Угутского месторождений нефти. Тогда же в 20 м к югу от первого городища было зафиксировано еще одно – Нехсап II [Мызников, А–2005]*. Памятники были сфотографированы и нанесены на карту. Тахеометрической съемки вновь выявленных археологических памятников не производилось. Более детально обнаруженные объекты также не изучались, так как это не входило в задачу разведгруппы. Информация о памятниках была передана заказчику работ – компании ООО «РН-Юганскнефтегаз» (г. Нефтеюганск) и в Службу главного государственного инспектора по охране и использованию историко-культурного наследия Департамента культуры правительства Ханты-Мансийского автономного округа (г. Ханты-Мансийск).

Позднее городище Нехсап II попало в створ дороги, проложенной к проектируемому кусту скважин на территории Средне-Угутского месторождения нефти, и было полностью уничтожено строителями. Одновременно съездом с дороги была снесена большая часть первого городища. Эти разрушения были выявлены в 2008 г. при повторном обследовании комплекса объектов культурного наследия «Когончины», проведенном разведочной группой ООО «НПО «Северная археология – 1» под руководством О. В. Кардаша [Кардаш, А–2009]. Кроме того, в бульдозерных отвалах на бортах и по центру дороги на памятнике Нехсап I были обнаружены обломки глиняной посуды, относящиеся к эпохе Средневековья, точнее к VII–IX вв. н. э. На основании этих данных была собрана комиссия с участием представителей Службы охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры и ООО «РН-Юганскнефтегаз». В итоге было принято решение о незамедлительном финансировании предприятием «РН-Юганскнефтегаз» стационарного археологического исследования сохранившейся части городища Нехсап I. В том же году работы были проведены археологической экспедицией ООО «НПО «Северная археология – 1» под руководством С. В. Александрова и П. В. Пальянова [Александров, А–2009]. В данной статье публикуются основные результаты этого исследования.

Местонахождение и общая характеристика памятника

Городище находится в 7 км к ЮЗ от пос. Угут Сургутского района ХМАО – Югры, на высокой (около 20 м) коренной террасе левого берега реки Большой Юган (рис. 1–2). В настоящее время русло реки находится в 2,5–3,0 км к востоку от городища. У подножья террасы протекает небольшой ручей Нехсап (левый приток Большого Югана), берущий начало в болоте и впадающий в оз. Частухинский Урий. Последнее, в свою очередь, также имеет выход в реку. Терраса песчаная, покрыта высокоствольным сосновым лесом с подлеском и редкими включениями листвен-

* Внутритекстовые ссылки на архивные источники приводятся с добавлением литеры «А», например: [Александров, А–2009].

ных пород деревьев. Нижний ярус представлен ягелем-беломошником и кустарничковыми (багульник, брусничник, черничник).

До начала раскопок уцелевшая площадь памятника включала северный конец оборонительной системы городища, состоящей из остатков внешнего вала, рва и внутреннего вала, а также небольшой (55 кв. м), самый северный, участок поселенческой площадки (рис. 4–6). Сохранившийся слегка изогнутый отрезок внешнего вала имел длину 25 м, ширину 6–7 м, высоту 1,1 м. Северо-восточный край вала примыкал к склону террасы. Ров городища начинался от края террасы и до разрушения опоясывал всю жилую площадку городища со стороны леса. Прилежавший к нему участок рва длиной 23 м в рельефе имел ширину 3,0–3,5 м и глубину 1,2 м. Вдоль северо-западного края городищенской площадки прослеживались остатки внутреннего вала размерами 6,5×2,5–2,7 м, высотой 0,8 м. Южная часть площадки была уничтожена в связи со строительством дороги. Ближе к краю дороги верхний почвенный слой срезан бульдозером. Оставшаяся часть площадки сильно повреждена бульдозерными канавами. Остатки жилых построек на поверхности не просматривались (рис. 7–10).

Раскопанные остатки укреплений

Границы раскопа, его площадь (528 кв. м) и конфигурация определены с учетом видимых в рельефе остатков укрепленного поселения. В процессе полевых исследований вскрыт отрезок фортификаций, прилегающий к нему участок городищенской площадки с хозяйственной постройкой, а на оконечности городища – культовый объект.

Внешний вал городища. Раскопки вала производились по его рельефу. Иными словами: снятие слоев производилось с учетом их угла залегания в насыпи. Зачистка поверхности вала позволила уточнить напольную границу памятника и более четко зафиксировать очертания самой внешней насыпи (рис. 15–17).

Вал состоял из наслоений переотложенного материкового песка, вынутого при прокопке оборонительного рва. Разница в цветности слоев насыпи обусловлена неодинаковым составом пластов материкового грунта и другими включениями. Поперечные и продольный разрезы вала позволили проследить структуру насыпи. Последняя в наиболее полном виде отражена в разрезах Д–Д' и Г–Г'. Последовательность слоев – от верхних к нижним – в валу следующая (рис. 43; 100–103):

1. Лесная подстилка (хвойный и лиственный опад, лишайники, мох) и темно-бурый, местами черный, гумусированный слой – современный почвенный покров (дерн). Под ним залегала тонкая прослойка современного светло-серого подзола. На представленных чертежах, ввиду незначительной мощности последнего слоя, он без выделения включен в единый почвенный горизонт. Толщина его варьируется от 5 до 15 см.

2. Светло-желтый песок – верхний пласт насыпи вала. Прослеживался только в разрезах Д–Д' и Г–Г', частично – в разрезе А–А'. Мощность слоя – 23–62 см.

3. Темно-желтый песок со своеобразной крапчатой структурой – наиболее мощный (до 38–46 см) пласт в валу; зафиксирован во всех профилях разреза.

4. Желто-серый песок – слой переотложенных и перемешанных оподзоленного серого и материкового желтого песка. Мощность слоя – 15–31 см.

5. Тонкая прослойка углистого песка толщиной 1–3 см; в одном месте на ней, близ рва, фиксировалась тонкая (1–2 см) линза прокала.

6. Светло-серый песок – слой погребенного подзола (древней почвы) толщиной 5–30 см. В разрезах фиксируется уменьшение толщины и сползание данного слоя в ров.

7. Материковый ярко-желтый песок. В поперечных разрезах хорошо прослеживается проседание материковой почвы в сторону рва.

Общая максимальная мощность культурных и почвенных напластований на территории внешнего вала составляла от 108 до 131 см.

На западном участке внешнего вала, в разрезе А–А' (рис. 27), выявлен слой серо-желтого песка с углистыми включениями мощностью от 8 до 23 см. В продольном сечении вала, на разрезе Е–Е' (рис. 97), данный слой отмечал место входа на городищенскую площадку.

Под насыпью внешнего вала древняя дневная поверхность маркировалась углистой прослойкой, отложившейся поверх горизонта погребенного подзола. В условиях долговременного «промывного режима» и происходящих одновременно с этим окислительных процессов практически все ранее содержащиеся в погребенном подзоле органические остатки (перегнивший опад, лишайники, мох, трава, частицы угля, гумуса и др.), равно как неорганические (окислы железа), опустились из него в нижележащие пески. Подзол, некогда черный или темно-серый, изменил свою цветность на нынешнюю – светло-серую, бело-серую или пепельно-серую, в то время как слагавшие коренную террасу белые и светло-желтые материковые пески окрасились в верхней части в более темные тона (темно-желтый иллювий и материковый песок, желто-коричневые и бурые ортзанды, темно-коричневые ортштейны). По этой причине говорить о намеренном удалении почвенного (дернового) слоя под валом перед его насыпкой не приходится. Участок почвы под этой насыпью сохранился, законсервировался и трансформировался в светлый погребенный подзол. Такое явление наблюдается повсюду на песчаных террасах таежного Приобья. Об этом свидетельствуют специалисты-биологи, работавшие во многих археологических экспедициях на Тюменском Севере.

Граница прерывания углистой прослойки фиксировала наружный край внешнего вала городища. Внутренний край внешнего вала совпадал с верхней границей рва и был отмечен прерыванием погребенного подзола. О функции этой насыпи мы поговорим позже.

Ров городища. Его верхняя граница отмечена прерыванием слоя погребенного подзола (рис. 15–17). Ров заплывший, деформированный. По его разрезам видно, что почвенные слои здесь наиболее мощные вследствие активного и благоприятного для данного места процесса почвообразования. В то же время стенки канавы под давлением грунта прогнулись в сторону вала. На дне рва наблюдались разрушения, связанные с гидроэрозией. Первоначально ров в сечении имел вытянутую трапециевидную форму. Ширина рва по верху – 2,5–3,0 м, на дне – 0,5–0,6 м, глубина от поверхности погребенного подзола (древней почвы) – около 3,0 м. Стратиграфия напластований во рву следующая (разрезы А–А', Б–Б', В–В' и Г–Г'):

1. Лесная подстилка и темно-бурый, местами черный, гумусированный слой – современный почвенный покров (дерн). Под ним залегала тонкая прослойка современного светло-серого подзола. На представленных чертежах верхний подзол – без выделения – включен в единый почвенный горизонт. Общая мощность данного горизонта во рву составляла от 23 до 30 см.

2. Темно-коричневый песок – оподзоленный песок с ортзандом и углистыми включениями. Мощность слоя – 16–20 см.

3. Желто-серый мешаный песок из оплывшей насыпи внутреннего вала (толщина – 100–110 см).

4. Серо-коричневый песок – оподзоленный и насыщенный окислами железа песок (ортзанд) из расплывшегося внутреннего вала. Мощность пласта – до 38–40 см. В основании слоя прослеживалась углистая прослойка.

5. Желтый песок на дне рва – из осыпавшегося внутреннего вала (8–16 см).

Общая максимальная мощность культурных и почвенных напластований во рву составляла от 169 до 185 см.

Следов подновлений и чистки рва на профилях не прослеживалось.

Внутренний вал (рис. 11). Внешняя граница насыпи совпадала с верхним краем рва. Внутренняя была обозначена линией прерывания культурного горизонта и четко фиксировалась на разрезах Б–Б', В–В' и Д–Д' (рис. 43; 92–94). Структура насыпи следующая:

1. Лесная подстилка и темно-бурый, местами черный, гумусированный слой – современный почвенный покров (дерн). Под ним залегала тонкая прослойка современного светло-серого

подзола. На представленных чертежах верхний подзол – без выделения – включен в единый почвенный горизонт. Толщина его – до 15 см.

2. Темно-желтый песок (мощность – 16–62 см) – переотложенный материковый грунт, верхний горизонт расплывшейся насыпи вала.

3. Желтый песок с серыми прослойками – хаотичное чередование переотложенных пластов материкового песка со слоями подзола (20–40 см). Формирование слоя произошло, возможно, вследствие укладки в основание внутреннего вала древних почвенных слоев, срезанных при прокопке рва.

4. Тонкая (1–3 см) углистая прослойка.

5. Светло-серый погребенный подзол толщиной 5–30 см: остатки законсервированной под валом древней почвы. В разрезах фиксируется постепенное уменьшение толщины слоя и сползание его в ров.

6. Материк – песок ярко-желтого цвета (иллювий, ортзанд).

Общая максимальная мощность культурных и почвенных напластований на территории внутреннего вала составляла от 123 до 131 см.

В продольных разрезах четко прослеживалась вертикальная граница песчаных слоев насыпи – внутренний край вала. Линия внутреннего края вала в плане в точности соответствовала северной границе культурного слоя. Правильность фиксации границы между внутренним валом и жилым пространством подтверждает распределение находок на поселенческой площадке. Внешний край вала совпадал с верхней внутренней границей рва и был отмечен прерыванием горизонта погребенного подзола.

Деревянные конструкции в валах. Помимо переотложенных песков, в заполнении внутреннего вала присутствовали органические включения, прежде всего следы сгоревших деревянных конструкций от оборонительной стены, некогда ограждавшей поселение. В процессе зачистки поверхности погребенного подзола под насыпью внешнего и внутреннего вала, в вышеупомянутом тонком углистом слое, были зафиксированы обломки сгоревших бревен. Они сохранились в виде расплюснутых по погребенному подзолу углистых полос толщиной 1–2 см. Диаметр бревен не определяется. На жилой площадке городища под валом нижние бревна были уложены торцами в сторону рва. Поверх них, вдоль границы вала, залежали остатки поперечных бревен.

Под насыпью внешнего вала также были прослежены остатки обгорелых бревен, лежащих на значительном удалении друг от друга. Обугленные обломки бревен были уложены торцами в сторону рва. В северной части раскопа (кв. с16в8–с16в5) зафиксированы остатки еще одного бревна, сориентированного по линии наружной границы вала.

В силу неполной и плохой сохранности бревен точное назначение обнаруженных деревянных конструкций не ясно. Возможно, это остатки клеток двух параллельных бревенчатых защитных стен (типа упрощенных тарасов или городней), укрепленных в основании песком. Расплывшиеся следы песчаной обваловки и забутовки таких защитных конструкций в современном рельефе выражены как валы. При этом следует подчеркнуть, что бревенчатые конструкции данного городища были возведены не на самом валу, а непосредственно на древней почве. Это характерная черта древней и средневековой западносибирской фортификации [Очерки культурогенеза..., 1992. С. 227, 290, 324, 340]. Мы также можем предположить, что внешняя оборонительная стена данного городища была ниже внутренней. Это довольно распространенная практика в древности и Средневековье в Евразии. В частности, в греческом и византийском оборонном зодчестве такие более низкие внешние стены, обычно более простой конструкции, назывались протейхисмами, а пространство между двумя стенами было известно как перибол. Вместе с тем у большинства городищ раннего железного века таежного Приобья внешние валы представляли собой обычные выкиды грунта в напольную сторону, образовавшиеся при сооружении ровов.

Ямы от выворотней. Под валами на зачищенной поверхности погребенного подзола были зафиксированы округлые и овальные ямы (№ 2–6), заполненные желтым песком. Размеры их – около 1,5×1,0 м, глубина – 0,20–0,35 м. Данные углубления являлись следами от упавших деревьев. Надо полагать, что эти ямы-выворотни являются прямым свидетельством предварительной раскорчевки территории перед постройкой городища.

Вскрытые объекты на городищенской площадке

Хозяйственная постройка. На сохранившейся части городищенской площадки раскопаны остатки небольшого сооружения, по-видимому нежилого. Границы его котлована четко прослеживались по погребенному подзолу. Котлован прямоугольный (2,8×2,0 м), глубиной от поверхности погребенного подзола 0,20 м, ориентирован по оси ЮЗ–СВ, заполнен темно-серым песком. На дне углубления и вокруг него яма. Вход в постройку находился с юго-западной стороны жилища и представлял собой небольших размеров крытый коридор со слегка углубленным полом, фиксировавшимся в погребенном подзоле. Он был смещен от продольной оси котлована к югу и практически примыкал к его южному углу. Длина тамбура – 1,5 м, ширина – 0,75 м, глубина от поверхности погребенного подзола – 0,16–0,17 м. На полу – песок темно-серого цвета. Остатков деревянных конструкций перекрытия постройки не зафиксировано. Тем не менее в профиле бровки (разрез Б–Б), в верхнем заполнении котлована, была хорошо видна прослойка коричнево-серой супеси, насыщенная сгнившей органикой. На дне северной половины котлована, над материковым горизонтом, залегал слой такой же супеси толщиной до 1 см, оставшийся, по-видимому, от деревянного пола постройки. На дне, в северо-западном углу котлована, расчищены обломки дерева. Одна плаха лежала вдоль северо-западной стенки углубления; поперек него отмечены остатки еще трех бревен. К сожалению, из-за плохой сохранности остатков конструкция этого сооружения не ясна.

На дне котлована, вдоль его южной стенки, была зафиксирована широкая полоса черно-серой углистой супеси толщиной 2–3 см. Четко выраженная граница слоя делит дно котлована на две практически равные части. В центре углистого слоя, под развалом сосуда (уч. с3в2, гл. –137), расчищено округлое (0,6×0,5 м) пятно буро-желтого цвета. Под ним на поверхности материка прослеживался провал мощностью 1 см. Отсутствие каких-либо остатков конструкций рядом с пятном и незначительная мощность провала указывают на то, что отличный цвет песка по центру однородного углистого слоя мог являться следствием естественных причин. Например, связанных с неравномерным (разнотемпературным) выгоранием деревянных конструкций внутри постройки. Судя по находившемуся углистому слою внутри котлована, жилище сгорело во время пожара. Возможно, что в горшке, найденном в центре пятна, было какое-то горючее вещество, делающее процесс горения более интенсивным: предположим, животный жир. Впрочем, нельзя исключать, что в этом месте когда-то находился очаг. Тем более что других кострищ в помещении не было обнаружено.

Яма № 1. На восточном крае площадки у склона террасы (уч. с1в5–с2в5) находилась округлая яма, заполненная темно-желтым неоднородным перемешанным песком («пестроцвет»). Диаметр ямы – 0,8 м, глубина от уровня погребенного подзола – 0,20 м, сечение – параболическое. Внутри углубления и у его краев найдены обломки глиняных горшков. Большая часть черепков относилась к одному крупному круглодонному сосуду. К нему же подошли некоторые фрагменты, найденные на восточном склоне террасы.

Ритуальный (культовый) комплекс на северо-западной периферии городища

В процессе зачистки северо-восточной оконечности внешнего вала на глубине 5–12 см от его поверхности были обнаружены многочисленные фрагменты керамики, практически полностью

покрывающие в этом месте поверхность насыпи (рис. 20). В том числе на небольшой площадке размерами 6,0×4,0 м поверхность вала была буквально усеяна обломками посуды. Они залегали под лесной подстилкой и почвенным покровом в светло-сером оподзоленном песке; ниже следовал слой темно-желтого песка. Следует уточнить, что верхний (современный) подзол, по заключению биологов, являлся таким же древним переотложенным песком, как и все верхние горизонты вала. Это только измененная по составу и цветности верхняя часть вала: некогда желтый, а теперь выщелоченный песок, из которого вглубь насыпи были вымыты практически все окислы железа и органика. Керамика распределялась по поверхности вала группами, залегала в один слой, спускаясь с верха вала на его склон. На внешнем краю вала был зафиксирован второй уровень залегания керамики. Обломки посуды в этом месте были приурочены к тонкой (1–2 см) темно-серой прослойке, спускавшейся в направлении склона террасы. Данная прослойка была перекрыта слоем мешаного желтого песка толщиной 5–7 см. Второе скопление керамики сформировалось в силу естественного процесса деформации насыпи и сползания ее слоев по склону террасы. В нем были обнаружены единичные фрагменты и небольшие группы скопления черепков того же типа, что и на поверхности вала. При этом некоторые черепки из нижней прослойки подошли к фрагментам сосудов, найденных на поверхности вала.

Всего на данном небольшом пространстве на оконечности вала найдено более 400 фрагментов, как минимум, от 66-ти сосудов (судя по осколкам шеек с венчиками), около 50-ти кусков ошлакованной и обожженной глины, а также костяная ложечка. Последняя находилась в центре скопления керамики (уч. с16в4, уровень –91 см), на глубине 13 см от поверхности вала. Здесь же, на глубине 18 см (уч. с15в6, уровень –208 см), обнаружен череп взрослого оленя (рис. 19). Данный состав находок, наряду с их особой локализацией, указывает на то, что здесь в эпоху Средневековья находилось ритуальное (культовое) место. Куски глины могли составлять основу кострища, которая разрушилась при осыпании склона.

Керамика культового места и городища относится к одному культурно-хронологическому горизонту. Более того, некоторые обломки посуды, обнаруженные на святилище, подклеиваются к фрагментам, найденным на жилой площадке городища. Количество неорнаментированных стенок сосудов и фрагментов шеек с венчиками явно недостаточно для воссоздания полных форм сосудов. Можно предположить, что на культовом месте когда-то стояли крупные части разбитых сосудов.

Характеристика находок

Коллекция находок (без учета остеологических материалов) представлена 1567 единицами. В основном это обломки глиняных сосудов ручной лепки (1563 фр.). Кроме того, на городище найдены куски отшлакованной и обожженной глины, камни и изделия из них, а также костяная ложка.

Керамическая посуда. Найденные черепки варьируются от очень мелких (менее 1 см) до крупных (15×8 см). Компактные развалы практически целых сосудов зафиксированы в трех случаях на городищенской площадке (на дне котлована жилища и в яме № 1), в одном – на внешнем валу.

1-й сосуд – из постройки (уч. с3в2, гл. –137) – круглодонный, с четко профилированной шейкой, открытой горловиной и выпуклыми плечиками. Толщина стенок сосуда – 5 мм. Венчик плоский, орнаментирован зубчатым штампом. Под венчиком нанесен поясок круглых вдавлений. Кроме того, шейка украшена двумя концентрическими рядами наклонных столбиков, выполненных отступающим зубчатым штампом. Ряды столбиков разделены горизонтальными желобками и пояском из плотно поставленных вертикальных оттисков зубчатого штампа (рис. 23, 1).

2-й сосуд – найден в жилище рядом с предыдущим (уч. с3в2, гл. –140 см). Форма и орнаменты емкостей совпадают. Единственное отличие – двухрядный зигзагообразный поясок, нанесенный на плечико сосуда зубчатым чеканом (рис. 23, 2).

3-й сосуд – из ямы № 1 (уч. с1в5–с2в5, гл. –126/–135 см) – довольно крупный. На шейке под венчиком – поясок ямочных вдавлений, а также два ряда наклонных столбиков, разделенных горизонтальными желобками и пояском из плотно поставленных вертикальных оттисков гребенки. На плечиках и тулове – фестоны – ряд вертикальных столбиков, выполненных в технике отступающего чекана (рис. 21, 1).

4-й сосуд – с внешнего вала (уч. с12з13, гл. –6 см) – представлен отдельными обломками. Венчик отсутствует. Орнамент нанесен штампом с мелкими зубцами.

Сосуды, представленные отдельными черепками и развалами, однотипны. Это горшковидные, по-видимому круглодонные, емкости (частей плоских днищ не найдено) с прямой или слабо отогнутой шейкой, выпуклыми венчиками и резко зауженной придонной частью. Верхние срезы шеек (венчики) – плоские горизонтальные или округлые, слегка скошенные наружу, украшены оттисками зубчатого штампа. Обязательный элемент декора – поясок ямок на шейке. Помимо этого, шейка, плечики и стенки сосуда орнаментировались концентрическими рядами наклонных оттисков гребенчатого или гладкого чеканов, разделенных желобками. В нижней части орнаментальной зоны изображены разного рода фестоны.

Вся керамика городища Нехсап I относится к Раннему Средневековью, точнее к кучиминскому этапу обь-иртышской культурно-исторической общности [Сургутское Приобье, 1991. С. 135–136; Зыков, 2006. С. 116] или – по версии К. Г. Карачарова – к кучиминской культуре [Чемакин, Карачаров, 1999. С. 46–47; 2002. С. 51–52]. Разными исследователями этот этап (культура) датируется VIII–IX вв. или концом VII – началом IX вв.

Изделие из кости – костяная ложечка из культового комплекса, возможно также ритуальная. Сохранилась почти полностью: обломана часть рабочей части изделия. Длина обломка – 9,3 см, предполагаемая первоначальная – 10,5 см. Ложка уплощенная, слегка изогнутая, имеет вид лопаточки. Ее рабочая часть – вытянутая овальная (первоначальные размеры – 4,8×2,8 см) – отделена от рукояти двумя выступами-упорами – своеобразная гарда. Рукоять имеет завершение в виде двухрусного утолщения. Длина рукояти – 5,7 см, ширина без выступов – 0,6–1,0 см, с выступами – до 1,5 см.

Камни – плоские, без следов обработки и сработанности. Материал – песчаник. Найдены в котловане постройки (уч. с4в2, гл. –128 см) (рис. 112), вне жилища, на городищенской площадке (уч. с4в1, гл. –102 см) и на северо-восточной оконечности вала (уч. с16в4, гл. –105 см) (рис. 19). Функция их не ясна.

Куски ошлакованной и обожженной глины. Большинство их найдено в слое подзола на северо-восточной оконечности вала, на глубине 5 см от его поверхности, рядом с обломками посуды.

Остеологические материалы включают упомянутый выше череп взрослого оленя с территории культового места, а также пять обломков трубчатых костей с территории городища. Одна из них (уч. с4з1, гл. –89 см), по заключению М. Саблина, является обломком лучевой кости взрослой лисицы. Четыре других кости неопределимы.

Итоги исследования

В результате проведенных аварийно-спасательных археологических работ полностью изучена уцелевшая часть (528 кв. м) средневекового городища Нехсап I. Раскопаны участки его внешнего вала, рва и жилой площадки. На последней была выявлена и исследована небольшая постройка, по-видимому хозяйственного назначения, первая среди сооружений кучиминского времени. Еще одно важное открытие: наличие за пределами жилой зоны городища – на оконечности его внешнего вала – ритуального (культового) комплекса. Последнее относилось к тому же периоду, что и укрепленное поселение. Оно могло функционировать перед стеной укрепления, но, скорее всего, было основано уже на его развалинах. Следует подчеркнуть, что до настоящего времени среди кучиминских объектов были известны только жилища и ни одного святилища.

Кучиминские древности были выделены на основе устойчивого единства комплексов керамической посуды, связанных с архитектурно устойчивыми типами укрепленных поселений и жилищ. Хронологические рамки этапа (культуры) были определены, в большей степени, умозрительно. При этом практически не использовались данные сравнительно-типологического анализа, стратиграфические наблюдения и тем более данные радиоуглеродного анализа остатков древесины из очагов конструкций сооружений [Сургутское Приобье, 1991; Чемякин, Карачаров, 1999; 2002].

В рамках научной обработки материалов городища Нехсап I было установлено точное время его функционирования. Это было выполнено на основании радиоуглеродного датирования органических остатков, проведенного в ЛРА ИИМК РАН (образцы: Le-8327; Le-8328; Le-8329) и в изотопном центре факультета географии РГПУ им. А. И. Герцена (образцы: SPb-317; SPb-318; SPb-319; SPb-320). С этой целью в процессе раскопок интересующего нас памятника были отобраны образцы угля из верхнего слоя погребенного подзола (древней почвы) на участках, перекрытых внешним и внутренним валами, а также с территории постройки. По результатам анализа этих образцов были получены следующие калиброванные даты: вторая половина VI – первая треть VII вв. (595+35 гг.); первая треть – середина VII вв. (640+35 гг.); середина VI – первая треть VII вв. (575+45 гг.). По этим датам время функционирования городища можно определить в интервале середины VI – середины VII вв.

Поскольку эти результаты противоречили общепринятым датам для кучиминского этапа, а уголь, собранный под валами, мог и не иметь никакой связи со сгоревшими объектами городища (например, он мог появиться вследствие древнего лесного пожара), было проведено дополнительное тестирование. В лабораторных условиях были взяты образцы нагара со стенок керамических сосудов, найденных в хозяйственной постройке (сосуды 1, 2) и на святилище (сосуды 3, 4). По данным образцам были установлены следующие временные интервалы использования сосудов: сосуд 1 – вторая половина VII в. (675+25 гг.), сосуд 2 – середина VII – начало VIII вв. (685+25 г.), сосуд 3 – середина VII вв. (645+30 г.), сосуд 4 – середина VII – начало VIII вв. (680+30 г.). В целом по всем образцам были получены устойчивые даты, укладывающиеся в рамки середины – второй половины VII в. Из дат, полученных в результате первой серии тестов, лишь одна близка к этому интервалу. Таким образом, более ранний возраст угля, обнаруженного под валами, скорее всего, связан с древесиной, которая сгорела или была сожжена в древности незадолго до строительства городища.

В итоге на основе данных анализа семи образцов угля по периоду полураспада C14 время функционирования городища Нехсап I можно определить в пределах середины – второй половины VII в. Это не соответствует хронологическим рамкам кучиминского этапа (культуры), установленным прежними исследователями. На наш взгляд, результаты радиоуглеродного тестирования, полученные в двух независимых лабораториях, следует признать верными и поставить вопрос об изменении периода бытования кучиминской археологической культуры.

Для этого есть и другие основания. Ранее были получены две некалиброванные даты: 1545+40 л.н. (середина V в.) – по образцу угля из очага постройки 1 селища Тывъега 1, расположенного в бассейне реки Большой Салым, а также 1585+75 л.н. (начало VI в.) – по углю, собранному из очага постройки 1 селища Усть-Пытьях 1 в бассейне реки Большой Балык. Оба поселения по керамической посуде отнесены к кучиминским памятникам. Ранее эти даты вызывали сомнение, так как они не соответствовали общепринятым и их было крайне мало. Сейчас, в совокупности с результатами тестирования угля с городища Нехсап I они позволяют пересмотреть хронологию кучиминского этапа (культуры) и определить ее в пределах середины V–VII вв. Полагаем, что новые данные станут отправной точкой для уточнения характеристики вышеупомянутого культурно-хронологического образования.

В процессе археологических раскопок городища Нехсап I был собран новый оригинальный материал, который сможет послужить основой для реконструкции истории не только средневекового населения реки Большой Юган, но и севера Западной Сибири в целом.

Источники

Александров С. В., А–2009. Аварийно-археологические раскопки на Средне-Угутском месторождении нефти. Археологические раскопки городищ Нехсап I и Нехсап II в Сургутском районе ХМАО – Югры на территории Средне-Угутского месторождения нефти: отчет о НИР. – Нефтеюганск, 2009. – Архив АСА. – Ф. I. Д. 223.

Кардаш О. В., А–2009. Археологическое обследование и топогеодезическая съемка в районе Угутского месторождения Сургутского района Ханты-Мансийского АО – Югры. Том 1. Обследование левобережной части комплекса ОКН «Когончины» в бассейне р. Большой Юган в окрестностях юрт «Когончины» летом 2008 г.: отчет о НИР. – Нефтеюганск, 2009. – Архив АСА. – Ф. I. Д. 271/1.

Мызников С. А., А–2005. Историко-культурная экспертиза перспективных участков Среднеугутского и Угутского месторождения нефти. Сургутский район ХМАО – Югры, 2005 г.: отчет о НИР. – Нефтеюганск, 2005. – Архив АСА. – Ф. II. Д. 162.

Литература

Зыков А. П., 2006. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. – С. 109–124.

Очерки культурогенеза, 1994а. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Т. 1: Поселения и жилища. – Томск: ТГУ, 1994. – Кн. I. – 485 с.

Сургутское Приобье, 1991. Сургутское Приобье в эпоху Средневековья / Н. В. Федорова [и др.] // ВАУ. – Екатеринбург: УрГУ, 1991. – Вып. 20. – С. 126–145.

Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г., 1999. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: материалы к атласу. – Екатеринбург: Тезис, 1999. – С. 9–66.

Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г., 2002. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: материалы к атласу. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 5–74.

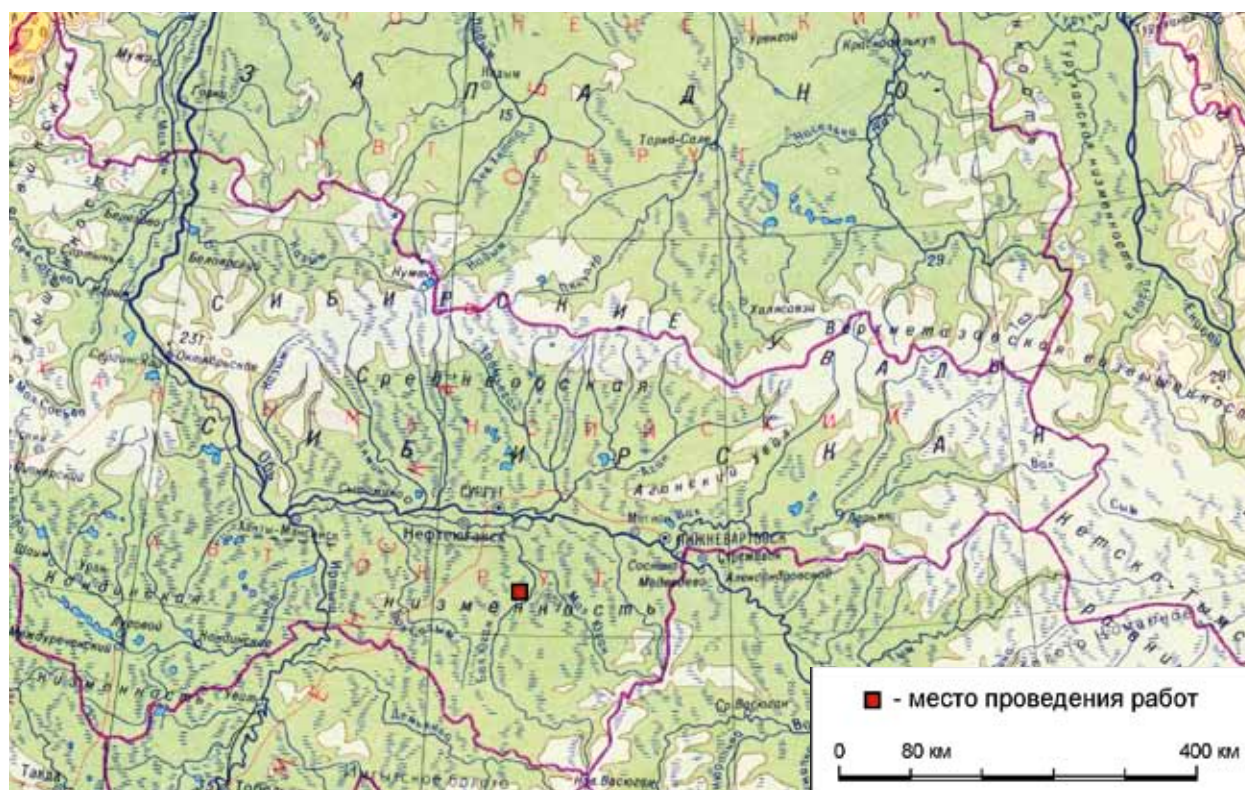

Рис. 1. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Сургутский район.
Обзорная карта-схема места нахождения городища Нехсап I. М 1 : 8 000 000

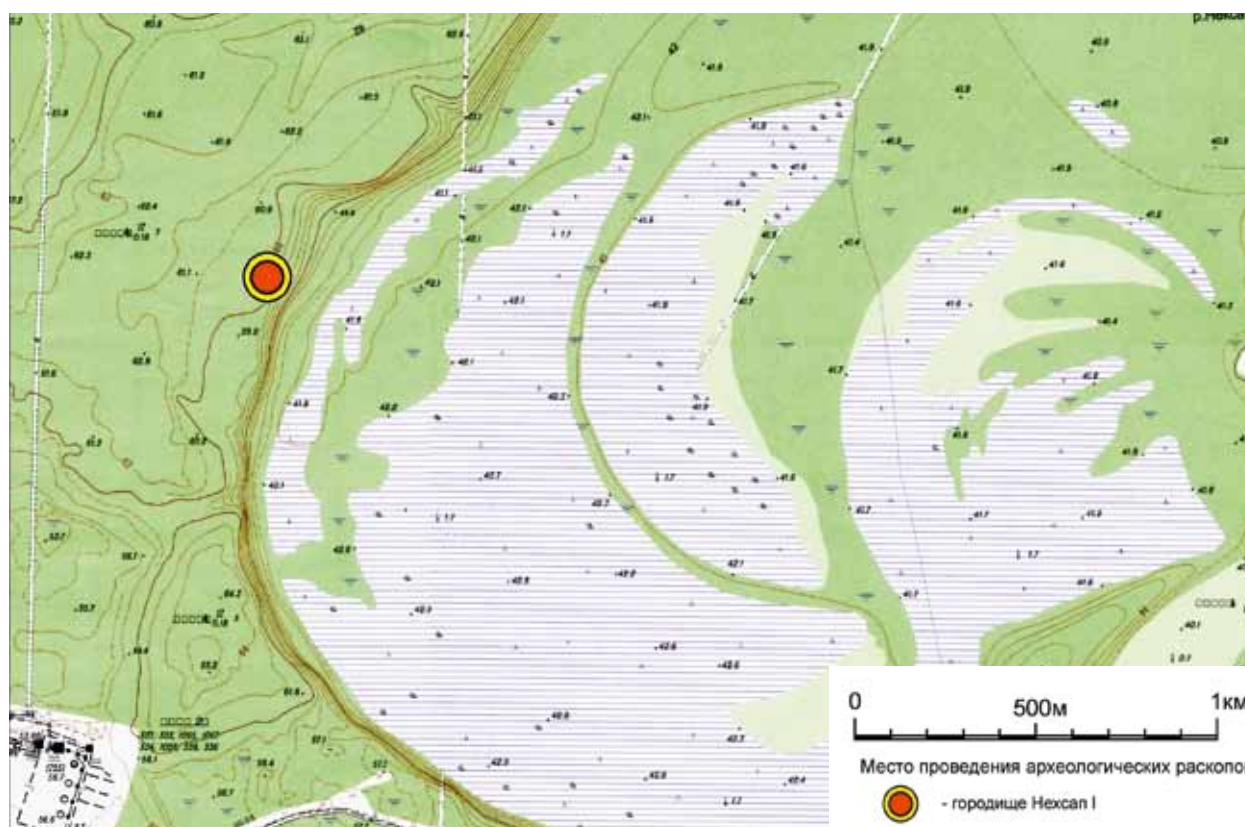

Рис. 2. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Сургутский район.
Участок правого коренного берега реки Большой Юган.
Ситуационная карта-схема места нахождения городища Нехсап I. М 1 : 10 000

Рис. 3. Сургутский район. Правый коренной берег реки Большой Юган. Участок строящегося коридора коммуникаций к кустовой площадке К-13 Угутского месторождения нефти ООО «РН-Юганскнефтегаз» в районе нахождения городища Нехсап 1. Общий вид с ЮЗ. Июнь 2009 г.

Рис. 4. Сургутский район. Правый коренной берег реки Большой Юган. Участок строящегося коридора коммуникаций к кустовой площадке К-13 Угутского месторождения нефти ООО «РН-Юганскнефтегаз» в районе нахождения городища Нехсап 1. Общий вид с ЮЗ. Июнь 2009 г.

Рис. 5. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Сургутский район. Участок правого коренного берега реки Большой Юган. Место нахождения городища Нехсап 1. Общий вид с ЮВ. Июнь 2008 г.

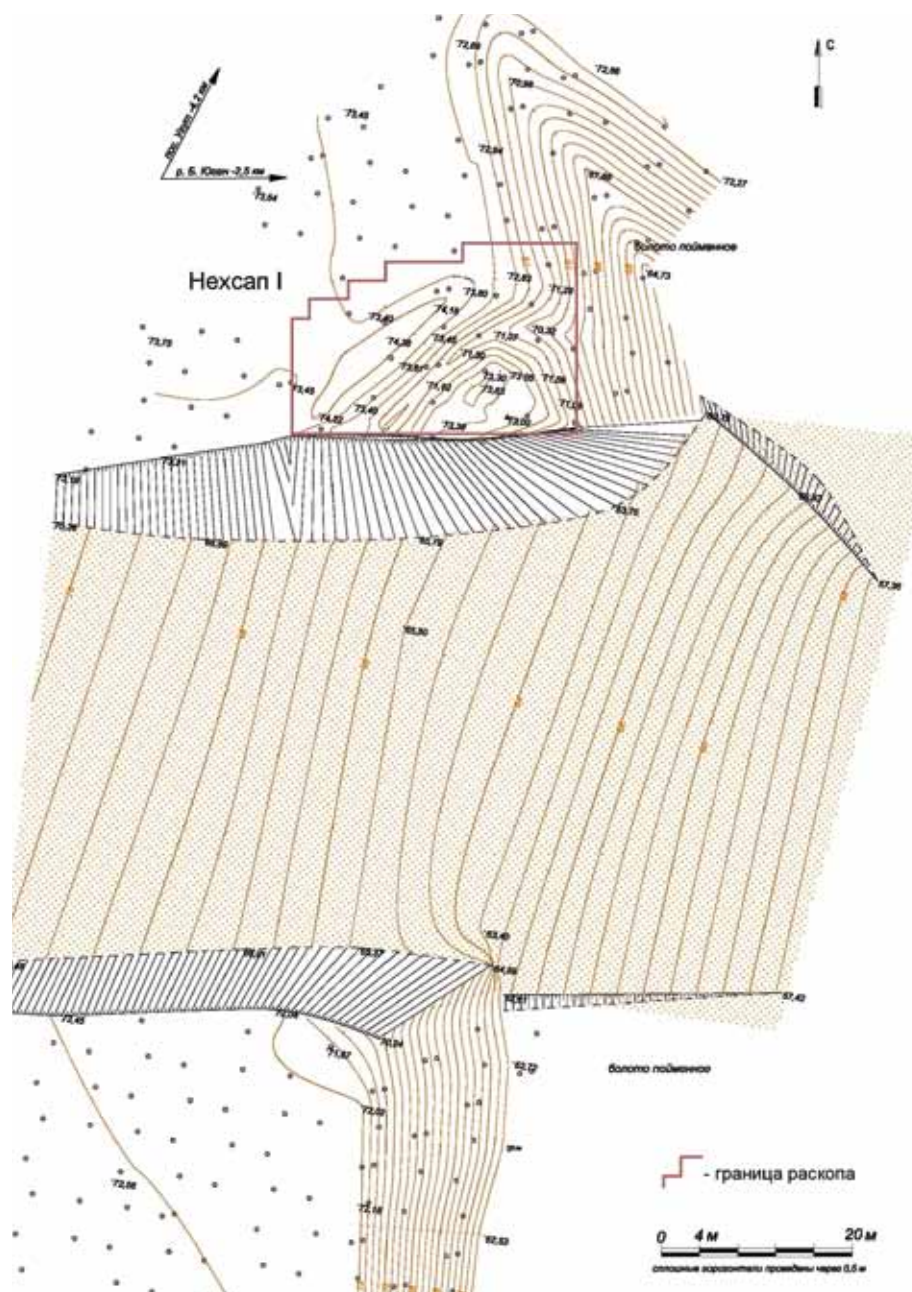

Рис. 6. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1. План памятника. М 1 : 4 000

Рис. 7. Сургутский район. Правый коренной берег реки Большой Юган. Городище Нехсап 1. Планировка береговой террасы. Общий вид с востока

Рис. 8. Сургутский район. Правый коренной берег реки Большой Юган. Городище Нехсап 1. Сохранившийся участок. Общий вид с ЮВ

Рис. 9. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1.
Раскоп 2008 г. до начала работ. Общий вид с СВ

Рис. 10. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1. Раскоп 2008 г. Общий вид с СВ

Рис. 11. Сургутский район, река Большой Юган.
Городище Нехсап 1. Раскоп 2008 г.
Участок внутреннего вала. Вид с севера

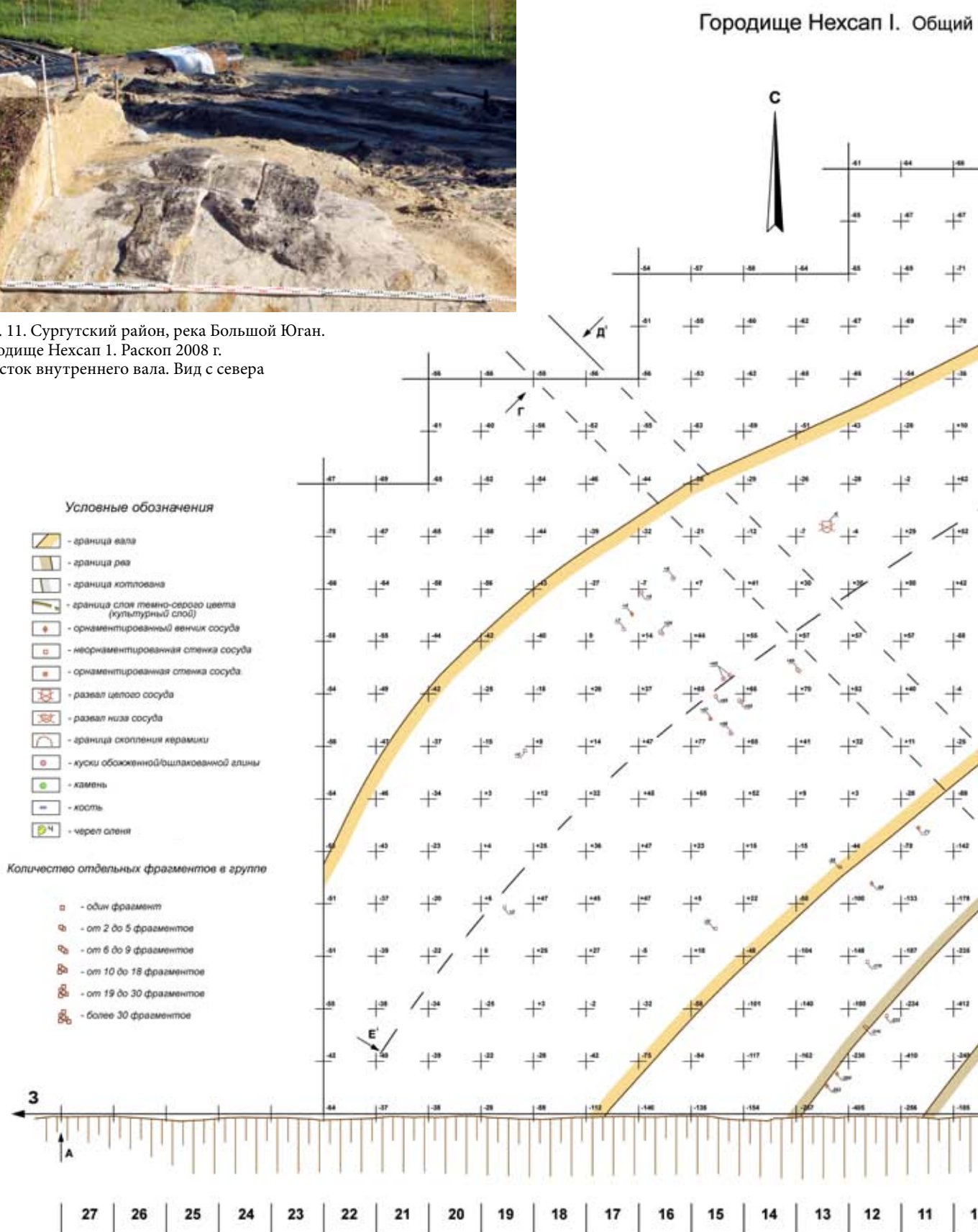
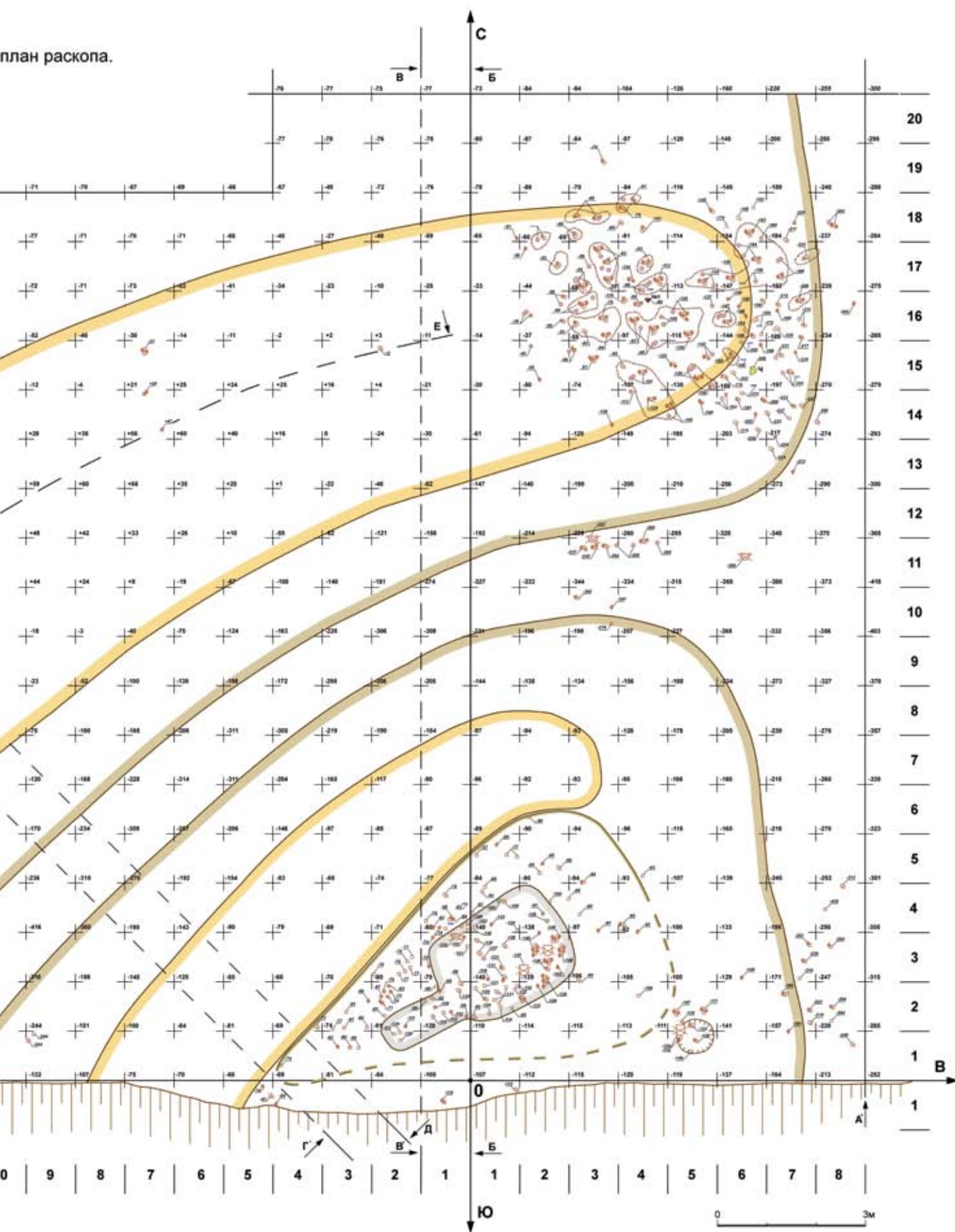

Рис. 12. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1. План раскопа. М 1 : 100

план раскопа.

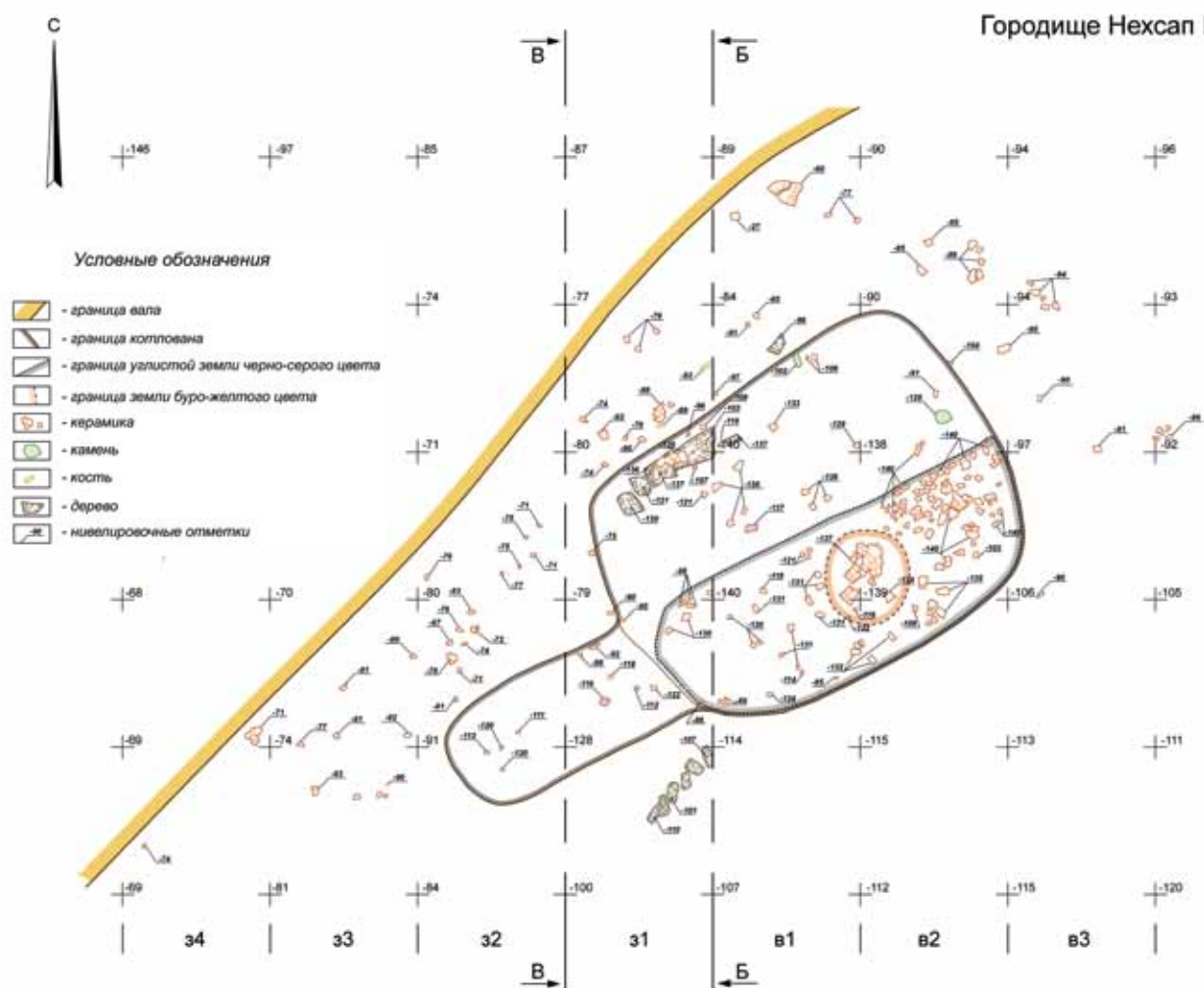

Рис. 13. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап I. Постройка № 1. Фрагмент плана раскопа. М 1 : 50

Рис. 14. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап I. Постройка № 1. Расчистка на уровне пола. Общий вид с СВ

Рис. 15. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1. Раскоп 2008 г. Участок разреза насыпи наружного вала по оси А-А'

Рис. 16. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1. Раскоп 2008 г. Участок разреза рва по оси Г-Г'

Рис. 17. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1. Раскоп 2008 г. Участок разреза постройки № 1 по оси Б-Б'

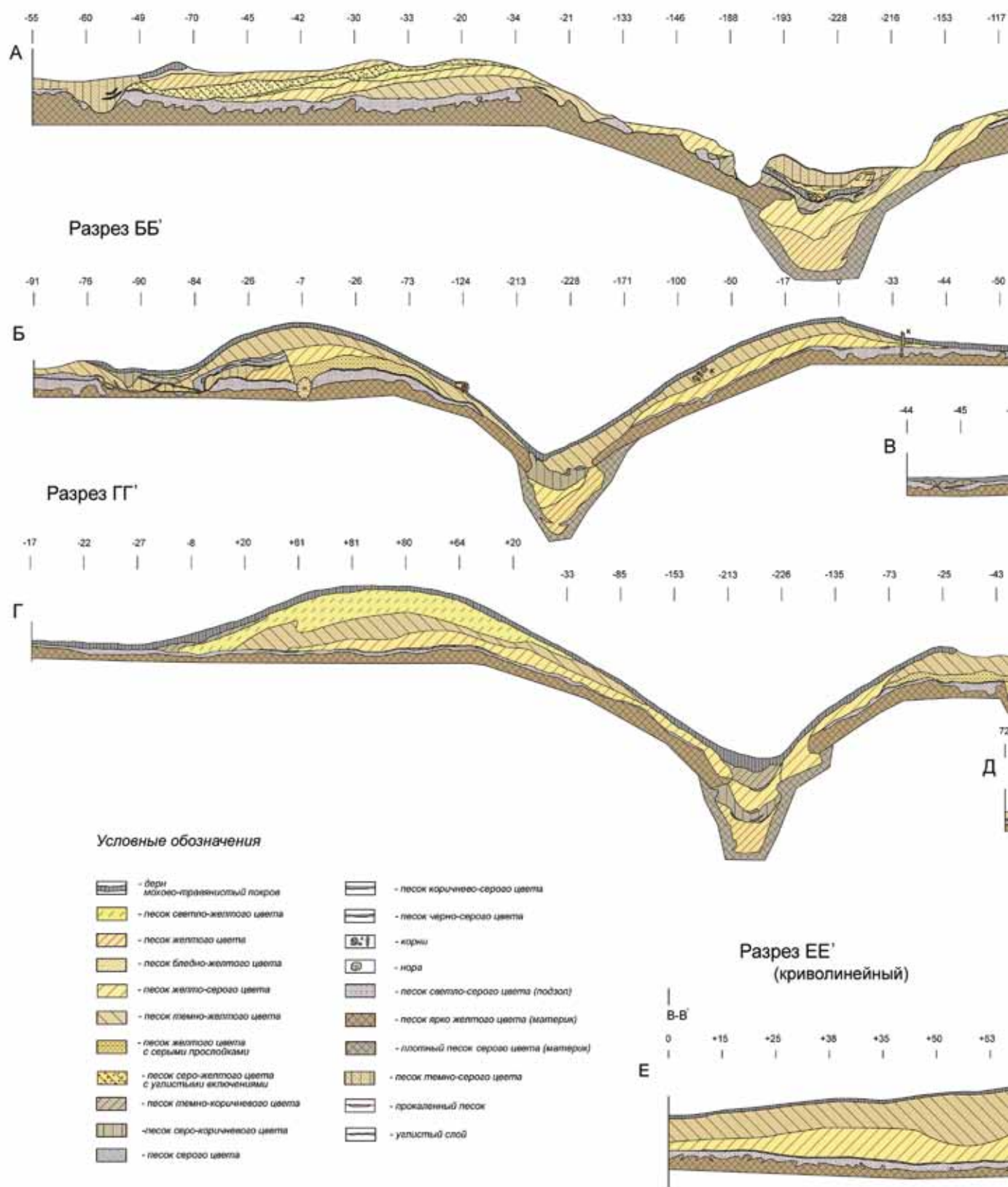
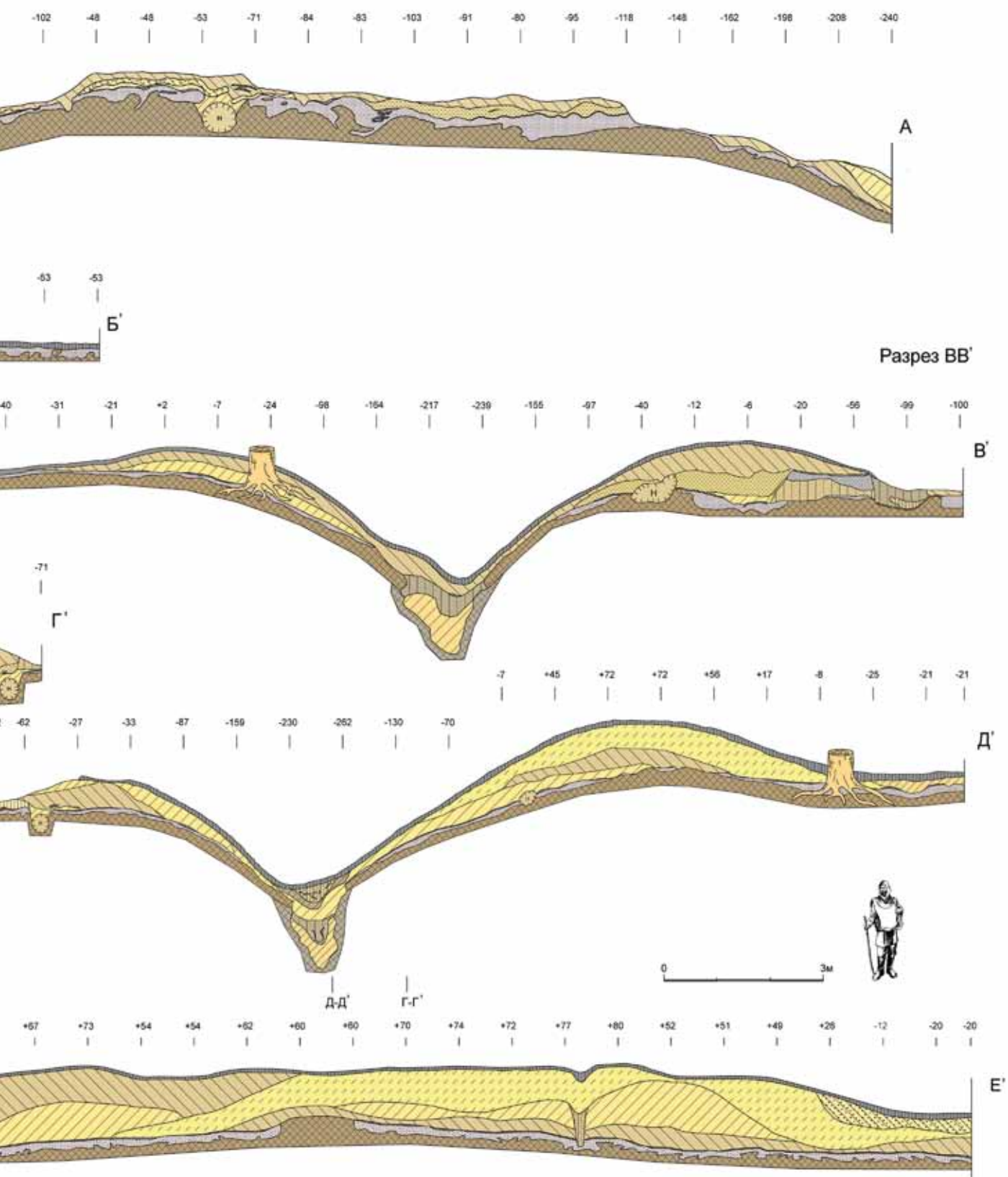

Рис. 18. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1.

Стратиграфические разрезы: разрез АА', разрез ББ', разрез ГГ', разрез ДД', разрез ЕЕ'

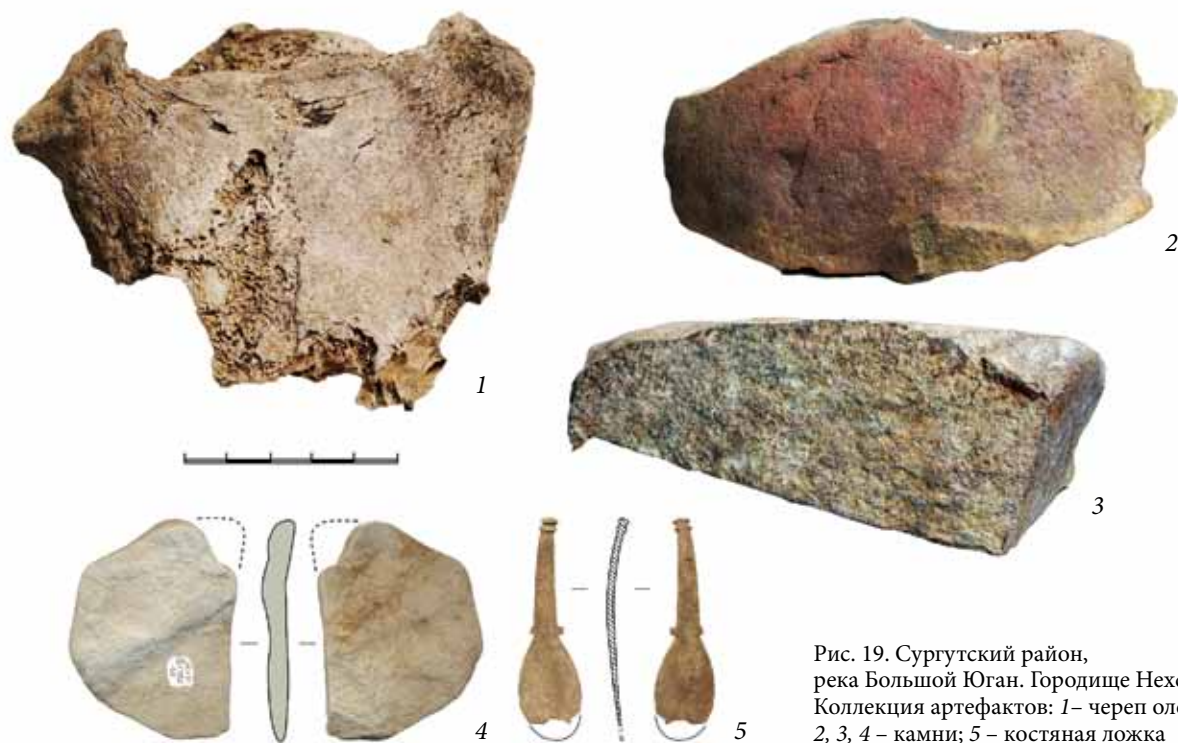

Рис. 19. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1. Коллекция артефактов: 1 – череп оленя; 2, 3, 4 – камни; 5 – костяная ложка

Рис. 20. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1. Раскоп 2008 г. Участок северо-восточной оконечности насыпи наружного вала. Скопление фрагментов керамических сосудов. Вид с СВ

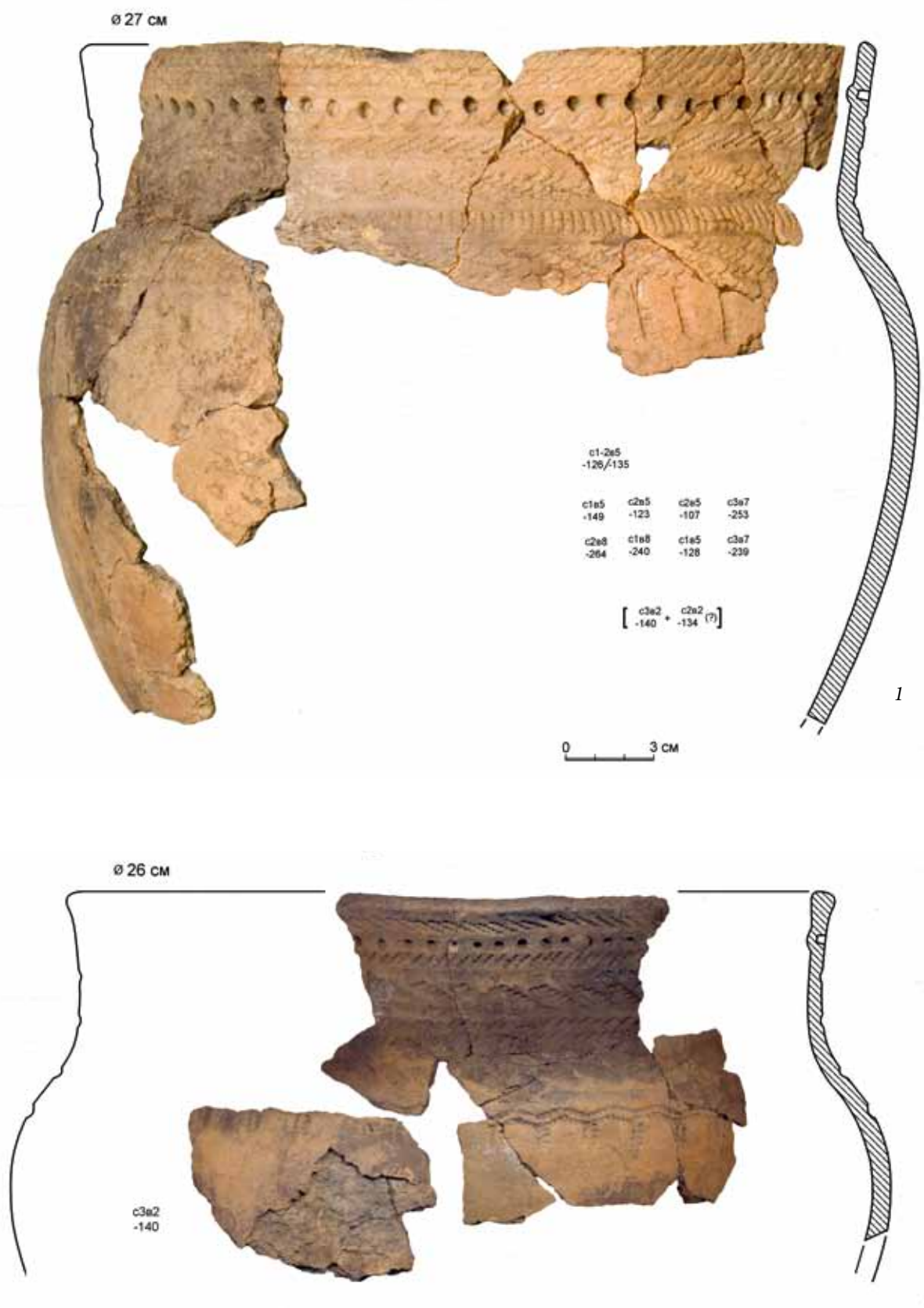

Рис. 21. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1.
Коллекция артефактов: 1, 2 – керамические сосуды (кучиминская археологическая культура)

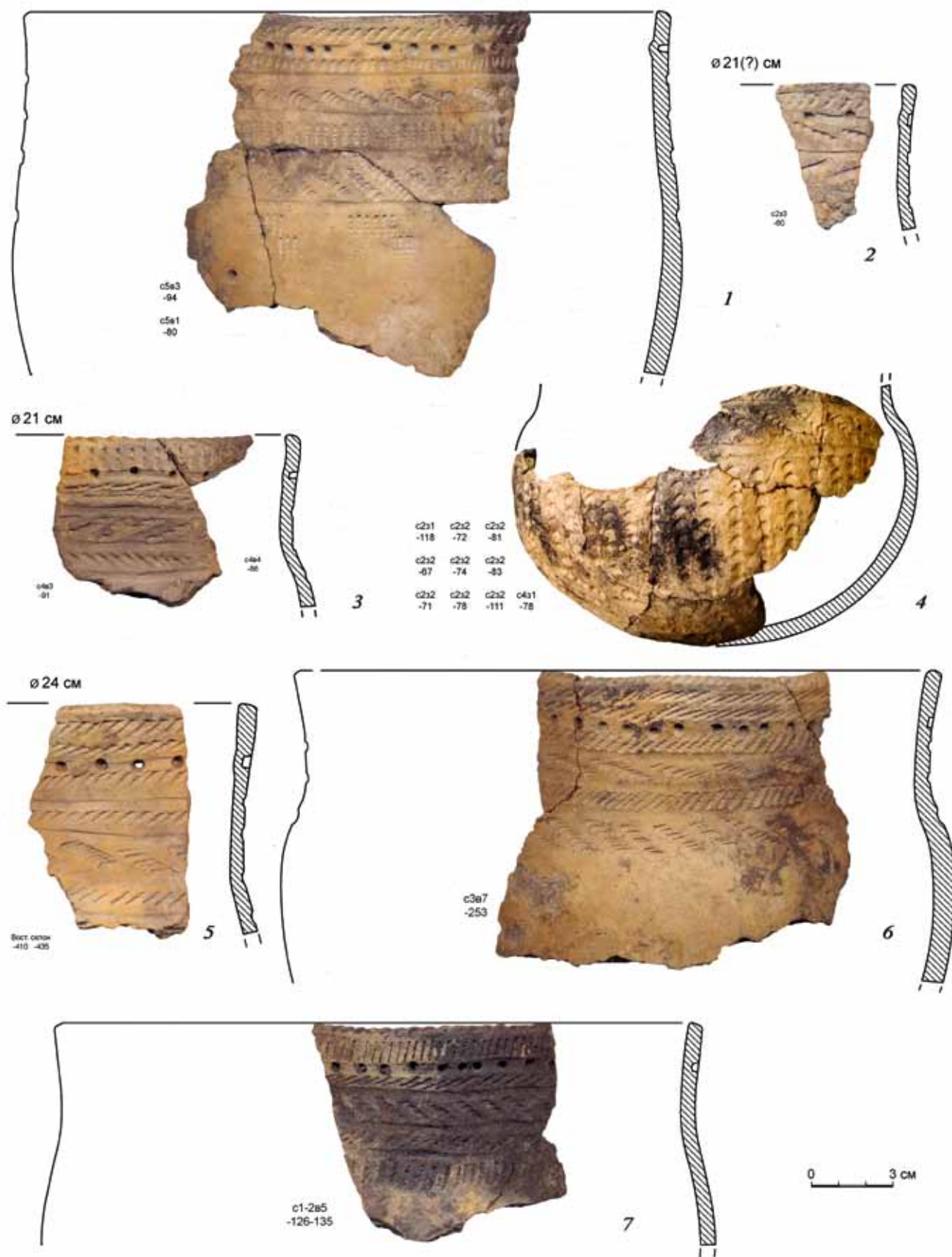

Рис. 22. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехса 1.
Коллекция артефактов: 1-7 – керамические сосуды (кучиминская археологическая культура)

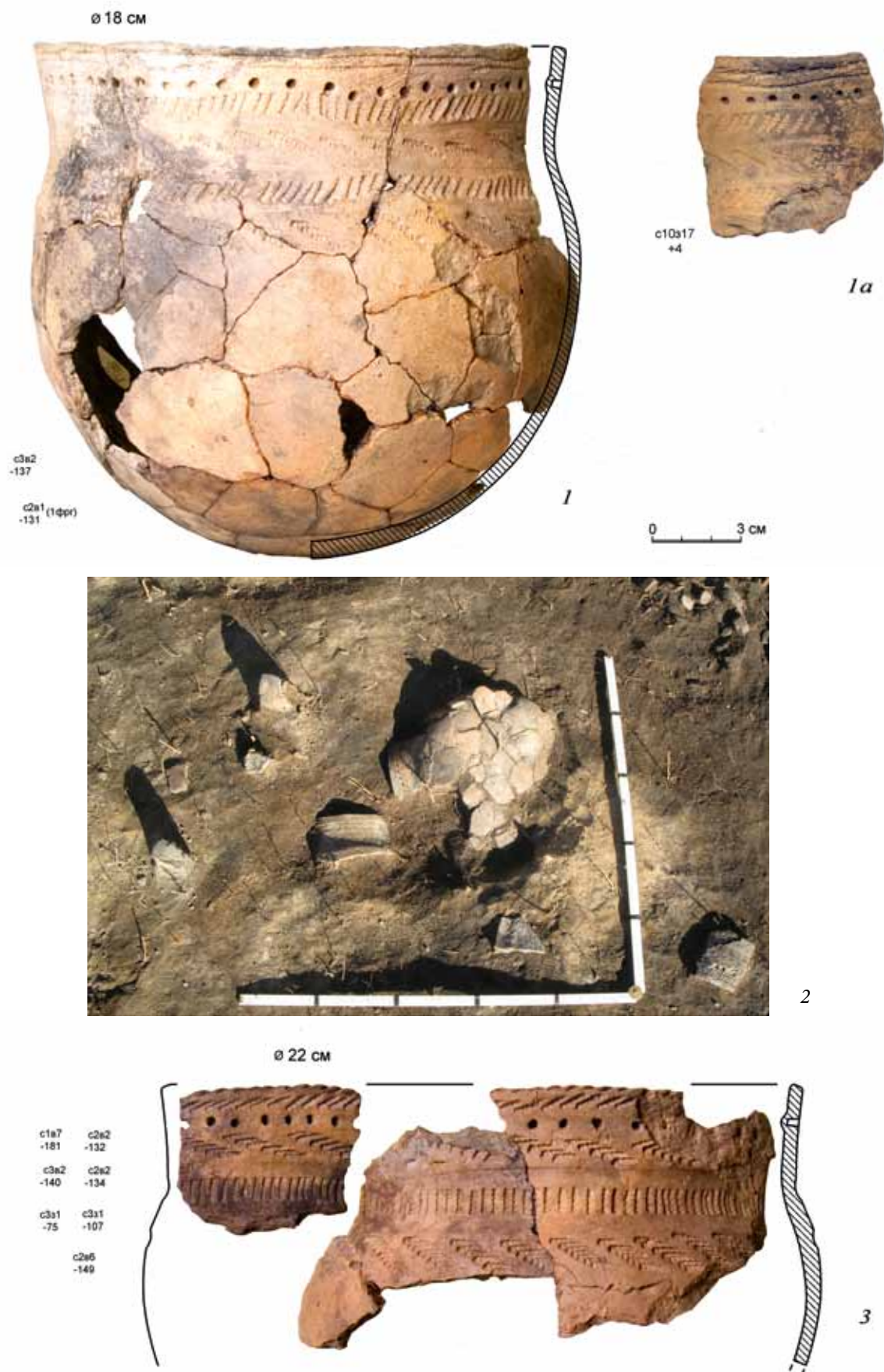

Рис. 23. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1. Коллекция артефактов: 1, 3 – керамические сосуды (кучиминская археологическая культура), 2 – развал керамического сосуда, условия нахождения – пол постройки № 1

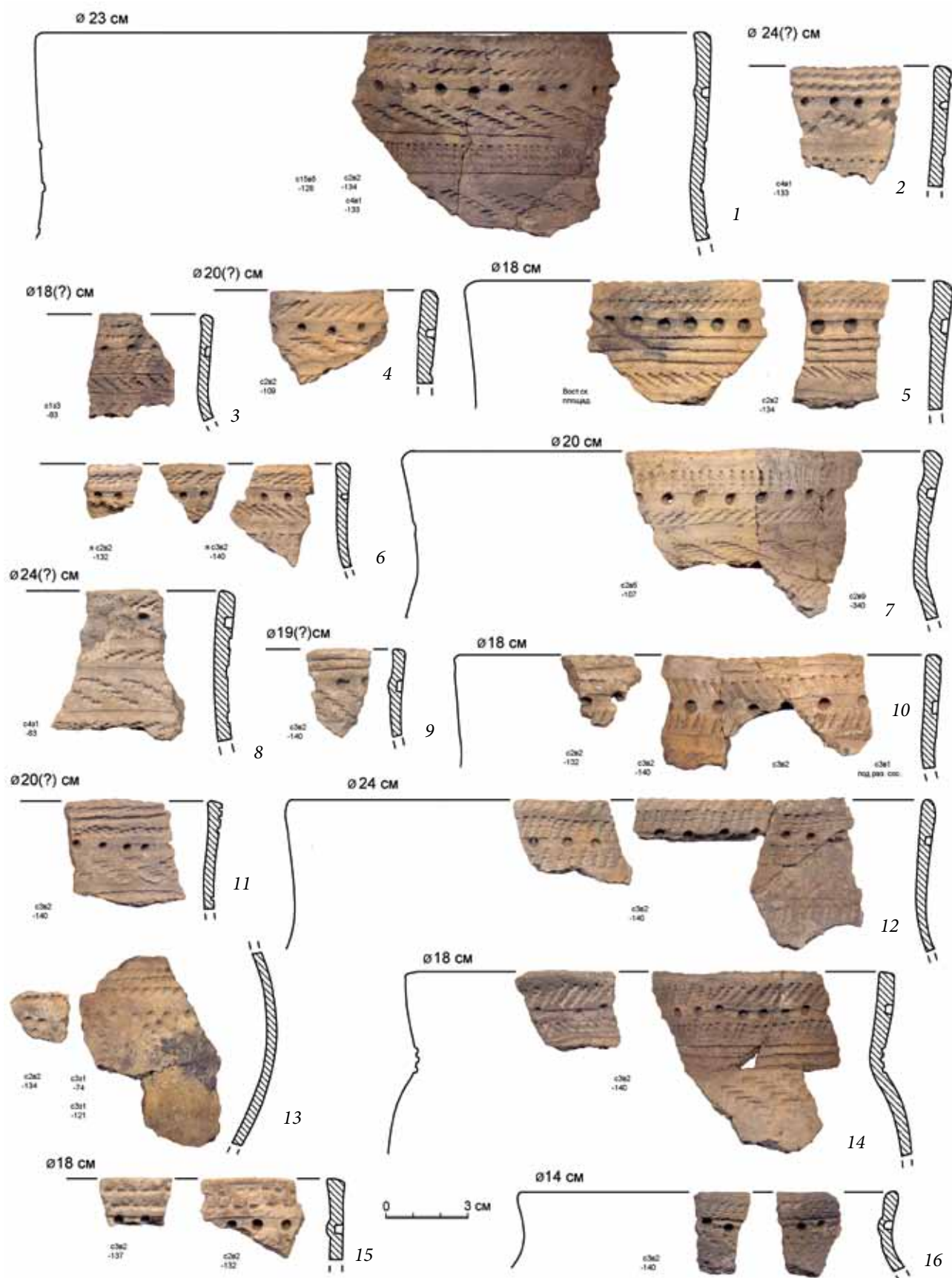

Рис. 24. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1.
Коллекция артефактов: 1–16– керамические сосуды (кучиминская археологическая культура)

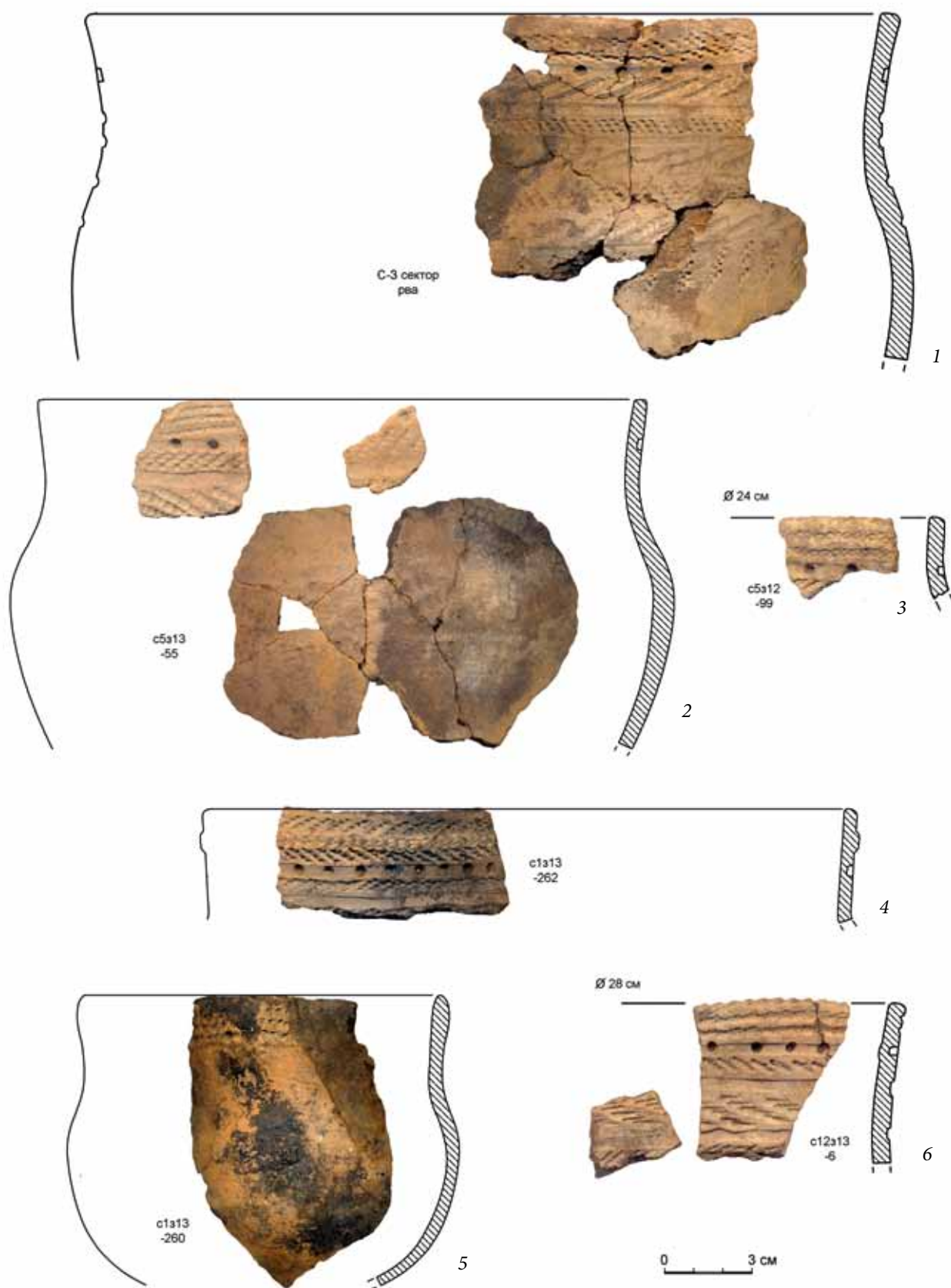

Рис. 25. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1.
Коллекция артефактов: 1–6– керамические сосуды (кучиминская археологическая культура)

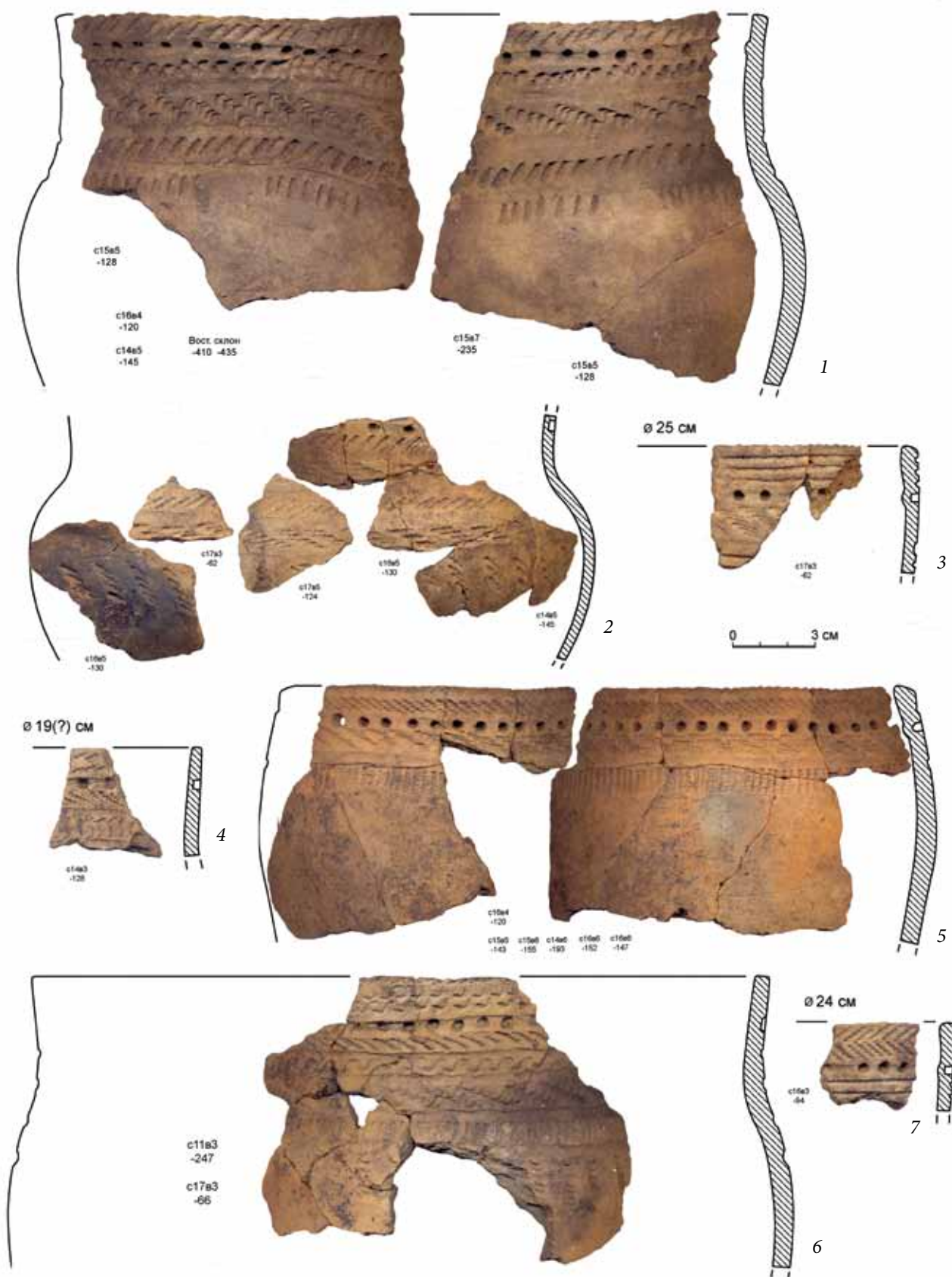

Рис. 26. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1.
Коллекция артефактов: 1–7– керамические сосуды (кучиминская археологическая культура)

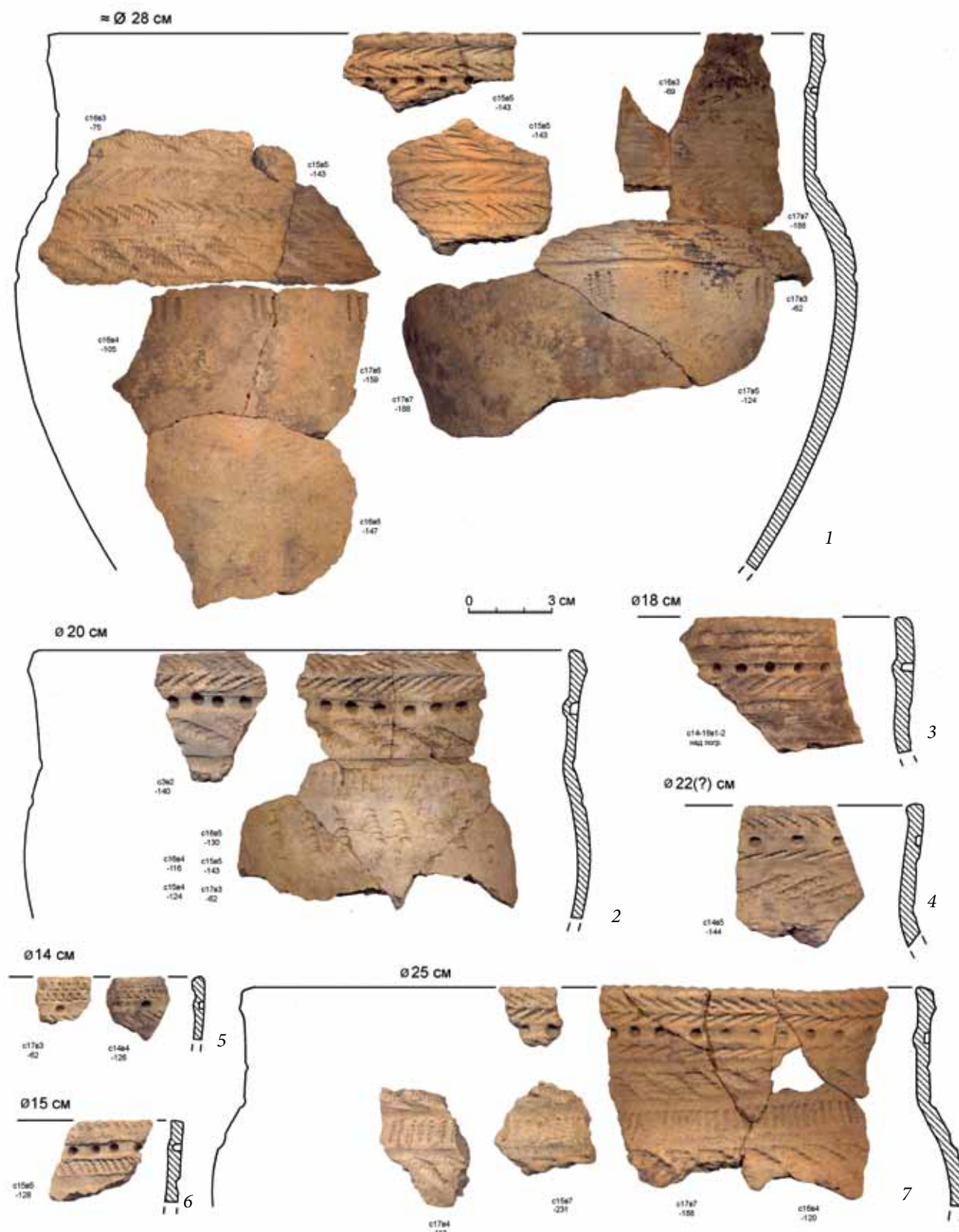

Рис. 27. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1.
Коллекция артефактов: 1–16– керамические сосуды (кучиминская археологическая культура)

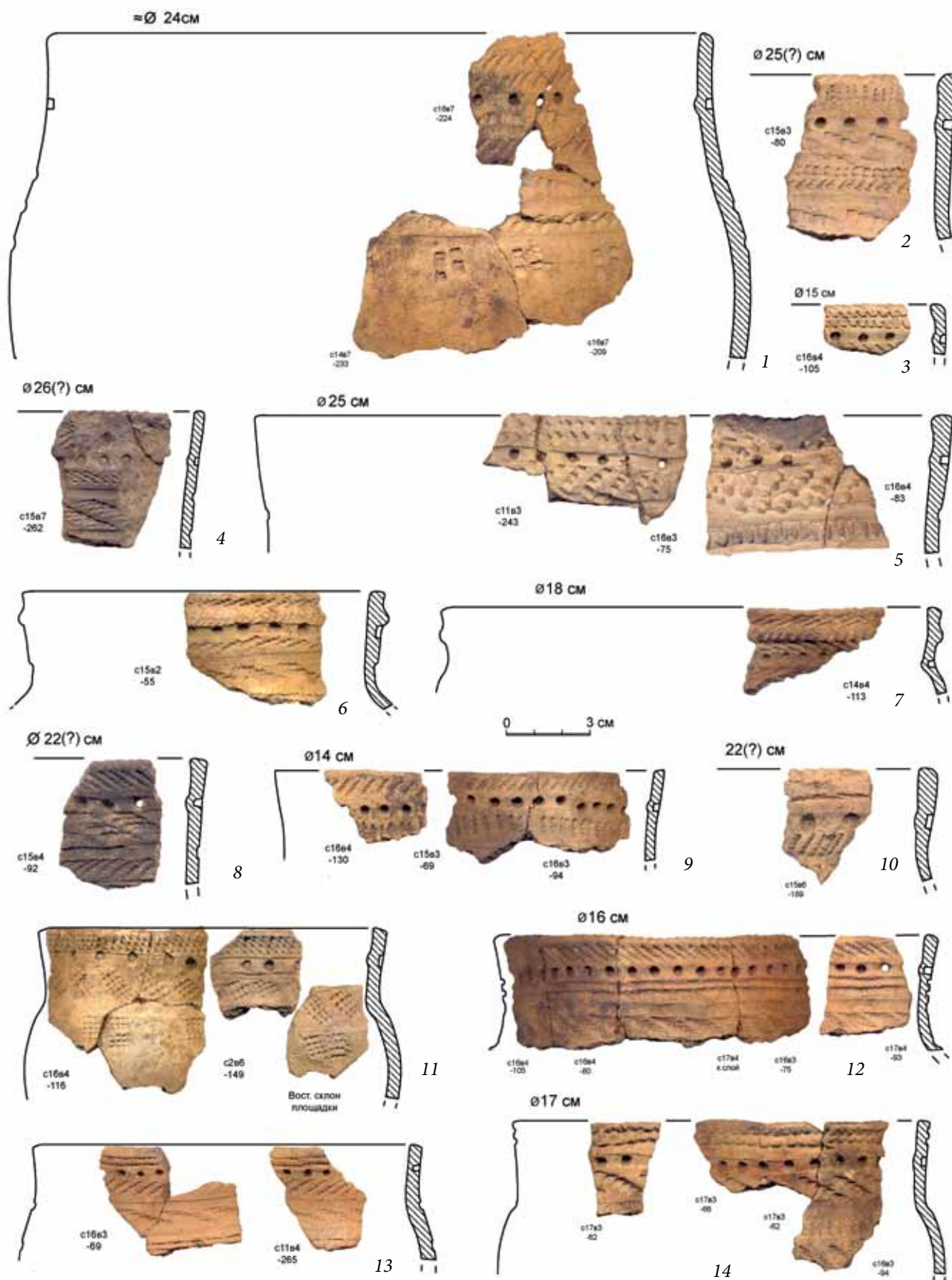

Рис. 28. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1.
Коллекция артефактов: 1–14 – керамические сосуды (кучиминская археологическая культура)

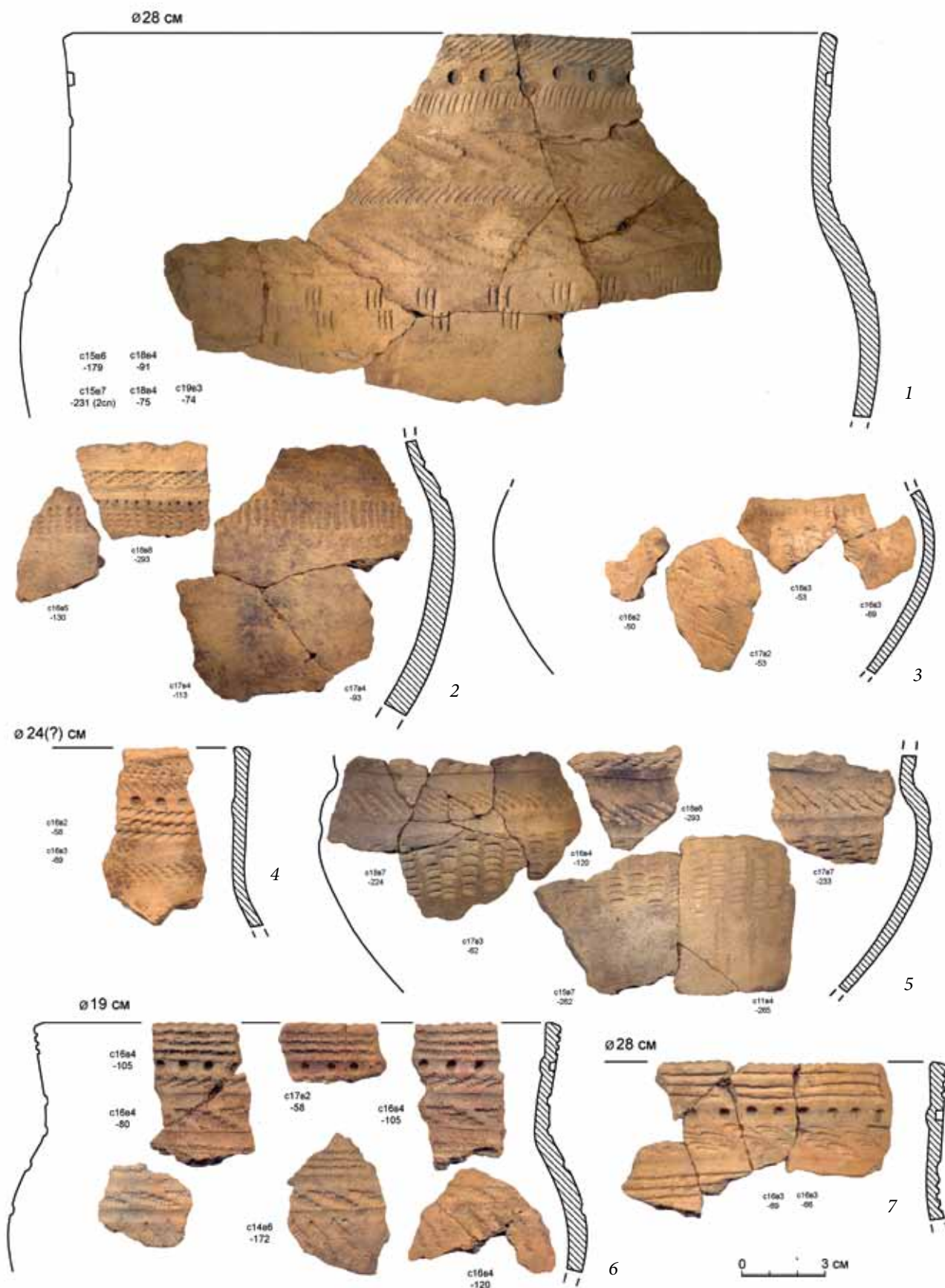

Рис. 29. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1.
Коллекция артефактов: 1-7- керамические сосуды (кучиминская археологическая культура)

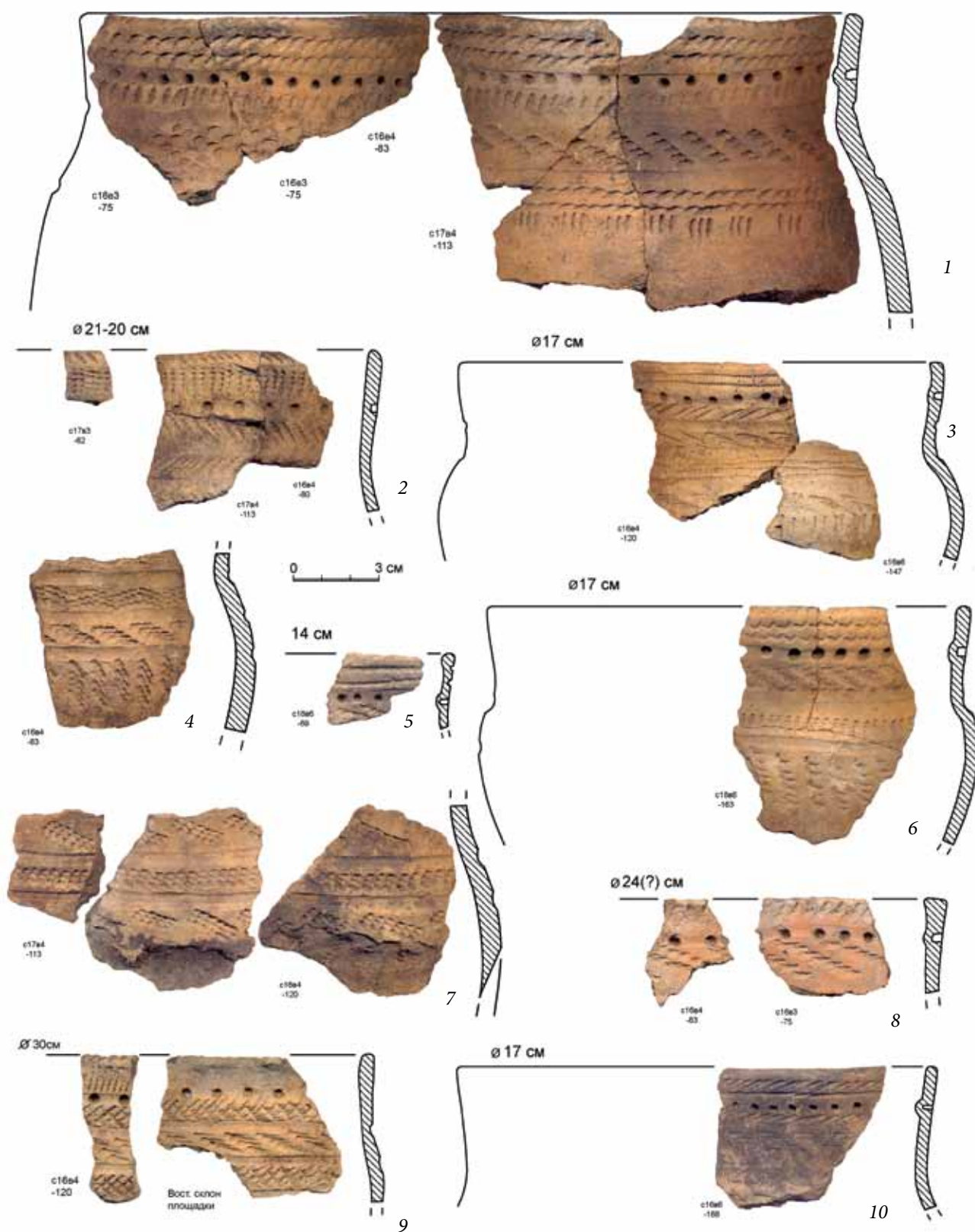

Рис. 30. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1.
Коллекция артефактов: 1–10– керамические сосуды (кучиминская археологическая культура)

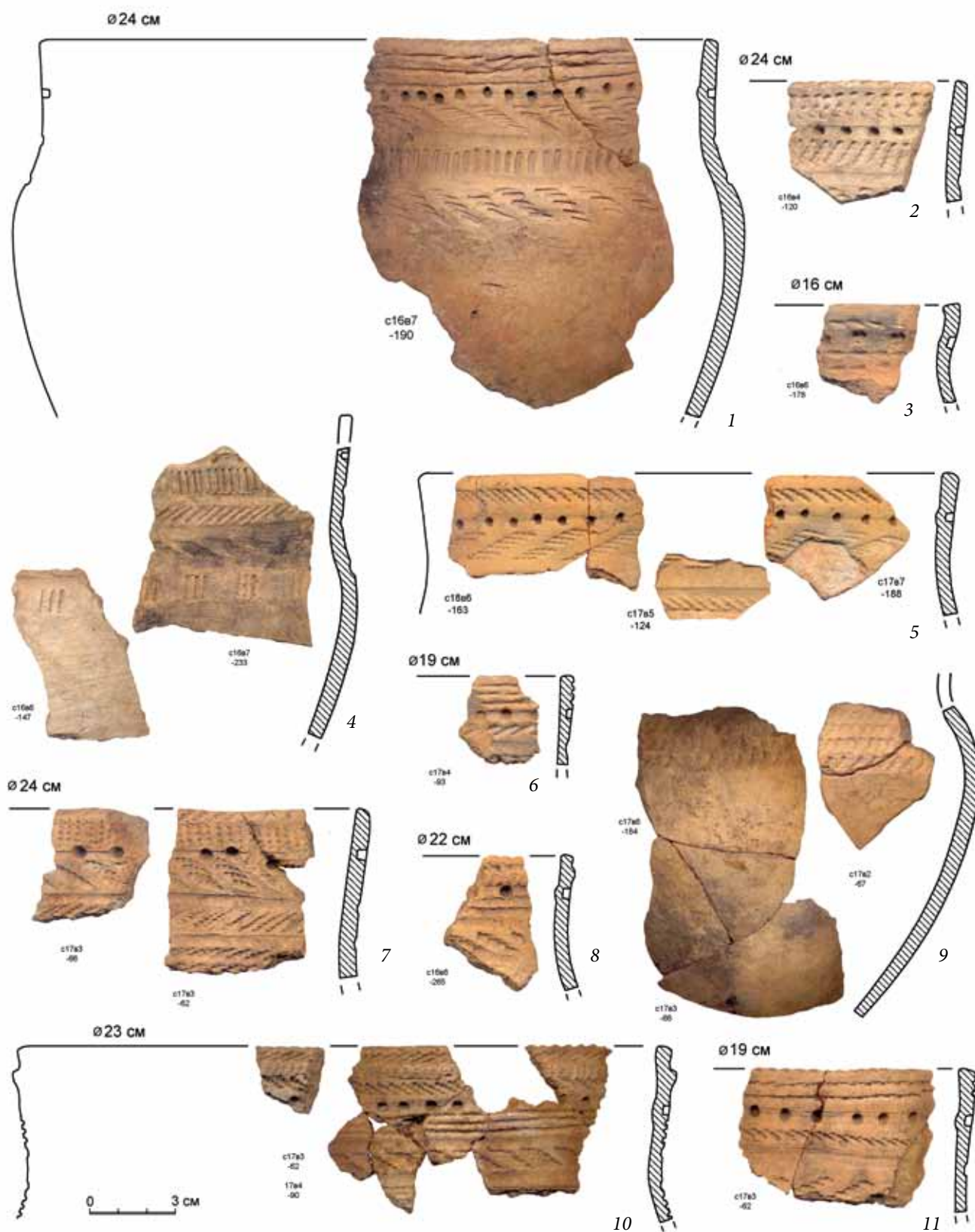

Рис. 31. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1.
Коллекция артефактов: 1–11 – керамические сосуды (кучиминская археологическая культура)

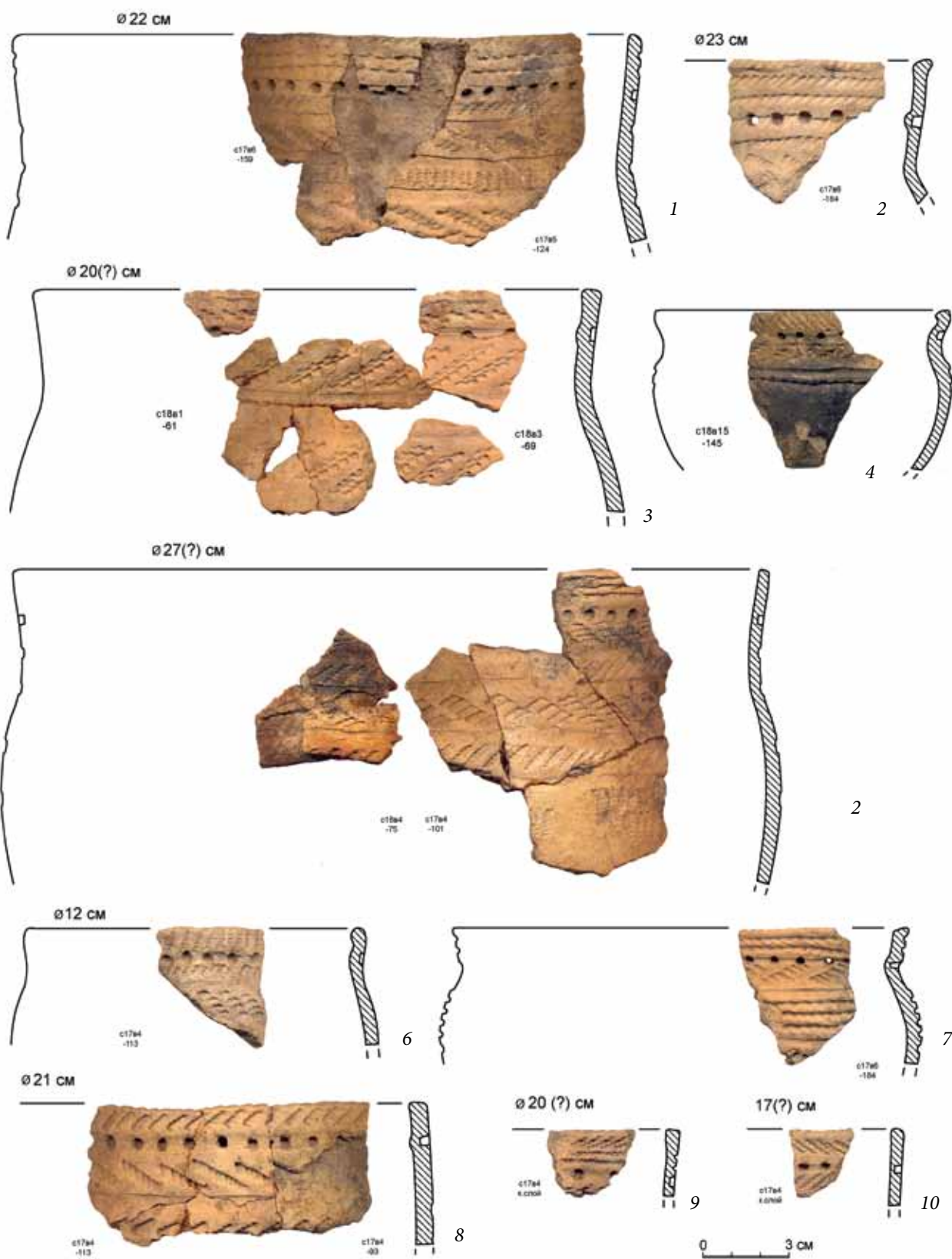

Рис. 32. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1.
Коллекция артефактов: 1–10– керамические сосуды (кучиминская археологическая культура)

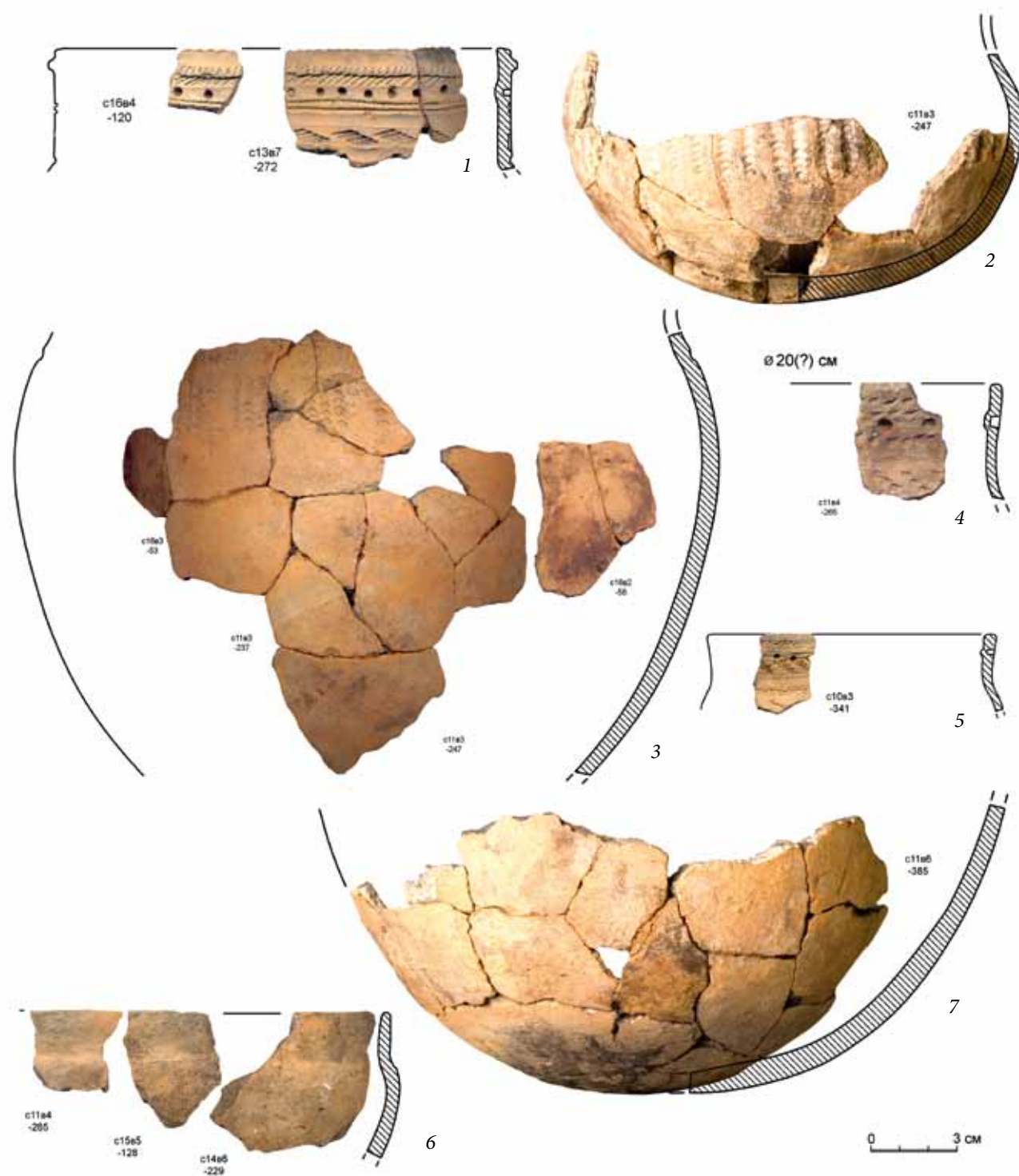

Рис. 33. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1.
Коллекция артефактов: 1-7- керамические сосуды (кучиминская археологическая культура)

Рис. 34. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1.
Коллекция артефактов: 1–7– керамические сосуды (кучиминская археологическая культура)

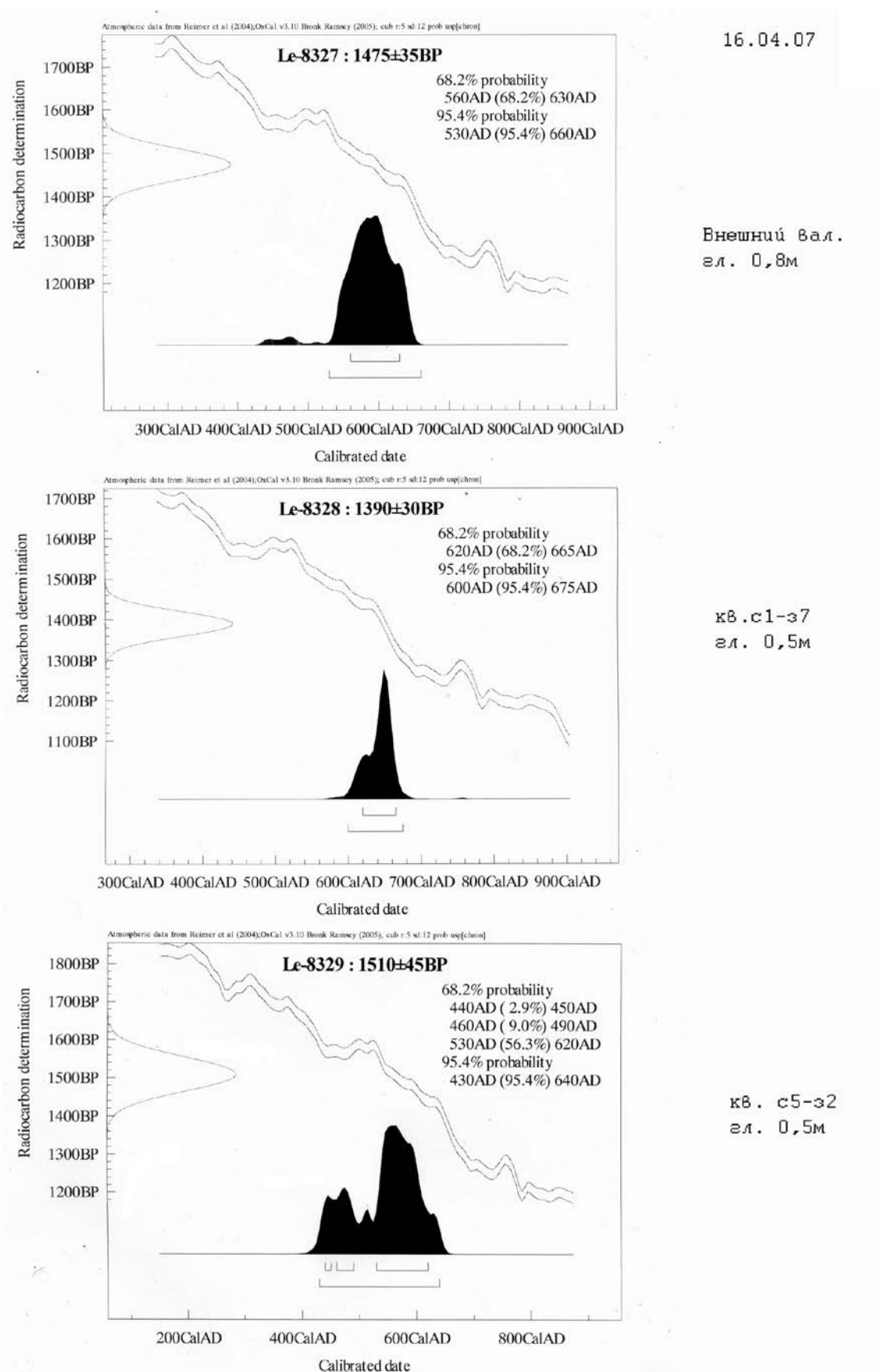
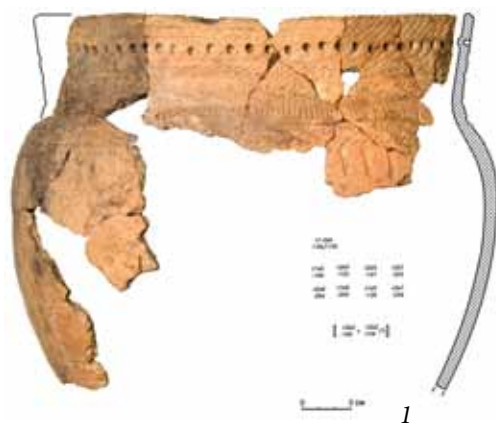
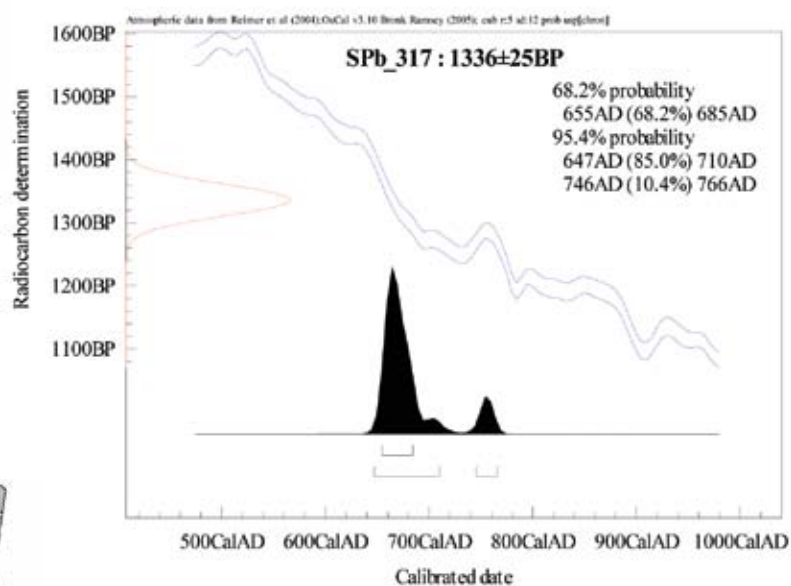

Рис. 35. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1.
 Таблицы радиоуглеродного датирования образцов древесных остатков, произведенного ЛРА НИМК РАН (СПб.)

SPb-317 1_Нехсап 1 (нагар).

SPb-318 2_Нехсап 1 (нагар)

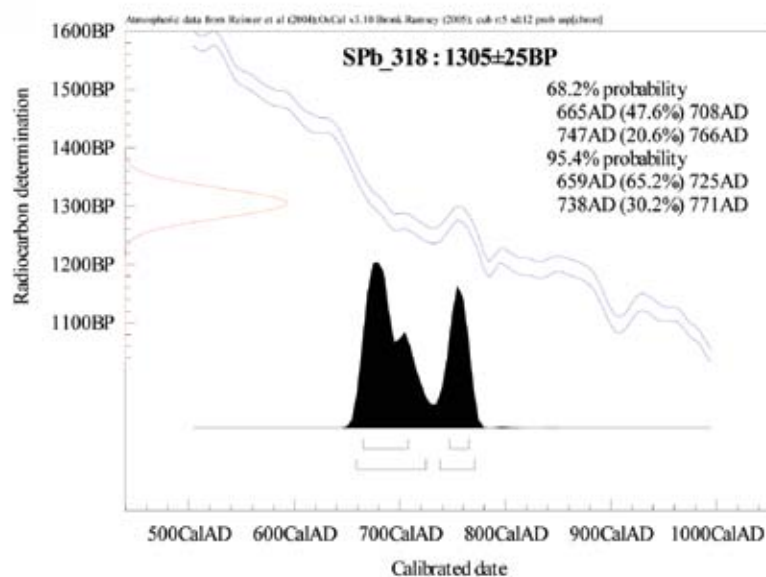
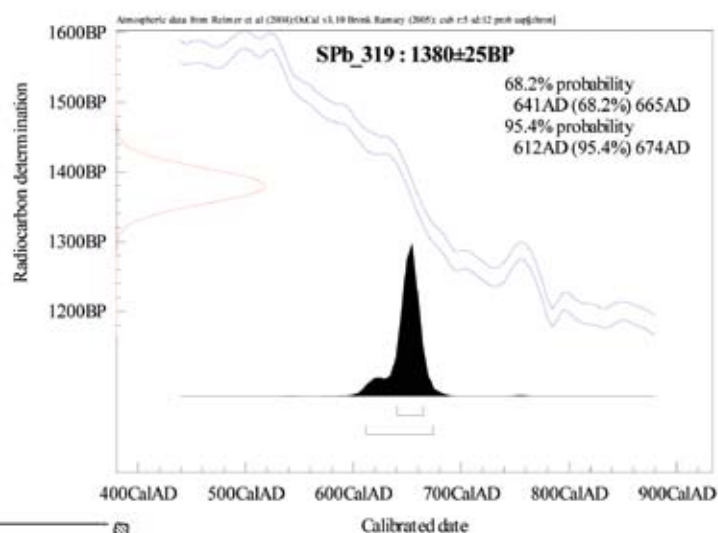

Рис. 36. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1.
Таблицы радиоуглеродного датирования образцов органических остатков нагара
с керамических сосудов, произведенного в изотопном центре факультета географии РГПУ им. А. И. Герцена (СПб.)

SPb-319 3_Нехсап 1 (нагар)

SPb-320 4_Нехсап 1 (нагар)

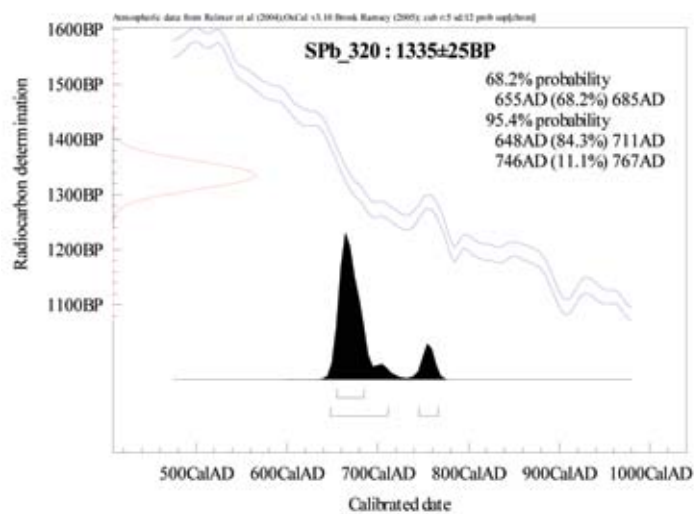

Рис. 37. Сургутский район, река Большой Юган. Городище Нехсап 1.
Таблицы радиоуглеродного датирования образцов органических остатков нагара
с керамических сосудов, произведенного в изотопном центре факультета географии РГПУ им. А. И. Герцена (СПб.)

Ю. П. Чемякин, В. А. Борзунов

**Итоги исследования
средневековых поселений на протоке Сартым-урий
в зоне хозяйственного освоения
Угутского месторождения нефти**

Первые древние поселения в окрестностях пос. Угут Нефтеюганского района ХМАО – Югры были открыты в 1981 г. археологами Томского госуниверситета Е. А. Васильевым и Я. А. Яковлевым. В 1999 г. экспертной группой муниципального учреждения ИК НПЦ «Барсова Гора» (г. Сургут) в составе Н. В. Шатунова, В. М. Морозова, Ю. П. Чемякина и М. Л. Попадкина было проведено повторное обследование Угутского микрорайона. В результате обследования уже известные поселения и открыты 12 новых, в том числе селища Сартым-урий 16, 17 и городище Сартым-урий 18, которым посвящена данная статья. Уже в то время городище было повреждено коридорами нефтетрасс НГДУ «Майскнефть» ОАО «Юганскнефтегаз». Разрушения археологических памятников продолжались и в последующие годы, в частности, в 2001 г. были проложены трассы нефтепроводов через селище Сартым-урий 17. В связи с проектированием производственным объединением ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз» (г. Нефтеюганск) новых трасс продуктопроводов и связанных с ними подъездных путей и других коммуникаций, возникла угроза практически полного уничтожения вышеупомянутых объектов историко-культурного наследия. Благодаря активной позиции Г. П. Визгалова, директора муниципального учреждения «Центр историко-культурного наследия», затем предприятия ООО «НПО «Северная археология – 1» (г. Нефтеюганск), а также пониманию со стороны руководства ООО «РН-Юганскнефтегаз» необходимости раскопок гибнущих археологических памятников с целью изучения и сохранения культурного наследия коренных народов Сибири, были профинансированы первые аварийно-спасательные работы (2000–2006 гг.), а впоследствии (2007–2012 гг.) заключены новые договоры на продолжение охранных раскопок древних памятников у с. Угут.

Исследования куста поселений на протоке Сартым-урий проводились в рамках охранных исследований ООО «НПО «Северная археология–1» (до 2003 г. – МУ «Центр историко-культурного наследия»). Они были начаты в 2000 г. и продолжены объединенной экспедицией двух университетов г. Екатеринбурга – Уральского государственного педагогического (УрГПУ) и Уральского государственного им. А. М. Горького (УрГУ, ныне – УрФУ). В течение одиннадцати полевых сезонов исследования проводились под общим руководством Ю. П. Чемякина (2000–2002, 2004–2008, 2010–2012 гг.). В 2007 и 2008 гг. работами на раскопах руководила Т. Ю. Фефилова. Помимо названных ученых, в раскопках, съемке планов и обработке археологических материалов в разные годы приняли участие Л. Ю. Звягина (Фефилова), И. В. Букина, Т. А. Говейлер, М. А. Ушаков, С. В. Лапшин, В. А. Борзунов и другие исследователи. В качестве лаборантов-коллекторов на полевых работах были задействованы студенты УрГПУ, УрГУ и других вузов г. Екатеринбурга. Комплексный характер спасательных мероприятий был обеспечен участием в них представителей естественных наук – биологов Г. И. Махониной (УрГУ), П. А. Косинцева, А. Е. Некрасова (ИЭРЖ УрО РАН, г. Екатеринбург). Кроме того, Г. И. Зайцевой (ЛРА ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург) была выполнена серия радиоуглерод-

ных тестов органических остатков с поселений Сартым-урия. Трасологический анализ каменного инвентаря проведен сотрудниками УрГУ А. А. Погодиным и А. В. Шаманаевым.

В результате были накоплены уникальные источники по истории населения таежного Приобья. В первую очередь, это относится к периоду Раннего Средневековья, представленного материальными остатками карымского этапа обь-иртышской культурно-исторической общности и вожпайскими древностями, частично синхронными кучиминскому и кинтусовскому этапам этой же общности. Материалы полевых исследований археологических памятников на протоке Сартым-урий и последующих камеральных анализов находок были опубликованы более чем в пяти десятках научных и научно-популярных статей, результаты работ докладывались на различных научных форумах, включая международные конференции и конгрессы. Это освобождает нас от их повторного изложения и позволяет сосредоточиться на главном: итогах данных работ и общей характеристике раскопанных поселений.

Местонахождение и топография поселений

Интересующая нас группа памятников находится в подзоне средней тайги, на правом берегу Сургутского Приобья и реки Большой Юган, в 2 км к северу от пос. Угут. В нее входят три поселения: селища Сартым-урий 16, 17 и городище Сартым-урий 18. От них по прямой до реки через высокую пойму – от 0,35 до 0,60 км, до автомобильного моста – минимум 0,3 км. Археологические объекты – остатки фортификаций, жилых, производственных и хозяйственных построек – расположены у края правой коренной террасы Большого Югана и протоки Сартым-урий, ныне периодически пересыхающей. Общая длина берега с этими объектами между двумя коренными мысами составляет около 600 м. Промежутки между поселениями минимальные: 20–25 м. Высота края террасы от уреза воды в протоке – 3–5 м, в реке – 8–10 м. Терраса песчаная, относительно плоская, слабо покатая, с крутым (до 45°) склоном. Перепад высот в пределах поселений не превышает 1 м.

В недалеком прошлом вся эта территория была покрыта лесом. Сейчас ее пересекают многочисленные коридоры продуктопроводов и автомобильная магистраль, ориентированные по оси ССВ–ЮЮЗ, а также сеть грунтовых дорог и других коммуникаций (рис. 1; 2; 4; 10; 15). Лес типично таежный: с преобладанием хвойных пород деревьев (сосны, кедра, ели, пихты) и вкраплением лиственных (березы, осины). Пойма реки рядом с протокой частично заболочена. На ее возвышенных участках преобладают заросли ивы. На террасе нижний ярус леса представлен кустарниками, надпочвенный покров – брусничником, черничником и таежным мелкотравьем. Участки с ненарушенной поверхностью покрыты тонким слоем гумуса, мхом, лишайником, хвойным и лиственным опадом (лесной подстилкой). Почвы подзолистые песчаные и супесчаные. Благодаря крайне медленному нарастанию гумусного слоя на песчаных террасах таежного Приобья, остатки древних сооружений прекрасно выражены в рельефе. Фортификации городищ на поверхности представлены расплывшимися валами и заплывшими рвами; жилые и производственные постройки – прямоугольными и квадратными впадинами, как правило оконтуренными невысокими песчаными валами. Последние являются расплывшимися обваловками-завалинками, которые в древности насыпались у основания жердевых и бревенчатых стен жилищ.

Еще во время первого обследования средневековых поселений Сартым-урия было установлено, что расположенные на самом краю террасы археологические объекты были частично деформированы в процессе эрозии ее песчаного склона. В результате этого сократились площади котлованов некоторых жилищ, а также исчезли участки обваловки, обращенные к протоке. Часть построек была повреждена выворотнями от упавших деревьев – глубокими ямами и песчаными буграми, разбросанными по всему лесу. Но самый большой урон древним поселениям нанесли работы по сооружению коридоров продуктопроводов, а также связанных с ними объектов и подъездных путей.

Поселения, жилища, хозяйственные и производственные постройки

Городище Сартым-урий 18, самый южный памятник в данной группе (рис. 4), сочетает признаки мысовых и береговых укреплений. Он расположен на невысоком (3–5 м) тупоугольном мысовидном выступе коренной юганской террасы и протоки Сартым-урий. Северная половина памятника, за исключением небольшого трапециевидного участка, уничтожена двумя трассами нефтепроводов и грунтовой дорогой. Размеры сохранившейся южной половины – около 65×45 м. Предполагаемые первоначальные размеры памятника – 100×40–45 м, площадь – 3500 кв. м. Общая площадь разрушений – 1200 кв. м. Внутренняя площадка в плане вытянуто-овальная. С напольной стороны поселение в древности было оконтурено дуговидной защитной системой. Сейчас остатки фортификаций имеют вид прерывистого, еле заметного вала и внешнего рва; с напольной стороны последнего местами наблюдается еще одна насыпь, по-видимому выкид из рва. От фортификаций сохранились два отрезка: южный (длиной 15 м) и северный (52–55 м). При этом параллельные контуры рва и внутреннего вала прослеживались только в центральной части оборонительной системы, на протяжении 40 м. Южный конец рва терялся в лесных завалах, не доходя 15–17 м до края террасы. На поверхности ширина внутреннего вала варьировала от 0,8 до 1,5 м, высота – от 0,1 до 0,3 м. Ширина рва – 0,7–1,2 м, глубина – 0,2 м. Ширина напольной насыпи (выкида) – 1,0–1,4 м, высота – 0,3–0,4 м. За пределами укрепления, за исключением его северной стороны, где расположено селище Сартым-урий 17, археологических объектов не выявлено и фиксируются только естественные углубления. На сохранившейся части памятника отмечены остатки 10-ти жилых и производственных построек в виде подчетыреугольных впадин с обваловками. Еще два объекта выявлены во время раскопок. Большая часть из них была сосредоточена вдоль края террасы. Постройки располагались двумя рядами, очень плотно, с минимальными промежутками или вообще без таковых. Ширина прохода между рядами около 1–3 м. Полоса вдоль вала шириной 20–25 м была относительно свободная, с двумя – тремя видимыми на поверхности углубленными постройками (рис. 4, Б, В). Возможно, в древности здесь находились редкие полуземлянки и неуглубленные летние хозяйственные сооружения. Есть и другие объяснения: городище по каким-то причинам (мор, голод) не было достроено или было разрушено в результате военного нападения. На свободной площадке мог находиться загон для оленей, но последняя версия не подтверждается фактическим материалом.

В 2000–2002, 2004–2006 гг. восемью раскопами общей площадью 1250 кв. м был почти полностью вскрыт сохранившийся северный участок городища и основная часть южного. Исследованы отрезки фортификаций длиной 12,5 и 21 м, а также 10 жилых, хозяйственных и производственных объектов (рис. 4, В).

Жилища в основном подпрямоугольные, размерами 6,0–8,0×4,2–6,0 м, ориентированы перпендикулярно изгибу террасы, по осям ЮЗ–СВ, З–В и ЗСЗ–ВЮВ (рис. 4; 5). Наземная часть помещений превышала размеры котлованов и вполне могла быть каркасно-столбовой, усеченно-пирамидальной формы, сооруженной из жердей и тонких бревен. Об этом свидетельствуют остатки обугленных плах и жердей, равно как и столбовые ямки, выявленные в котлованах построек и за их пределами. Впрочем, особенности некоторых раскопанных объектов на других карымских поселениях Сартым-урия не исключают наличие в это время срубных домов с самонесущими бревенчатыми стенами. В обоих случаях основание постройки дополнялось снаружи песчаной обваловкой – для устойчивости и сохранения тепла в помещении. В руинированном состоянии она имела ширину 1,0–2,0 м и высоту от 0,05 до 0,25 м. Первоначально завалинка была, безусловно, выше и уже, а также, возможно, покрыта дерном. Вход в жилище фиксировался в середине торцевой стены и был обращен в противоположную сторону от реки. Основная часть помещения была слегка углублена (от 5 до 25 см), а стенки котлована укреплены деревом – установленными в распорку в один венец бревнами, полубревнами или колотыми плахами. Возвышенная часть вокруг котлована, покрытая жердями и шкурами животных, могла использоваться в качестве лежанок – мест отдыха, хранения утвари, орудий труда и прочего.

В центре жилищ, под дымоходами, расчищены остатки наземных кострищ-очагов размерами 1,0–2,5×0,5–1,0 м с мощностью слоя от 7 до 15 см. Судя по ямкам от столбов, над кострами сооружалась какая-то специальная конструкция. В заполнении очагов найдены кости животных, рыб и птиц, многочисленные обломки керамической посуды, костяные наконечники стрел, глиняная льячка, капли меди или бронзы, шлаки и др. Данные остатки свидетельствуют о том, что средневековое население, как и в древности, занималось в жилищах хозяйственной и производственной деятельностью, в том числе обработкой цветного и черного металла. Одновременно появляются и специализированные производственные объекты. В 2004 г. на городище была обнаружена кузня – помещение для обработки железа. В жилище 8 расчищены остатки горна в виде небольшой овальной ямы (40×25×12–15 см), заполненной темно-бурой прокаленной глиной (рис. 16, 1–3). Посередине углубления сохранился частично остекленевший желоб длиной около 20 см – остатки сопла. К яме примыкала каменная наковальня: массивная (42×39×14 см) гранитная глыба с выбоинами на поверхности. Слой вокруг них был насыщен окалиной. За пределами постройки, напротив кузни, находилась яма с остатками металлообработки – шлаками, окалиной и углем. Возможно, туда выбрасывали мусор после работы в кузне. Из двух соседних ям, как минимум, одна была связана с остатками хозяйственной постройки.

На памятнике были зафиксированы следы перестроек. Не исключено, что при строительстве городища в него включили южную окраину селища Сартым-урий 17, может быть с несколькими постройками.

Кроме глиняной посуды, на городищенской площадке найдены обломки железных изделий, бронзовая бляха-накладка с изображением трех горизонтально расположенных голов медведей в ритуальной позе, бронзовое орнитоморфное навершие, фрагменты глиняных тиглей, шлаки, каменные абразивы, гальки и два кварцевых отщепа.

В центре жилищ 4 и 5, рядом с очагами, были зафиксированы две необычные длинные ямы размерами, соответственно, 190×45–48 и 400×40–90 см, ориентированные по оси СВ–ЮЗ (рис. 5, 4, 5; 8; 9). В юго-западном конце первого углубления (яма 12) выявлено округлое пятно диаметром 25 см, окаймленное серой полосой и заполненное золисто-коричневой супесью (возможно, это остатки черепа человека, деревянного сосуда или берестяного твеса – рис. 8). Яма имела какое-то перекрытие и появилась после разрушения жилища 4. В средней части второго западения наблюдалось сужение («перехват»). Здесь же и рядом с этим местом расчищены угольки, оставшиеся от обломков плах или жердей длиной до 10, шириной 4–6 см. Не исключено, что здесь мы имеем дело с двумя плохо сохранившимися захоронениями, совершенными на руинах средневекового городища. Вместе с тем установить точно, были ли эти углубления погребениями или нет, трудно: костных остатков в них не сохранилось.

Вскрытые отрезки фортификаций показывают, что ров варьировал по ширине на верхних отметках от 0,6 до 1,0 м. Дно его узкое – от 0,4 до 0,7 м. В разрезе ров имел подтрапцевидную форму: крутые стенки и уплощенное, слегка вогнутое дно. Глубина канавы была небольшой: 0,35–0,45, местами 0,6 м от древней поверхности. На дне рва найдены обломки карымской керамики. В северной части городища у края обрыва в траншею нефтепровода ров почти под прямым углом загибался в напольную сторону. Длина изгиба – 1,0–1,2 м, ширина в верхней части – 1,2 м, на дне – около 0,7 м. Возможно, здесь находился один из входов на городище, разрушенный при прокладке нефтепровода. Можно предполагать наличие такого же входа в центре южного отрезка фортификаций (рис. 4, В). Расплывшийся северный отрезок песчаного вала шириной около 1,5 м, высотой 0,1–0,3 м имел с напольной стороны выступы, оконтуренные углистыми полосами. Возможно, последние были связаны с какими-то конструкциями. Напротив них, с противоположной стороны рва, расчищены обугленные плахи и круглые пятна (ямы от столбов?). Под валом, вдоль него и с внешней стороны зафиксировано несколько ям, в основном естественного происхождения, и найдено несколько обломков керамики. На месте предполагаемого входа вал прерывался. Вскрытый

южный отрезок вала имел ширину 0,8–1,3 м, высоту до 0,3 м. Под ним найдена ажурная бляха-накладка с геометрическим орнаментом. Исследованный песчаный валок-выкид с напольной стороны рва имел ширину 1,–1,4 м и высоту 0,3–0,4 м.

Фортификации городища Сартым-урий 18 были простыми и маломощными. Судя по отсутствию характерной частокольной траншеи под внутренним валом, а также по его малой ширине и высоте, оборонительная стена поселения могла быть бревенчатой и однорядной. Такие защитные стены обычно сооружались из горизонтально уложенных друг на друга бревен, укрепленных с обеих сторон вертикальными кольями. Возможны и другие, более сложные конструкции. В том числе в виде заплота, у которого затесанные концы бревен устанавливались в специально вырезанные пазы на противоположных сторонах вертикально вкопанных столбов. При наличии железных орудий возведение таких стен, как, впрочем, и различных разновидностей срубных, вполне допустимо. Ровик городища, сравнительно мелкий и узкий, первоначально служил местом забора грунта для крепиды основания оборонительной стены. Он был выкопан в сыпучем грунте и имел крутые стенки, укрепленные, по-видимому, жердями, плетнем, кусками дерна или иным способом. В мирное время такие канавы выполняли, главным образом, функцию дренажа. Насыпи, которые мы воспринимаем ныне как валы, не были подиумами для возведения оборонительных стен: они являлись лишь остатками обваловок-крепид этих стен. Входы на городище Сартым-урий 18 – простейшего вида, без дополнительных предвратных сооружений, хотя зафиксированный на северном участке изгиб рва может опровергнуть это заявление. Напольный вал, скорее всего, являлся простым выкидом, образовавшимся при прокопке рва, что незначительно увеличило глубину последнего. Вдоль края террасы остатков защитной стены не зафиксировано. Между тем она должна была здесь быть, даже более простой конструкции, а вся оборонительная система городища была замкнутой. Иначе сооружение фортификаций только с напольной стороны лишено всякого смысла. Незащищенный со стороны реки поселок на низком берегу – прекрасная и легкодоступная цель для вылазок противника, особенно в ночное время. В целом же раннесредневековые укрепления таежного Приобья, как и наше городище, были слабо укрепленные, с большим количеством стандартных построек. В них могла проживать как элита карымского общества, так и рядовое население, включая рыболовов, охотников, гончаров, мастеров-литейщиков и кузнецов. Такие поселки близки городищам белоярско-васюганского этапа рубежа бронзового и железного веков, но резко контрастируют с предшествующими мощными бастийными укреплениями Сургутского Приобья, Обь-Иртышья и верховьев Пура. Кулайские крепости раннего железного века, особенно поздние, скорее всего, занимали социально выделенные группы населения и их окружение. В то время как рядовые общинники обитали в расположенных по соседству обширных селищах [Очерки культурогенеза..., 1994. С. 28, 291, 323–325].

Селище Сартым-урий 17 – довольно компактное, расположено в центре группы, в 20 м к северу от городища (рис. 4, Б; 10, 1). В 1999 г. здесь было зафиксировано 8 объектов, в том числе три поврежденных. В 2000 г. около трети памятника и предположительно 4 жилища были полностью уничтожены при прокладке двух новых коридоров нефтепроводов. В то же время нами были выявлены новые объекты. В 2001–2006 гг. пятью раскопами была изучена практически вся сохранившаяся часть памятника (960 кв. м), на которой вскрыты остатки 11 построек, включая кузню (объект 10), расположенную на северной окраине поселка (рис. 10, 2–8).

Руины стационарных жилищ до раскопок были хорошо видны на поверхности. Они были выстроены вдоль края террасы, перпендикулярно ей, в широтном направлении, в одну линию длиной 100 м. Их короткие западные края, обращенные к протоке, были деформированы в процессе эрозии склона террасы. Раскопанные дома городища и селища сходны. Последние – слегка углубленные, в плане – подпрямоугольные, размерами 5,5–7,0×4,5–6,0 м.

Входы у них фиксировались в виде разрыва в обваловке, расположенного обычно посередине торцевой напольной стены. В центре каждого помещения был устроен наземный очаг. Кузня представляла собой слабо углубленную постройку с котлованом подпрямоугольной формы. Юго-восточный угол углубления был немного скошен, а в юго-западном прослеживался небольшой выступ. Размер котлована в основании – 3,5×2,1 м, глубина его в центре – до 0,15–0,18 м, у стен – 0,1–0,2 м. У северной стенки углубленной части постройки обнаружены остатки горна в виде овальной (54×48×13 см) ямы, заполненной прокаленной глиной. Посередине ее, на уровне пола постройки, сохранились остатки частично остекленевшего сопла. Песок вокруг горна был углистый, местами прокаленный, насыщен окалиной, мелкими обломками железа и керамикой (рис. 10, 2; 16, 4, 5). Наличие здесь шлаков предполагает производство железа на самом селище.

Комплекс предметов с этого селища довольно беден. Помимо посуды на нем были найдены обломки железных изделий, ножи и наконечники стрел. Наиболее ценными находками являются кольчужные кольца и железная пряжка для пояса. По материалу данное поселение близко городищу Сартым-урий 18. Не исключено, что оба памятника некоторое время существовали одновременно или с минимальным хронологическим разрывом.

Селище Сартым-урий 16 – самое северное в группе, удалено от предыдущего всего на 15–20 м. Еще в 2011 г. узкая просека со старой лесной дорогой проходила в пойму протоки по его самому южному объекту, отделяя его от соседнего селища (рис. 4, Б; 15). В 1999 г. на территории древнего поселка были зафиксированы 9 объектов. В последующие годы при расчистке леса и раскопками их выявлено 24. Размеры их в рельефе вместе с обваловками составляли от 3×5 до 8×5 м. За пять лет раскопок (2007–2008, 2010–2012 гг.) на селище двенадцатью раскопками, траншеями и отдельными зачистками было вскрыто 2558 кв. м, исследовано 19 объектов, представлявших собой остатки 21 разновременной древней постройки (№ 3–19, 5а, 7а, 10а, 23). В результате этих работ площадь памятника была определена в 4000 кв. м.

Еще в 2003 г. нефтяниками была запланирована прокладка через поселение четырех трасс трубопроводов. В конце 2011 г. вся исследованная территория памятника, а также прилегающие с востока невоскрытые участки на вырубленной незадолго до этого обширной просеке были срезаны для сооружения газопроводов и связанных с ними производственных сооружений. На краю террасы образовался широкий (65–85 м) и глубокий котлован-пандус, постепенно сходящий к пойме Сартым-урия. Северная часть памятника размерами около 45×30 м с пятью впадинами (1, 2, 20–22) осталась в лесу, в основании обширного треугольного коренного мыса. Но уже в 2012 г. два объекта (1, 20) были сильно повреждены строителями газопровода (рис. 3; 15).

Памятник содержал материалы трех периодов. Основная масса построек была сооружена в карымское время. Были раскопаны остатки 16 жилищ и производственных построек: № 3–5, 5а, 7а, 8, 9, 10а, 11, 12, 15–19, 23 (рис. 7; 9; 11; 13–15; 16, 5, 6). Карымские сооружения были выстроены в две линии вдоль края террасы. Ширина предполагаемой «улицы» варьировала в пределах 10–15 м. У обрыва находились, главным образом, стационарные жилые дома, ориентированные в широтном направлении. Их выходы были обращены на восток. Во втором ряду преобладали хозяйственные и производственные постройки, в том числе сезонные летние; здесь же открыто большое стационарное «общественное» сооружение. Вряд ли все они функционировали одновременно. Скорее всего, вместо обветшавших или сгоревших домов возводились новые, а весь поселок расширялся в северном направлении. Не исключено также, что часть построек во втором ряду была построена взамен объектов на постоянно обрушавшемся краю террасы. По той же причине, возможно взамен предыдущего (селище Сартым-урий 17), был основан и сам поселок Сартым-урий 16. Что же касается двухрядной системы расположения жилищ с входами, обращенными к улице, то она появилась в тайге еще в кулайский период и широко использовалась при сооружении карымских городищ,

в том числе на правобережье Сургутского Приобья (Барсова Гора). Стационарные постройки практически не отличались от объектов, раскопанных на двух других памятниках. Размеры их неглубоких (0,10–0,35 м) подквадратных и прямоугольных котлованов (углубленные части помещений) варьировали от 4,9×4,7 до 7,2×7,1 м. Зафиксированная при раскопках правильная форма котлована жилища была обусловлена наличием деревянной крепицы (бревна, полубревна, колотые плахи) его песчаных стенок. В центре каждого помещения находился наземный очаг. Вдоль стен предполагается наличие узких деревянных или деревоземляных – песчаных с жердяным настилом – нар-лежанок. Наземные части жилищ могли быть как каркасно-столбовыми усеченно-пирамидальной формы с наклонными стенами, сложенными из жердей, так и срубными с самонесущими вертикальными стенами. Перекрытие, вероятно, двухскатное. Высота построек от дна котлована вряд ли превышала 2 м. Сгоревшие остатки стен фиксируются в заполнении песчаных обваловок в виде полос углистых супесей и прокалов. При этом в обоих вариантах реконструкции основание стен располагалось за пределами котлована жилища и укреплялось снаружи песчаной завалинкой. Выходы из карымских построек имели вид обычных проемов в стене, закрывавшихся приставными дверями, либо коротких выступавших наружу крытых коридоров с двумя дверями. Котлованы синхронных объектов Барсовой Горы имеют характерный выступ, указывающий на наличие такого коридора. У жилищ Сартым-урия этого элемента не выявлено. Сезонные хозяйственные постройки селища Сартым-урий 16, как правило, более углубленные (до 40 см), без очагов, каркасно-столбовой конструкции. Находки из карымских объектов и межжилищного пространства представлены керамикой, изделиями из камня, железа, бронзы, кости и глины. Из заполнения очагов собраны кальцинированные косточки животных, рыб и птиц.

Оригинальное «общественное» сооружение располагалось у северо-восточной окраины карымского поселка (объект 15). На верхних горизонтах оно имело прямоугольный котлован размером 7,4–7,6×6,0 м, в нижней части распавшийся на две камеры – 7,0×1,4–1,6 и 6,8×1,7–1,8 м, ориентированные по оси СВ–ЮЗ (рис. 13; 14). Общая глубина котлована постройки от древней поверхности – 0,5–0,8 м. Полы в камерах ровные, горизонтальные; в юго-восточной камере пол на 0,1 м глубже, чем в северо-западной. Ширина перемычки между камерами составляла 1,3–1,4 м, высота – 0,25–0,35 м. В помещении найдена карымская керамика, в северо-западной камере, чуть выше уровня пола, обнаружен железный наконечник стрелы, а в юго-восточной – каменные оселок, шлифовальная плита и обломки камней без обработки. Аналогичная постройка раскопана на Кучиминском 1 селище в урочище Сайгатино, в 30 км к западу от г. Сургута. Объект также карымский [Борзунов, Чемякин, 2012а. Ил. 5, 5а, 5б]. Отсутствие в этих постройках очагов и остатков производства указывает на то, что это были, по-видимому, какие-то общественные или культовые сооружения.

На селище Сартым-урий 16 исследованы две кузны – объекты 17 и 16 (рис. 15). Первая из них – слабо углубленная (0,10–0,17 м) прямоугольная постройка размером 1,45×2,10 м (рис. 16, б–8). В помещении у западной стенки котлована находился горн. В северо-восточном углу кузны зафиксирована округлая яма (0,4×0,4×0,15 м), содержавшая железные шлаки и карымскую керамику, в придонной части заполненная древесным углем. Пространство между горном и ямой было насыщено окалиной, а производственные объекты размещались у самых границ котлована. Вторая кузня также находилась в отдельном помещении, на удалении не менее 15 м от других построек и жилищ. Она подпрямоугольная, слегка углублена в грунт (3,1×2,2×0,05–0,1 м). Внутри кузны расчищены остатки двух горнов. Установлено, что второй горн был сооружен частично на месте разрушенного первого. Вокруг них выявлена линза бурого слоя, аналогичного очажному, насыщенная окалиной. Во втором горне обнаружен развал глиняного сосуда. По данным С. Е. Перевощикова, в таких емкостях могла происходить плавка или науглероживание железа. Как известно, «реакция восстановления окиси железа начинается уже при температуре в 450–500°C, и наиболее простой способ получения железа в горшках может проводиться

в обыкновенных кострах, очагах или ямах. Подобный способ получения железа отмечен на раннедьяковском поселении IX–VII вв. до н.э.» [Перевощиков, 2002. С. 23]. К остаткам футеровки и сводов горнов относятся куски глиняной обмазки и обожженной глины. Железные шлаки были обнаружены и за пределами кузниц, в том числе в жилищах. Анализ расположения горнов во всех четырех кузнях показывает, что стены мастерских находились, по-видимому, снаружи и на некотором удалении от краев неглубоких котлованов. Следов самих стен не зафиксировано. Возможно, кузни функционировали в теплое время года и размещались в легких каркасно-столбовых постройках либо под обычными навесами.

С поздним слоем связаны остатки трех жилищ (объекты 6, 7, 10) и двух хозяйственных построек (13, 14) (рис. 11; 12; 15). Все объекты были окружены песчаными обвалами. Они располагались довольно компактно, в центре памятника, на площади около 30×40 м, отчасти на развалинах карымских домов (7а и 10а). За пределами этой зоны, в раскопах 7, 9 и 10, обнаружены отдельные очаги с вожпайской керамикой. Размеры жилищ: 1,4×4,1, 5,7×4,8 и 7,15×6,70 м, хозяйственных построек – 2,9×2,5 и 3,7×2,7 м. Глубины котлованов – 0,16–0,4 м. Во всех помещениях зафиксированы очаги, причем в жилищах они располагались в центре. В нише у длинной стены самого большого жилища, под бронзовой подвеской, сохранились фрагменты стеблей злаков, осоки и хвоща, вероятно относившиеся к остаткам покрытия пола или циновкам. Присутствие в очаге из раскопа 7 кусочков глиняной обмазки свидетельствует о наличии здесь какого-то производственного комплекса. В кострах вожпайских объектов обнаружены кости рыб и каких-то млекопитающих.

Период раннего железного века представлен двумя скоплениями черепков от кулайского сосуда позднего облика, костяной мотыжкой и железным штырьком – возможно, язычком от ременной пряжки (рис. 24). Предметы обнаружены в средней части раскопа 9 на слое подзола, то есть на древней поверхности или на полу какого-то сооружения. Объектов, связанных с этим временем, не обнаружено. Тем не менее данный комплекс находок является одним из первых свидетельств пребывания кулайского населения в этом районе.

Керамическая посуда

Карымская посуда. Характеристика ее хорошо известна и присутствует во многих обобщающих работах по Раннему Средневековью таежного Приобья [Чернецов, 1957. С. 146–147, 160–162; Сургутское Приобье, 1991. С. 131–133; Чемякин, Карачаров, 2002. С. 45; Зыков, 2006. С. 114], что избавляет нас от ее подробного описания. Уточним только некоторые детали. Согласно последним классификациям, по орнаментации карымская керамика подразделяется на четыре типа: гребенчатую (I), фигурно-штампованную (II), валиково-желобчатую (III) и с обедненной ямочно-насечковой орнаментацией (IV) [Каменский, Жирных, 2006; Говейлер, 2007]. Все эти типы найдены на раскопанных поселениях Сартым-урия (рис. 17–20). Небольшая группа неорнаментированных емкостей нами условно отнесена к последнему типу. Практически у всех сосудов первого, второго и четвертого типов по основанию шейки нанесен поясок ямок (иногда ямок и (или) жемчужин) – характерный признак посуды таежного Приобья. Эти типы являются местными и продолжают линию развития позднекулайской керамики. Сосуды круглодонные, с четко выраженной шейкой и выпуклыми плечиками, без поддонов. Венчик (верхний срез сосуда) обычно скошен внутрь, имеет профиль желобка и часто – карнизик с внутренней стороны. Реже встречаются узкие плоские венчики. В целом сосуды становятся более изящными, тонкостенными. Мельчают и изменяются узоры, среди них гребенчатые и мелкоструйчатые, которые наносятся чеканом с мелкими и средними по величине зубцами (I тип). Кроме уточки и змейки, появляются другие фигурные чеканы: ромбические, в том числе с глазками-перлами внутри, рамчатая уточка и др. (II тип). Узоры преимущественно горизонтальные и плотные, заполнены отпечатками штампов, включая оттиски, нанесенные в шахматном порядке. На ряде сосудов встречаются меандроидные композиции, как на позднекулайской ярсалинской посуде.

Особую нарядность горшкам придают наклонные и вертикальные ленты из оттисков гребенчатого и мелкоструйчатого штампов, опускающиеся от плечиков до придонной части сосудов. Третий тип посуды, наоборот, оригинален и не имеет прототипов в местном керамическом комплексе. Это довольно массивные и толстостенные круглодонные емкости с плоским венчиком, едва намеченной высокой шейкой и слабо профилированным туловом. Узоры на них состоят в основном из многорядных выдавленных шпателями или пальцами желобков, чередующихся с такими же валиками; реже встречаются наlepные валики треугольного и полуовального сечения. Орнаментальные композиции обычно простейшие – чередующиеся многорядные горизонтальные, вертикальные, наклонные и выстроенные зигзагом (горизонтальной елочкой) валики-желобки. На отдельных черепках прослеживаются многорядные волнистые линии – остатки арочного орнамента, а также выполненные длинным гладким шпателем-лопаточкой крестовидные фигуры. Сосуды этого типа на карымских поселениях всегда в меньшинстве: их не более трети комплекса, но обычно даже меньше.

По мнению томских археологов, которое мы поддерживаем, появление этой керамики в таежном Приобье в начале Средневековья является следствием продвижения групп охотничье-рыболовецкого населения из южных районов Восточной Сибири, где валиковый декор был известен с древности [Гринеvич, 1974. С. 145, 147; Чиндина, 1977. С. 130–131; Беликова, Плетнева, 1983. С. 118–123; Мандрыка, 1997. С. 209–216]. Упрощенный валиковый узор встречается и на гуннских бронзовых котлах. Однако, на наш взгляд, не он являлся образцом для карымской глиняной посуды III типа, как полагали А. П. Зыков и Н. В. Федорова [2001. С. 26–30] (позднее А. П. Зыков отказался от этого взгляда [2006. С. 114]). На части карымских сосудов в желобчато-валиковый декор были включены горизонтальные, вертикальные и наклонные оттиски гребенки, а также круглые ямки либо мелкие квадратные вдавления, выстроенные в шахматном порядке. Среди этих сосудов есть относительно небольшие. По-видимому, они более поздние и найдены в основном на селище Сартым-урий 16.

Наличие в составе карымского комплекса керамики III типа, в том числе сосудов с разным по генезису декором, является следствием формирования в таежном Приобье общин со смешанным составом населения, а также результатом интеграции пришельцев в аборигенную среду. В конечном счете местные и привнесенные элементы орнамента наследуются зеленогорским населением – потомком карымского.

Вожпайская посуда обнаружена только на селище Сартым-урий 16 (рис. 22). Она также представлена типичными формами, описанными в обобщающих трудах по средневековой археологии Западной Сибири и по вожпайской проблеме [Чернецов, 1957. С. 198; Сургутское Приобье, 1991. С. 138; Хлобыстин, 1993; Зыков, 2006. С. 118; Карачаров, 2006]. Это горшковидные круглодонные сосуды с короткой выделенной шейкой. Венчики плоские, скошенные наружу, округлые и приостренные. Стенки емкостей хорошо обработаны, заглажены. В глине обычна примесь шамота, но в тесте нескольких сосудов был обнаружен песок или дресва. Узоры покрывают верхнюю треть или половину поверхности сосудов, редко спускаясь на тулово. Под венчиком нанесены пояски вертикальных или наклонных оттисков штампа, на плечиках и верхней части тулова – полосы из взаимопроникающих треугольников или параллелограммов, заполненных короткими оттисками гребенчатого или гладкого (скобковидного) чеканов, горизонтальных рядов одной или нескольких ломаных линий (зигзагов или ромбов), заштрихованных лент и горизонтальной елочки. Горизонтальные линии гребенчатого штампа часто разделяли другие орнаментальные зоны. Узор нередко завершался фестонами. Большая часть орнаментов была выполнена гребенчатым штампом, реже – скобковидным (или полулунным). Встречаются также оттиски концом круглой палочки в отступающей технике. На шейке обычен разделительный поясок из глубоких круглых, овальных или треугольных наколов.

Кулайская посуда представлена обломками одного горшка, найденного на селище Сартым-урий 16 (рис. 24, 1). Сосуд, видимо, был круглодонным, с наклоненной внутрь слабо профи-

лированной шейкой. Венчик с карнизиком, скошен внутрь, украшен змейковидным штампом. Поверхность сосуда частично расслаивается, что связано, видимо, с некачественным обжигом. В глине примесь шамота. Горшок украшен горизонтальными поясками оттисков гребенчатого и змейковидного штампов. В верхней части шейки проходит ряд жемчужин, поверх которых нанесены горизонтальные оттиски штампа в виде уточки. Орнамент насыщенный, плотно поставленный. Подобная посуда характерна для поздней стадии кулайской культуры.

Вещевой комплекс

Карымский комплекс представлен целыми и фрагментированными изделиями из железа (наконечники стрел, ножи, шилья, иглы, стержни, крючки, кольчужные кольца, пряжка и др.), бронзы (прямоугольные бляхи-накладки, пронизка, профильная фигурка медведя, навершие, пластинки), глины (тигли, льячка, грузило?) и кости (наконечники стрел), камня (оселки, абразивы, молоточки), а также железными шлаками (рис. 21). Характеристике их посвящен ряд статей [Чемакин, 2008б; 2008в; Борзунов, Чемакин, 2012а; и др.]. Здесь же отметим, что для территории, на которой происходило формирование карымских древностей, такой набор орудий труда и оружия получен впервые. Описанные В. Н. Чернецовым изделия [1957. С. 181–184] происходят в основном из случайных сборов, отнесение их к карымскому этапу весьма проблематично и оспаривается многими специалистами. Известные северные карымские погребения содержат, как правило, сосуды, железные ножи и обломки сильно коррозированных вещей. Намного богаче могильники, расположенные в южной тайге, на границе с лесостепью, но это регион, куда карымское население продвинулось позднее.

На поселениях Сартым-урия найдено 7 целых и обломки железных ножей. Это универсально-хозяйственные орудия, наиболее крупные из них могли использоваться и как оружие. Ножи черешковые, однолезвийные, треугольного сечения, часто с уступом при переходе от ручки к лезвию, а также с прямой или слегка изогнутой спинкой (рис. 21, 35, 36, 38–42). Наконечники стрел – типа срезней: плоские, подтреугольного плана, без упора, с прямым дуговидным, слегка выгнутым или неглубоким вогнутым лезвием (рис. 21, 23, 24, 32). Применялись в основном для поражения пластинчатого доспеха и, возможно, на охоте. Оригинален длинный бронебойный наконечник с узким асимметрично-ромбовидным пером и конической втулкой из постройки 15 селища Сартым-урий 16 (рис. 21, 25). Он сходен с изделиями ломоватовской культуры Верхнего Прикамья, но больше похож на уменьшенную копию поздних кулайских железных копий первой группы (по Л. А. Чиндиной). Еще одно новшество начала эпохи Средневековья – железная кольчуга. Обнаруженные на обоих селищах мелкие плоские железные кольца (рис. 21, 10–19) являются первым бесспорным доказательством появления такого вида защитного доспеха в тайге в карымский период (об этом же свидетельствует находка бронебойного наконечника стрелы). Найденная на селище Сартым-урий 17 железная трехсоставная поясная пряжка с кольцом из граненого прута, подвижным язычком и прямоугольным щитком-обоймой, возможно, принадлежность воинского костюма (рис. 21, 29). Она имеет широкие аналогии, в том числе в материалах верхнеобских и прикамских памятников, где подобные изделия из бронзы и железа датируются концом IV–VI вв.

Среди уникальных предметов, найденных на Сартым-урии, – бронзовая металлопластика: бляхи-накладки с изображением медвежьих голов, лежащих между лап, и ажурная бляха с жемчужинами, бляха, изображающая профильную фигуру медведя, пронизка с изображением орла, клюющего голову млекопитающего, орнитоморфное навершие.

Прямоугольная бронзовая бляха с горизонтальным изображением трех голов медведей и ложновитым (шнуровым) орнаментом с городища Сартым-урий 18 (рис. 21, 27) аналогична изделиям из Верх-Саинского могильника и дер. Зародята в Прикамье и из погребения XX Потчевашского могильника Окунево III в Омском Прииртышье. Всего известны 22 бляхи с таким же декором, датирующиеся в интервале V–VII вв., а также не менее 30-ти пластин с подобным сюжетом

с памятников Зауралья и Западной Сибири, имеющих более широкие хронологические рамки (I в. до н.э. – IX в. н.э.). В материалах кашинской, потчевашской, релкинской, верхнеобской и других культур тех же регионов имеются и прямоугольные бляхи с вертикальным расположением голов медведя, как на обломке пластины с селища Сартым-урий 16 (рис. 21, 26). Прямоугольная ажурная накладка с геометрическим орнаментом (рис. 21, 28) близка таким же, но сплошным цельнолитым пластинам, найденным на правобережье Сургутского Приобья, в карымском могильнике Усть-Тара VII в Среднем Прииртыше и погребениях верхнеобской культуры. Предполагается, что данные предметы могли использоваться для украшения парадных поясов или пластинчатого доспеха воинов. Три профильных фигурки медведей с опущенной и повернутой в фас головой, близкие находке на Сартым-урии (рис. 21, 20), обнаружены в таежном Приобье на памятниках потчевашской и релкинской культур. Бронзовая полая пронизка в форме клюющего орла, прижатые крылья которого украшены пояском мелких жемчужин, а также с выступающими с обеих сторон фигуры гладкими трубицами, найденная на городище Сартым-урий 18 (рис. 21, 22), производит впечатление позднего предмета. Но не исключено, что она относится к концу карымского периода (начало VI в.).

В целом же подобные и более реалистичные бронзовые пронизки – с композицией хищной птицы, клюющей лесных животных (лося, оленя, медведя, пушных зверьков), – фиксируются в Приуралье, на памятниках VI–VII вв. всех раннесредневековых культур – неволинской, ломоватовской, полоумской и ванвиздинской. Пронизки с такими же и иными сценами терзания имеются и среди материалов могильника Релка конца VI – начала VIII вв. в Нарымском Приобье. Полое бронзовое навершие с городища Сартым-урий 18 имеет девятигранную втулку, закачивающуюся головкой птицы с крючковатым клювом и «ушами» из перьев на затылке (рис. 21, 21). Близкие, но более крупные навершия, завершающиеся головками оленей и лосей, найденные на Конде, в Сургутском и Нижнем Приобье, датированы VIII–XI вв. Приуральские зооморфные навершия определяют более ранним временем – VII–VIII вв. Подобная металлопластика известна на памятниках релкинской, верхнеобской, потчевашской, кашинской, ломоватовской и ряда других культур. Но на Сартым-урии представлены одни из самых ранних ее образцов.

В качестве абразивов-шлифовальников и оселков для заточки металлических изделий карымским населением, как правило, использовались обычные гальки и булыжники. Неординарными и, по-видимому, импортными предметами являются два оселка, найденные в жилище 3 селища Сартым-урий 16. Короткий брусок – прямоугольного плана и сечения, изготовлен из мелкозернистой зеленокаменной породы (рис. 21, 57). Длинный оселок – прямоугольного плана и квадратного сечения – выполнен из бело-серой мелкозернистой породы; в его верхней части просверлено сквозное отверстие для подвешивания предмета к поясу (рис. 21, 58). Типологически близкие оселки широко распространены у кочевников евразийских степей с раннего железного века. В карымский период на смену глиняным ладьевидным и чашевидным тиглям с заууженным устьем, предназначенным для расплавки цветного металла перед отливкой изделий, приходят рюмковидные тигли на уплощенных ножках (рис. 21, 47).

Вожпайский комплекс с селища Сартым-урий 16 включает железные наконечники стрел, ножи и их обломки, стамески, рыболовные крючки, пинцет, крюк (стержень), шилья, иглу, набор панцирных пластин от нагрудного доспеха, бронзовые полую коньковую подвеску, антропоморфную фигурку, обломки нашивных пластинок, обломки глиняных рюмковидных тиглей и импортную (среднеазиатскую?) синюю стеклянную бусину (рис. 23).

Более двух десятков полых коньковых подвесок, несколько различающихся по размерам и иконографии, найдены на восточных склонах Урала и в Западной Сибири. Наша находка (рис. 23, 2, 2а, 2б) относится к типу приземистых коньков. Ближайшие аналогии ей – подвески из погребений могильников Барсов Городок, Сайгатинского III и VI, Ушья 1. Данный тип подвесок считается ранним и датируется концом IX–X вв. Антропоморфная фигурка (воин в сфероконическом шлеме?) с ушком на обратной стороне имеет овальное, чуть приостренное вверх лицо. Прямой

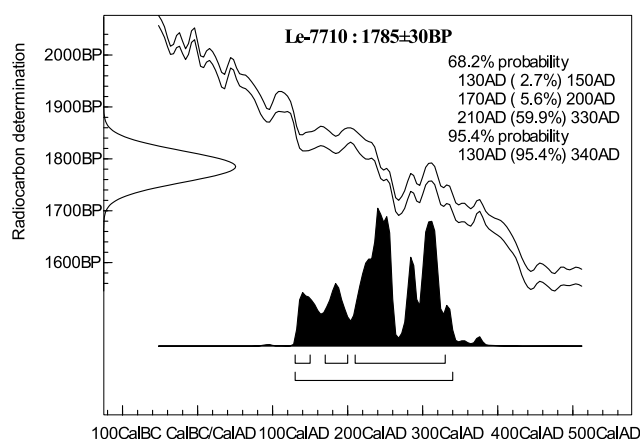
нос, отходящие от него под прямым углом брови и рот выполнены высоким рельефом, а глаза и рот процарапаны каким-то острием (рис. 23, 1, 1а). Изделие не имеет близких аналогов, несмотря на то, что известно более десятка антропоморфных фигурок, датирующихся временем существования вожпайских и кинтусовских древностей (преимущественно VIII–IX, иногда X вв.). Еще большее количество подобных поделок относится к предшествующему времени.

Уникальны для вожпайских древностей пластины, составлявшие когда-то панцирный доспех (рис. 23, 30–37). Но на памятниках юга Западной Сибири и более далеких территорий такие изделия известны, по крайней мере, с VI по XI вв. [Худяков, Соловьев, 1987].

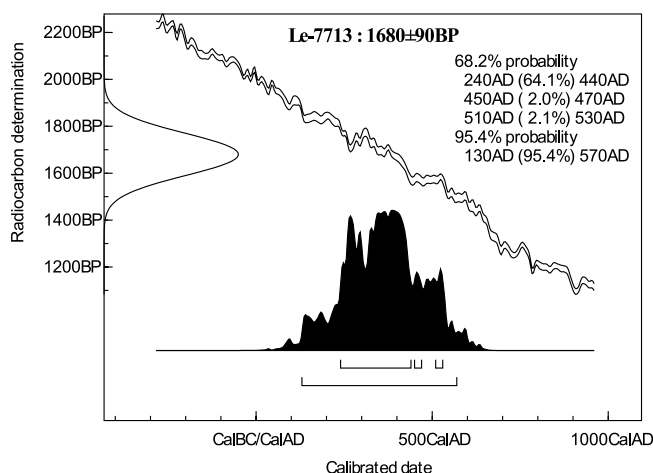
Кулайский комплекс с селища Сартым-урий 16 представлен костяной мотыжкой и железным штырьком (рис. 24, 2, 3). Последний мог принадлежать пряжке (язычок) либо являться обломком неизвестного изделия. Костяные мотыжки известны, по крайней мере, с начала II тыс. до н.э. Они найдены на городище переходного от бронзы к железу времени Чича-1 и на других памятниках. Вряд ли мотыжка из Сартым-урия 16 использовалась как сельскохозяйственное орудие, но при рытье ям, котлованов вполне могла применяться.

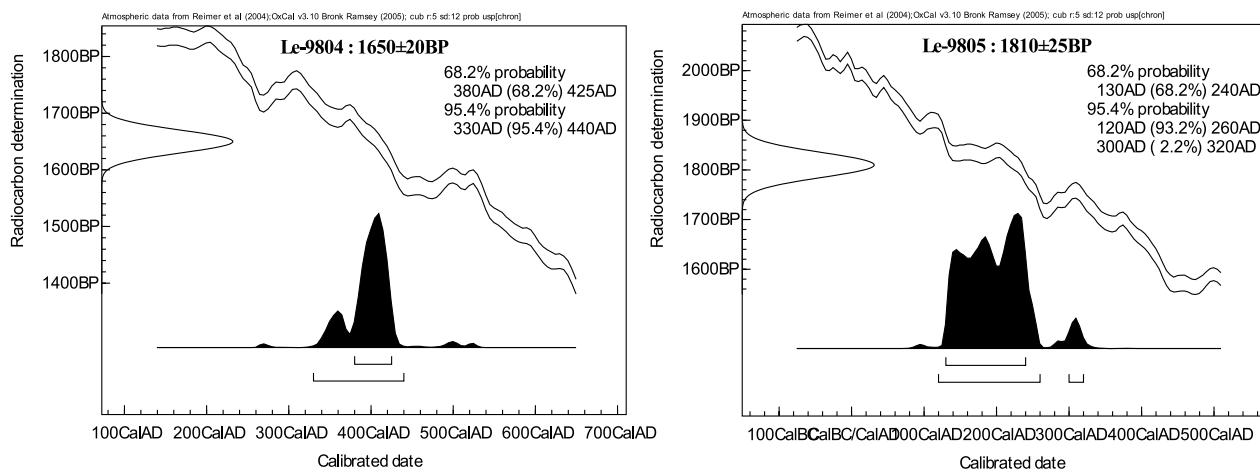
Хронология памятников

Радиоуглеродные даты карымских памятников. Для определения хронологии карымских памятников большое значение имеют даты, полученные для поселений низовьев Большого Югана. Анализ угля, взятого со дна ямы рядом с жилищем 10 на городище Сартым-урий 18, дал воз-

раст 1785±30 л.н. (Le-7710), что в интервалах калиброванных календарных дат соответствует 130–330 гг. н.э. (при степени вероятности 68,2 %) или 130–340 гг. н.э. (вероятность 95,4 %).

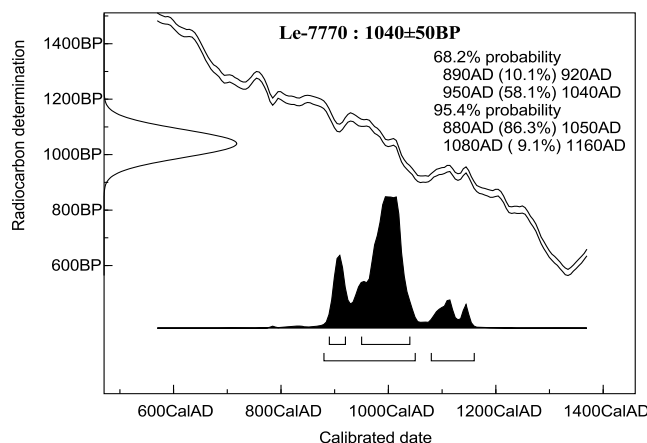

Уголь со дна кузны на селище Сартым-урий 17 показал дату 1680 ± 90 л.н. (Ле-7713). Калиброванные интервалы составили 240–530 гг. н.э. (68,2 %) и 130–570 гг. н.э. (95,4 %) [Челякин, Фефилова, 2007. С. 113, 119, 121].

По-видимому, к чуть более позднему времени относится селище Сартым-урий 16, расположенное на окраине данного куста поселений. Уголь из ямы в кузне 1 (постройка 17) дал возраст 1650 ± 20 л.н. (Ле-9804), что в калиброванных интервалах составляет 380–425 гг. н.э. (68,2 %) и 330–440 гг. н.э. (95,4 %).

Но уголь из слоя у юго-западного угла кузны 2 (постройки 16) показал 1810 ± 25 л.н. (Ле-9805), или 130–240 гг. (68,2 %) и 120–320 гг. (95,4 %).

В целом радиоуглеродные даты дали широкий хронологический интервал и оказались заниженными (II–VI вв. н.э.) по сравнению с датировкой карымских древностей, установленной на основании традиционных методов датирования по металлическому инвентарю и керамике (IV – начало VI или рубеж III/IV – начало VI вв. н.э.).

Для датировки вожпайского комплекса новых материалов не получено. Традиционно вожпайские древности датируются в рамках IX–X вв. [Карачаров, 2006; Зыков, 2006. С. 118, 119].

Интересен в этой связи результат анализа сгоревшего корня или кола (?), пронзившего остатки карымского очага на северной окраине селища Сартым-урий 17 (примерно в 40–45 м от ближайшего вожпайского жилища), – 1040 ± 50 BP (Ле-7770). В калиброванных интервалах это составило 890–1040 гг. н.э. (68,2 %) и 880–1160 гг. н.э. (95,4 %). Не исключено, что взятый уголь отражает какой-то пожар, случившийся в поздний период существования селища. Однако доказать это невозможно.

Хронологию кулайского комплекса определяют форма и орнаментация сосуда. Подобные емкости характерны для поздней стадии кулайской культуры, датирующейся началом I тысячелетия, или I–III вв. н.э.

Хозяйственная деятельность населения средневековых поселков

Основные отрасли хозяйства карымского и вожпайского населения – традиционные для жителей тайги: рыболовство и охота. Привязка поселений к водоемам, находки костей и чешуи рыб в кострах и хозяйственных ямах предполагают значительную, если не лидирующую роль рыболовства в жизни обитателей тайги в начале Средневековья. Отсутствие на раскопанных карымских памятниках глиняных и каменных грузил не исключает постоянного использования сетей для промысла рыбы. С другой стороны, этот факт указывает на особое значение заporного рыболовства на протоках и малых реках, близ которых была сосредоточена основная масса карымских поселков. По костным остаткам, собранным при раскопках карымских объектов на городище и двух селищах Сартым-урия, П. А. Косинцевым и А. Е. Некрасовым определены стерлядь, язь, плотва, чебак, карповые, щука, ерш, окунь [Челякин, Некрасов, 2007. С. 198–201; табл. 1, 2; и др.]. В вожпайских очагах селища Сартым-урий 16 найдены только кости щуки и неопределимых млекопитающих.

Отсутствие селективности в карымском наборе указывает на то, что жители тайги начала Средневековья, как и прежде, потребляли всю рыбу, которую им удавалось поймать. Кроме того, анализ чешуи, обнаруженной в одной из внешних ям на селище Сартым-урий 17, позволил установить интересный факт. Само это углубление размерами 1,4×1,1×0,3 м, расположенное рядом с предполагаемым входом в жилище, предназначалось для консервации рыбы либо для костных отбросов. Вся рыба, оказавшаяся здесь (преимущественно карповые), была выловлена с августа по сентябрь – во время миграции в верховья мелких рек, впадающих в Обь. В это время карповые продвигались к местам зимовок, спасаясь от сезонных заморозов. В ходе этих миграций рыбу можно было добывать весьма легко – на мелких водотоках с помощью простейших запоров. Найденная в той же яме единичная кость стерляди могла использоваться как проколка. Саму же рыбу могли поймать, скорее всего, не в протоке Сартым-урий, а в протекающей в полукилометре от этого места реки Большой Юган.

О занятиях карымского населения охотой, помимо костяных наконечников стрел, свидетельствуют остеологические остатки, сохранившиеся в очагах. Здесь обнаружены пережеванные кости северного оленя, лисицы, бобра, зайца, белки, соболя и птиц. А в одном из жилищ селища Сартым-урий 16 был найден фрагмент черепа лося. С кулайского времени в приобской тайге развивается специализированная охота на пушного зверя – с целью поставки больших партий шкурок животных на экспорт. Это существенно активизирует межплеменной продуктообмен – древнюю «торговлю». В карымском обществе такая отрасль экономики сохранялась, но из-за перебоя в деятельности Великого шелкового пути и его северных «пушных» ответвлений в IV–VI вв. н.э. ее значение, по сравнению с кулайским периодом, резко уменьшилось. Кости медведя на кулайских и карымских поселениях не зафиксированы. Между тем изображения этого животного на металлических предметах (и в двух случаях – на глиняных сосудах) в Сургутском Приобье известны с кулайского времени. В начале Средневековья в приобской тайге получают широкое распространение прямоугольные накладки с рельефными фигурами медведей в жертвенной позе, а также бляхи с профильными изображениями этого животного. Такие изделия обнаружены и на карымских памятниках Сартым-урия. Это предполагает убийство зверя в ритуальных целях и поедание его мяса на культовых местах во время периодических медвежьих праздников.

Вспомогательную роль в хозяйственной деятельности аборигенов таежного края продолжали играть собирательство (сбор ягод, целебных трав, кедровых орехов и прочего), а также домашние производства, в том числе обработка дерева, кости, шкур животных и цветных металлов. При этом медь, олово, серебро и бронза – при отсутствии в западносибирской тайге собственных рудных источников – были, как и прежде, исключительно привозными. Их получали в ходе многоступенчатых торгово-обменных операций – в виде лома, слитков и готовых изделий – с Алтая, Урала, из Приуралья, Казахстана, Средней Азии и более удаленных регионов Евразии.

Перековка металла и отливка собственных изделий происходили круглогодично, в том числе в жилищах и на кострах под навесами. С рубежа эр (кулайское время) и особенно с начала Средневековья (карымский период) большое значение в приобской тайге приобретает черная металлургия полного цикла: поиск и добыча болотной руды, изготовление железа и изделий из него. На становление технологии производства нового металла в тайге, безусловно, оказал влияние южный импульс. Последнее подтверждается более поздним появлением изделий из железа (V в. до н.э. – рубеж эр) и металлургических объектов в лесной зоне Западной Сибири по сравнению с лесостепными и степными территориями Евразии. Новый металл первоначально импортировался в виде готовых изделий, а со временем начал производиться повсеместно. Один из местных центров такого производства в карымский период находился на протоке Сартым-урий. Именно здесь, на городище и двух селищах, обнаружены первые, самые древние и бесспорные специализированные сооружения, предназначенные для обработки и, возможно, производства черного металла кузни. Каждая из них занимала отдельное помещение. Во всех поселках их было от одной до двух. Судя по находкам в кузнях железных шлаков, простейших горнов и предметов из черного металла, на каждом большом карымском поселении в Сургутском Приобье, как и на релкинском в Нарымском Приобье [Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990. С. 47], работал свой кузнец-универсал, снабжавший своими изделиями все население общины.

Появление черного металла стимулировало развитие всех сторон жизнедеятельности приобских общин. В частности, использование железных орудий облегчило и модернизировало сооружение фортификаций, жилых, культовых, производственных и хозяйственных объектов, запорных устройств на реках для массовой добычи рыбы, охотничьих изгородей, ям-ловушек, слопцов и других приспособлений. Стало железным и оружие. Тем не менее это не исключило потребность населения тайги в цветном металле. Правда, последний стал использоваться не для изготовления орудий труда и оружия, а для отливки украшений, предметов культовой практики, деталей парадного вооружения и костюма. Во второй половине I – начале II тыс. н.э. импорт цветного лона, престижных бронзовых, серебряных и даже золотых украшений в обмен на пушнину вновь увеличился, что стало следствием реанимации старых и формирования новых торгово-обменных коммуникаций на севере Евразии.

Динамика развития поселений на протоке Сартым-урий

Исходя из результатов радиоуглеродного датирования и анализа материала, самые ранние памятники в исследованном нами микрорайоне – это селище Сартым-урий 17 и городище Сартым-урий 18. Появление укрепленного поселка в начале Средневековья на протоке Сартым-урий, безусловно, неслучайно. Хотя внешнеполитическая обстановка и общая тенденция социально-экономического развития обществ тайги после кулайской «эпохи» не вполне способствовала развитию у них градостроительства. Необходимость возведения крепостей в тайге в карымское время явно шла на убыль. Об этом свидетельствует сокращение количества карымских городищ по сравнению с предыдущим периодом, упрощение планировки укрепленных поселков при увеличении их размеров и уменьшении мощности их фортификаций. Более того, городища в Среднем Приобье вновь превращаются из поселений местной элиты в места жизнедеятельности большей, в том числе рядовой, части населения общин. Это происходило в результате целого комплекса событий, связанных с эпохой Великого переселения народов.

В условиях изменения политической обстановки в евразийских степях, связанной с миграциями гуннов во II–IV вв. н.э., оттоком массы лесостепного тоболо-иртышского населения на запад (вынужденная миграция племен саргатской культуры – древнейших предков венгров), господством в IV–VI вв. разбойников-жужаней в Северном Китае и на окружа-

ющих территориях, в III–VI вв. наблюдался отток части лесного населения на юг – в южно-таежные районы Западной Сибири. Обстановка в приобской тайге стала более мирной.

По тем же причинам в это же время в Центральной и Северной Азии наблюдалось явное снижение активности торгово-обменной деятельности, а также более часто случались перебои в функционировании Великого караванного шелкового пути и его северных «пушных» ответвлений, уходивших вглубь лесного Приуралья и западносибирской тайги. В начале Средневековья резко снизился приток в тайгу цветного металла, импортных украшений и тканей. Как результат: сократился объем пушной охоты и «торговли», снизились темпы социально-экономической дифференциации в таежных коллективах, которые вернулись практически на уровень докулайского периода. Вместе с тем уменьшение импорта меди и бронзы стимулировало собственное производство черного металла, а также полное замещение орудий труда и оружия из цветного металла железными изделиями. В значительной мере благодаря этому таежное Приобье окончательно вступило в железный век – эпоху железного топора и меча. Это отразилось, в частности, на уровне домостроительства и градостроительства местных общин, в том числе на постепенном внедрении срубной техники возведения стационарных жилищ.

Судя по плотному и не очень системному расположению объектов на городище Сартым-урий 18, вероятным их перестройкам, а также по находкам обломков карымской посуды и бронзовой накладки под городищенским валом, данное укрепление возникло уже на частично застроенной площадке. Возможно, укрепленный поселок был основан на руинах более древнего карымского селища, население которого начало возводить вокруг него защитный пояс от врагов, который так и не был достроен. Не менее вероятно, что со временем городище могло превратиться в укрепление с «посадом» либо – в свете изложенных причин – просто могло быть разрушено и сменено селищем Сартым-урий 16. В конечном счете укрепленный поселок погиб и был заброшен, а на его территории, возможно, были произведены захоронения. При этом мы отдаем себе отчет в том, что не все вскрытые объекты на новых селищах были построены и существовали одновременно. Очевидно, часть домов и хозяйственных построек постепенно ветшала, приходила в негодность, намеренно разрушалась или случайно сгорала. На свободном пространстве возводились новые жилища и производственные объекты, а центр всего жилого комплекса постепенно смещался к северу – в сторону большого оврага и обширного коренного мыса.

Итоги исследования

В результате «противоаварийных» и аварийно-спасательных работ на трех поселениях в зоне строительства продуктопроводов НГДУ «Майскнефть» ОАО «Юганскнефтегаз» и ООО «РН-Юганскнефтегаз» вскрыто 4 768 кв. м площади культурного слоя. Выявлены материалы трех культурно-хронологических периодов: кулайского раннего железного века (IV/III вв. до н.э. – III в. н.э.), карымского (III/IV – начало VI вв. н.э.) и вожпайского (конец IX – X вв.) Раннего Средневековья. Изучены остатки фортификаций Раннего Средневековья. Раскопано 37 карымских и 5 вожпайских жилых, хозяйственных и производственных сооружений. В том числе на всех памятниках открыты остатки бронзолитейного производства, а главное – металлургические комплексы (кузны) для обработки и, возможно, производства железа, древнейшие в Сургутском и Нижнем Приобье. Уже после наших работ, в августе – сентябре 2012 г., экспедициями под руководством С. А. Мызникова и В. А. Маракулина на селище Сартым-урий 16 были вскрыты последние выраженные в рельефе 6 объектов (общая площадь этих раскопов составила 1500 кв. м)^{*}. Все они датированы карымским периодом. При этом выяснилось, что последний объект находился на самом мысу и представлял собой какую-то

^{*} Авторы благодарны С. А. Мызникову и В. А. Маракулину за информацию о результатах раскопок.

хозяйственную (промысловую?) постройку (рис. 15). Возможно, здесь хранились снасти, стояли лодки обитателей древнего поселка.

На сегодняшний день памятники на протоке Сартым-урий являются самым детально изученным комплексом поселений Раннего Средневековья в средней и северной тайге Приобья. Его материалы являются опорными для характеристики карымского этапа обь-иртышской культурно-исторической общности и отчасти – для вожпайских древностей. Однако исследования этого комплекса не закончены. Между раскопами основной части селища Сартым-урий 16 и постройкой на мысу расстояние вдоль берега составляет 24 м, и на нем можно ожидать новых открытий. Но еще важнее нераскопанная южная часть городища. Детальное изучение остатков фортификаций городища Сартым-урий 18, а также пространства между краем террасы и южным концом рва могут пролить свет на то, почему значительная часть внутренней площадки осталась незастроенной, почему не закончено возведение оборонительных сооружений, что случилось с населением укрепленного поселка. Завершение раскопок этих памятников актуально и из-за угрозы их уничтожения при непредвиденных ситуациях на трубопроводах, как это показал горький опыт 2000-го года.

Литература

- Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. – Томск: ТГУ, 1983. – С. 118–123.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П., 2012. Карымские памятники таежного Приобья: основные характеристики // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2012. – Вып. 10. – С. 155–216.
- Говейлер Т. А., 2007. О соотношении памятников карымского и туманского типов // Материалы XXXIX УПАСК. – Пермь: ПГПУ, 2007. – С. 187–190.
- Гриневич К. Э., 1947. Опыт классификации и датировки басандайской керамики // Басандайка (Труды ТГУ и ТГПИ). – Томск: ТГУ, 1947. – Т. 98. – С. 139–147.
- Зыков А. П., 2006. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. – С. 109–124.
- Зыков А. П., Федорова Н. В., 2001. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: Сократ, 2001. – 176 с.
- Каменский С. Ю., Жирных Е. А., 2006. Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. – Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2006. – Вып. 3. – С. 168–178.
- Карачаров К. Г., 2006. Вожпайская археологическая культура // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург: УрО РАН, 2006. – № 14. – С. 135–149.
- Мандрыка П. В., 1997. Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка, или К вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в красноярской лесостепи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: ТГУ, 1997. – С. 209–216.
- Очерки культуругенеза, 1994а. Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. – Т. 1: Поселения и жилища. – Томск: ТГУ, 1994. – Кн. I. – 485 с.
- Перевошиков С. Е., 2002. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху Средневековья (технологический аспект). – Ижевск, 2002. – 176 с.
- Сургутское Приобье, 1991. Сургутское Приобье в эпоху Средневековья / Н. В. Федорова [и др.] // ВАУ. – Свердловск: УрГУ, 1991. – Вып. 20. – С. 126–145.
- Хлобыстин Л. П., 1993. Вожпайская культура на Западном Таймыре и вопросы ее этнической принадлежности // Ad Polus. Археологические изыскания. – СПб.: Фарн, 1993. – Вып. 10. – С. 19–27.

Худяков Ю. С., Соловьев А. И., 1987. Из истории защитного доспеха Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 135–163.

Челякин Ю. П., 2008а. Бронзовая металлопластика из раннесредневековых памятников в бассейне Большого Югана // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. III. – С. 78–81.

Челякин Ю. П., 2008б. Древности карымского времени в бассейне Большого Югана // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. – Томск: Аграф-Пресс, 2008. – С. 219–223.

Челякин Ю. П., Карачаров К. Г., 1999. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: материалы к атласу. Екатеринбург: Тезис, 1999. С. 9–66.

Челякин Ю. П., Карачаров К. Г., 2002. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: материалы к атласу. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 5–74.

Челякин Ю. П., Некрасов А. Е., 2007. Материалы по рыболовству раннесредневекового населения бассейна Средней Оби // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск; Эдмонтон: ИрГТУ, 2007. – С. 198–201.

Челякин Ю. П., Фефилова Т. Ю., 2007. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях п. Угут Сургутского района ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2007. – Вып. 5. – С. 111–121.

Чернецов В.Н., 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // МИА. – 1957. – № 58. – С. 136–246.

Чиндина Л. А., 1977. Могильник Релка на Средней Оби. – Томск: ТГУ, 1977. – 193 с.

Чиндина Л. А., Яковлев Я. А., Ожередов Ю. И., 1990. Археологическая карта Томской области. – Томск: ТГУ, 1990. – Т. I. – 340 с.

Рис. 1. Поселения на протоке Сартым-урий. Вид сверху, с запада. Фото С. А. Гусева. 2002 г.

Рис. 2. Строительная техника на разрушенной вырубкой части селища Сартым-урий 16. На переднем плане – раскоп. Фото Ю. П. Чемякина. 2011 г.

Рис. 3. Представители ООО «Юганскнефтегаз», ООО «НПО «Северная археология – 1» и Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО на разрушенной части селища Сартым-урий 16. Фото В. А. Борзунова. 2012 г.

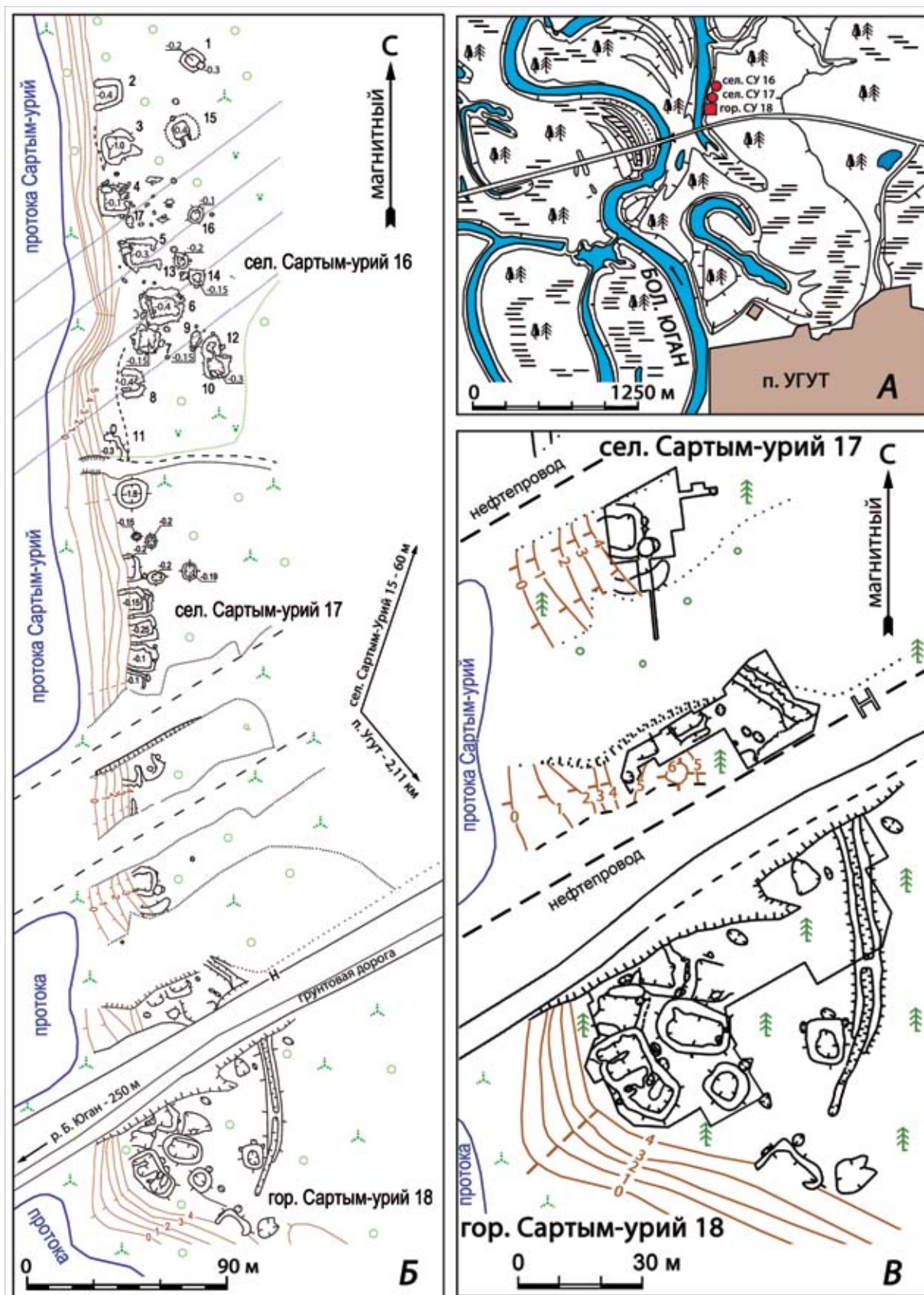

Рис. 4. Поселения на протоке Сартым-урий: А – план окрестностей пос. Угут; Б – общий план поселений; В – план городища Сартым-урий 18. Съемка Т. Ю. Фефиловой, Т. А. Говейлер, А. С. Липса, 2008 г.

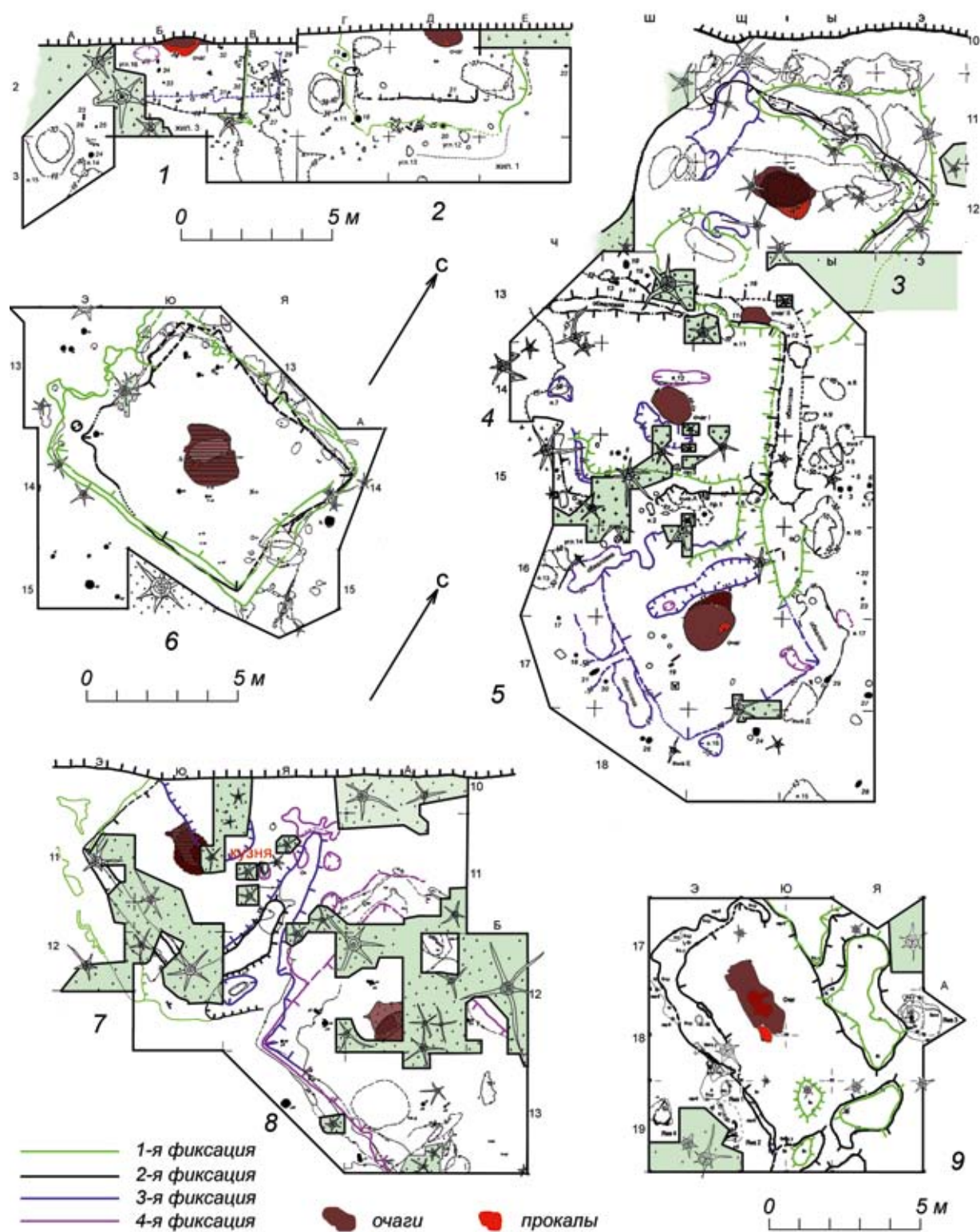

Рис. 5. Городище Сартым-урий 18. Планы сооружений: 1 – жилище 3; 2 – жилище 1; 3 – жилище 9; 4 – жилище 4; 5 – жилище 5; 6 – жилище 6; 7 – жилище 8; 8 – жилище 7; 9 – жилище 10

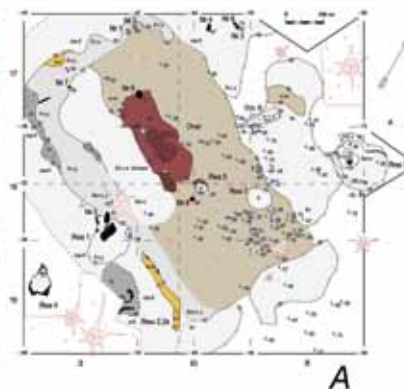

Рис. 6. Городище Сартым-урий 18. Жилище 10 на глубине –50 см (вид с ЮЗ); А – план жилища 10

Рис. 7. Селище Сартым-урий 16. Жилище 4 на глубине –120 см (вид с ЮЗ)

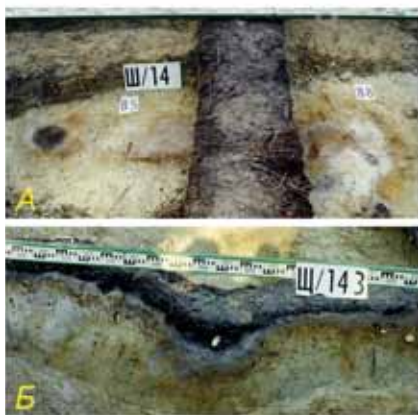

Рис. 8. Городище Сартым-урий 18. Жилище 4. План (А) и профиль (Б) ямы 12 (погребения?)

Рис. 9. Селище Сартым-урий 16. Угол постройки 5а и яма 8 (вид с востока)

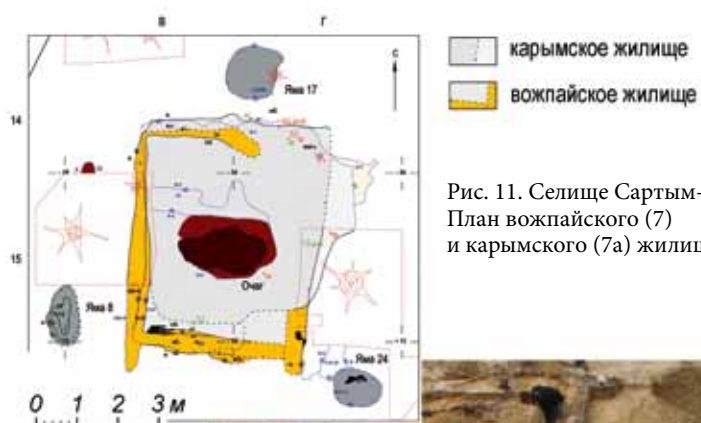

Рис. 11. Селище Сартым-урий 16.
План возжайского (7)
и карымского (7а) жилищ

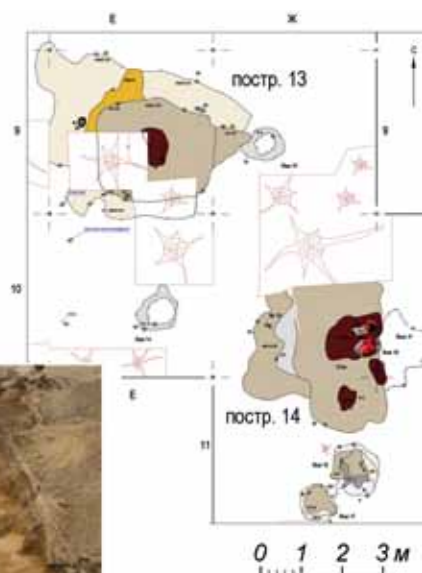

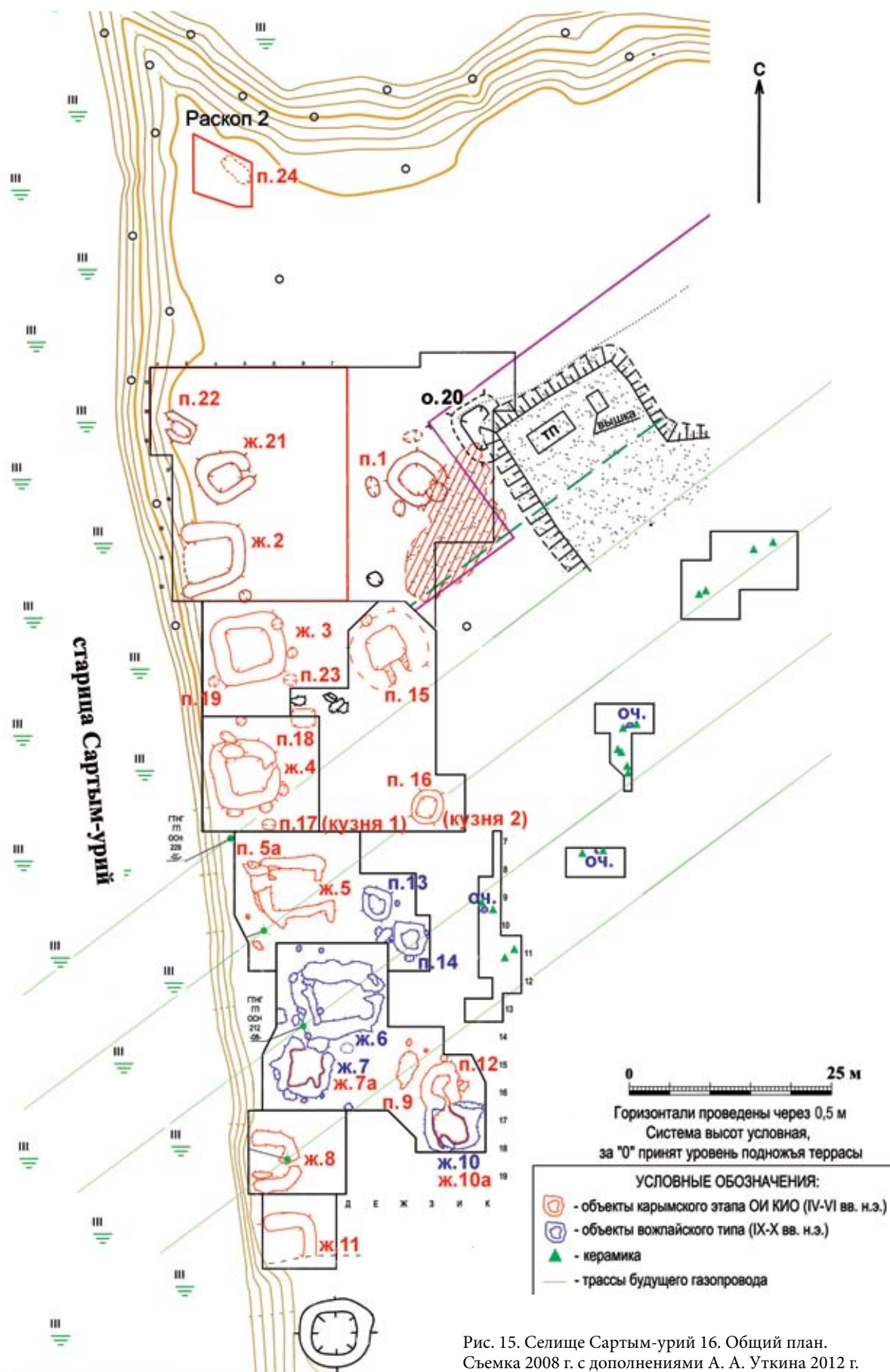
Рис. 12. Селище Сартым-урий 16. Планы возжайских построек 13 и 14

Рис. 13. Селище Сартым-урий 16.
Постройка 15
на глубине -130 см
(вид с СС3)

Рис. 14. Селище Сартым-урий 16.
Постройка 15 на глуби-
не -170 см (вид с СС3)

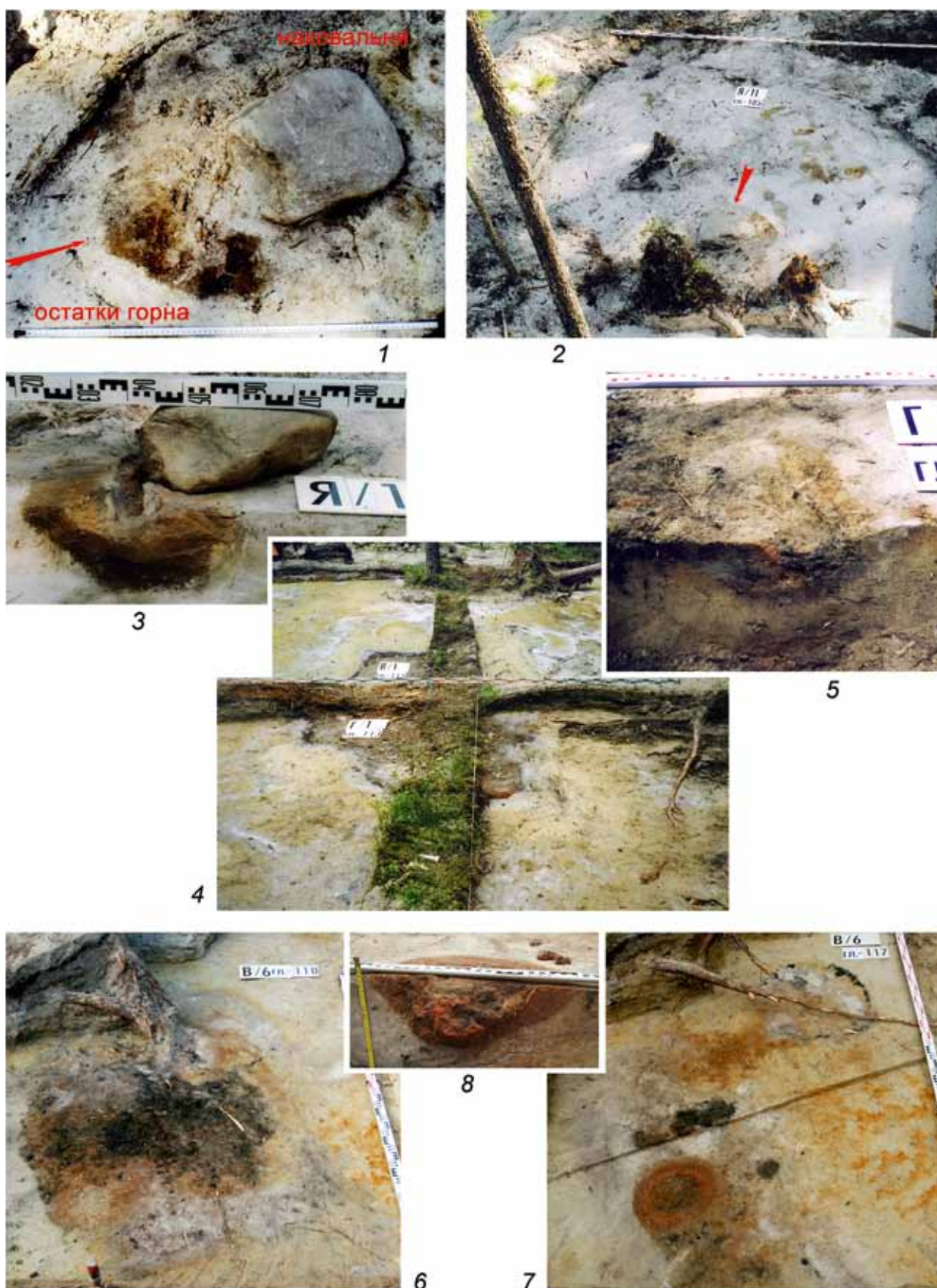

Рис. 16. Кузни. 1–3 – городище Сартым-урий 18 (жилище 8); 4, 5 – селище Сартым-урий 17 (постройка 10); 6–8 – селище Сартым-урий 16, кузня 1 (постройка 17)

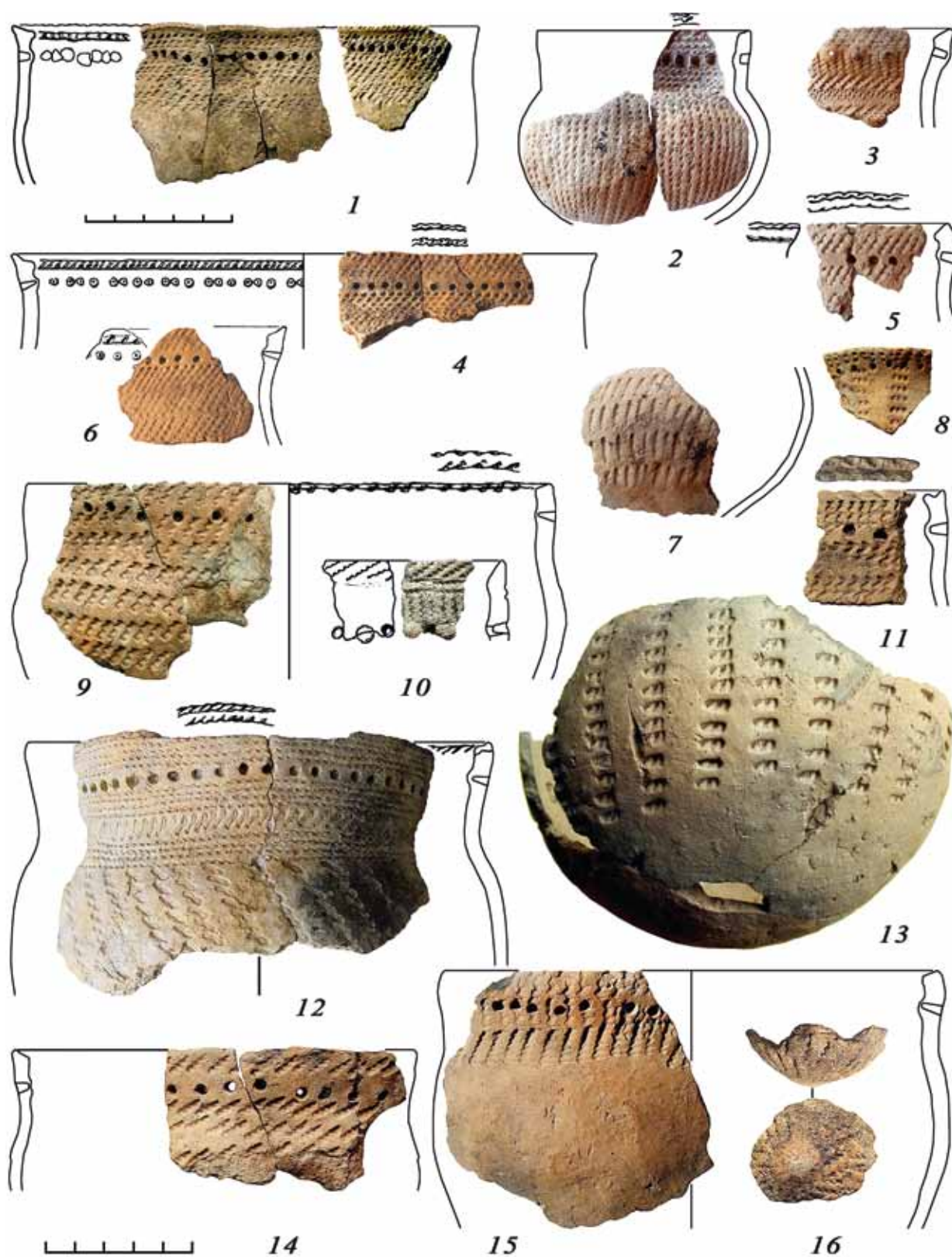

Рис. 17. Карымская керамика I типа. 1, 4, 6 – городище Сартым-урий 18;
2, 3, 5, 7 – селище Сартым-урий 17; 8–16 – селище Сартым-урий 16, кузня 1 (постройка 17)

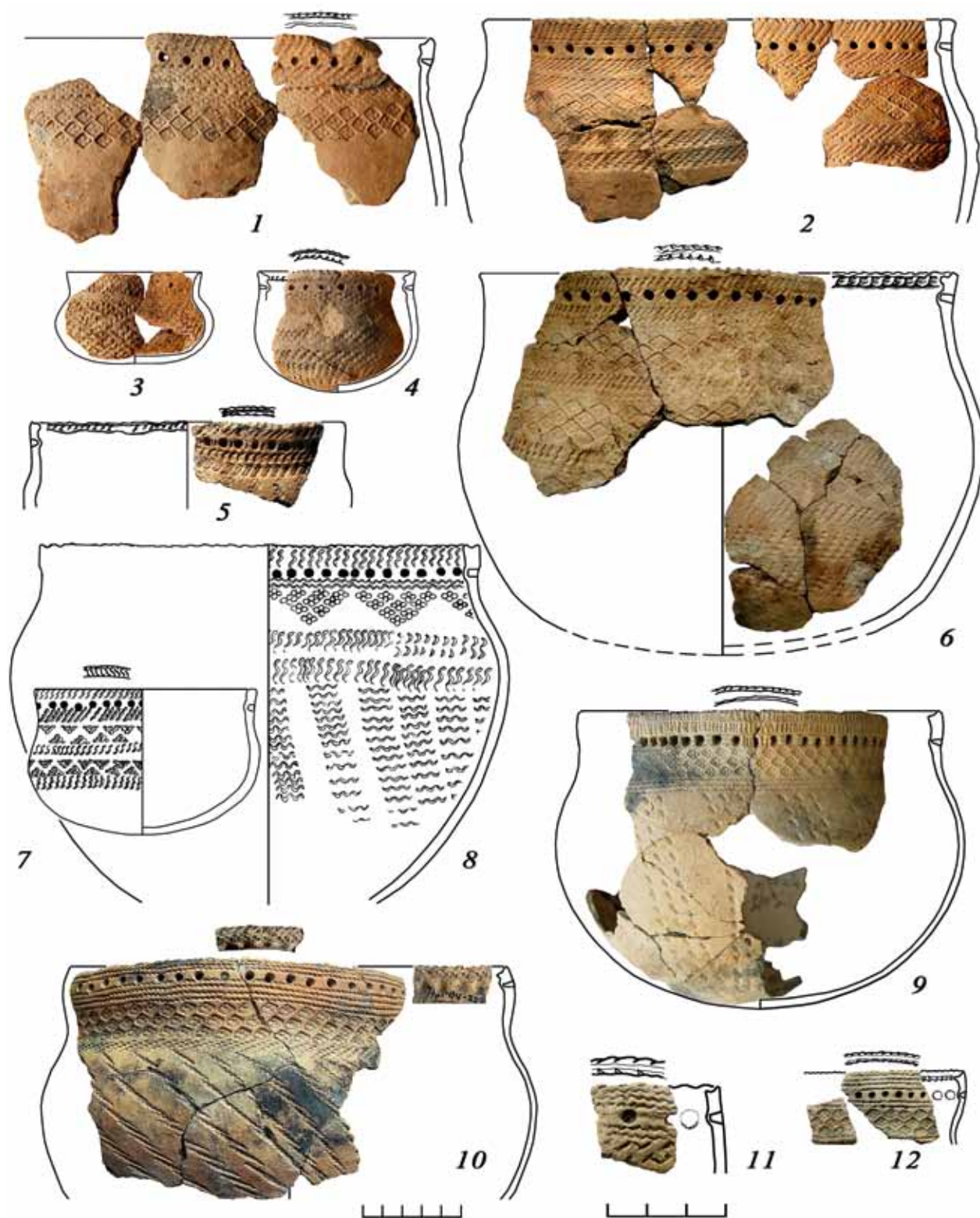

Рис. 18. Карымская керамика II типа. 1–4, 6 – городище Сартым-урий 18;
5, 7, 8 – селище Сартым-урий 17; 9–12 – селище Сартым-урий 16

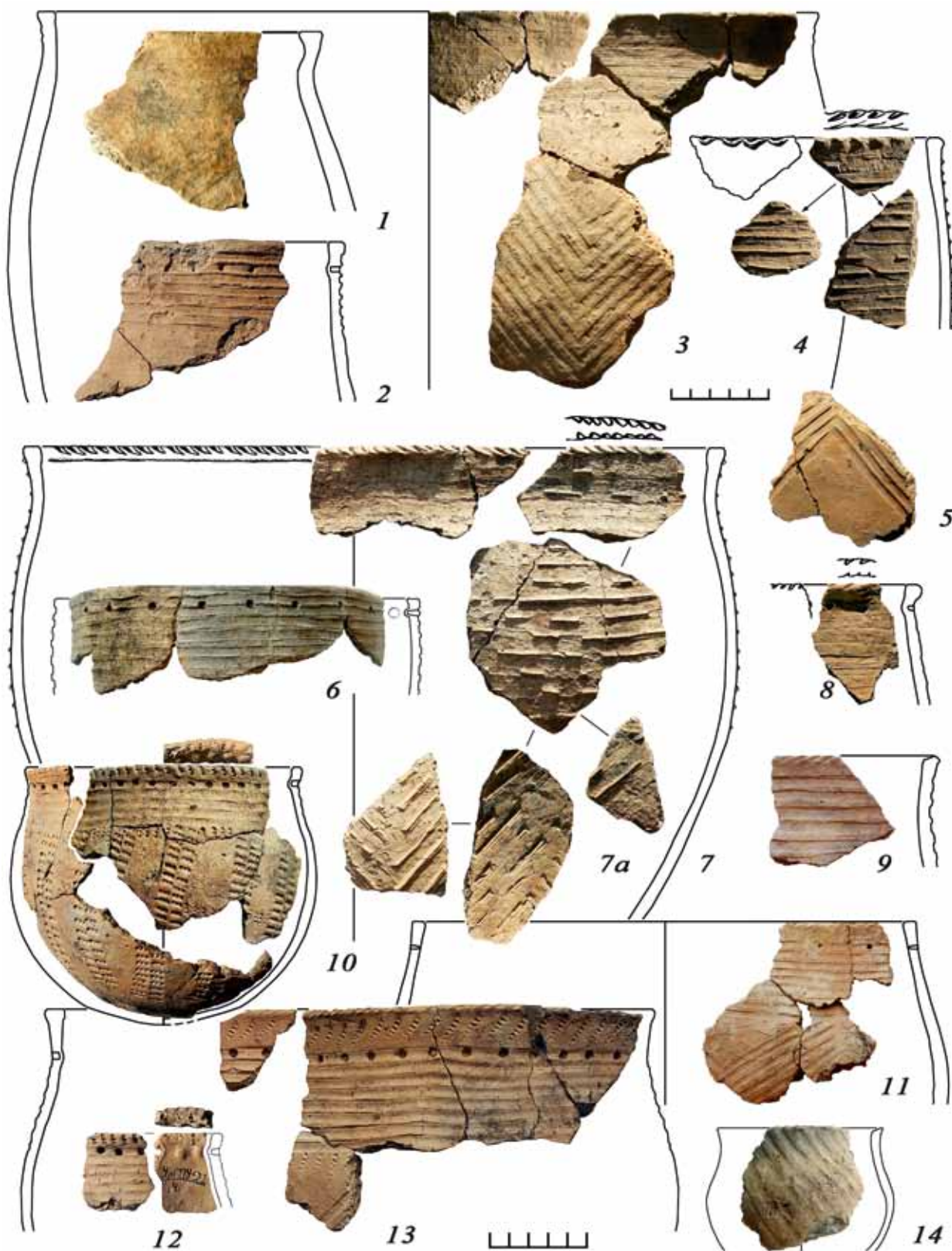

Рис. 19. Карымская керамика III типа. 1, 3, 4, 7 – городище Сартым-урий 18;
5, 8, 9, 11 – селище Сартым-урий 17; 2, 6, 10, 12–14 – селище Сартым-урий 16

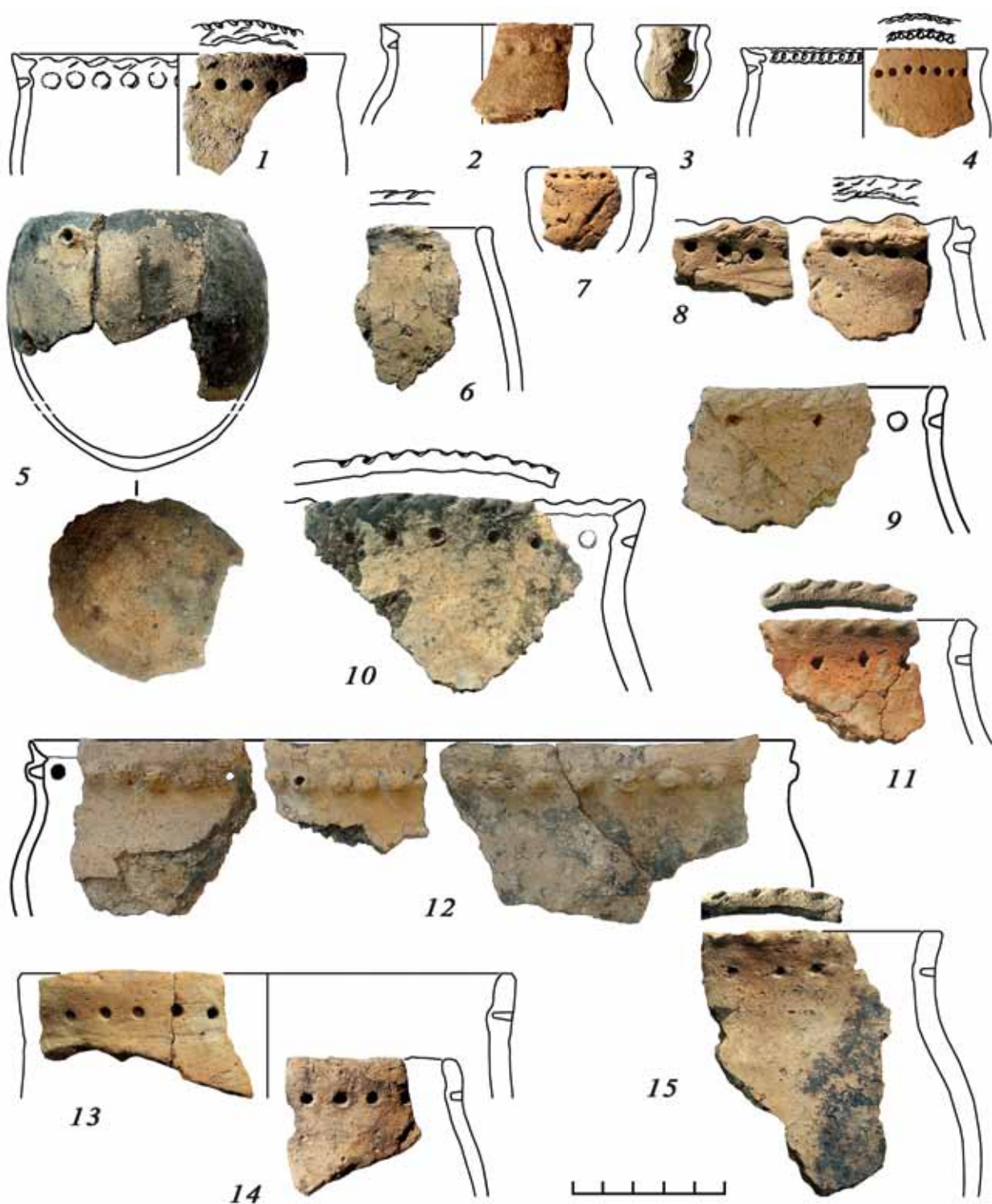

Рис. 20. Карымская керамика IV типа. 1–4 – городище Сартым-урий 18;
7, 8 – селище Сартым-урий 17; 5, 6, 9–15 – селище Сартым-урий 16

Рис. 21. Карымский вещевой комплекс. 1–8, 23–25, 32 – наконечники стрел; 9–19 – кольчужные кольца; 20, 26–28 – бляхи; 21 – навершие; 22 – пронизка; 29 – пряжка; 30, 31 – шилья; 33 – игла; 34, 37, 46, 49–53 – пластины; 35, 36, 38–42 – ножи; 43, 44 – крючки; 45, 57, 58 – абразивы, оселки; 47 – фрагмент тигля; 48 – грузило (?); 54, 55 – стержни; 56 – льячка. 1–6, 8, 21, 27, 28, 47, 48, 56 – городище Сартым-урий 18; 7, 9–14, 20, 22, 24–26, 31, 33–37, 41–46, 49–55, 57, 58 – селище Сартым-урий 16; 15–19, 23, 29, 30, 32, 38–40 – селище Сартым-урий 17. 1–8 – кость; 9, 20–22, 26–28 – бронза; 45, 57, 58 – камень; 47, 48, 56 – глина; остальное – железо

Рис. 22. Селище Сартым-урий 16. Вожпайская керамика

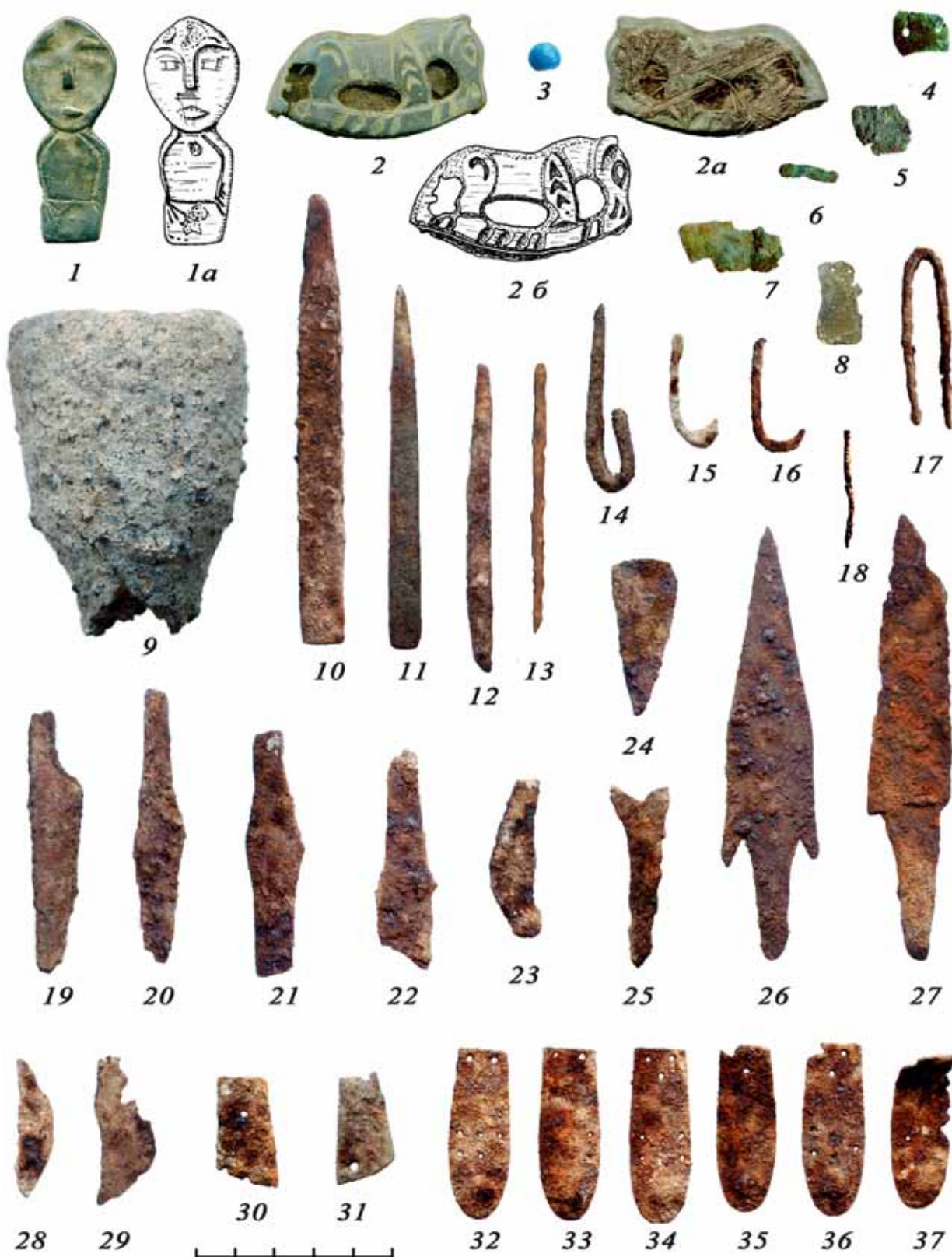

Рис. 23. Селище Сартым-урий 16. Вожпайский вещевой комплекс: 1, 1а – антропоморфная фигурка; 2, 2а, 2б – коньковая подвеска; 3 – бусина; 4, 8 – нашивки; 5–7 – пластинки; 9 – тигель; 10, 11 – стамески; 12, 13 – шило; 14 – крюк (стержень); 15, 16 – рыболовные крючки; 17 – пинцет; 18 – игла; 19–23, 28, 29 – ножи; 24–27 – наконечники стрел; 30–37 – панцирные пластины. 1, 2, 4–8 – бронза, 3 – стекло, 9 – керамика, остальное – железо

Рис. 24. Селище Сартым-урий 16. Раскоп 9.
Кулайский комплекс: 1 – фрагменты глиняного сосуда; 2 – костяная мотыжка; 3 – обломок железного изделия

С. Г. Пархимович

Поселение Усть-Камчинское 2 на реке Малый Салым (к проблеме возникновения черной металлургии в Северо-Западной Сибири)

Поселение Раннего Средневековья, результатам раскопок которого посвящена данная статья, находилось на левобережье Сургутского Приобья, в бассейне реки Малый Салым (приток Большого Салыма), в зоне хозяйственной деятельности ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз» (г. Нефтеюганск). В процессе геологоразведки и установки буровой вышки археологический памятник был сильно поврежден. На основании договора, заключенного между нефтяниками и муниципальным учреждением «Центр историко-культурного наследия» (ныне – предприятие ООО «НПО «Северная археология – 1», г. Нефтеюганск), археологическая экспедиция последнего под руководством Г. П. Визгалова в 2001 г. провела полное исследование сохранившейся части поселения. Помимо «стандартного набора» археологических артефактов в виде обломков глиняной посуды, при раскопках были найдены сооружения и остатки, безусловно связанные с металлургическим производством, точнее – с изготовлением железа. При этом следует подчеркнуть, что здесь мы имеем дело с одними из самых ранних и первых исследованных объектов черной металлургии в данном районе. Последнее обстоятельство позволяет нам провести специальное изыскание, связанное со становлением черной металлургии на территории северо-западных областей таежного Приобья.

Бассейн реки Малый Салым сегодня практически не населен: о присутствии людей здесь свидетельствуют лишь объекты нефтепромысла. Между тем в прежние времена этот богатый рыбой и зверем край был постоянно обитаем. В XIX–XX вв. здесь существовало поселение – юрты Савконины (Савкунины), – располагавшееся в среднем течении реки, на ее правом берегу. В конце XVII в. Малый Салым был еще более густо заселен: на атласах известного сибирского историка и картографа С. У. Ремезова на левом берегу реки отмечены 3 остяцкие юрты, а на правом берегу, в среднем ее течении, – «городок Малой Салым» [Вершинин, 2005. С. 43–44, 54–59]. О бурных событиях периода, предшествовавшего русской колонизации Сибири (XIV–XVI вв.), рассказывают героические сказания, записанные у салымских хантов в 1991–1994 гг. Согласно им князья-богатыри Малого Салыма, периодически отражавшие вражеские набеги, жили в укрепленных поселениях – городках. В сказаниях упоминаются 4 таких городка, один из которых находился недалеко от устья реки, другие – в ее среднем течении. Среди последних – резиденция легендарного местного князя-богатыря Ай-орт-ики – городок Вошин-мыттын, располагавшийся на правом берегу Малого Салыма, рядом с устьем реки Камчинской. По археологическим материалам, этот памятник датируется XI – началом XVI вв. [Иванько, Кардаш, Суровень, 2000. С. 55–66]. О более ранних периодах истории коренного населения этого района данные отсутствуют, за исключением материалов раскопанного археологического памятника.

Поселение Усть-Камчинское 2. Местонахождение и история исследования

Памятник находился в Нефтеюганском районе ХМАО, в 5,1 км к СВ от юрт Савкунины Зимние и 27 км к ЮЮЗ от пос. Лемпино (рис. 1). Остатки древнего поселка обнаружены в 1991 г. О. В. Кардашом [Кардаш, А–1992] на мысу коренной террасы правого берега Малого Салыма, в 380 м к востоку от устья ее правого притока – реки Камчинской. С запада мыс ограничен старичным оз. Вошин-мыттын, а с юга – старичным руслом реки Камчинской (рис. 2). С ЮЮЗ и ССВ терраса пересечена зимней грунтовой дорогой, идущей от пристани на буровые. В 120 м к востоку от края террасы находилась разведочная скважина № 211 Приразломного месторождения нефти. В том же году при подготовке площадки под буровую установку поверхность памятника и прилегающая к ней территория на площади 4 га были очищены от леса и выровнены бульдозером. При этом культурный слой памятника был в значительной степени разрушен и перемешан с материковым грунтом. Собранный с поверхности мыса материал представлен 56 обломками орнаментированных глиняных сосудов. Первооткрыватель памятника отнес их к карымскому этапу нижнеобской археологической культуры и датировал поселение VI–VII вв. [Там же. С. 26]. Работы по разведочному бурению, начатые в 1993 г. Правдинской нефтегазоразведочной экспедицией, привели к еще большему разрушению культурного слоя, что выяснилось после повторных обследований памятника в 1994 г. [Кардаш, А–1995] и 1997 г. [Арефьев, Кардаш, А–1998]. Площадь поселения, судя по распространению подъемного материала, равнялась 2700 кв. м.

Аварийные раскопки 2001 г. Главными задачами археологической экспедиции были обнаружение участков сохранившегося культурного слоя, их полное исследование, определение характера памятника, а также уточнение его датировки. В ходе обследования участка, на котором располагался памятник, выяснилось, что подъемный материал был распространен на площади около 1 га: на протяжении 176 м к северу от бревенчатого настила заброшенной вертолетной площадки, находившейся на стрелке мыса, в 40–60 м к востоку от края террасы. Поиски сохранившихся участков культурного слоя и остатков древних сооружений производились посредством траншей, заложенных в местах скоплений подъемного материала (рис. 2). Траншея № 1 (12×1 м) находилась в южной части памятника, на месте развилки дороги, рядом с вертолетной площадкой. Траншеи № 2 (10×1 м) и 3 (9×1 м) – под бревенчатым настилом этой площадки, траншея № 4 (59×1 м) – в северной части памятника. Общая площадь траншей составила 90 кв. м. В результате проведенных аварийно-спасательных работ выяснилось, что культурный слой, по-видимому незначительной мощности, в траншеях был перемешан с материковым грунтом и дерновым слоем. В траншеях № 1–3 было найдено 37 мелких фрагментов керамики. В траншее № 4 следы культурного слоя и археологические материалы отсутствовали.

На участках, приуроченных к скоплениям керамики, были разбиты два раскопа: № 1 (108 кв. м) – в южной части памятника, рядом с траншеей № 1, раскоп № 2 (69 кв. м) – в северной части памятника, рядом с траншеей № 4.

Раскоп № 2 (рис. 2). Культурный горизонт в нем не был зафиксирован. Очевидно, последний был срезан бульдозером и сдвинут под обрыв берега старичного озера. В отвале, в слое перемешанной серо-желтой супеси, было найдено 25 обломков керамики, в том числе 5 венчиков от трех горшков и 11 орнаментированных фрагментов стенок. Еще 2 венчика и 6 обломков стенок от тех же сосудов были собраны с поверхности участка до начала раскопок.

Раскоп № 1, ориентированный по сторонам света, заложен на площадке, примыкавшей с юга к траншее № 1 (рис. 2; 3). С запада он был ограничен обрывом коренной террасы, с остальных сторон – разветвлениями грунтовой дороги, идущей к реке Малый Салым. Дерновый слой здесь отсутствовал. С поверхности было собрано несколько десятков мелких фрагментов керамики, в том числе 8 обломков стенок, орнаментированных ромбическим и гребенчатым штампами. Площадь раскопа (117 кв. м) разбита на 13 участков размерами 3×3 м.

Практически на всей площади раскопа № 1 залегал перемешанный слой желто-серого пестроцвета толщиной 5–25 см. Последний сформировался из материковой светло-желтой супеси, темно-серого подзола и разрушенного культурного слоя в результате выравнивания поверхности террасы грейдером в 1996 г. В переотложенном культурном горизонте встречались мелкие фрагменты керамики. Под данным горизонтом в центральной части раскопа была зафиксирована аморфная в плане линза коричнево-серого пестроцвета толщиной до 25 см, содержащая преимущественно остатки передвинутого и спрессованного дерна. В ней были найдены мелкие фрагменты керамики, кусочки обожженной и ошлакованной глины из разрушенного культурного слоя. О том, что дерн в данном слое был переотложен, свидетельствовало отсутствие под ним подзола, а также наличие в слое щепы, обломков сучьев, древесной трухи и кусочков бетона. Этот слой образовался в результате выкорчевки пней и последующего выравнивания поверхности террасы тяжелой техникой. Ниже, на тех же участках, сохранились участки непотревоженного культурного слоя – светлой серо-желтой супеси – с остатками древних сооружений, маркированных по дну и стенкам углистой прослойкой. На остальной части раскопа культурный слой отсутствовал.

В целом на раскопе стратиграфия следующая (рис. 3): желто-серый гумусированный пестроцвет – перемешанный и переотложенный грунт (мощностью 5–25 см); серо-коричневый пестроцвет – сдвинутый переотложенный дерн (1–25 см); культурный слой – светлая серо-желтая супесь (до 17 см); углистые прослойки в остатках сооружений (до 6 см); линзы прокаленной оранжево-красной супеси (до 16 см); желто-серая переотложенная материковая супесь – выкиды из ям (до 21 см); желто-серая материковая супесь.

Вскрытые объекты. На уч. В–Г/8–9, начиная с уровня –15 см, начали прослеживаться остатки котлована жилища. Котлован, по-видимому, был подпрямоугольный со кругленными углами. Сохранилась только его восточная часть, в том числе восточная стенка длиной 2,85 м, а также частично – северная и южная (рис. 3). При этом восточная стенка имела дугообразный в плане выступ длиной 0,39–0,58 м, шириной 0,25–0,7 м, отмечавший вход в постройку. Северная и южная стенки были прослежены соответственно на длину 1,6 и 2,75 м. В плане они фиксировались в виде прямых линий, ориентированных по оси ЗСЗ – ВЮВ. Северный отрезок восточной стенки котлована – прямой, длиной 1,1 м, ориентирован в направлении, близком к меридиональному. Отрезок к югу от входа имел длину 1,75 м и был ориентирован по оси ЮЗ–СВ. Глубина котлована от уровня фиксации верхней границы – 10–17 см. Дно его плавно понижалось к югу и западу до 10 см. Форма углубления – чашевидная, стенки пологие. Заполнение – светлая серо-желтая супесь. По дну и стенкам фиксировалась тонкая темно-серая прослойка с углистыми включениями толщиной до 2,5 см, содержавшая большую часть находок.

В северной части котлована были зафиксированы обугленные обломки деревянной конструкции постройки (жилища). Они сохранились в виде изломанной углистой полосы, одна часть которой длиной 1,55 м, шириной 0,8–0,33 м была ориентирована в широтном направлении (рис. 3). На дне котлована фиксировалась южная часть полосы длиной 0,42 м. Угли в ней залегали в три яруса, каждый из которых имел толщину около 1 см. Между ними находились прослойки желто-серой супеси толщиной 1–3 см. Нижний ярус углистой полосы подстилался прослойкой желто-серой супеси мощностью до 7 см. Направление волокон угольков в южной части полосы совпадало с ее ориентацией, в северной, наоборот, преобладало беспорядочное их расположение. Углистые ярусы располагались горизонтально. Очевидно, это – остатки рухнувшего перекрытия постройки из досок, заплывшие переотложенным материковым грунтом из подсыпки стен и (или) крыши. Реконструкция всего сооружения затруднена из-за фрагментарности остатков. Тем не менее некоторые его параметры и особенности конструкции установлены. Постройка каркасно-столбовая или бревенчатая с самонесущими стенами. Основание стен, скорее всего, было удалено от котлована, представлявшего основную (углубленную) часть помещения. Сооружение, судя по его котловану, было ориентировано по сторонам света. Длина

восточной, единственной сохранившейся полностью стенки котлована составляла 2,85 м; глубина котлована варьировалась от 0,10 до 0,17 м. Длина всей постройки могла составлять не менее 3,5 м, а ее площадь – около 8–10 кв. м. Вход располагался с восточной стороны постройки. По-видимому, он был крытый, в виде выступавшего наружу коридора с углубленным полом.

На дне котлована, поверх материкового песка, выявлены две очажные линзы темно-коричневого цвета, обильно насыщенные угольками.

Очаг № 1 (рис. 3; 4) находился в северо-восточном углу постройки, справа от входа. В плане кострище имело форму овала размерами 0,94×0,87 м, вытянутого в широтном направлении, в разрезе – линзы с мощностью слоя в центре 9 см. Западный край очага был частично срезан, а переотложенный очажный слой сохранился рядом с ней в виде небольших пятен. Основание костра находилось на уровне –34 см. Прокал под очагом не зафиксирован. В заполнении очага найдено 36 обломков от трех глиняных сосудов (5 венчиков и 17 орнаментированных фрагментов стенок), кусок обожженной и ошлакованной глиняной обмазки, а также более 100 мелких фрагментов кальцинированных косточек.

Очаг № 2 также был частично поврежден. Его основание отмечено на уровне –40 см, в 1,35 м к ЮЗ от очага № 1 (рис. 3; 5). Остатки кострища имели уплощенно-куполообразную форму: в плане – грушевидную (0,65×0,86 м), в разрезе – линзовидную, толщиной 17 см. Заполнение очага представляло собой темно-коричневую гумусированную супесь, насыщенную углисто-золистыми прослойками и мелкими кальцинированными косточками. Прокал под очагом отсутствовал. Рядом с очагом находились срезанные и передвинутые куски очажного слоя. Находки представлены 25 обломками от двух керамических сосудов, в том числе одним фрагментом от сосуда из очага № 1, куском ошлакованной обожженной глины и фрагментом железной крицы.

Очаги одновременны: их остатки обнаружены на дне котлована, а тонкий культурный слой, свидетельствующий о недолговременности постройки, содержал небольшой и монокультурный комплекс находок. Существование очагов, возможно, объясняется их функциональным различием. Центральный объект был связан с обработкой металла – в нем был обнаружен кусочек кричного железа, а периферийный (№ 2) очаг, судя по обилию керамики, мог служить для приготовления пищи, обогрева и освещения помещения постройки.

Рядом с котлованом были обнаружены две ямы, верхние края которых также, видимо, были срезаны бульдозером. Яма № 1 находилась в 2,13 м к северу от котлована, яма № 2 – в 1,68 м к западу.

Яма № 1 фиксировалась на глубине –26 см в виде овального пятна, вытянутого по оси 3–В, с дуговидным выступом к югу (рис. 3; 6). Ее размеры в плане – 0,93×0,84–0,96 м, глубина от первого уровня фиксации – 0,23 м. Северная и западная стенки углубления были почти вертикальными, а восточная и южная – пологими. Дно – плоское горизонтальное. На дне и стенках ямы зафиксирован слой темно-серой углисто-сажистой супеси толщиной 2,5–4,0 см, перекрытый серо-желтой супесью. В центре ямы, в нижней части ее серо-желтого заполнения, отмечены две небольшие углисто-сажистые линзы толщиной 1–3 см. Дуговидный выступ ямы, ориентированный в меридиональном направлении, представлял собой короткий (до 25 см на поверхности) и слегка наклоненный внутрь ямы канал (см. профиль разреза Б–Б'). Стенки канавки – пологие, дно – закругленное. Ширина в устье – 0,64 м вверху и 0,17 м – у дна. Канал был заполнен серо-желтой супесью, а его дно и стенки были покрыты тонким углисто-сажистым слоем. Вторая углисто-сажистая прослойка толщиной 2–3 см перекрывала канал и наклонной плоскостью соединялась с основным контуром дна ямы. Прокал в яме отсутствовал. Все находки происходят из углисто-сажистого слоя ямы. Они представлены 47 фрагментами керамики (6 обломков венчиков и 28 орнаментированных стенок от 7 сосудов), двумя ошлакованными кусочками глиняной обмазки и пылевидными частицами кальцинированных косточек. Наличие в яме кальцинированных костей, ошлакованной обмазки и мощного углисто-сажистого

слоя свидетельствует в пользу производственного характера данного объекта. Не исключено, что в яме выплавляли металл. В связи с этим углубленный выступ в южной стенке можно рассматривать как часть канала для принудительной подачи в яму – топочную камеру – воздуха с помощью мехов. В пользу такой трактовки назначения углубления свидетельствует и его обособленность от жилища.

Яма № 2 отличалась от предыдущей ямы более сложной конфигурацией и большими размерами. На уровне первой фиксации (–8 см) в плане она имела форму овала (1,8×1,44 м), вытянутого в меридиональном направлении. От его восточной стороны ответвлялись 2 канавки (рис. 3). На этом уровне ямы и канавки были заполнены светло-серой супесью с небольшой примесью золы, сажи и угольков. В профиле яма чашевидная (рис. 7–9), с крутыми стенками и горизонтальным уплощенным дном. Глубина ямы от первого уровня фиксации – 27 см. В центре дно овальное, размерами 0,85×0,67 м, углублено на 5–7 см. На дне ямы прослеживались углистые прослойки с линзами прокалов толщиной 2–8 см. Над углублением залегала овальная в плане (0,54×0,83×0,14 м) линза ярко-оранжевой прокаленной супеси, перекрытая тремя – четырьмя тонкими (1–3 см) углистыми прослойками. Между ними фиксировались прослойки светло-серой и сажистой супеси. Длина канавок – 1,02 и 1,20 м, ширина в устьях – до 0,72 м. Концы углублений закруглены. Расстояния между канавками в устьевой части – 23 см, между концами – около 1 м. Форма в поперечных разрезах – чашевидная, глубина – 15–17 см. Дно канавок ровное, плавно понижающееся к яме. Глубина канавок на концах – 4–6 см, в устье – 17–19 см (на 8 см выше дна углубления в яме). Канавки были заполнены светлой серо-желтой супесью с незначительной примесью углистой крошки. На дне и внутренних стенках углублений отмечены тонкие (до 1 см) углисто-сажистые прослойки. Наличие углисто-сажистых и прокаленных прослоек в заполнении ямы свидетельствует о неоднократном, не менее трех раз, и длительном воздействии огня. Находки, сосредоточенные в основном в углисто-сажистых прослойках, представлены 3-мя фрагментами криц, 6-ю ошлакованными кусками обожженной глиняной обмазки, мелкой крошкой кальцинированных костей и несколькими десятками обломков глиняной посуды. Всего в яме и рядом с ней было найдено 69 фрагментов керамики, в том числе 6 венчиков от 6-ти горшков и 37 орнаментированных осколков от их стенок. Некоторые черепки покрыты нагаром.

Исходя из приведенных характеристик, можно предположить, что обе ямы являются основаниями однокамерных углубленных горнов для варки железа из болотной руды. Верхние части горнов, представлявшие собой глинобитные купола, разрушились. Их остатки в виде бесформенных кусков глины, обожженных и ошлакованных с одной стороны, были обнаружены как в заполнении ям, так и за их пределами, в том числе в котловане постройки. Кроме того, значительная часть остатков глинобитных сводов была, по-видимому, срезана бульдозерами вместе с верхним слоем культурных напластований. Глинобитная обмазка стенок и дна печей в ямах не зафиксирована. В связи с этим можно предположить, что горны были тигельными. Шихта закладывалась в тигли, которыми служили горшки или другие емкости, которые помещались на дно камеры, где их обкладывали углем. Возможно, остатками таких тиглей являются три плоских обломка ошлакованной обожженной глины, найденные в яме № 2. Наличие в заполнении ям кальцинированной костяной крошки свидетельствует об использовании в процессе плавления руды кислого флюса (СаО). В обоих горнах для получения температуры, необходимой для ошлакования породы (не менее 1200°), применялось искусственное дутье. Воздух с помощью мехов нагнетался в топочную (плавильную) камеру через глиняные сопла, вставлявшиеся в стенку камеры. На местах установки воздуходувных устройств сохранились боковые канавки, наклоненные внутрь ям. В меньшей яме № 1 зафиксирована одна канавка, а в яме № 2 – две расположенные симметрично. Возможно, некоторые ошлакованные куски обожженной глины являлись остатками сопел.

Коллекция находок насчитывает 596 предметов. Большая часть из них (537 единиц, включая сборы с поверхности и из траншеи № 1) происходит из раскопа № 1. В раскопе № 2, с учетом сборов с поверхности, найдено 34 предмета; в траншее № 2 – 12 предметов; в траншее № 3 – 6 предметов. Находки представлены преимущественно фрагментами керамики (561 единица). Кроме того, имеются 1 галька, 1 кусочек лимонита, 28 ошлакованных кусков обожженной глины (предположительно, обломки тиглей, воздуходувных сопел и обмазки стенок плавильного горна), а также 4 кусочка железных криц.

Посуда глиняная, ручной лепки, представлена обломками шеек с венчиками (82 фрагмента от 29-ти сосудов) и стенок (489 черепков, в том числе 261 орнаментированный). О полноценной статистической обработке керамики говорить не приходится по причине ее сильной фрагментированности. Из общей массы находок только три горшка реконструируются до середины тулова. Тем не менее собранная коллекция посуды вполне достаточна для определения ее культурно-хронологической позиции. Судя по обломкам с венчиками, не менее 11-ти (35 %) сосудов имели короткие прямые шейки, плавно переходящие в округлое, слабо раздутое тулово (рис. 10, 4, 6, 8–10, 12, 13; 15, 1–3, 10). У остальных емкостей – баночная форма. Толщина стенок сосудов обычно достигает 0,3–0,5 см. Венчики, как правило, утолщенные, толщиной до 0,9 см. Венчики большей частью скошенные, имеют характерный карнизик с внутренней стороны, украшены наклонными оттисками гребенчатых штампов (рис. 10; 11). В одном случае отмечены защипы, делающие край венчика волнообразным (рис. 11, 10). На шейках под венчиком нанесен концентрический поясик круглых ямок. На одной емкости отмечен двойной ряд ямок, расположенных в шахматном порядке (рис. 11, 11). В трех случаях ямки перемежались с «жемчужинами» (рис. 11, 4, 9, 12).

Орнамент покрывал сосуды от венчика до середины тулова. При этом в верхней части он наносился плотными горизонтальными рядами, а ниже заканчивался прямыми вертикальными или наклонными лентами из горизонтальных или наклонных оттисков штампов (рис. 10, 6; 11, 1, 3, 7, 10; 12, 1, 8). Оттиски ромбического и уголкового чеканов располагались в 3–5 горизонтальных рядов, в шахматном порядке. Иногда узоры в виде фестонов и вертикальных лент спускались до середины или нижней трети тулова. При орнаментации керамики обычно использовались гребенчатые штампы: их оттиски зафиксированы не менее чем на 86 % сосудов. Кроме того, использовались фигурные чеканы (ими украшено не менее 50 % емкостей): змейка, птичка, уточка, уголок, ромб, «v-образный» в овальной рамке, крупный остроугольный зигзаг (рис. 10, 1, 4, 9, 10, 13, 15; 11, 2, 4, 8, 9, 12; 13, 2, 6, 7, 9). Фигурные штампы часто представлены в контурной рельефной модификации, при этом ромбический (не менее 18 % сосудов) исключительно в одном варианте: с четырьмя рельефными точками внутри (рис. 10, 1, 4, 10, 13, 14; 11, 3, 9). Сосуды, орнаментированные только уточковым и змейковым штампами, составляют не менее 14 %. Стенки одного горшка украшены горизонтальными поясками и треугольными узорами из гладких желобков (рис. 13, 4).

Подобная керамика характерна для карымского этапа обь-иртышской культурно-исторической общности, датирующегося IV–VI вв. [Сургутское Приобье, 1991. С. 131–133; рис. 2, А] или III–IV – началом VI вв. [Челякин, Карачаров, 2002. С. 45]. В то же время исследователи отмечают, что использование уголкового штампа и вытеснение им ромбического характерно лишь для следующего этапа этой общности – зеленогорского, датирующегося VI–VII вв. [Сургутское Приобье, 1991. С. 133–134; рис. 2, Б] либо VI – концом VII – началом VIII вв. [Челякин, Карачаров, 2002. С. 48]. С учетом этого поселение Усть-Камчинское 2 можно датировать VI в.: концом карымского – началом зеленогорского этапов.

Из 28 кусков обожженной глины, найденных в раскопах № 1 и 2, большая часть аморфна. Это не позволяет уверенно выделить среди них фрагменты сопел, тиглей или обмазки стенок горнов. В трех случаях уплощенные грани кусков напоминают днища тиглей.

В целом же, несмотря на сильную разрушенность памятника, археологические материалы, зафиксированные и собранные в результате аварийно-спасательных работ, позволяют

утверждать, что на данном поселении открыты остатки производственно-жилой постройки VI в. н.э. и одновременных ей однокамерных железоплавильных горнов с углубленными основаниями. К сожалению, поиски аналогов этим сооружениям в таежной зоне Зауралья и Западной Сибири выявили весьма ограниченный объем накопленных к настоящему времени данных, характеризующих генезис западносибирской черной металлургии и конструктивные особенности обнаруженных здесь железоплавильных горнов.

Проблема генезиса черной металлургии в Северо-Западной Сибири

Различные аспекты появления первых изделий из железа и зарождения здесь черной металлургии в лесной зоне Западной Сибири и Зауралья рассматривались в ряде обобщающих, специальных и информационно-аналитических работ [Чиндина, 1977. С. 25–34; 1984. С. 141–142; Мартынов, 1982. С. 161–163; Бельтикова, Борзунов, 1986. С. 88–93; Бельтикова, 1981; 2005; 2008; Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990. С. 39, 46–47; Бельтикова, Борзунов, Корякова, 1991. С. 105–109; Сургутское Приобье, 1991. С. 130; Кокшаров, Зыков, 1995. С. 13–15; Данченко, 1996. С. 38, 62, 73; Зиняков, 1997; Зыков, Федорова, 2001; Чемякин, Карачаров, 2002. С. 43, 48, рис. 14; Жирных, Каменский, 2006; Каменский, Жирных, 2006; Перевалова, Карачаров, 2006. С. 54, 62–63, 67–70; Чемякин, 2008. С. 89; Борзунов, Чемякин, 2006. С. 68–70; 2012а; 2012б]. Далее будут изложены представления автора по становлению железоделательного производства в северо-западных областях таежного Приобья.

Несмотря на значительные объемы археологических полевых работ, проведенных в таежной зоне Северо-Западной Сибири в последние десятилетия, проблема возникновения и эволюции местной черной металлургии остается малоисследованной. На огромной территории, включающей Нижнее и Среднее Приобье и Нижнее Прииртышье, в той или иной степени раскопаны сотни памятников раннего железного века и Средневековья, однако явные остатки металлургических горнов выявлены лишь на реке Конде и в низовьях Иртыша. Означает ли это, что в остальных местах железо не производилось и все изделия из него были привозными? Думается, положительный ответ на этот вопрос не соответствует действительному положению дел. Во-первых, потому, что, в отличие от медеплавильного производства, местная черная металлургия не зависела от привозного сырья: болотная руда здесь встречается в изобилии, и она легкодоступна. Во-вторых, выбор объектов археологического исследования в условиях преобладания аварийно-спасательных работ в зонах хозяйственного освоения в определенной степени случаен. Более того, сами вскрываемые площади часто строго регламентированы заказчиками исследований. По этой причине отсутствие в раскопах остатков железоделательного производства на одних памятниках или даже на их частях отнюдь не исключает их наличия в других местах. В-третьих, следы железоплавильного производства – шлаки – на памятниках этого времени встречаются и за пределами упомянутых выше районов. Для выяснения времени появления и эволюции на этой территории черной металлургии, уровня и масштабов ее развития, безусловно, необходимы целенаправленные поиски остатков древних железоплавильных комплексов.

Первым памятником, давшим массовый материал по местной черной металлургии, стала Рачевская производственная площадка в Нижнем Прииртышье, на которой в 1981–1982 и 1984 гг. были выявлены 6 сыродутных горнов XII в. с углубленными (до 1,2 м) основаниями, а также 23 ямы, возможно связанные с производственным процессом [Зыков, 1986. С. 123–130; рис. 1]. Еще 9 наземных печей XIV–XV вв., интерпретированных первоначально как второй тип горнов [Там же. С. 124], позднее были переклассифицированы в остатки чувалов [Жирных, Каменский, 2006. С. 139–140].

До этого, в начале 1960-х гг., остатки одного металлургического комплекса с горном были выявлены В. Д. Викторовой на Туманском I поселении-святилище в верховьях Тавды. Печь глинобитная, в основании – прямоугольная (0,6×0,4 м). Ее стенки сохранились на высоту 0,1 м. Плоское основание горна слегка наклонено и завершалось длинным узким каналом (20×5 см),

выходившим к округлой глиняной площадке диаметром 0,6 м. На последней лежали три куска железного шлака. О времени функционирования данного объекта свидетельствуют находки обломков сосудов туманского типа с ошлакованной внутренней поверхностью, а также нескольких туманских черепков под основанием печи [Викторова, 1999. С. 139; Борзунов, Чемякин, 2012a]. Кроме того, в 1963 г. В. И. Липским и В. Д. Викторовой в тонком верхнем средневековом слое Туманского укрепленного поселения-жилища конца эпохи бронзы были обнаружены единичные фрагменты юдинской керамики, обломок клинка древнерусского железного меча XI–XIII вв. (определение А. П. Зыкова), массивная железная крица и некое сооружение с «плавильной ямой» [Викторова, А–1969. С. 48; Липский, А–1964. С. 60–73; Борзунов, Липский, 1984. С. 91]. Судя по форме крицы, она сформировалась на дне какого-то мелкого углубления или глиняного сосуда.

Позднее на Конде Н. М. Зиняковым были открыты комплексы с остатками железоплавильных печей, датированные по керамике довольно широко: I–X вв. [Зиняков, 1997] или II–VIII вв. При этом автор исследования реконструировал данные печи как двухчастные (яма-шлаконаливатель и наземный глинобитный горн). Впоследствии Е. А. Жирных и С. Ю. Каменский интерпретировали раскопанные ими в 2004 г. сыродутные горны с городища Евра 25 [Каменский, Жирных, 2006. С. 168–169] как наземные или слегка углубленные сооружения с толстыми глиняными стенками и дном. По мнению этих исследователей, все известные сыродутные горны, обнаруженные в Северо-Западной Сибири, можно разделить на 3 типа: 1 – двухъярусные кондинского типа (выделены Н. М. Зиняковым); 2 – ямные рачевские; 3 – евринские [Жирных, Каменский, 2006. С. 140].

Между тем следует отметить, что на Рачевской производственной площадке глиняная обмазка обнаружена только в яме от основания одного горна. А. П. Зыков полагал, что «отсутствие футеровки в большинстве сооружений, очевидно, является следствием ее разрушений при выемке криц» [Зыков, 1986. С. 125]. Кроме того, в заполнении ям всех рачевских горнов найдены куски обмазки разрушенных наземных глинобитных шахт. Более того, мы полагаем, что сейчас преждевременно говорить о существовании трех типов горнов, так как принципиальных различий между кондинскими и рачевскими объектами нет. В обоих случаях речь идет о ямах (шлаконаливателей?) и вероятных остатках наземных горнов (верхних частях).

Широкая датировка кондинских горнов не позволяет говорить о хронологическом приоритете сооружений с глубокими ямными основаниями или печей наземных и слабоуглубленных. В качестве косвенных данных, свидетельствующих о более ранней позиции последних, можно рассматривать материалы, полученные при изучении металлургических комплексов иткульской «металлоносной культуры» (VII–III вв. до н.э.). На памятниках Зауральского (иткульского) очага металлургии, расположенных в горно-лесном Зауралье, на границе тайги и лесостепи, формировались технологические и конструктивные традиции местной, сначала медной, а затем – с V в. до н.э. – и черной металлургии [Бельтикова, Викторова, Панина, 1993. С. 93–106]. Освоение иткульскими металлургами железоделательного производства происходило на базе медеплавильных технических традиций: устройство и принципы функционирования горнов как будто бы не менялись.

Г. В. Бельтиковой первоначально были выделены две основные разновидности иткульских горнов – однокамерные и двухкамерные, обе – с углубленным до 10–70 см основаниями. Последние в плане – округлые, овальные, подпрямоугольные, грушевидные, восьмеркообразные, размерами от 0,5×0,5 до 1,8×1,6 м. Глубина ямных оснований прямо пропорциональна размерам в плане. На стенках углублений, иногда – и на дне, часто фиксировались сажистые прослойки (сгоревшая обкладка из коры, щепы) с прокаленной глиняной обмазкой. В некоторых ямах такая обмазка не была обнаружена. У многих ям имелись небольшие выступы и канавки (1–2), которые интерпретированы исследователем как предпечья, каналы для поддува с помощью сопел и мехов или для стока расплавленного шлака и металла в приемники. Ямы без обмазки стен и дна

(до 40 % однокамерных), с небольшими (до 0,4 м в диаметре и 0,1–0,3 м глубиной) углублениями на дне – остатки тигельных горнов, в которых шихта закладывалась в тигли, установленные в углубления, обкладывались углем. Наглядные доказательства принадлежности ям к основаниям плавильных печей-горнов – фрагменты тиглей, шлаки, куски металла (капли меди, обломки кричного железа), фрагменты обожженной глиняной обмазки и сопел. Сопутствующий материал в заполнении – фрагменты керамики и кальцинированные кости. Наземная часть горнов представляла собой конусообразный свод из обмазанного глиной деревянного каркаса, остатки которого встречались в заполнении вышеупомянутых ям. Такие сооружения служили «для одноразового закрытого процесса», при этом по завершении плавки стенки плавлен разрушались [Бельтикова, 1981. С. 123–125; Бельтикова, Викторова, Панина, 1993. С. 156–157].

Позднее Г. В. Бельтикова – по результатам анализа оснований 80-ти горнов с 18 памятников Зауральского очага – предложила новую детальную классификацию, построенную по морфологическим и количественным признакам. Число камер в основании стало определяющим при выделении классов, форма основания в плане – подклассов, а форма в продольном сечении – групп. При этом, кроме однокамерных и двухкамерных, выделены трехкамерные печи. Не вдаваясь в излишнюю детализацию, отметим, что, согласно представлениям Г. В. Бельтиковой, иткульские «горны и печи реконструируются как сооружения простейших конструкций из камня, дерева и глины, с углубленной, реже наземной плавильной камерой, округлой в плане формы, диаметром около 1 м. Внутренняя поверхность камеры покрывалась футеровкой (толщина 0,2 м) из глиняной обмазки, каменной плитки, древесной щепы и бересты в разном сочетании. Топочное отверстие шириной 0,2–0,3 м выдается небольшим мыском наружу у однокамерных горнов, а у двухкамерных – открывается во вторую камеру (предплечье). Во время плавки его закладывали камнями и замазывали глиной. В это же отверстие, очевидно, вмазывали воздушное сопло. Наземный купол реконструируется по завалам в нескольких вариантах: целиком глинобитный, с каркасом из жердей или из жердей с камнями, обмазанных снаружи и изнутри глинобитной массой. Высота купола не более 1 м, толщина – около 0,2 м» [2005. С. 176–177]. Помимо этого, иткульскими металлургами сооружались глинобитные площадки различных форм и размеров. Они использовались для обжига руды, подготовки рудного сырья и шихты, разогрева литейных форм, расплавки металла и отливки изделий. Некоторые из них могли служить основаниями кузнечных горнов [Там же. С. 177]. Выплавка железа, судя по рудно-шлаковым остаткам, предполагается на девяти памятниках, разбросанных практически по всей территории Зауральского очага: поселения Верхняя Макуша, Коптяки 6, Палатки, на горе Петрогром, городища Иртяшское, Иткульское I, Красный Камень, Зотинское III, Андреевское VII [Там же. С. 181].

Наиболее четкие остатки более двух десятков глинобитных иткульских горнов-домниц и металлообрабатывающих площадок были зафиксированы В. А. Борзуновым в ходе раскопок городищ Красный Камень (1976), Зотинское III (1977) и Серный Ключ (1982, 1989–1993; при участии Г.В. Бельтиковой, 1990, 1992–1993 гг.). По находкам медных наконечников стрел иткульские горизонты этих памятников относятся ориентировочно к VI/V–III вв. до н.э. Развалы глинобитных объектов представляли собой овальные и округлые в плане подиумы либо курганообразные сооружения размерами от 1,5×1,5 до 5,5×4,0 м, высотой 0,20–0,45 м. На миниатюрном (1000 кв. м) городище Серный Ключ в верховьях реки Уфы, представлявшем, по сути дела, древний металлургический «завод», домницы и площадки располагались очень плотно, рядами, ориентированными продольно краю скалы. В северной, сильно покатой части городищенской площадки основания печей были возведены непосредственно на скале, частично – на искусственных террасках, насыпанных из щебня. Прекрасно сохранившийся в нижней части горн, открытый на городище Красный Камень, в плане овальный (1,35×1,0 м), со стенками толщиной 15–20 см. Каркасом печи служили неошкуренные березовые колья, вкопанные по кругу (в одну линию или в шахматном порядке), а также в центре камеры. От них сохранились

10 неошкуранных и слегка заостренных березовых колышков длиной 12–15 см. В основание горна была встроена чаша из плоских камней (плавильная камера диаметром 75 см), частично выступавшая наружу. Среди многочисленных остатков медеплавильного и меднолитейного производства, иткульской глиняной посуды и костей животных в горнах и рядом с ними были обнаружены железные шлаки, сломанные и готовые изделия из железа, железные крицы, полуфабрикат железного ножа. Данные факты свидетельствуют о том, что уже с середины I тыс. до н.э. глинобитные горны использовались иткульскими металлургами для производства не только цветного, но и черного металла [Борзунов, 1978. С. 157; 1980; 1998. С. 16–18; рис. 1; 2004. С. 511–512; Бельтикова, Борзунов, 1989. С. 93; 1999. С. 848; Борзунов, Бельтикова, 1999. С. 43–44; рис. 1]. Кроме того, в конце раннего железного века варку железа на местной рудной основе (т. н. болотной руде) освоило и население таежной зоны Зауралья и прилегающих районов Западной Сибири, продолжая конструктивные и технологические традиции иткульских металлургов [Викторова, Кернер, Панова, 1997. С. 37].

Один гамаюнский горн – в виде глубокой ступенчатой ямы (1,40×0,52×0,56 м), вырубленной в скальном грунте, и прилегающего к ней очага с остатками медеплавильного производства – исследован на городище Зотинское IV на реке Багаряк, датирующемся VIII/VII–VI вв. до н.э. Оба объекта находились в каком-то помещении, от которого остался подпрямоугольный котлован размерами 3,9×1,8×0,12–0,20 м [Борзунов, 1992. С. 67–68; рис. 7, Б; 10, 1; 1993. С. 115–116; рис. 1]. Уместно также вспомнить две производственные постройки (т. н. амбарчики) с остатками камнеобрабатывающего, меднолитейного и, возможно, железообрабатывающего производства (железные и медные шлаки, сплески цветного металла, обломок бронзовой чаши, кости животных и т.д.), открытые Е. М. Берс в 1949–1950 гг. в верховьях Исети на Палкинском левобережном селище VI–IV вв. до н.э. [Берс, 1963; Борзунов, 1992; рис. 8; 2002. С. 421].

Близкий иткульскому набор находок присутствовал и в производственных ямах Усть-Камчинского 2 поселения. Кроме того, параметры и форма углублений соответствуют характеристикам некоторых однокамерных зауральских горнов. Возможно, это обстоятельство, наряду с уничтожением верхней части культурного слоя при обустройстве буровой установки, объясняет относительно небольшое количество фрагментов глиняной обмазки стенок плавильных камер на данном памятнике.

Следы железоделательного производства – куски лимонита, железные шлаки, ошлакованные куски глиняной обмазки, горнов, сопел – найдены также на двух поселениях саргатской культуры раннего железного века, расположенных в лесостепном Притоболье (Рафайловское городище, конец V–III вв. до н.э.; селище Дуванское II, I–II вв. до н.э.) [Матвеева, 1993. С. 73, 122; Корякова, Сергеев, 1989. С. 174]. Относительно остатков данных металлургических горнов следует отметить с сожалением, что информация о них, в отличие от зауральских иткульских объектов, страдает неопределенностью и носит предположительный характер. Так, на селище Рафайловского городища «...обнаружены два хозяйственных сооружения, в которых больше, чем где-либо, найдено железных шлаков и кусков глиняной обмазки. Поэтому уместно предположить, что здесь производилась выплавка железа, а очаги являлись разрушенными к моменту раскопок горнами. Расположенная рядом с этими постройками обширная, перекрытая песчаниковыми плитами яма со следами прокала на дне и стенках, могла служить для обжига руды» [Матвеева, 1993. С. 122]. Из приведенной цитаты нельзя составить представление о том, что представляли из себя остатки «очагов-горнов»; нет также данных о размерах и форме самой ямы. Не исключено, что как раз яма и является основанием углубленного горна. На селище Дуванское II, помимо связанных с черной металлургией артефактов, рядом с постройкой № 3, была обнаружена «яма, выложенная кусками глины», которая, по мнению Л. Н. Коряковой и А. С. Сергеева, связана с металлургическим производством [1989. С. 174]. Понятно, что и эти данные не позволяют не только судить о конструкции и размерах горна, но и вообще интерпретировать яму как его основание.

Наиболее ранние свидетельства появления собственного железоделательного производства у таежных племен Западной Сибири получены при раскопках памятников кулайской культуры (культурно-исторической общности). Л. А. Чиндина сообщает об углежогных (?) ямах глубиной до 1,5 м, выявленных на поселениях Степановка I и II, относящихся к саровскому этапу (II–I вв. до н.э. – V в. н.э.). В этих углублениях зафиксированы «углистые прослойки, прокалы вперемешку с грунтом, обломки спрессованной глины-обмазки, которыми были закрыты ямы. В яме № 1 на поселении Степановка I зафиксированы следы от рукавов-поддувал, через которые поступал воздух в ямы» [1984. С. 141]. Думается, эти ямы не были углежогными, а представляли собой углубленные основания металлургических горнов, так как при углежжении глиняная обмазка не применялась. Кроме того, на памятниках «Кондинского металлургического района» (II–IX вв. н.э.) для получения угля использовался кучный метод углежжения – на дневной поверхности [Зиняков, 1997. С. 28]. Единственный железоплавильный горн позднекулайского времени, обнаруженный на Саровском городище (II–I вв. до н.э.), зафиксирован в разрушенном состоянии: прокаленная поверхность, железные шлаки, куски ошлакованной глиняной обмазки с воздухоудными отверстиями [Чиндина, 1984. С. 141]. Судя по описанию, это был наземный горн. На поселениях начала I тыс. н.э. Сургутского Приобья также выявлены остатки, свидетельствующие о зарождении местной черной металлургии и металлообработки. Это куски железного металлургического шлака с городища Барсов Городок I/4, кузнечный молоток из клада с городища Барсов Городок I/20, железные предметы, откованные по достаточно простым технологическим схемам – иглы и ножи, наконечники стрел (определения А. П. Зыкова) [Сургутское Приобье, 1991. С. 130; Чемякин, Карачаров, 2002. С. 43]. Следует также упомянуть железные топоры-тесла с открытым втульчатым насадом, наконечники стрел и копий, кинжалы и короткие мечи-аккинаки с бронзовыми деталями из могильников Агрнъёган 1 [Перевалова, Карачаров, 2006. С. 67–70], Барсовского III [Борзунов, Зыков, 2003. С. 104–106. Рис. 6, 4, 5] и Холмогорского «клада»-святилища [Зыков, Федорова, 2001].

Довольно неопределенные сведения о металлургических объектах получены при раскопках поселений релкинской культуры VI – середины IX вв., сменившей кулайскую в Нарымском Приобье. Л. А. Чиндина, исследовавшая эти памятники, была вынуждена признать, что о горнах здесь почти ничего не известно. Ею же были найдены «кострища, заполненные шлаком, золой, углями». В «очажной яме» (?) размерами 2,0×1,2 м были найдены куски глиняной обмазки, а рядом с углублением – «в мощном прокале» – шлаки и глиняная «лепешка»-крышка, на которую был вылит шлак. В некоторых кострищах были прослежены «рукава» для сопел от воздухоудных мехов [1991. С. 87].

Итоги исследования

В целом, из приведенных данных видно, что в северо-западных областях таежного Приобья объекты черной металлургии, за исключением памятников бассейна Конды и Рачевской производственной площадки, до сих пор изучены крайне слабо. В связи с этим заслуживает внимания замечание исследователей иткульской культуры о том, что остатки металлургии удалось зафиксировать «лишь на хорошо исследованных памятниках», т.е. на больших площадях [Бельтикова, Борзунов, Корякова, 1991. С. 108]. Логично предположить полицентричность черной металлургии на этой территории. Не исключено, что остатки горнов просто не были идентифицированы как таковые исследователями, принявшими их за очаги и хозяйственные ямы. На такую мысль наводит большое количество горнов, найденных в ходе целенаправленных поисков на Конде. Думается, дополнительный анализ полевых материалов памятников раннего железного века – Средневековья столь обширной территории, на которых были встречены железные шлаки, а также более пристальное внимание к подобным объектам при новых раскопках позволят выявить железоплавильные горны, выяснить их типологию, хронологию и особенности эволюции этого явления на данной территории. Последняя задача

выполнима при условии выявления объектов, имеющих узкие хронологические рамки, таких как поселение Усть-Камчинское 2.

Источники

- Арефьев В. А., Кардаш О. В., А–1998. ИКЭ участков территории Приразломного м/р, разрабатываемого НГДУ «Правдинскнефть» ОАО «Юганскнефтегаз», в Нефтеюганском районе ХМАО, 1997 год: отчет о НИР. – Нефтеюганск, 1998. – Архив МУ ЦИКН. – Ф. II. Д. 16–17.
- Викторова В. Д., А–1969. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья (опыт систематизации археологических памятников): дис. ... канд. ист. наук. Приложение к дис. – Свердловск, 1969. – 225 с. (текст) + 121 с. (иллюстрации: рис. 1–117). – Архив КА УрГУ. – Ф. III. – Д. 89.
- Кардаш О. В., А–1992. Отчет о разведке археологических памятников в северо-западной части Нефтеюганского района в нижнем течении р. Большой Салым и в бассейне р. Малый Салым, проведенной летом 1991 года. – Екатеринбург, 1992. – Архив предприятия АВКОМ. – Оп. 3. – Д. 4.
- Кардаш О. В., А–1995. Отчет об археологических исследованиях в Нефтеюганском районе Тюменской области на территории урочища «Зимние Савкунины» в бассейне р. Малый Салым, проведенных летом – осенью 1994 года. – Екатеринбург, 1995. – Архив предприятия АВКОМ. – Оп. 3. – Д. 15.
- Липский В. И., А–1964. Каменогорская культурная общность Урала: дипломная работа. – Свердловск, 1964. – 154 с. – Архив КА УрГУ. – Ф. III. – Д. 156.

Литература

- Бельтикова Г. В., 1981. О зауральской металлургии VII–III вв. до н.э. // ВАУ. – Свердловск: УрГУ, 1981. – С. 118–125.
- Бельтикова Г. В., 2005. Среда формирования и памятники зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири (к 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга). – Екатеринбург: УрГУ, 2005. – С. 162–186.
- Бельтикова Г. В., 2008. Зауральский (иткульский) очаг металлургии // Челябинская область: энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2008. – Т. 2 (Д – И). – С. 397.
- Бельтикова Г. В., Борзунов В. А. Металлургия раннего железного века. Распространение производящего хозяйства в лесные районы // История Урал с древнейших времен до 1861 г. – М.: Наука. – С. 88–98.
- Бельтикова Г. В., Борзунов В. А., 2006. Серный Ключ, городище // Челябинская область: энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2006. – Т. 5 (П – Се). – С. 848.
- Бельтикова Г. В., Борзунов В. А., Корякова Л. Н., 1991. Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири. // ВАУ. – Екатеринбург: УрГУ, 1991. – С. 102–114.
- Бельтикова Г. В., Викторова В. Д., Панина С. Н., 1993. Металлургические комплексы на острове Каменные Палатки // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: УрГУ, 1993. – С. 134–158.
- Берс Е. М., 1963. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1963. – 2-е изд. – 84 с.
- Борзунов В. А., 1978. Раскопки Зотинских городищ на р. Багаряк // АО 1977 г. – М.: Наука, 1978. – С. 157.
- Борзунов В. А., 1980. Иткульско-гамаюнское городище Красный Камень // ВАУ. – Свердловск: УрГУ, 1980. – С. 112–118.
- Борзунов В. А., 1992. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). – Екатеринбург: УрГУ, 1992. – 188 с.
- Борзунов В. А., 1993. Зотинское IV городище на р. Багаряк // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 111–134.

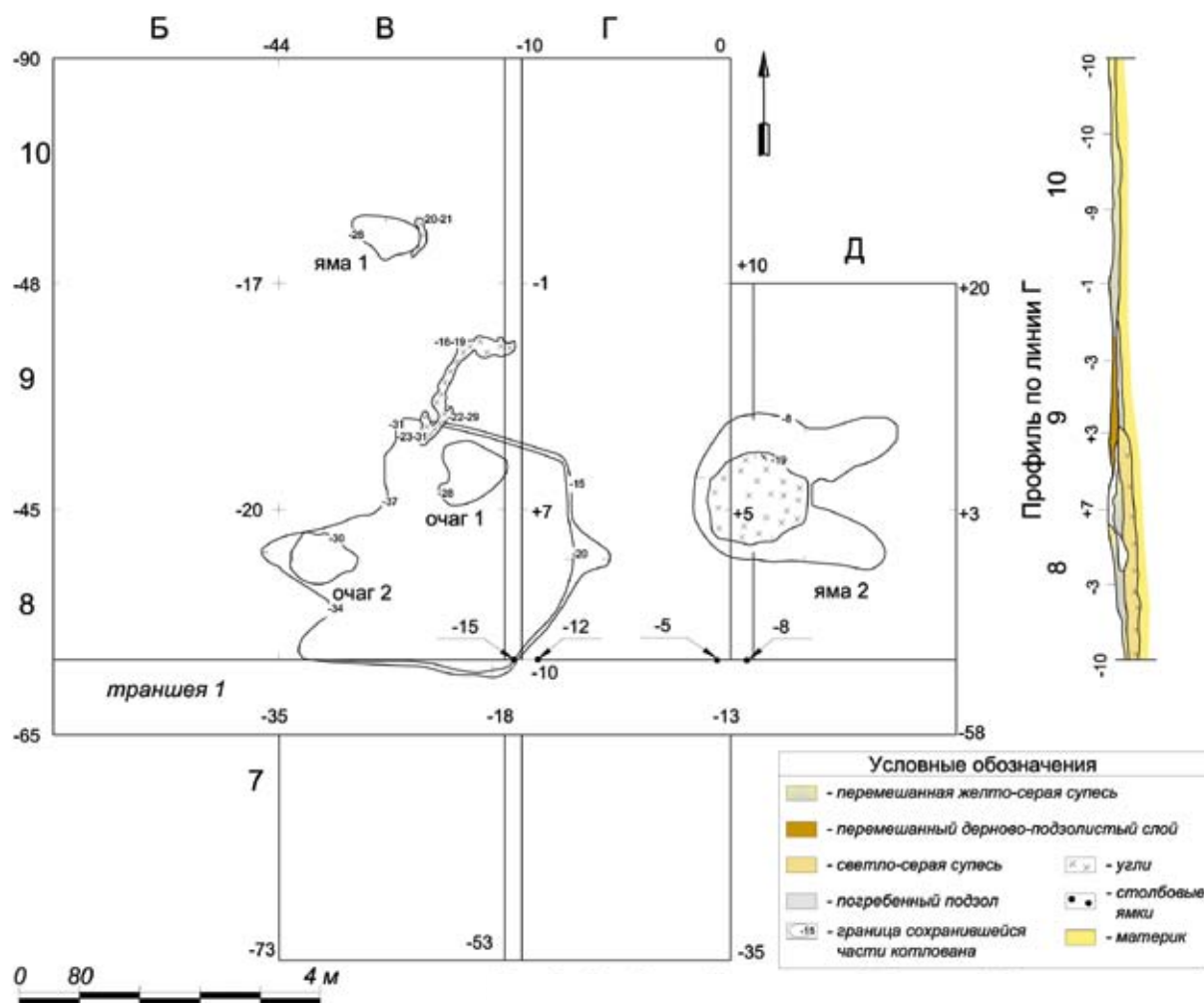
- Борзунов В. А., 1998. Исследования городища Серный Ключ на р. Уфе // Урал в прошлом и настоящем. – Екатеринбург: НИСО УрО РАН, БКИ, 1998. – Ч. I. – С. 16–21.
- Борзунов В. А., 2002. Палкинское левобережное селище // Екатеринбург: энциклопедия. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 421–422.
- Борзунов В. А., 2004. Зотинские городища // Челябинская область: энциклопедия. – Челябинск: Каменный пояс, 2004. – Т. 2 (Д – И). – С. 511–512.
- Борзунов В. А., Бельтикова Г. В., 1999. Стоянка абашевских металлургов в горно-лесном Зауралье // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. – Екатеринбург: УрГУ, 1999. – Ч. 2. – С. 43–52.
- Борзунов В. А., Зыков А. П., 2003. Барсовский III могильник – новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. – С. 103–112.
- Борзунов В. А., Липский В. И., 1984. Туманские укрепленные поселения-жилища // ВАУ. – Вып. 17: Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: УрГУ, 1984. – С. 90–105.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П., 2006. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. – С. 68–108.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П., 2012а. Карымские памятники таежного Приобья: основные характеристики // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2012. – Вып. 10. – С. 155–216.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П., 2012б. Карымское общество таежного Приобья: некоторые аспекты его генезиса, развития и взаимодействия с соседями // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2012. – Вып. 10. – С. 217–261.
- Вершинин Е. В., 2005. Населенные пункты и население региона в XVII–XVIII веках // Населенные места Салымского края. – Екатеринбург, 2005. – С. 43–61.
- Викторова В. Д., 1999. Туманское I поселение, святилище и костыще // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: БКИ, 1999. – Вып. 3. – С. 136–152.
- Викторова В. Д., Кернер В. Ф., Панова Н. К., 1997. Горно-лесное Зауралье в древности: динамика природной среды и культурно-исторические процессы // Исторический опыт взаимодействия человека и среды на Урале. – Екатеринбург, 1997. – С. 24–44.
- Данченко Е. М., 1996. Южнотаежное Прииртышье в середине – второй половине I тыс. до н. э. – Омск: ОмГПУ, 1996. – 212 с.
- Жирных Е. А., Каменский С. Ю., 2006. Средневековые железоделательные печи на территории Северо-Западной Сибири // II Северный археологический конгресс: тез. докл. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. – С. 139–140.
- Зиняков Н. М., 1997. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – 368 с.
- Зыков А. П., 1986. Металлургия и металлообработка на памятниках Рачевского комплекса // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск: УрГУ, 1986. – С. 123–130.
- Зыков А. П., 2006. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. – С. 109–124.
- Зыков А. П., Федорова Н. В., 2001. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: Сократ, 2001. – 176 с.
- Ивасько Л. П., Кардаш О. В., Суровень Д. А., 2000. Древняя история // Салымский край. – Екатеринбург: Тезис, 2000. – С. 33–70.
- Каменский С. Ю., Жирных Е. А., 2006. Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2006. – Вып. 3. – С. 168–178.

- Кокшаров С. Ф., Зыков А. П., 1995. Железный век тайги // Нягань. Город на историческом фоне Нижнего Приобья. – Екатеринбург: Волот, 1995. – С. 13–34.
- Корякова Л. Н., 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. – 240 с.
- Корякова Л. Н., Сергеев А. С., 1989. Некоторые вопросы хозяйственной деятельности племен саргатской культуры (опыт палеоэкономического анализа селища Дуванское II) // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. – Свердловск: УрГУ, 1989. – С. 165–177.
- Мартынов А. И., 1982. Археология СССР: учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1982. – 271 с.
- Матвеева Н. П., 1993. Саргатская культура на Среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 176 с.
- Перевалова Е. В., Карачаров К. Г., 2006. Река Аган и ее обитатели. – Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН: Графо, 2006. – 352 с.
- Сургутское Приобье, 1991. Сургутское Приобье в эпоху Средневековья / Н. В. Федорова [и др.] // ВАУ. – Екатеринбург: УрГУ, 1991. – Вып. 20. – С. 126–145.
- Угорское наследие, 1994. Угорское наследие: древности Западной Сибири из собраний Уральского университета / А. П. Зыков [и др.]. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 160 с.
- Челякин Ю. П., 2011а. Древнейшие кузни в таежном Приобье // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. II. – С. 110–111.
- Челякин Ю. П., 2011б. Работы на селище Сартым-урий 16 в окрестностях Сургута // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2011. – Вып. 9. – С. 467–481.
- Челякин Ю. П., Карачаров К. Г., 2002. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: материалы к атласу. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 5–74.
- Чиндина Л. А., 1977. Могильник Релка на Средней Оби. – Томск: ТГУ, 1977. – 193 с.
- Чиндина Л. А., 1984. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. – Томск: ТГУ, 1984. – 256 с.
- Чиндина Л. А., 1991. История Среднего Приобья в эпоху Раннего Средневековья (релкинская культура). – Томск: ТГУ, 1991. – 181 с.
- Чиндина Л. А., Яковлев Я. А., Ожередов Ю. И., 1990. Археологическая карта Томской области. – Томск: ТГУ, 1990. – Т. I. – 340 с.

Рис. 1. Карта-схема расположения пос. Усть-Камчинское 2. Фрагмент географической карты Северо-Западной Сибири

Рис. 2. Пос. Усть-Камчинское 2. Раскоп 1. План сооружений

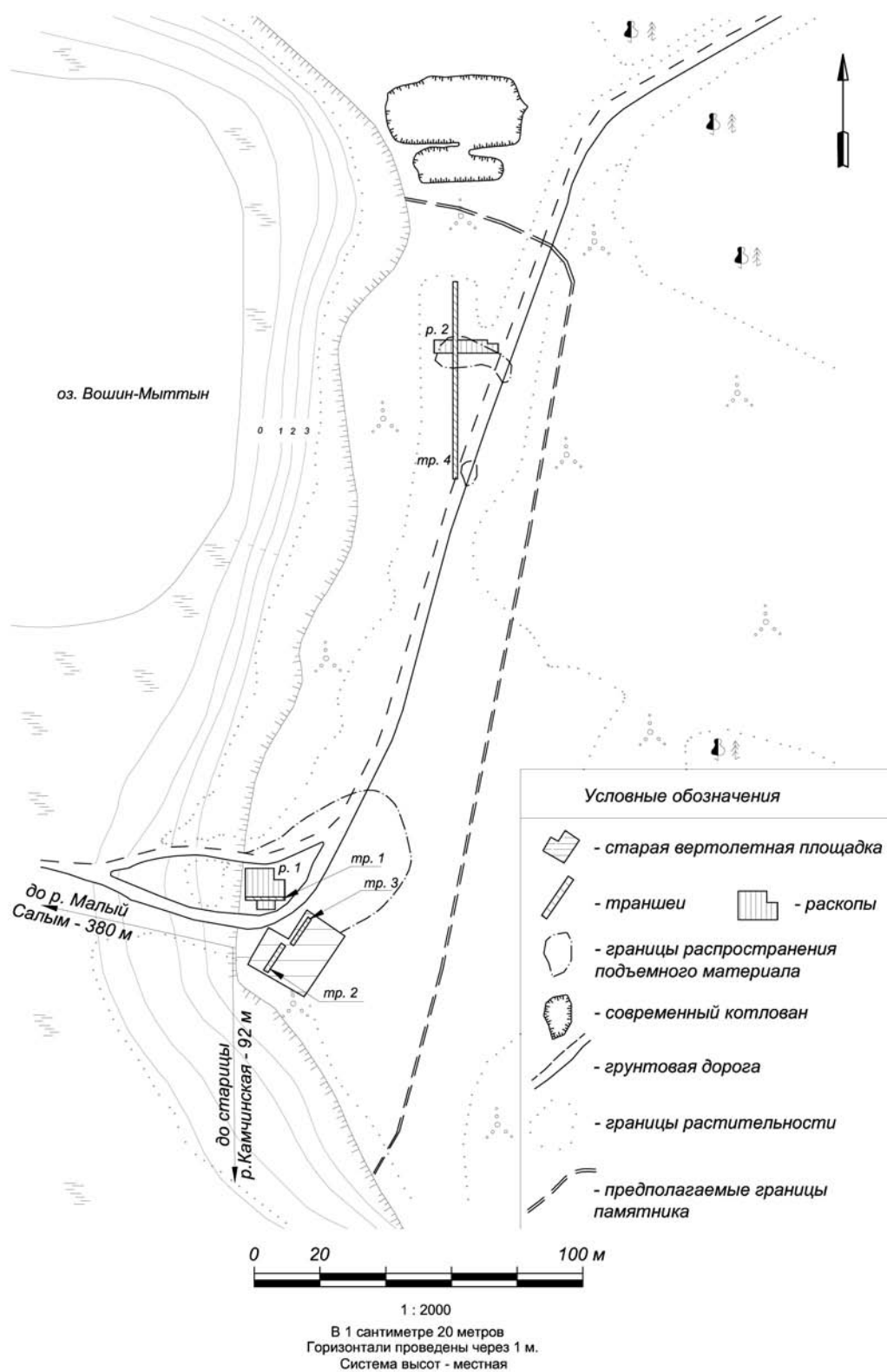

Рис. 3. Поселение Усть-Камчинское 2. План памятника

Рис. 4. Пос. Усть-Камчинское 2. Раскоп 1. Очаг 1. Вид с запада

Рис. 5. Пос. Усть-Камчинское 2. Раскоп 1. Очаг 2. Вид с севера

Рис. 6. Пос. Усть-Камчинское 2. Раскоп 1. Яма 1 с разрезом Б-Б'. Вид с ЮЮЗ

Рис. 7. Пос. Усть-Камчинское 2. Раскоп 1. Яма 2 с разрезом Б-Б'. Вид с ВСВ

Рис. 8. Пос. Усть-Камчинское 2. Раскоп 1. Яма 2. Восточная половина на уровне дна. Вид с ВЮВ

Рис. 9. Пос. Усть-Камчинское 2. Раскоп 1. Яма 2. Профиль Б-Б' в стенке бровки. Вид с востока

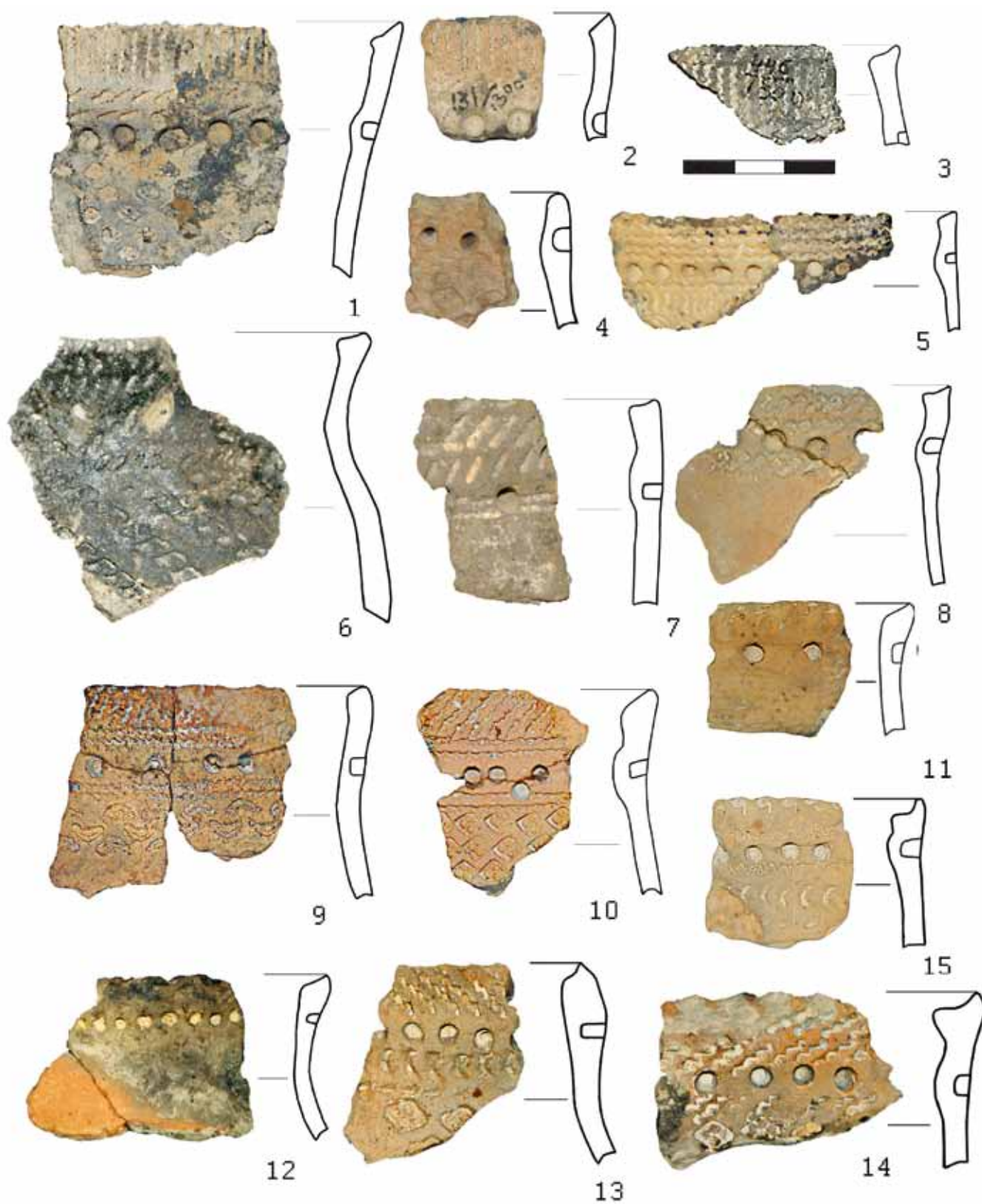

Рис. 10. Пос. Усть-Камчинское 2. Раскоп 1. 1–14 – венчики керамической посуды

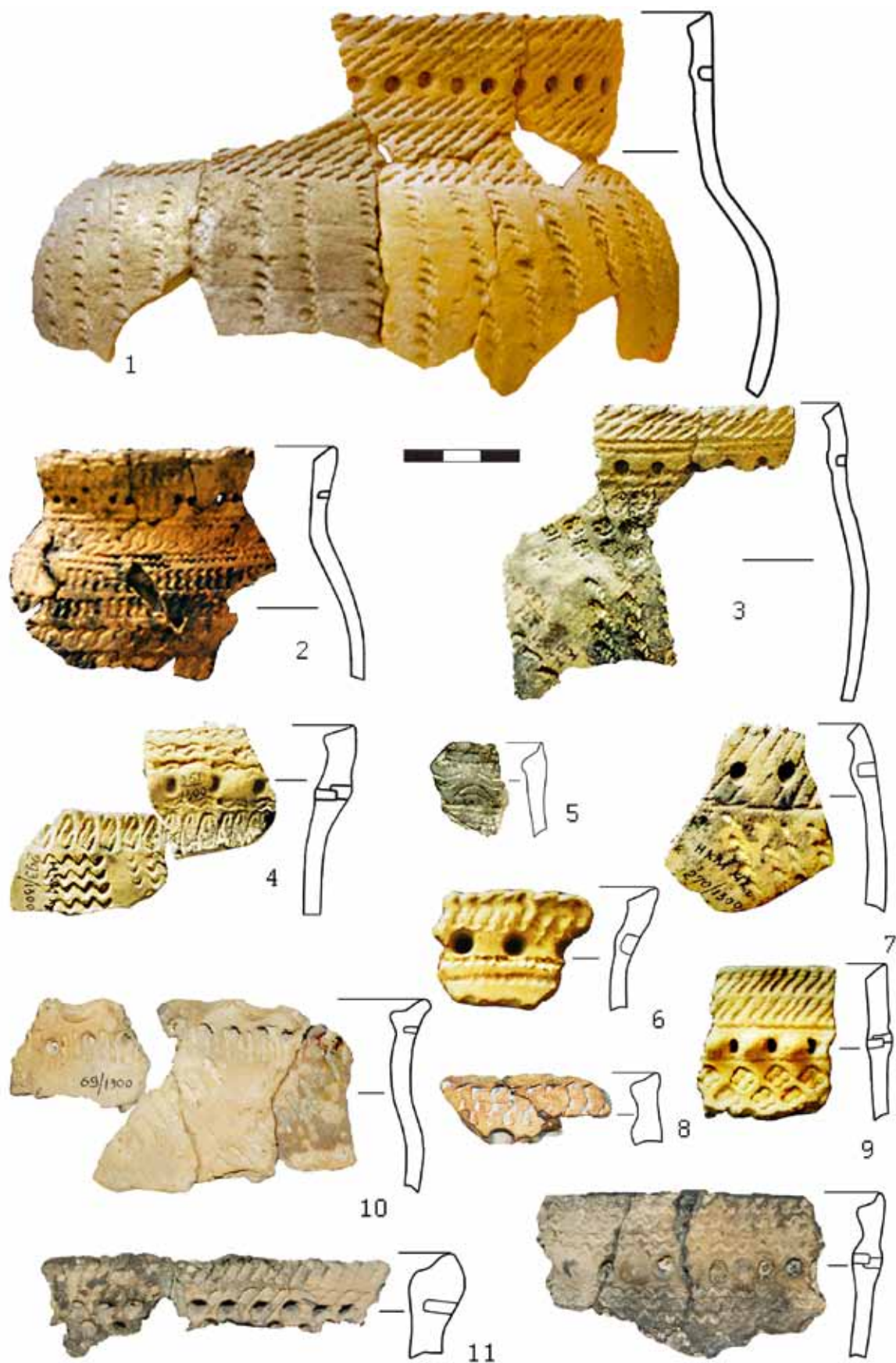

Рис. 11. Пос. Усть-Камчинское 2. Венчики керамической посуды:
1-9 – раскоп 1 (1 – очаг 1; 2, 8 – яма 1; 3-7, 9 – яма 2), 10-12 – раскоп 2

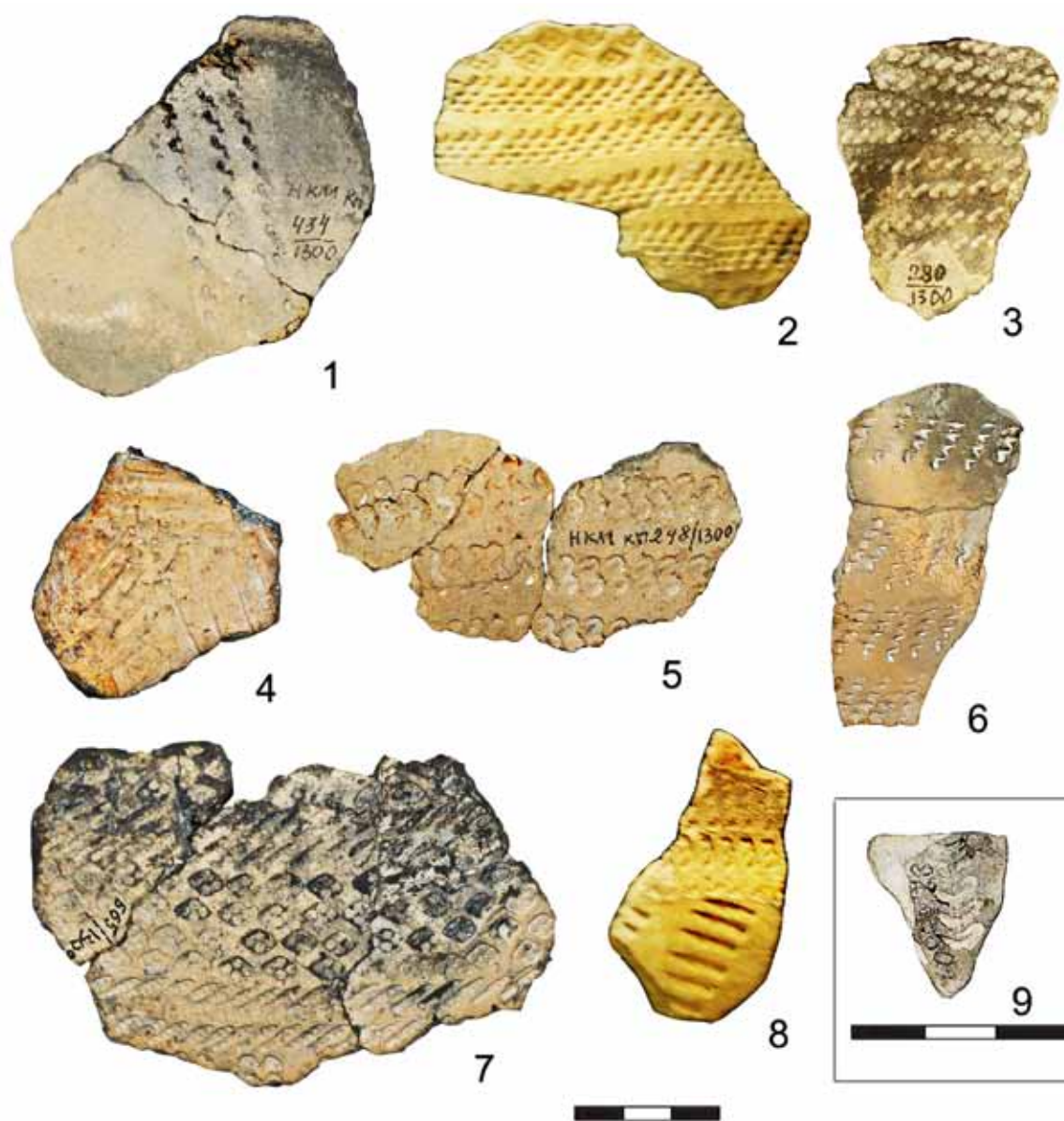

Рис. 12. Пос. Усть-Камчинское 2. Стенки керамической посуды.
1-8 – раскоп 1; 9 – траншея 2

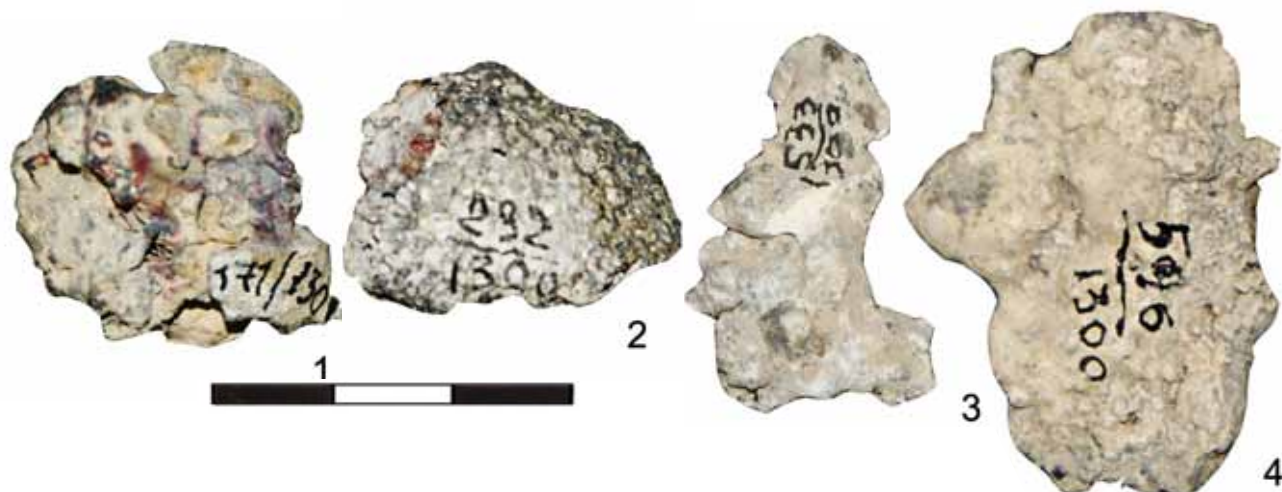

Рис. 13. Пос. Усть-Камчинское 2. Раскоп 1. Фрагменты криц: 1, 2, 4 – яма 2, 3 – очаг 2

М. А. Рудковская

Селище раннего железного века Нёгусьях 2

Исследование археологических древностей Сургутского Приобья продолжительное время ограничивалось главным образом раскопками в окрестностях Сургута – в урочищах Сайгатино и Барсова Гора. Следовательно, характеристика материальной и духовной культуры древнего населения края, хронология и периодизация археологических общностей, этапов и культур, изучение этноисторических процессов, происходивших в данном регионе и многое другое, также базировались в основном на результатах раскопок этих уникальных мест [Стефанова, Борзунов, 2002; Борзунов, Чемякин, 2006. С. 76–79]. Вместе с тем, несмотря на масштабность проведенных здесь работ, собранные археологические материалы имеют узкую территориальную привязку. Значительное расширение зоны археологического поиска и географии исследованных памятников в регионе произошло в последние два десятилетия, особенно за счет территорий активного промышленного освоения, связанных с добычей нефти и газа. В настоящее время ведется активное накопление материала из многочисленных известных и вновь выявленных памятников. В этой связи насущной задачей стало введение в научный оборот результатов этих исследований.

Одним из районов Сургутского Приобья, отличающихся высокой концентрацией археологических объектов, является бассейн реки Большой Юган (левый приток Юганской Оби). Планомерное исследование его проводится с 2002 г. экспедициями НПО «Северная археология – 1». Целью данной статьи является освещение результатов раскопок одного из обнаруженных здесь поселений раннего железного века – селища Нёгусьях 2.

Местонахождение и описание памятника

Селище Нёгусьях 2 находится в Сургутском районе ХМАО – Югры, на территории Средне-Угутского месторождения нефти, разрабатываемого ООО «РН-Юганскнефтегаз» (рис. 1). Памятник входит в комплекс объектов историко-культурного наследия «Когончины», расположенный на правом берегу реки Большой Юган, в 11,5 км к югу от пос. Угут и 3,9 км к ЮЗ от юрт Когончиных. Поселение приурочено к устьевой части правой коренной террасы реки Нёгусьях – правого притока Большого Югана. Оно занимает суходольную гриву, окруженную со всех сторон, кроме западной, заболоченной низиной – пересохшей старицей (рис. 2–4). Площадь памятника – 7925 кв. м. Селище включало три археологических объекта, располагавшихся компактной группой (№ 1, 3, 4). Полоса разрушения, образовавшаяся при обустройстве нефтескважины Р-113, прошла по юго-западной части объекта № 1 (рис. 5; 6). Поверхность объектов была сильно повреждена выворотнями и морозобойными трещинами.

Объект № 1 до начала раскопок прослеживался в рельефе в виде приподнятой подпрямоугольной площадки (11,6×10,5 м) с неровной поверхностью и понижением в центре, ориентированной по оси СЗ–ЮВ. Центральное понижение (2,83×1,77×0,12 м) было вытянуто по оси ВСВ–ЗЮЗ. Крыша, стены и песчаная обваловка-завалинка после разрушения жилища сформировали саму насыпную площадку. Центральное углубление маркировало место жилой камеры и расположенного в ней очага. В южной части насыпи выявлены две округлые ямы диаметром 1,0–1,5 м, глубиной до 0,2 м (от уровня окружающей поверхности). Кроме

того, раскопки показали, что поверх древнего объекта, в его южном углу (уч. Л-С/9-13), по какой-то причине образовался поздний накид, увеличивший высоту площадки.

Объекты № 3 и 4 имели вид прямоугольных впадин (10×8,5 и 7×7,5 м) глубиной 0,3 м, окруженных расплывшимися обваловками шириной 1,5–2,5 м, высотой 0,2 м. Вокруг насыпей зафиксировано соответственно 6 и 7 внешних ям размерами от 0,8×1,25 до 0,9×4,0 м.

Памятник открыт в 2008 г. К. Ю. Красильниковой [2009], тогда же проведена его топографическая съемка, фотофиксация, сняты географические координаты, собран подъемный материал, а на месте обнажения культурного слоя произведена зачистка. Состояние селища определено как аварийное, так как оно частично разрушено площадкой нефтяной разведочной скважины. Сохранившаяся часть памятника находится на границе площадки законсервированной скважины, что является постоянным фактором риска для состояния объекта культурного наследия. На основании материала, собранного в западной части поселения, на краю разрушенной поверхности объекта № 1 (13 фрагментов керамических сосудов и 1 обломок глиняного тигля), памятник предварительно датирован ранним железным веком.

В 2009 г. экспедицией ООО «НПО «Северная археология – 1» проведены аварийные стационарные исследования данного селища. Раскопом площадью 370 кв. м вскрыты остатки одной постройки (объект № 1) и прилегающего межжилищного пространства (рис. 7; 8, 1, 2).

Стратиграфия в раскопе

Напластования естественных (почвенных, геологических) и культурных (антропогенных) слоев установлены на основании изучения профилей стенок и трех пересекающихся под прямым углом бровок раскопа (рис. 8, 1, 2). Стенки периметра раскопа отражают естественную стратиграфическую колонку подзолистых почв, характерную для межжилищного пространства. Меридиональная бровка № 1 и широтная № 3 в центральной части фиксируют антропогенное воздействие в ходе сооружения и функционирования древнего жилища (постройка № 1). Верхние напластования и культурные слои за пределами данного объекта отражают процесс «археологизации» разрушенного жилища; слои по краям бровок, близ краев раскопа, соответствуют естественной колонке почв.

Стратиграфия в периферийной части раскопа. В верхней части естественной колонки, характерной для подзолистых почв, зафиксированной в межжилищном пространстве, визуально прослеживаются четыре основных горизонта: лесная подстилка (очес, хвойный опад, мох, гумус) мощностью от 1 до 10 см; подзолистый горизонт, в котором выделяются два слоя – серо-белого песка (современный подзол) мощностью от 5 до 52 см и белого песка мощностью 12–50 см. Ниже залегал иллювиальный горизонт – слой желтого песка. В центральной части раскопа поверхность последнего фиксировалась на уровне –4 см от условного нуля, в северо-восточной – на глубине –82 см.

Стратиграфия в центральной части раскопа, наиболее подверженной древнему антропогенному воздействию, следующая. В центре раскопа, на пересечении бровок № 1 и 3, под лесной подстилкой, прослеживался слой серо-желтого «крупномешаного» песка (поздний накид), перекрывавший остатки постройки № 1. Он был представлен линзой неправильной округлой формы (3,64×3,74 м) толщиной 4–13 см. Слой появился значительно позже разрушения постройки: он перекрывал горизонт погребенной лесной подстилки, расположенной поверх разрушенного жилого объекта. Образование его, по-видимому, связано с ямой № 10, прорезавшей слои южной части обваловки. Заполнение жилой постройки представлено слоем серо-желтого пестроцвета мощностью от 5 до 40 см. Последний включал остатки крыши, присыпки стен и содержал археологические материалы. Он сформировался в результате хозяйственной деятельности жителей дома и в процессе его последующего разрушения. По периметру постройки прослеживался слой желто-серого мешаного песка толщиной 12–31 см, представлявший собой расплывшуюся обваловку стен жилища. Граница слоя размыта.

Происхождение его связано с процессом строительства жилища. Песок брали из внешних ям для сооружения завалинки вокруг стен дома.

По всей площади раскопа фиксировались темно-серые углистые прослойки, представляющие собой растительные остатки, погребенные в процессе «археологизации» постройки. По своему происхождению прослойки можно разделить на три типа: погребенный древний очес, остатки пола и деревянных конструкций постройки. Эти разные по генезису прослойки часто не различаются по цвету и составу.

Большинство ям раскопа было заполнено серым песком с многочисленными включениями мелких угольков. Углубления от выворотней деревьев заполнены «крупномешаным» желто-серым песком.

В юго-западной части раскопа вскрыт участок современного переотложенного техногенного слоя. Он представлял собой «крупномешаный» песок серо-желто-белого цвета с прослойками отходов добычи нефти, а также включениями мусора и обломков бревен. Его верхняя часть представлена песком белого цвета. Местами на нем начинает появляться травянистая растительность.

Вскрытые объекты

Постройка (объект) № 1 представляла собой остатки жилища площадью 46,5 кв. м со слабо углубленным полом (рис. 7). Ориентировка сооружения: СЗ–ЮВ. Предполагаемая длина стен: 7,90 и 6,5 м. Посередине торцовой северо-западной стены располагался коридорообразный выход длиной 2,1 м, шириной 1,5 м.

Котлован – углубленная часть помещения постройки – образован выравниванием площадки под строительство жилища. При этом весь древний почвенный слой (ныне – погребенный подзол) не снимался: до иллювиального желтого песка поверхность была выровнена только в нескольких местах. Максимальная глубина котлована (23 см) определяется в юго-западной части жилища, где пол поднимался под косым углом на границе с нарами. В остальных местах котлован был мельче. Пол фиксировался в виде тонкой прослойки темно-серого углистого песка мощностью 0,5–2,0 см (рис. 9). Последняя сохранилась только на уч. И–С/8–11, на уровнях от –15 до –23 см от условного нуля. Общий перепад нивелировочных отметок уровня пола составлял около 10 см. Вдоль юго-западной стены жилища прослеживались нары шириной 0,9 м. Их остатки выглядели как выступ материкового подзола; углистая прослойка пола в этом месте плавно поднималась к периферии жилища, образуя уступ высотой 23 см (рис. 7).

В центре жилища, на уч. Н–О/8–9, находился овальный наземный очаг размерами 1,9×1,0 м, вытянутый в широтном направлении (рис. 11–13). Костер располагался на уровне пола, на выровненной площадке желтого иллювиального песка. Восточная часть очага покоилась на слое погребенного белого подзола (древняя почва). В разрезе очаг линзовидный с понижением в центре. Общая толщина очажного слоя – 14 см. Последний сложен коричневой, серо-коричневой и темно-серой супесью с углистыми прослойками; насыщен углями, мелкими кальцинированными костями и обломками керамической посуды. В материковом слое под центром очага прослеживался ярко-оранжевый прокал мощностью 10–11 см. Верхняя точка фиксации очага от условного нуля – –16 см, нижняя – –30 см, дна прокала под очагом – –41 см. В очаге найдено 99 фрагментов от шести сосудов (подсчет по венчикам). Большое количество обломков посуды залегало и рядом с костром. С южной стороны очага, на уровне пола постройки, обнаружена бронзовая фигурка лося.

Границы самого котлована были установлены по следующим признакам. Юго-восточную линию стены маркировал край углистой прослойки пола и находки керамики на уч. С/9. Юго-западная стена обозначена остатками деревянных конструкций. Целые плашки располагались хаотично, но вдоль юго-западной стены они были выстроены в основном по оси СЗ–ЮВ. Кроме того, вдоль этих плашек проходила граница желто-серого песка присыпки стен постройки.

Остатки деревянных конструкций и край слоя обваловки также четко фиксируются в профиле бровок (рис. 8, 1, 2). На уч. 3/10 прослеживался западный угол постройки, образованный сгоревшими плашками, которые располагались под прямым углом друг к другу. Поиск места установки северо-западной стены жилища затрудняли два пня, находившиеся на уч. И/9 и Л-М/6, а также старый выворотень на уч. 3-И/8-9. Можно предположить, что яма № 13 и плашки в ее верхней части связаны с северным углом постройки. В северной части постройки в ходе «археологизации» объекта происходили интенсивные процессы оподзоливания. Севернее очага активным почвенным промывным режимом была уничтожена углистая прослойка пола. Здесь также отсутствуют слои заполнения котлована и обваловка жилища. По этой причине установить местонахождение северного угла, также северо-западной и северо-восточной стен, довольно сложно. Хотя локализацию северо-восточной стенки жилища определяют находки на уч. О-Р/6-7: 18 фрагментов керамики, 2 камня и 2 бронзовых предмета. Прослеживается закономерность в их расположении: артефакты были выстроены практически в одну линию, по оси СЗ-ЮВ, что соответствовало направлению стены жилища в этом месте. Восточный угол постройки также маркируется по находкам, которые все найдены внутри жилища. Внешнюю границу постройки определяет яма № 15, являющаяся внешней и одновременно мусорной. Из нее могли добывать песок для сооружения завалинки. К восточному углу котлована приурочена яма № 14, вероятно являвшаяся остатками опорного столба, задействованного в конструкции жилища.

Обваловка стен жилища. С северо-западной, юго-западной и юго-восточной сторон котлован окружала валообразная насыпь, сложенная из мешаного серо-белого, белого и желтого песка (рис. 7). С северо-западной и юго-западной сторон в обваловке выявлены остатки сгоревшей деревянной конструкции жилища (рис. 10). Песком присыпалось основание стен постройки: сооруженная завалинка укрепляла стены и утепляла жилище. После разрушения дома насыпь расплылась.

Остатками стен постройки, безусловно, являлось скопление сгоревших плашек, расчищенных в обваловке вдоль ЮЗ стены. Тем не менее уловить какую-либо закономерность в их расположении не удалось.

Ямы (рис. 8, 3) по генезису и функции подразделяют на столбовые, хозяйственные, внешние углубления-«карьеры» для выемки песка, мусорные. Часть из них связана с постройкой № 1, остальные обнаружены в межжилищном пространстве. Некоторые углубления могли остаться от выворотней или являлись следами позднего антропогенного воздействия.

Столбовые ямы и ямки (№ 1, 3-5, 8, 12, 14). Все они зафиксированы в слое белого материкового подзола. Из них к конструкции постройки достоверно можно отнести только две, расположенные в восточном углу котлована: № 12 и 14. Возможно, они являлись остатками опорных столбов жилища.

Ямка № 12 (уч. С-Т/10, гл. -38 см) приурочена к границе котлована. На поверхности имела вид округлого пятна светло-серой углистой супеси, оконтуренной углистой прослойкой толщиной 1-7 см. Углубление заполнено песком с мелкими угольками, в верхней части которого прослеживалась линза белого подзола мощностью до 2 см. В разрезе ямка чашевидная с пологими стенками и округлым дном. Ее диаметр - 20 см, глубина - 8 см.

Ямка № 14 (уч. Р-С/8-10, гл. -40 см) приурочена к границе котлована. Заполнена белым песком с мелкими угольками, в верхней части которого фиксировалась линза желтого песка размерами 2×4 см. В разрезе ямка чашевидная с пологими стенками, округлым и неровным дном. Ее диаметр - 20 см, глубина - 6 см.

Ямка № 1 (уч. М/1, гл. -39 см) фиксировалась на поверхности в виде округлого пятна темно-серого мешаного песка с углем. В верхней части углубления отмечена линза темно-серого мешаного песка мощностью 6 см, заполненная крупными углями. В нижней части углубление было заполнено белым песком с углистыми прослойками. Стенки ее неровные, отвесные, дно плоское. Диаметр ямки - 13 см, глубина - 19 см.

Яма № 3 (уч. П/3–4, гл. –33 см) прослеживалась в виде углистого пятна неправильной округлой формы с прослойкой белого песка. В верхней части ямы отмечены две углистые прослойки мощностью 2 см каждая. Основное заполнение – грязно-белый мешаный песок. Углубление в разрезе асимметричное: восточная стенка его – пологая, западная – отвесная, с отрицательным наклоном. Дно ямы плоское, неровное, выстлано углистым слоем мощностью 6 см. Диаметр ямы – 55 см, глубина – 14 см.

Ямка № 4 (уч. Ф/4, гл. –75 см) в плане имела вид вытянутого подтреугольного углистого пятна размерами 20×30 см. Заполнена темно-серым мешаным песком с включениями углей. В разрезе углубление асимметричной клиновидной формы – с отвесной северной и пологой южной стенками. Дно узкое округлое. Глубина ямки – 17 см. В ямке почти вертикально, с небольшим наклоном к югу, стояла обугленная «плашка» длиной 24 см, диаметром 15 см.

Ямка № 5 (уч. Ш/6, гл. –80 см) зафиксирована первоначально в виде прямоугольного углистого пятна размерами 10×15 см. В разрезе углубление подпрямоугольное: стенки ямы отвесные, прямые, дно округлое. Заполнение состоит из темно-серого мешаного песка с большим количеством древесного угля. Глубина ямы – 14 см.

Ямка № 8 (уч. В/9, гл. –108 см) на поверхности имела вид округлого углистого пятна диаметром 10 см (рис. 14). Стенки углубления отвесные, дно плоское, неровное. Заполнение: серая углистая супесь с крупными, расположенными вертикально кусками углей. Глубина ямки – 13 см.

Хозяйственные или мусорные ямы (№ 6 и 15) прорезали слой белого материкового подзола и поверхность иллювиального горизонта.

Яма № 6 (уч. Ч–Ш/9–10, гл. –77 см) – подпрямоугольная (150×40 см), ориентирована по оси С–Ю. На поверхности прослеживалась в виде пятна мешаного желтовато-белого песка с углистыми прослойками. В продольном разрезе углубление асимметричной формы, стенки его прямые, дно неровное. В северной части глубина ямы составляет 8 см, в южной части – 47 см. Здесь яма имеет форму чаши с наклонными стенками и округлым дном. В поперечном сечении стенки углубления прямые, дно неровное, с понижением в западной части. Заполнение неоднородное. В верхней части представлено мешаным желто-белым песком с угольками; здесь же прослеживались углистая линза размерами 38×6 см и углистая прослойка мощностью до 2 см. Такая же прослойка разделяла верхнее и нижнее заполнение ямы. В нижней части заполнение состояло из «крупномешаного» желто-белого песка. В верхней части ямы обнаружены камень и четыре фрагмента шеек с венчиками от двух сосудов. Вероятно, углубление появилось при сооружении жилища – из него первоначально брали грунт для завалинки; впоследствии оно, вероятно, использовалось как хозяйственная яма.

Яма № 15 (уч. Т–У/8–10, гл. –42 см) – вытянутая, неправильной формы (300×90×10–25 см), ориентирована в меридиональном направлении. На поверхности отмечена пятном светло-серого углистого песка с углистыми прослойками (рис. 15). В разрезе она – асимметричной чашевидной формы с пологими стенками и неровным округлым дном, более глубоким в северной части. В «крупномешаном» желто-сером песке, заполнявшем углубление, прослеживалась косяпающая углистая прослойка толщиной до 9 см, перекрытая слоем светло-серого мешаного песка. В яме найдено 59 фрагментов керамики от разных сосудов.

Отношение мусорной ямы № 15 к постройке № 1 подтверждается их близким расположением и находками сосудов, склеивающихся из фрагментов, обнаруженных в яме № 15, внутри постройки (на полу и в очаге), в западном отрезке обваловки (уч. Е/10), а также в межжилищном пространстве к западу от жилища, на уч. А/9 и Б/10 (рис. 16, 1; 17, 6; 18, 4). Яма № 6, наоборот, скорее всего, была связана с постройкой № 3. Керамика из этой ямы не склеивается ни с одним фрагментом из жилища № 1 или из межжилищного пространства вокруг него.

Внешние ямы-«карьеры» (№ 9, 11, 13, возможно 7). Как и предыдущие углубления, они зафиксированы в слое белого материкового подзола. Их происхождение связано со строительством

жилища № 1: из них брали песок для сооружения завалинки, окружавшей стены данной постройки. Они же маркировали внешний контур объекта.

Яма № 9 (уч. Н/13–14) до начала раскопок, в современном рельефе, прослеживалась в виде понижения диаметром 150 см, глубиной 20 см. На уровне –15 см, в горизонте белого подзола, имела вид пятна серо-белого песка с углистыми прослойками. Яма овальная, размерами 100×75 см, глубиной 36 см, сориентирована в широтном направлении. Стенки углубления отвесные, дно неровное плоское. В северной части яма была перекрыта расплывшейся обваловкой стен жилища. Основное заполнение – «крупномешаный» желто-белый песок.

Яма № 11 (уч. Е–И/7–13) первоначально была зафиксирована на уровне –35 см – в виде аморфного пятна мешаного светлого желто-серого песка с углистыми прослойками. Размеры ямы – 125×125 см, глубина – 51 см, ориентировка меридиональная. Углубление чашевидной формы с пологими стенками и округлым дном. В южной части яма была заполнена серо-белым песком, в северной – мешаным желто-белым песком с углистыми прослойками и перекрыта белым подзолом. Дно ямы выстлано углистой прослойкой толщиной 3 см. В верхней части заполнения ямы, на глубине –58 см, обнаружен развал кулайского сосуда.

Яма № 13 (уч. Н/4–5) прослеживалась на поверхности в виде мелкого (20 см) углубления. При раскопках на уровне –20 см имела вид овального пятна серо-белого песка с углистыми прослойками, окруженного белым подзолом. Размеры ямы – 106×60 см, глубина – 24 см, ориентировка – по оси С–Ю. Стенки углубления наклонные, дно неровное округлое. В южной части яма была перекрыта расплывшейся обваловкой стен жилища. Основное ее заполнение: серый песок с углистыми прослойками.

Яма № 7 (уч. Т/12) в современном рельефе была выражена в виде округлого углубления диаметром 150 см, глубиной 20 см. На поверхности материка (уровень –17 см) она имела вид пятна грязно-белого песка с углистыми прослойками, в юго-восточной части которого фиксировалась углистая линза диаметром 50 см. Яма в плане аморфной формы, размерами 300×50 см, глубиной около 45 см, ориентирована по оси СЗ–ЮВ. В разрезе углубление асимметричной формы, с отвесной юго-западной и пологой северо-восточной стенками, а также неровным и приостренным в северо-восточной части дном. В верхней части яма была заполнена серо-белым песком с углистыми прослойками мощностью до 23 см. Здесь же отмечена углистая линза размерами 47×6 см. Ниже залегал «крупномешаный» бело-желтый песок. Интерпретация ямы затруднительна. Возможно, первоначально это было углубление, из которого брали грунт для подсыпки стен, впоследствии нарушенное поздним выворотнем и норами животных.

Ямка неопределенного назначения (№ 2). Обнаружена на уч. Н/1 в слое белого материкового подзола. На верхнем уровне (–41 см) прослеживалась в виде округлого углистого пятна диаметром 15 см. Углубление чашеобразной формы с пологими стенками. В его заполнении обнаружены крупные угли. Глубина ямы – 6 см.

Поздняя яма (№ 10) на поверхности террасы прослеживалась на уч. Н–О/11 в виде большого и неглубокого западения (150×100×20 см). При ее расчистке на фоне переотложенного серо-желтого песка (пестроцвета), из которого была сложена обваловка стен жилища, обозначилось пятно серо-белого углистого песка. Яма неправильной формы, размерами 135×100 см, глубиной 45 см. Стенки ее неровные отвесные, дно плоское, также неровное. В нижней части яма округлая, диаметром 50 см. В заполнении углубления фиксировались многочисленные горизонтальные углистые прослойки мощностью до 6 см. Судя по особенностям залегания слоев, яма антропогенного происхождения, возникла после разрушения жилища. Поздний накид, перекрывший обваловку постройки, по-видимому, происходил из этой ямы.

Объекты и остатки за пределами жилища № 1. С хозяйственной деятельностью населения поселка связан ряд находок и объектов, обнаруженных в межжилищном пространстве. В частности, это сломанная глиняная посуда, найденная перед входом в жилище № 1 и в большом количестве – слева от него. То есть там, где между остатками сгоревших деревянных конструкций

в расплывшейся обваловке-завалинке отмечено крупное скопление керамики. Черепки встречались и дальше этого места – вплоть до северо-западного угла раскопа (уч. А–Б/7–10). Среди обломков сосудов, у границы техногенного разрушения, найдены кости гуся (табл. 1). Кроме того, за пределами жилища № 1, в III секторе раскопа, расчищены три столбовые ямки. Две из них (№ 4, 5) находились на расстоянии более 4,5 м друг от друга, одна (№ 1) – в 3 м от северного угла этого дома. Возможно, они являлись остатками легких сезонных каркасно-столбовых построек, не выраженных в рельефе, либо элементами каких-то других сооружений. В то же время археологических материалов практически не было на открытой площадке справа от входа в постройку и в северо-восточной части раскопа. Полностью отсутствовали они за тыльной – северо-западной – стеной жилища.

Коллекция находок

В 2009 г. на селище Нёгусьях 2, помимо остеологического материала из центрального очага жилища, обнаружено 976 предметов: 962 обломка глиняной посуды, 1 фрагмент глиняного тигля, 4 изделия из бронзы (или меди) и 9 камней. Основная часть находок – в виде развалов керамических сосудов – залегала в котловане жилища, на уровне пола, главным образом в очаге и рядом с ним. Некоторые черепки найдены в хозяйственных ямах и межжилищном пространстве.

Керамическая посуда

Всего в коллекции имеется 88 фрагментов шеек с венчиками от 29 сосудов, а также 93 орнаментированных и 781 неорнаментированный обломок стенок и других частей емкостей. Плоских днищ не обнаружено: по-видимому, вся керамика была круглодонной. Сосуды горшечные, ручной лепки. Шейки у них прямые или слегка отогнутые наружу с плоским горизонтальным либо скошенным внутрь венчиком с характерным карнизиком изнутри. Переход от шейки к плечу плавный, тулова емкостей слегка раздутые, придонные части резко зауженные (рис. 16–18; 19, 1). Толщина стенок колеблется в пределах 5–10 мм, средняя их толщина – 7 мм. Структура черепков рыхлая, слоистая. При производстве посуды в глину добавляли шамот – мелкотолченную керамику от разбитых сосудов. Перед обжигом поверхности емкостей заглаживались твердым предметом: щепой, зубчатыми и гладкими шпателями, при этом более тщательно обрабатывалась внешняя сторона. После этого различными чеканами на сосуды наносился узор, и они просушивались. Цвет керамики желтовато-серый, иногда красно-коричневый. Обжиг сосудов неравномерный, производился на кострах, в окислительной среде, в результате чего на изломе черепков отмечается черная прослойка. На многих горшках с обеих сторон прослеживаются следы нагара. На одном сосуде фиксируются следы реставрации – два обломка были склеены темно-серым смолистым веществом.

По размеру выделяются две группы емкостей: диаметром по венчику 15–18 и 25–35 см. К первой группе можно отнести 4 сосуда, ко второй – 11; у остальных 13 мелких обломков с венчиками диаметр сосуда не определяется.

Определенных закономерностей в наборе штампов и орнаментальной композиции первых двух групп не отмечено. Возможно, это связано с малочисленностью выборки. Узорами покрыта верхняя треть тулова, у всех сосудов украшен венчик. Орнамент нанесен зубчатыми, фигурными и гладкими штампами, а также палочкой и торцом мелкой кости. При этом ямочные узоры, нанесенные заостренной палочкой, присутствуют на всех емкостях. Довольно часто встречаются оттиски фигурного штампа «уточка», поставленные горизонтально (на 10 сосудах) или вертикально (4), а также отпечатки гладкого чекана с наклоном вправо (8). Оттиски гребенчатых штампов отмечены на 7-ми сосудах: на одном они нанесены горизонтально и вертикально, на двух – наклонно, еще на двух – уголкообразно. В одном случае применен прием «протасенная гребенка» (рис. 16, 6). Также использовался фигурный штамп «змейка» (его вертикальные оттиски

зафиксированы на 5-ти сосудах, горизонтальные – на 3-х); единично встречаются струйчатые узоры и оттиски мелкой птичьей кости (рис. 16, 5).

Венчик орнаментировался косо поставленным трех- или четырехзубчатым штампом (9 сосудов), наклонной палочкой (7), уголком палочки (6), фигурными штампами «уточка» (4) и «змейка» (1). Обязательный элемент узора – горизонтальный пояс круглых ямок, иногда в комбинации с «жемчужинами», на основании шейки сосуда. «Жемчужины» (на 16 сосудах) крупные, плоские, выполнены вдавлениями изнутри и приплюснуты пальцем; в некоторых случаях на них видны отпечатки ногтя. Ямки (на 19 сосудах) образуют на внутренней стороне сосуда сглаженные «жемчужины». Чрезмерное приложение усилий при выдавливании ямок и «жемчужин» приводило к образованию на их месте сквозных отверстий. Орнаментальная композиция обычно представлена горизонтальными концентрическими поясками. Только в двух случаях орнаментальный мотив направлен вертикально (рис. 17, 3) или диагонально (рис. 17, 6). Орнаментальных поясков на каждой емкости – от 5-ти до 7-ми, но преобладает 7. В композиции четко выражена зональность. Как правило, между вторым и третьим поясками, по шейке, проходит вышеупомянутый пояс круглых ямок (10 сосудов), «жемчужин» (3) либо в чередовании тех и других (9). На четырех сосудах «жемчужины» разделены двойной «уточкой» и «змейкой». Две орнаментальные полосы – под венчиком и по зоне плечиков – присутствуют на половине сосудов (15 из 29).

Вещевой комплекс

Предметы из бронзы или меди. Спектральный анализ металла не проводился.

Фигурка лося (рис. 19, 2) обнаружена в центре постройки, в 0,55 м к югу очага, на углистой прослойке пола. Изделие отлито в плоской односторонней форме. Отливка монолитная с невысоким рельефом. Размеры: 5,8×2,6 см, толщина 0,4 см. После выемки из литейной формы вторичная обработка предмета была минимальная: литейные швы не убраны, полировка не проводилась, что характерно для кулайской культовой пластики. Фигурка целая, за исключением сколотых концов ушей и копыт передних ног животного. Изделие покрыто патиной, сохранность его удовлетворительная.

Животное изображено в профиль, его голова повернута влево. На видовую принадлежность указывает характерная для лося горбинка носа, торчащие, направленные вертикально вверх уши и длинная узкая вытянутая вперед шея. Выступ нижней челюсти не обозначен. Двумя короткими прямыми отростками, расположенными параллельно друг другу, намечены уши. Они расположены на макушке: одно ухо впереди, другое – сзади. Подобная передача ушей лосей и иногда других животных, изображенных в профиль, характерна для кулайской иконографии. Шея животного слабо расширяется и плавно переходит в корпус. Линии спины и живота прямые. Туловище имеет тенденцию к расширению в задней части. Задняя часть туловища с ногами у фигурки недолита. Передние ноги переданы схематично – в виде прямых отростков, отходящих вниз и немного вперед. Аналогично ушам они поставлены одна за другой. Изображение детализировано рельефными линиями в кулайском «скелетном» стиле. Вдоль шеи нанесена «линия жизни». Поперек туловища четырьмя параллельными отрезками показаны ребра. Три из них сгруппированы, один находится в задней части туловища и пересечен продольной линией. Динамичность фигуре лося придают вытянутая вперед голова животного, его длинная шея и удлиненное туловище, а также направленные вперед передние ноги. Эти индивидуальные черты сочетаются с общей стилизацией, присущей раннему кулайскому искусству: невнимание к маловажным деталям – ногам и задней части корпуса. Необходимо было передать только основные признаки, достаточные для узнавания животного, а иногда и это было несущественно. Известно много культовых изображений, у которых видовую принадлежность животного можно установить лишь с определенной долей вероятности или только условно отнести к классу хищных или хтонических зверей.

Лось – на протяжении многих веков – являлся одним из самых распространенных и узнаваемых образов урало-сибирского искусства. Вероятно, это связано с его сложным мировоззренческим статусом: принадлежностью к двум мирам – верхнему и среднему [Яковлев, 2001. С. 224]. Со священным зверем связан целый комплекс мифов и обрядов сибирских народов, известный по этнографическим данным. Фигурки лося могли символизировать в разных случаях тотема либо жертвенное животное при священном жертвоприношении или же символ удачи охотника. Наряду с общей схематизацией образа большое внимание уделено внутреннему строению животного. Мастеру было важно передать идею «жизни» – «оживить» лося посредством изображения внутреннего скелета и «линии жизни» – вместилища души [Яковлев, 2001. С. 166–167; Полосьмак, Шумакова, 1991]. «Скелетное» видение широко представлено на сибирских, уральских, скандинавских и монгольских писаницах. Этот стиль характерен для многих народов на определенной ступени развития, когда основой их хозяйства являлась охота. Земледельцы и скотоводы имели совершенно иное мировосприятие, следовательно, по-иному оно отражалось в их искусстве. Для древних охотников, вероятно, главной в этих изображениях была идея их оживления и надления душой – посредством обозначения и выделения самых жизненно важных органов или тех, в которых, по их представлениям, обитала душа. Кроме того, оставленные на культовых фигурках литейные швы – черта, присущая раннему урало-сибирскому литью, – также подчеркивает большую смысловую нагрузку изображения, в котором основное значение придавалось процессу изготовления – «рождению» лося, чем его внешнему виду в дальнейшем [Зыков, Федорова, 2001. С. 36–37; Угорское наследие, 1994. С. 37–38; Яковлев, 2001. С. 164].

Литник от трехлопастного кулайского наконечника стрелы (рис. 19, 3). Найден около северо-восточной стены постройки № 1, в слое серо-белого песка (уч. Р/7, гл. –3 см). Размер: 3,45×1,7×1,6 см. Изделие в сечении треугольное, сужается к нижнему концу. Верхняя площадка литника плоская, горизонтальная, более широкая, чем литейное отверстие. Длинные стороны литника ребристые с продольным углублением посередине каждой. Канавки становятся рельефнее к нижнему концу, образуя лопасти наконечника.

Незаконченный наконечник стрелы (рис. 19, 4). Обнаружен в 1,45 м к СЗ от литника, в слое серо-белого песка (уч. П/6, гл. –13 см). Изготовлен в той же форме, что и литник, отломан от последнего. Наконечник трехлопастный, внизу заканчивается узким затеком, лопасти недолиты. Размер: 3,8×0,9×0,9 см. Оба предмета являются литейным браком и, возможно, предназначены для переплавки. Судя по сечению обломка, предполагалось изготовить наконечник стрелы кулайского типа. Подобные вещи в большинстве своем массивные, трехлопастные, со скрытой втулкой и опущенными вниз жальцами.

Фольга (рис. 19, 5). Найдена в центральной части постройки, в 1,12 м к востоку от очага (уч. П/9, гл. –5 см). Размер: 14,0×12,0×0,1 мм. Металл смят. Фрагменты бронзовой фольги являются частыми находками на памятниках кулайской культуры [Чемякин, 2008. С. 89].

Предметы из камня. В раскопе найдено 9 камней, наибольший интерес из которых представляют 4 – с визуально зафиксированными следами сработанности.

Терочки – два булыжника, обнаруженные на полу постройки № 1 (уч. О/6, гл. –27 см). Их размеры: 16,5×9,7×4,1 и 10,0×8,5×4,4 см. Мелкий камень лежал в непотревоженном состоянии (in situ) на крупном. Оба они – подпрямоугольной в плане формы и прямоугольного сечения. У большего камня на одной из узких длинных граней и прилегающих к ней участках плоских сторон отмечены следы лощения. Меньший камень удобно ложится в руку, на его гранях имеются выемки для пальцев. Широкая плоская сторона частично заполирована. Нижняя и верхняя широкие площадки первого камня и одна сторона второго абразива в месте их соприкосновения окрашены в темно-серый цвет.

Наковальни – в виде двух крупных камней, также с видимыми следами использования. Их размеры: 19,5×13,2×6,7 и 14,7×7,9×5,1 см. На плоских поверхностях обоих камней имеются искусственные выбоины.

Фрагмент глиняного тигля (рис. 19, 1). Размер обломка: 4,1×3,8 см. Тигель круглодонный с вертикальными стенками и округлым венчиком. Высота тигля – 3,5 см, толщина его стенки – 0,5 см. По краю венчика гладким штампом нанесены мелкие косые насечки.

Остеологический комплекс (костные остатки)

В ходе раскопок найдено несколько пригодных для видового определения фрагментов костей животных и птиц (табл. 1). Из них две кости, лежавшие рядом в межжилищном пространстве, происходят от одной особи молодого гуся. Все остальные были взяты из очажного слоя, где они были обожжены и измельчены. Отсюда происходят две кости бурого медведя, одно ребро бобра и несколько костей щуки. Кроме этого, условно выделяются около 15 костей от крупных животных и фрагменты от 30-ти особей мелкой рыбы.

Таблица 1. Костные остатки селища Нёгусьях 2 (определение Т. В. Лобановой)

Объект	Участок	Уровень (см)	Слой	Вид	Кость	Примечания
Межжилищное пространство	Б/10	–111	Серо-белый подзол	Гусь *	Большая берцовая	Верхний конец
Межжилищное пространство	Б/10	–11	Серо-белый подзол	Гусь*	Малая берцовая	Целая
Постройка 1, очаг	Н/9	–18	Коричневая супесь (очажный слой)	Медведь бурый	Плечевая	Нижний конец
Постройка 1, очаг	Н-О/9	–3				
–20	Коричневая супесь (очажный слой)	Медведь бурый	Мелкая кость лапы	Целая		
Постройка 1, очаг	Н-О/9	–3				
–20	Коричневая супесь (очажный слой)	Бобр	Ребро	Верхний конец		
Постройка 1, очаг	Н-О/9	–3				
–20	Коричневая супесь (очажный слой)	Щука	Несколько фрагментов мелких экземпляров			

*Кости молодой особи (примерно августа месяца) от гуся гуменника или белолобого.

Культурно-хронологическая принадлежность постройки

Датировку и культурную принадлежность памятника можно установить исходя из сравнительно-типологического анализа находок и типа исследованного жилища.

Керамика селища Нёгусьях 2 датируется первой стадией кулайской культуры. Для этого времени характерны круглодонные горшки с прямой или слегка отогнутой шейкой, плавным переходом к плечу и слегка раздутым туловом; венчики обычно плоские, реже округлые или немного скошенные внутрь с небольшим карнизом [Чемякин, Карачаров, 1999. С. 40; Чемякин, 2008. С. 84–86]. Кроме того, у ранней кулайской посуды узоры покрывают верхнюю треть или половину поверхности сосуда, включая венчик. Для ее орнаментики присуща четко выраженная зональность, частое использование «жемчужин», прежде всего крупных, приплюснутых, а также наличие относительно свободной разделительной зоны на шейке с пояском из ямок, «жемчужин» либо чередующихся ямок и «жемчужин» [Чемякин, 2008. С. 85]. На поздней кулайской посуде жемчужины редки. Оттиски гребенчатого штампа обычны для всей керамики

раннего железного века. Широкая неорнаментированная зона, представленная на трех сосудах селища Нёгусьях 2 (рис. 16, 7; 17, 9; 18, 5), характерна также для более ранней калинкинской керамики [Там же. С. 76]. На следующей стадии кулайской культуры композиция имеет тенденцию к усложнению.

Раннюю дату селища в рамках кулайской культуры подтверждает находка культовой зооморфной отливки. В отличие от Нарымского Приобья, где у таких изделий доминирует техника ажурного литья, металлопластика Сургутского Приобья отличается преобладанием сплошного рельефного литья [Челякин, 2002. С. 240]. Типична для Сургутского Приобья и миниатюрность фигурки. В обобщающей работе Ю. П. Челякина по бронзовой пластике Барсовой Горы среди более сотни изделий выделены простые зооморфные образы [Там же. С. 223]. Большая их часть найдена на поселениях белоярской культуры (VII–IV вв. до н.э.), несколько – на кулайских поселениях и святилище. По данным ученого, на территории Сургутского Приобья не известно простых изображений лося, они присутствуют только в сложных композициях. Например, на изделиях с городища Барсов Городок I/20, селища Барсова Гора III/21, из могильника Агрнъёган 1. 13 «оленных» блях известны в составе Холмогорской коллекции, одна – среди находок с городища-святилища Усть-Полуй [Челякин, 2010. С. 329–330]. Следовательно, фигурка лося с селища Нёгусьях 2 является первой такой находкой в Сургутском Приобье.

По сравнению с опубликованными простыми зооморфными образами фигурка с селища Нёгусьях 2 выполнена тщательнее и производит впечатление более поздней. Точных и надежно датированных аналогий рассматриваемому изображению не найдено. Я. А. Яковлев определяет хронологию «безрельефных» профильных лосиных фигур Томско-Нарымского Приобья широкими рамками (III в. до н.э. – IV в. н.э.), отмечая, что данные изделия входят почти во все коллекции кулайской металлопластики этого региона [2001. С. 253]. А. П. Зыков и Н. В. Федорова датируют исчезновение скелетного стиля с III в. до н.э. [2001. С. 38–39], уточняя, что в период расцвета единого стиля западносибирской художественной пластики (I в. до н.э. – II в. н.э.) изображения лося встречаются редко [Там же. С. 46]. Техника исполнения, в том числе относительная небрежность отливки фигурок с минимальной последующей подработкой и стиль «скелетного» видения, характерна для первой стадии кулайской культуры – IV–I вв. до н.э. Эта дата не противоречит стилистике и иконографии нашего изображения.

Тип жилища, исследованного на селище Нёгусьях 2, характерен для населения сургутского варианта кулайской культуры (культурно-исторической общности). Наземные овальные, округлые и овально-подпрямоугольные в плане постройки со слабо углубленным полом, песчаной обваловкой и внешними ямами характерны для домостроительства Сургутского Приобья начиная с конца эпохи бронзы. В кулайский период их форма становится более правильной прямоугольной и подквадратной; вокруг их остатков фиксируются как ямы, так и канавки для выемки грунта для насыпки обваловки. Хотя часть сооружений остается еще вытянутой овальной в плане формы. Наземная часть конструкций – каркасно-столбовая, в виде усеченной пирамиды. Входы в помещения – в виде обычных проемов в стене и коротких, выступающих наружу крытых коридоров. Очагов в таких постройках один или два. Тогда же появляются срубные жилища. Дома полифункциональные, использовались как жилые, хозяйственные и производственные помещения. В частности, внутри них на кострах расплавляли цветной металл и отливали изделия. В начале Средневековья (с карымского этапа) продолжают возводиться каркасно-столбовые дома, но количество срубных построек с самонесущими стенами, по-видимому, увеличивается. Котлованы жилищ становятся более четкими, квадратными и прямоугольными, как правило, облицовываются деревом. Выходы разнообразные, в том числе короткие коридорообразные. Очагов в помещениях обычно один (центральный), реже два [Борзунов, Челякин, 1995. С. 184–190; 2006. С. 74–75; 2012; Челякин, Карачаров, 1999. С. 28–29, 32, 35, 37, 42; 2002. С. 31, 35, 38, 40, 43, 45; Челякин, 2008. С. 49–50, 53–55, 67–69, 74–76, 79–81; Баранов, Чарусова, Баранов, 2008. С. 191–193; рис. 1] .

Таким образом, на основании сравнительно-типологического анализа данных селище Нёгусьях 2 можно датировать в рамках раннего этапа кулайской культуры: IV–I вв. до н.э.

Источники

Красильникова К. Ю., А–2009. Археологическая разведка в бассейне реки Нёгусьях Сургутского района Ханты-Мансийского АО – Югры летом 2008 г.: отчет о НИР. – Нефтеюганск, 2009. – Архив АСА. – Р. 1. – Д. 215.

Литература

Баранов Ю. М., Чарусова И. С., Баранов М. Ю., 2008. Археолого-этнографическое обоснование реконструкции жилища VI–VII вв. городища Сургутское 1 // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 193–195.

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П., 1994. Поселения и постройки культур эпохи поздней бронзы северной тайги Западной Сибири // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Т. 1: Поселения и жилища. – Томск: ТГУ, 1994. – Кн. I. – С. 176–190.

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П., 2006. Ранний железный век таежного Обь-Иртышья: итоги и перспективы исследований // Археологическое наследие Югры. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. – С. 68–108.

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П., 2012. Карымское общество таежного Приобья: некоторые аспекты его генезиса, развития и взаимодействия с соседями // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2012. – Вып. 10. – С. 217–261.

Зыков А. П., Федорова Н. В., 2001. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: Сократ, 2001. – 176 с.

Полосьмак Н. В., Шумакова Е. В., 1991. Очерки семантики кулайского искусства. – Новосибирск: Наука, 1991. – 91 с.

Стефанова Н. К., Борзунов В. А., 2002. Археология таежного Обь-Иртышья (хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа). – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – 136 с.

Угорское наследие, 1994. Угорское наследие: древности Западной Сибири из собраний Уральского университета / А. П. Зыков [и др.]. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 160 с.

Чемякин Ю. П., 2002. Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой Горы // ВАУ. – Екатеринбург: УрГУ, 2002. – Вып. 24. – С. 214–245.

Чемякин Ю. П., 2008. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. – 224 с.

Чемякин Ю. П., 2010. Образ лося в кулайской пластике // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: ТГУ, 2010. – С. 327–330.

Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г., 1999. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: материалы к атласу. – Екатеринбург: Тезис, 1999. – С. 9–66.

Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г., 2002. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: материалы к атласу. – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 5–74.

Яковлев Я. А., 2001. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. – Томск: ТГУ, 2001. – 274 с.

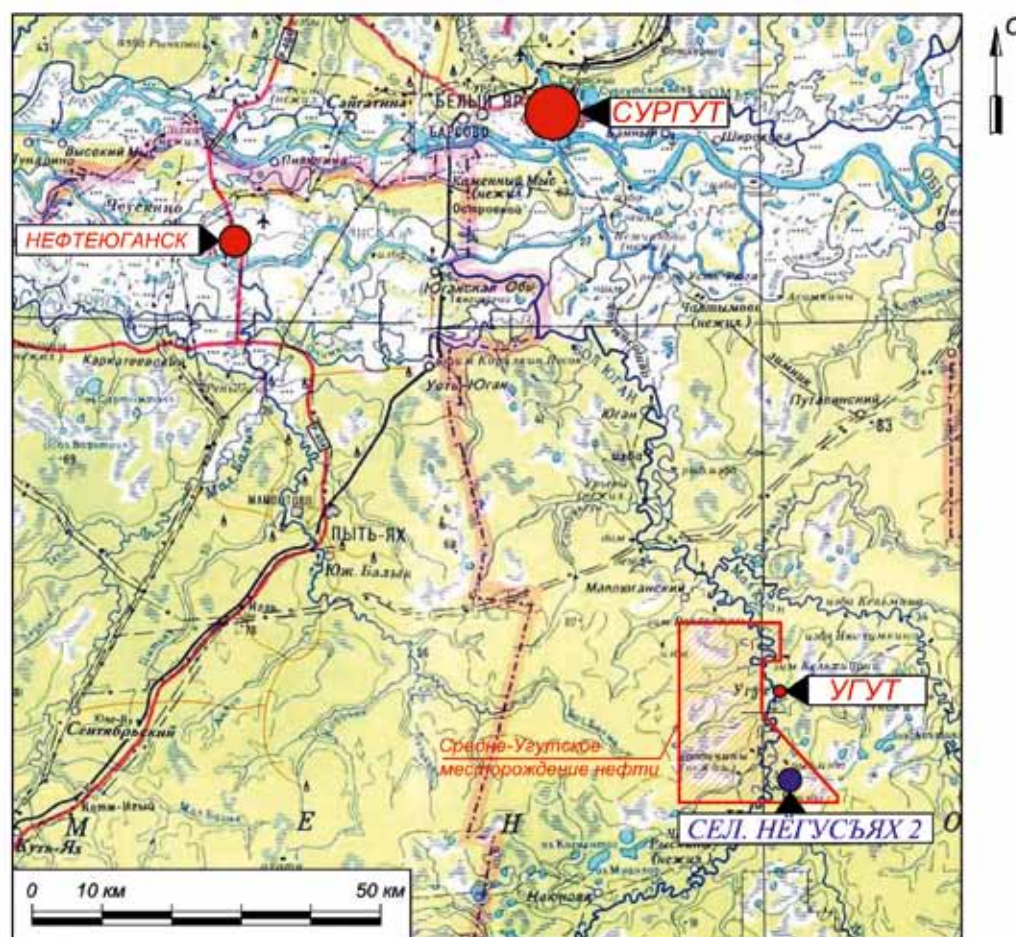

Рис. 1. Селище Нёгусьях 2.
Местоположение на карте Западной Сибири и в границах Сургутского района. М. 1 : 1 000 000

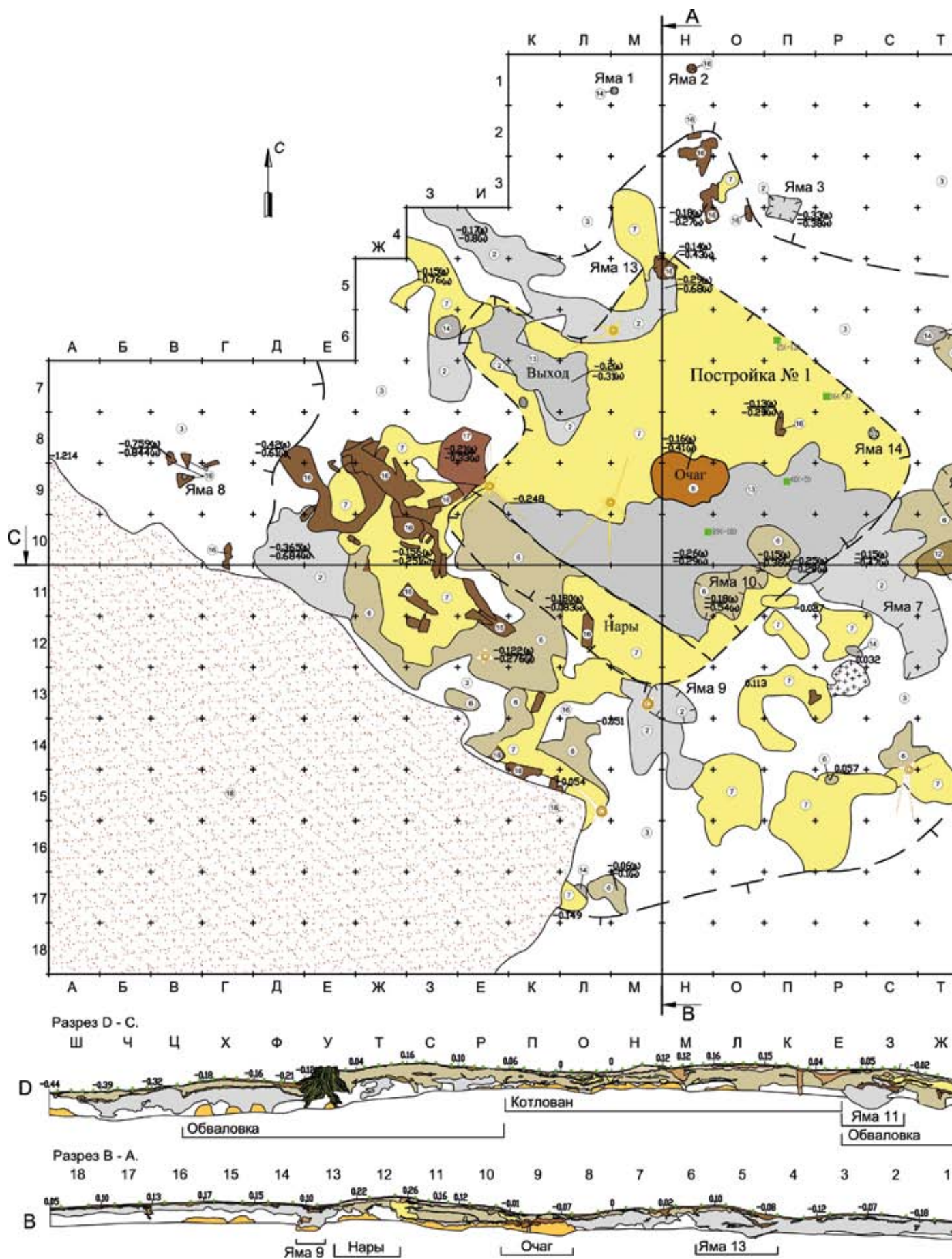
Рис. 2. Селище Нёгусьях 2.
Вид на памятник с
вертолета. Вид с ЮЗ

Рис. 3. Селище Нёгусьях 2.
Вид на памятник с СЗ

Рис. 4. Селище Нёгусьях 2.
Граница техногенных
разрушений. Вид с ЮЗ

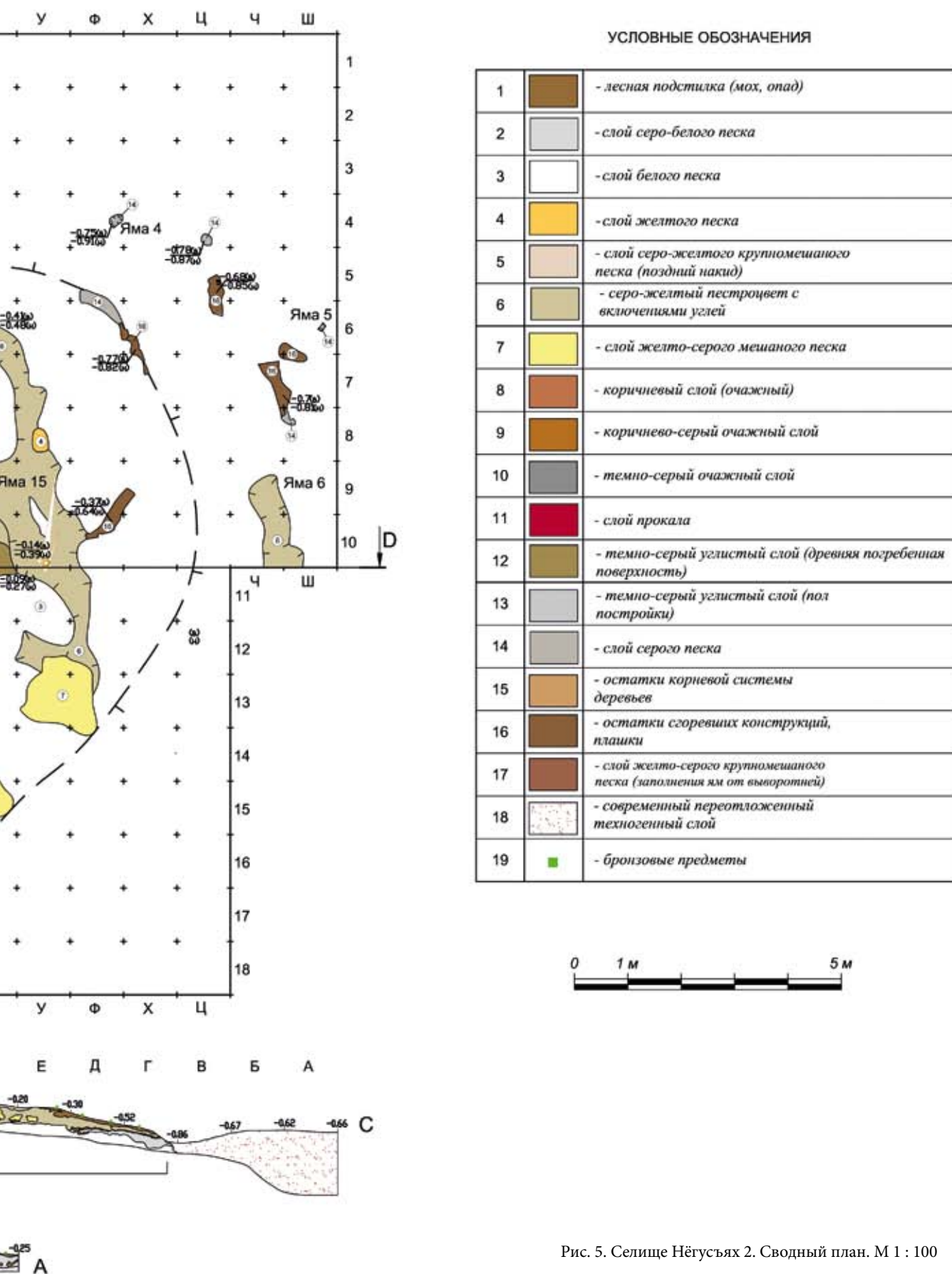

Рис. 5. Селище Нёгусьях 2. Сводный план. М 1 : 100

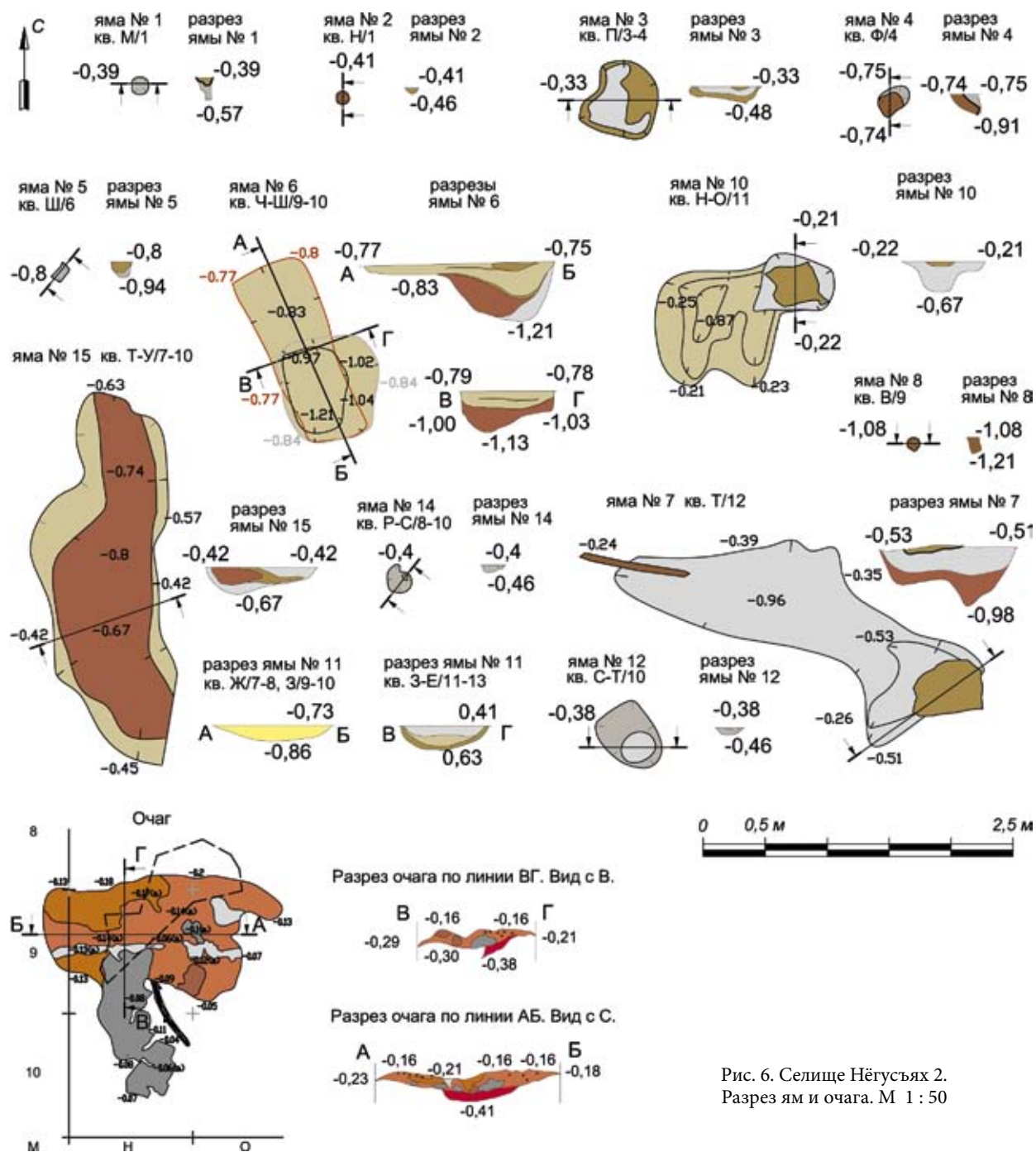

Рис. 6. Селище Нёгусьях 2.
Разрез ям и очага. М 1 : 50

Рис. 7. Селище Нёгусьях 2. Профиль впадины 1. Фиксируются пол постройки и разрез очага по линии СЮ. Вид с востока

Рис. 8. Селище Нёгусьях 2. Разрез очага по линии ВЗ. Вид с севера

Рис. 9. Селище Нёгусьях 2.
Заполнение очага.
Вид с востока

Рис. 10. Селище Нёгусьях 2.
Поверхность раскопа
после снятия лесной подстилки.
Сектор 1. Следы заезда тяжелой
техники. Вид с запада

Рис. 11. Селище Нёгусьях 2.
Остатки сгоревших конструк-
ций в обваловке постройки 1

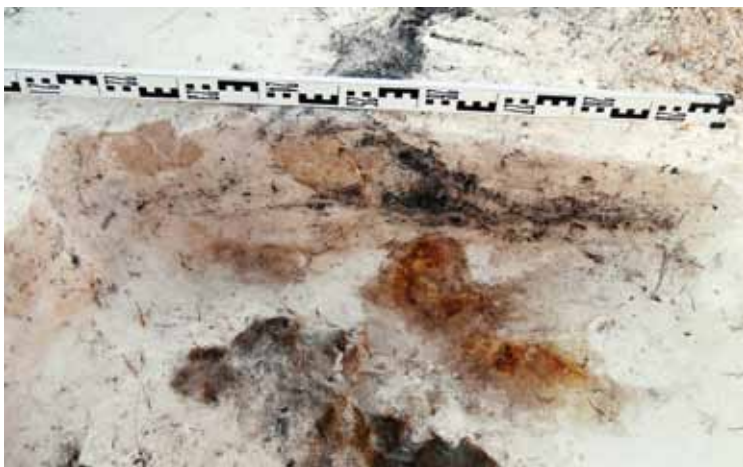

Рис. 12. Селище Нёгусьях 2. Разрез хозяй-
ственной ямы (яма № 15, кв. У/9). Вид с ЮЗ

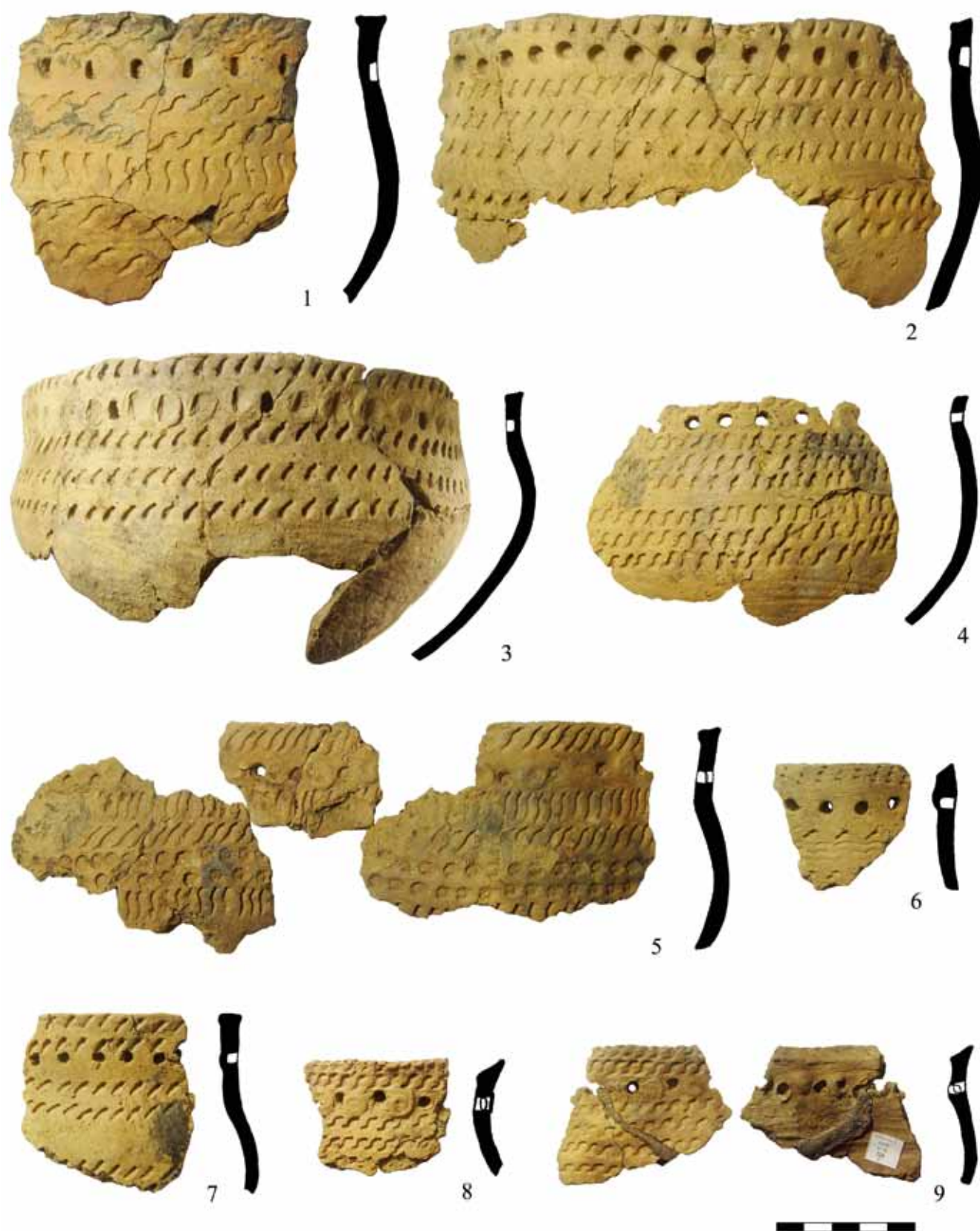

Рис. 13. Селище Нёгусьях 2. Коллекция артефактов: 1-9 – фрагменты керамических сосудов

Рис. 14. Селище Нёгусьях 2. Коллекция артефактов: 1-9 – фрагменты керамических сосудов

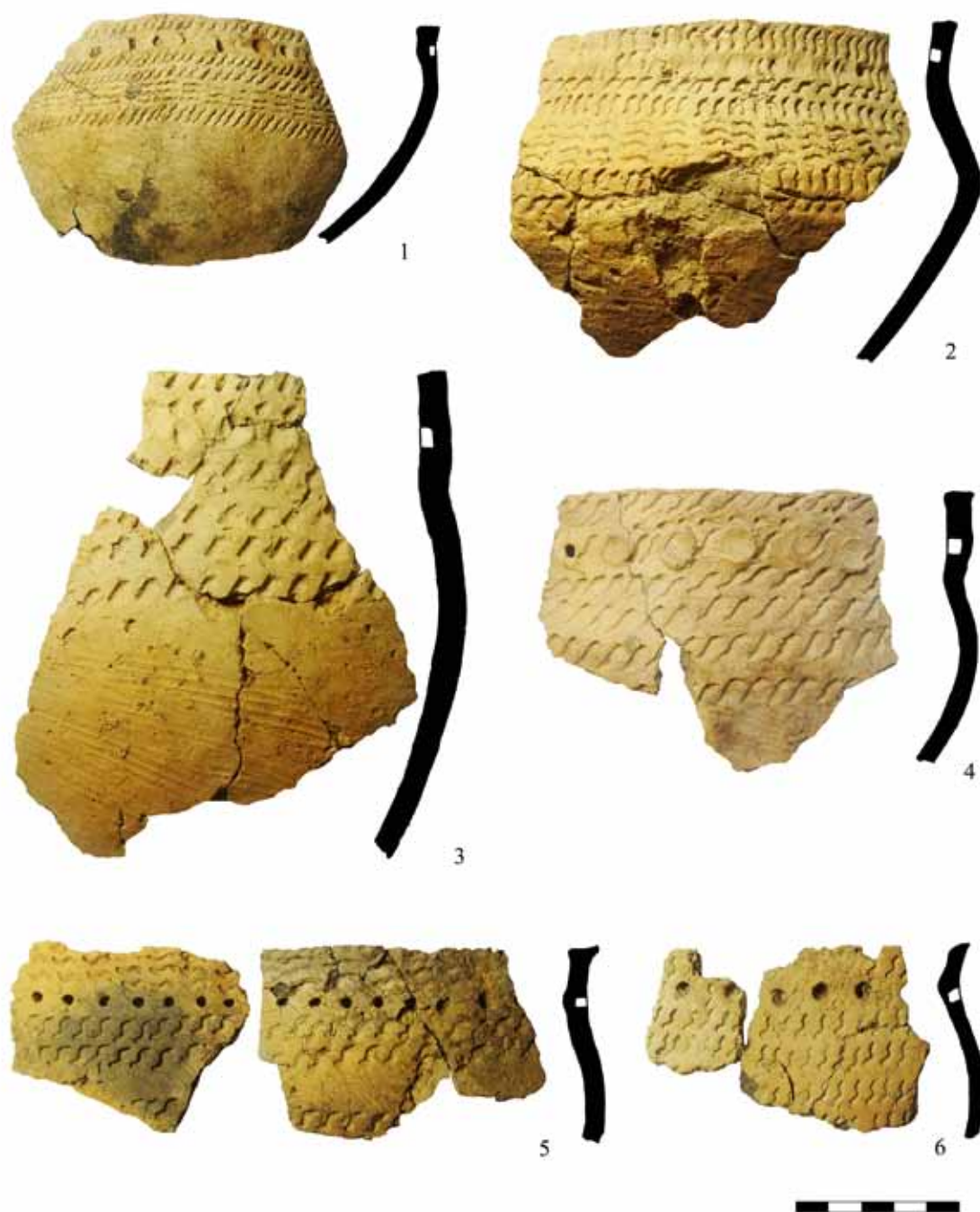

Рис. 15. Селище Нёгусьях 2. Коллекция артефактов: 1–6 – фрагменты керамических сосудов

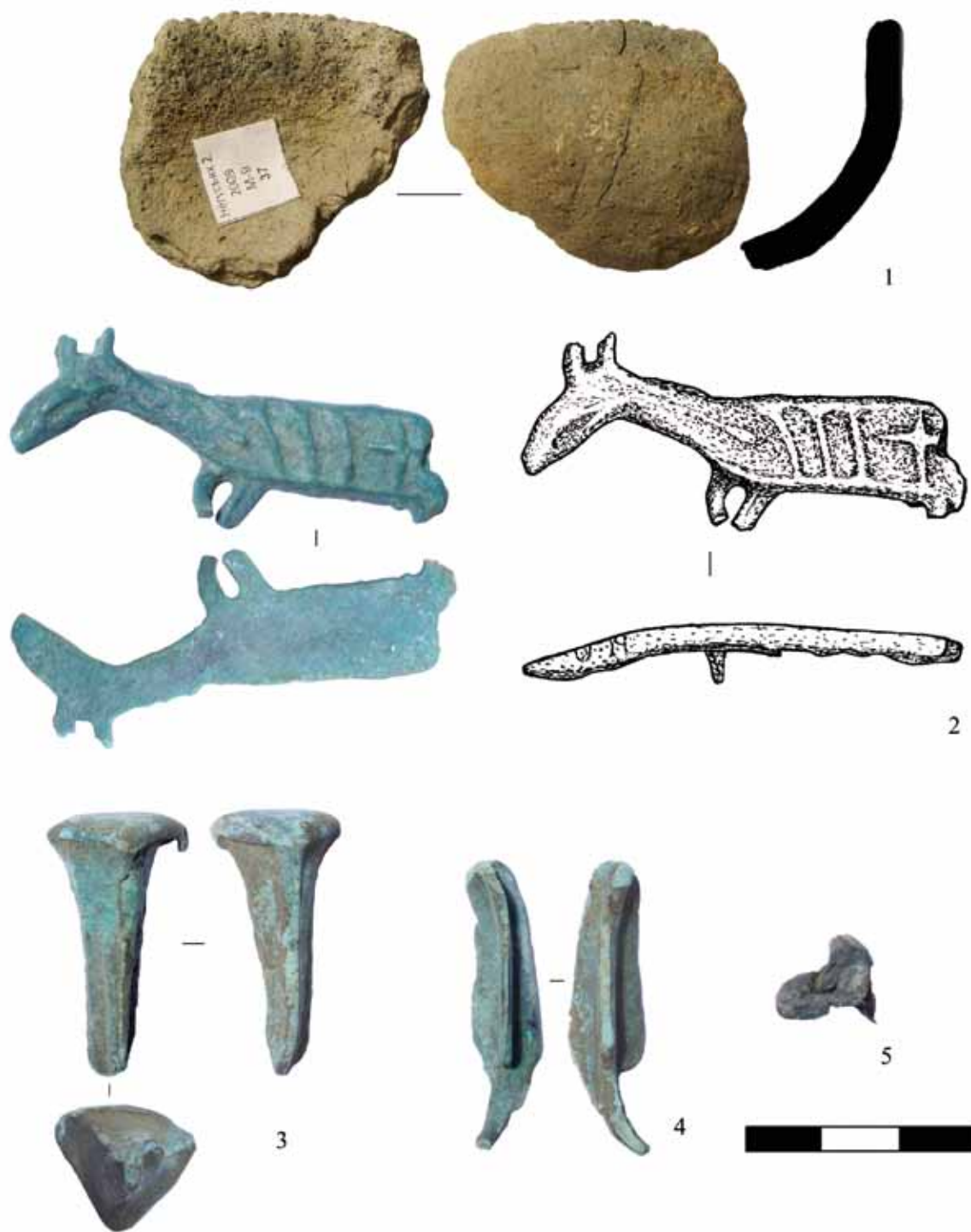

Рис. 16. Селище Нёгусьях 2. Коллекция артефактов: 1 – тигль; 2 – бронзовая фигурка лося (фото, прорисовка); 3 – литник; 4 – недолитый наконечник стрелы; 5 – бронзовая фольга

Памятники
Национальной истории

М. Н. Пальянова, Е. Н. Петрова, М. А. Усолкина

Архитектурно-этнологические исследования юрт Когончиных на территории Средне-Угутского месторождения нефти

В 2009 г. одним из производственных подразделений ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз» (г. Нефтеюганск) производилось разведочное бурение скважины Р-114 вблизи юрт Когончиных, расположенных в юго-восточной части Средне-Угутского месторождения нефти, в 11,5 км к югу от пос. Угут Сургутского района ХМАО – Югры. При производстве геолого-разведочных работ произошел пожар, в результате которого выгорела значительная часть лесного массива и были полностью уничтожены остатки домов интересующего нас памятника историко-культурного наследия (рис. 31–34). Тем не менее, благодаря своевременному архитектурно-этнологическому обследованию, выполненному по заданию вышеупомянутого производственного объединения в 2005–2006 гг. сотрудниками ООО «НПО «Северная археология – 1», сейчас мы имеем полную информацию об этих объектах. Проведенные аварийно-спасательные мероприятия расширили источниковую базу изучения традиционного домостроительства коренных народов Западной Сибири, в первую очередь хантов бассейна реки Большой Юган.

Начало исследования домостроительства юганских хантов

Народная архитектура достаточно консервативна и поэтому сохраняет на разных этапах своего существования тот или иной набор архаичных элементов, изучение которых не только способствует воссозданию исторического развития какого-либо конкретного этноса, но и выявляет связи и взаимопроникновения культур народов различных этнических групп. Существенные изменения в облике народного жилища свидетельствуют о нарушении привычного для данной культуры баланса в социальной и хозяйственной деятельности. Чем сложнее историческое развитие народа, тем богаче и разнообразнее становятся строительные традиции и художественные приемы. Традиционное народное зодчество аборигенов таежного Приобья, занимая немаловажное место в истории многонациональной архитектуры нашей страны, несмотря на выход ряда обобщающих исследований [Соколова, 1998; *Очерки культуругенеза...*, 1994а; 1994б], остается еще малоизученным. Одним из таких недостаточно исследованных – в плане домостроительных традиций народов, точнее этнических групп, являются юганские ханты.

История исследования юганских хантов начинается с этнографического труда Фредерика Роберта Мартина «Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов», изданного в 1897 г. Путешествуя летом 1891 г. по реке Юган, он посетил ряд хантыйских селений, где провел антропологические и этнологические исследования, а также собрал коллекцию разнообразных предметов, принадлежащих юганским хантам. Кроме того, на примере ряда построек, изученных и зарисованных им во время путешествия, Ф. Р. Мартин первым из ученых представил описание строительных традиций юганских хантов. «У остяков, – писал

он, – три вида юрт: собственно зимние юрты, юрты в которых живут во всякое время года, и летние юрты... До сих пор я видел только вторую категорию, которая является обычным типом. Эта постройка квадратной формы со сторонами около 4 ½ метров длиной, имеющая высоту 2 метра; построена она из грубо отесанных стволов деревьев. Крыша, снабженная коньком, покрыта досками и берестой. Дверь довольно низка, с высоким порогом, обыкновенно выходит на реку... Рядом с постоянными благоустроенными юртами находится амбар для хранения охотничьих и рыболовных принадлежностей, а также других вещей, которые никто не должен видеть. Они бывают меньше, чем юрта, и установлены на 4 столбах, приблизительно 1 ½ метра высотой...» [2004. С. 20]. Описания построек Ф. Р. Мартина довольно точны и выявляют характерные особенности домостроительства юганских хантов конца XIX в. Между тем исследователь не провел обмеры виденных им жилых и хозяйственных сооружений. Это и не удивительно: он не был архитектором, хотя сделанные им зарисовки очень точны и выразительны. Во время путешествия Ф. Р. Мартин посетил Урьевские, Уготские, Чагаевские, Рыскины, Каюковы, Ярсомовы, Мултановы и Соболиные юрты, являвшиеся круглогодичными, а также Кокинские и Раксакины летние юрты. Вместе с тем путешественник пропустил зимние юрты Когончиных, которые и являются целью наших архитектурно-этнологических изысканий.

Юрты Когончиных: история изучения

Первое упоминание о юртах Когончиных мы находим в «Списках населенных мест Российской империи», составленных в 1871 г. Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел по сведениям 1868–1869 гг. В данном документе указано, что юрты – остяцкие, расположены «при р. Большой Юган», в 180 верстах от округа, «число дворов» в них – 7, «число жителей мужского пола» – 34, «женского пола» – 31 [Списки..., 1871. С. 97–98].

В 1888 г. по Сургутскому уезду – с целью сбора этнографических и фольклорных материалов – путешествовал венгерский этнограф К. У. Папай. Он нанес на карту своего маршрута, пролежавшего по рекам Большой и Малый Юган, юрты Когончиных и Лейковых.

В 1897–1898 гг. территорию Большого и Малого Югана обследовал Янош Янко, который дважды побывал в юртах Когончиных и собрал следующую статистическую и антропологическую информацию. «Лет. Колумягский на карте не было ясно, после расспрашивания я узнал: у жителей Ю. Чагаевы были два юрта, одна часть населения проводила лето в близком, другая часть 3 брата (kalumjaisat = три брата) проводила лето в Лет. Колумягской, картограф не знал значение названия, он писал jeixatjah-ом (= народ), Ягон писал Демьянским jeуап-ом, итак можно уверенно определить, что на месте Л. Колумский сегодня Когончины, имена трех братьев Чагаевы, из них 1 умер, двое живут в Ю. Чагаевы, и проводят время в самом близком юрте [абсолютно не понятно это предложение Янко]. – На этой карте нет Когончин ю. – 4. Лейковы ю. на этой карте только остяцким названием есть N'okus-jah. 5. – Ю. Князяновы действительно существовал, однако сегодня почти следа не осталось из него, однако, о его жителях, Князнаковых известно, что живут в Когончины, это подтверждает и перечень фамилий; на карте нет Тагуровы ю., как я узнал, это не на месте Князяны располагается, а между этой деревней и рекой T'akar-jagun (на карте Такарягун)» [Janko J., 2000. P. 257]; «И сейчас перейду на перепись населения 1896 г. по переписи и своим наблюдениям (29-го января)...» [Janko J., 2000. P. 260].

	Дом	М	Ж	всего	
10. Когончины	7	32	28	60	Когончины (9), Кнезьянов

«Утром в 6 часов мы приплыли в Когончины, там я измерил людей Рыскины, Чегаевы, Лейковы, и самих когочинских. В Чегаевых – р. Рекнун (reknun = прорез поворота реки) – 3 дома и 11 человек, из семей Чегаевых (2), и Евинова. После последней переписи 8 ушли на Обь. Лейковы – N'ugon-jah-p. = соболю + войско + деревня – 3 дома, с 16 жителями, из коренных семей Епакина и Лейковых (2), в переписи 1896 года семья Бисаркина оказалась здесь как гости. В Когончиных – Kutlxonixi p. = рыбый + исток + юрты – 7 домов 35 человек, семьи Когончиных (6), Кнзьяновых (2), Артанов, все считают себя коренными. Артановых нет в переписи 1896 года, выяснилось, потому что писарь работал видимо плохо, и просто писал их Когончиним. В последние три года 15 человек умерли здесь! Семьи последних трех юртов, Евиковы, Епаркины, Кнзьяновы ни коем случае не коренные, о Кнзья новых знаем, что происходят из юрта подобного названия, о остальных двух у меня нет данных» [Janko J., 2000. Р. 320]. Во время своей экспедиции Янош Янко уделял много внимания изучению традиционного домостроительства хантов, однако архитектура юрт Когончиных в его записках не отражена.

Более подробные сведения о местонахождении юрт Когончиных, характере окружающей местности, хозяйственной деятельности населения данного поселка, а также юганских хантов в целом приведены в труде А. А. Дунина-Горкавича «Тобольский Север», изданном в 1899 г. «Юрты Когончины, – отмечал он, – на 10/11 вер. выше юр. Уутских; расположены оне с левой стороны р. Югана, в 3 вер. от него, в бору, который, начавшись от р. Инль-Урей, недалеко от ю. Уутских, проходит до ю. Лейковых-Чегаевых, Рыскиных, Каюковых и Ярсомовых; ширина этого бора у ю. Когончиных равна $\frac{1}{2}$ версты. За ним лежит болото, которое начинается от с. Юганского. Упомянутый бор возвышается на 3 саж. и отлого понижается к болоту». Как мы видим, описание довольно точно совпадает с расположением исследуемых юрт. О хозяйственной деятельности местного населения он сообщает следующее: «Иногородцы ю. Когончиных промышляют белку по р. Ньюос-Яха, а соболя, оленя и лося на р. Демьянке... Рыбу добывают на р. Кулонъ-Ыги весною в нерестовую пору... Летом выезжают на устье Югана, где насушивают для себя по два кучума...» [1995. С. 154]. Кроме того, А. А. Дунин-Горкавич представил общее описание построек, характерных для юганских хантов: «Юрты по р. Югану бревенчатая, в 6х9 арш. (в Маниных и Мултановых крошечная, 5-аршинная); оне строятся с полом, но без потолка; некоторые имеют окна, но большинство снабжено лишь льдинами посреди крыши, с чувалом в углу; в тех и других нары разделены перегородками и покрыты камышевыми коврами. Вход в юрты обставлен жердями, образуя, таким образом, нечто вроде сеней» [Там же. С. 145].

Уже при советской власти, в 1926 г., был издан «Список населенных пунктов и административное деление Тобольского округа, Уральской области. На 1 октября 1926 года», в котором также упоминались юрты Когончиных [1926. С. 37–38].

Остальные сведения об интересующем нас поселке были собраны в 1990-х – 2000-х гг. во время археологических и археолого-этнографических поисковых работ сотрудниками различных учреждений Сургута, Томска и Нижневартовска. В 1996 г. археологические изыскания в бассейне реки Большой Юган у юрт Когончиных проводили работники Сургутского краеведческого музея. В это время поселок был еще жилым, поэтому изучением архитектуры построек они не занимались [Носкова, А–2004]. В 1998 г. на реке Большой Юган работала экспедиция ТОО «Студия Визан» (г. Томск), в задачи которой входило, помимо прочего, выявление объектов историко-культурного наследия [Носкова, А–2004]. В 2001 и 2004 гг., в связи с обследованиями Унтыгейского и Юганского-42 лицензионных участков, в заброшенных юртах Когочинных побывали сотрудники муниципального учреждения ИКНПЦ «Барсова Гора». К сожалению, обмеры развалин домов они не проводили [Шатунов, А–2001; Носкова, А–2004].

В 2005 г. сотрудники ООО «НПО «Северная археология – 1» провели первое натурное обследование на территориях Угутского и Средне-Угутского месторождений нефти. Помимо объектов археологии, на правом берегу реки Кулунигый ими были зафиксированы разрушающиеся

юрты Когончиных [Мызников, А–2005]. В следующем году на основании хоздоговора, заключенного между ООО «РН-Юганскнефтегаз» и ООО «НПО «Северная археология – 1», экспедицией последнего выполнены архитектурно-этнологические изыскания на самом памятнике и проведено общее обследование лицензионного участка. Маршрут разведки начинался в районе куста скважин № 8 (КС–8), проходил вдоль грунтовой дороги и автозимника, идущего от пос. Угут, далее – в южном направлении вдоль русла Большого Югана до границы лицензионного участка. Общая длина маршрута составила около 10 км. Целью проведенных изысканий было создание научной базы для разработки проекта охранных зон объектов историко-культурного наследия на территории Средне-Угутского месторождения нефти ОАО «Юганскнефтегаз».

Юрты Когончиных: общая характеристика памятника

Место для юрт Когочиных было выбрано неслучайно: высокая грива по левому берегу реки Кулунигый, поросшая беломошным сосновым лесом, хорошо продувается летом, что спасает людей и домашних животных от насекомых. Кроме того, река Кулунигый пригодна для ловли рыбы, а лес богат беломошником для прокорма оленей и ягодниками. Юрты являются зимними, так как расположены не на берегу, а в глубине коренной террасы реки Большой Юган. Летние юрты рода Когончиных расположены ниже по течению – на берегу Большого Югана (рис. 1; 2). Поселение представляло собой 5 жилых домов, расположенных «в свободной планировке» по обе стороны от старой нартенной дороги: 4 постройки – с одной ее стороны и 1 – с другой (рис. 3). Все жилища были обращены своими выходами к дороге – к условному центру селения. Это же было сделано с целью наиболее эффективной защиты поселка. Наряду с зимними домами начала XX в. в нем имелись три здания, относившиеся, по-видимому, к XIX в., которые находятся сейчас в руинированном состоянии (объекты № 6–8). Несмотря на это, в них до сих пор прослеживаются остатки нар, чувалов и бревен окладных венцов. Кроме того, выявлено 5 построек раннего периода, которые представляли собой традиционные для юганских хантов полуземлянки (объекты № 9, 10, 13–15), три сооружения неизвестного назначения (№ 11, 12, 16), а также несколько траншей и ям, из которых брали грунт для завалинок, расположенных вокруг сохранившихся срубов. Примечательно, что здесь не было обнаружено хозяйственных или священных лабазов и загонов для оленей – коралей, обычных для поселений юганских хантов [Салымский край, 2000. С. 140–154]. Возможно, корали не сохранились, а вместо лабазов использовались сени-прирубы и чердаки домов. Кроме того, на поселении нет оград, обозначавших границы придомовых участков, и огородов, характерных для русских деревень.

Ниже приведено описание домов по результатам съемки 2006 г. Для уточнения значения некоторых строительных терминов необходимо обратиться к специальным словарям.

Юрты Когончиных: описание объектов

Зимний жилой дом № 1 – самый северный в поселении, ориентирован в широтном направлении главным фасадом на восток (рис. 3). В настоящее время здание заброшено. Состояние конструкций плохое: разрушена кровля, дощатые фронтоны, шесть венцов сруба, конструктивные элементы дверного и оконных проемов. Сохранившиеся венцы из-за отсутствия кровли подвержены гниению и постепенно разваливаются. Интерьер жилища практически полностью разрушен и восстанавливается по сохранившимся в плохом состоянии деталям.

Дом представляет собой простую избу, сложенную «клетью»: квадратную в плане (5,52×5,49 м), построенную из бревен, соединенных «в обло с остатком», с пазом в верхней части каждого бревна, выбранным под вышележащее бревно. Такая выборка является характерной чертой строительной техники хантов, заимствованной когда-то у русских, но переработанной на свой манер. Средний диаметр бревен – 20 см. От сруба сохранилось только

пять нижних венцов, вследствие чего высота постройки в настоящее время от уровня земли составляет 0,86 м (рис. 8–12). Дом поставлен «на пошве» – без фундамента, прямо на землю. Нижний – «окладной» – венец ни чем не отличается от остальных.

Конструкцию стен составляют 11 венцов, срубленных «в обло». Торцы некоторых бревен стесаны, а других – ровно отпилены; выносы бревен по длине разные (рис. 4; 5; 7). Такое оформление угла дома характерно для домостроительства хантов. Главный и задний фасады завершались, по-видимому, треугольными фронтонами из досок. Одна из верхних досок трапецевидной формы была обнаружена внутри дома. Фрагмент нижней фронтонной доски лежал снаружи дома.

Вход в дом находился по центру главного восточного фасада. Дверной проем большой – высотой в 8 венцов. Открывание двери левое наружное. Дверной блок состоял из двух косяков с выбранной под дверь четвертью и пазом для крепления стесанных концов бревен с другой стороны, а также из вершника с четвертью, вставлявшегося в паз в 8-м бревне над дверью. Порог с четвертью и пазы для установки косяков выбраны в бревне нижнего венца. Какого-либо помоста из досок, характерного для хантыйских зимних домов, не обнаружено. Конструктивные элементы дверного проема сохранились неплохо: косяки все еще стоят на месте, вершник лежит рядом с ними, на земле. Там же была найдена дверь, собранная из двух досок шириной 45 см, толщиной 3,5 см, скрепленных между собой двумя снаврами на кованые гвозди. На досках прослеживался след кованых жиковин, на которых дверь крепилась к косяку (рис. 4; 8; 11). Надо заметить, что такое крепление более характерно для русской домостроительной традиции.

Три окна располагались в серединах всех стен, исключая восточную. Высота оконных проемов – в 7 венцов. Конструкция оконных блоков состояла, аналогично дверному, из двух косяков и вершника с четвертями. Подоконная доска не обнаружена. Сами окна не сохранились, поэтому «расстекловка» их неизвестна. Возможно, она была традиционная – на четыре стекла. Конструктивные элементы окон были найдены и обмерены тут же, возле полуразрушенных оконных проемов (рис. 5–7; 9).

Чердачное перекрытие, по-видимому, состояло из досок, покоившихся на балках. Те, в свою очередь, опирались на боковые стены дома, о чем свидетельствуют сохранившиеся бревна верхнего венца с вырубленными пазами.

Крыша здания – двухскатная, наиболее архаичной самцово-слеговой конструкции. Такой вид кровли чаще всего используется хантами при строительстве домов, как зимних, так и летних. В доски фронтонов (самцы) врубались горизонтальные бревна – слегы, повторяющие уклон кровли, заданный самцами. На верхнюю доску фронтона опиралась князевая слега. Слегы могли укладываться в специально выпиленные в досках фронтона пазы или просто на конец доски. Сами же фронтоны устанавливались на верхнее бревно коротких восточной и западной стен здания. Доски во фронтоне скреплялись между собой – от горизонтальных подвижек – неким подобием обойм, характерных для домостроительной традиции северных обских хантов. Кровля из пиленого теса, уложенного в два ряда вразбежку, укладывалась на слегы и опиралась верхним концом на князевую слегу. В настоящее время кровля разрушена, так как конструкция ее была самой слабой в доме и подвергалась наибольшему воздействию внешних факторов, чем все остальные конструктивные элементы здания. Следов куриц и водотоков не найдено. Охлупня, прикрывавшего примыкание досок теса к коньковой слеге, также нет (рис. 4).

Нары – насыпные из песка, застелены досками и ограничены по периметру более широкими (16 см) досками, поставленными на ребро. Высота нар – около 45 см (рис. 6).

Справа от входа сооружен чувал – глиняная печь на каркасе из жердей размером 90×80 см (рис. 6). Он был установлен в опечке из двух перпендикулярно уложенных плах. Размер чувала – 145×183 см.

В 2 м от северного фасада дома обнаружены 4 впадины без обваловки, ориентированные в широтном направлении. Углубления округлой и овальной формы, длиной от 0,60 до 1,87 м, глубиной – 0,25–0,70 м (рис. 3).

Интерьер и функциональные зоны дома № 1, как и всех четырех остальных, оформлены по канонам домостроительства юганских хантов [Салымский край, 2000]. Дощатый пол в доме отсутствовал, поэтому пазы для опоры досок в бревнах нижнего венца не выбраны. Пол в доме, очевидно, был земляной. Напротив чувала, с левой стороны от входа, были устроены полки для посуды и продуктов – посудник. Эта часть дома считалась «хозяйственным» помещением, а левый угол – «женским местом», поэтому он отделен от остального пространства перегородкой из досок, набранных в вертикальные пазы в двух стойках. Сразу за перегородкой начинались нары шириной 1,8 м, высотой 0,45 м. Они шли вдоль трех стен и заканчивались около очага. В качестве спального места использовались нары, расположенные вдоль тыльной стены дома, наиболее удаленной от входа. Места на спальнях были строго распределены: у левой – от входа – стены находилось спальное место главы семьи, рядом с ним, ближе к центру, – его жены. У правой стены спали дети или гости. В левом западном углу помещения устроена полка для вещей главы семьи: под ней были найдены детали самострела, в углу стояли лыжи. Кроме того, в доме была обнаружена выточенная из дерева петля – для подвешивания вешал для просушки одежды.

Данное здание являлось, по-видимому, одним из наиболее ранних среди пяти уцелевших к моменту съемки. Об этом свидетельствует простота его интерьера и наличие таких архаичных черт, как чувал в правом углу и нары вдоль всех стен. Предположительное время постройки – начало XX в. Дом переноса не подвергался, так как зарубок на бревнах не обнаружено.

Зимний жилой дом № 2 располагался южнее предыдущего, ориентирован по оси ЮВ–СЗ и обращен главным фасадом на ЮВ (рис. 3). Здание заброшено. Состояние конструкций плохое: разрушена кровля, дощатые фронтоны, верхние венцы основного сруба, элементы дверных и оконных проемов. Срубные стены из-за отсутствия кровли подвержены гниению и постепенно разрушаются. Интерьер восстанавливается по сохранившимся в плохом состоянии деталям.

По конструкции и основным деталям дом № 2 аналогичен соседнему. Размеры его: 4,81×3,89 м. Отличие – к главному фасаду примыкал прируб (сени) размером 3,62×2,96 м. Последний был сооружен из бревен, срубленных с двух углов «в обло», а с двух других – «в заплот», не связанных конструктивно с основным срубом. Средний размер бревен дома – 20 см, прируба – 15 см. Дощатые фронтоны и кровля жилища разрушены. Высота постройки на момент обследования от уровня земли составляла 1,77 м (рис. 13–25). Дом был поставлен без фундамента, прямо на землю. «Окладной» венец не отличается от остальных. Стены дома сложены в 14 венцов. Для утепления пазы между бревнами были законопачены мхом. Торцы бревен спилены, их выносы почти равны по длине. Это свидетельствует о развитии технологии домостроительства у владельцев дома, а также у южных хантов в целом. Юго-восточный и северо-западный фасады дома завершались треугольными фронтонами из досок. Все эти доски были найдены – внутри и снаружи дома – и обмерены. Это позволило графически восстановить конфигурацию фронтонов и весь облик здания. Изнутри стены дома стесаны «в лас».

Стены прируба также поставлены «на пошве». Его стены состояли из 16 венцов и дополнительного бревна на юго-восточном фасаде – для опоры фронтона. Бревна на юго-восточном фасаде соединены между собой «в обло», без продольных пазов. Северо-западного фасада у прируба не было: этой стороной он был пристроен к стене главного фасада дома. Вместо этого к фасаду дома примыкали два вертикальных столба, в которые способом «шип в паз» были вставлены стесанные концы бревен боковых стен прируба. Такое устройство сеней является «устойчивой традицией» южных обских хантов [Визгалов, А–2004]. Главный фасад завершался треугольным фронтоном, собранным из 4 горизонтальных досок, скрепленных

треугольной рамой из бревен с толстым бревном в основании. В центре фронтона находилось слуховое окно. Изнутри бревна прируба оставлены круглыми, без стесок.

По центру главного юго-восточного фасада располагался вход в дом. Дверной проем – в 6 венцов – довольно низок. Открывание двери правое наружное. Дверной блок состоял из двух косяков с выбранной под дверь четвертью и пазом для крепления стесанных концов бревен с другой стороны, а также упрощенного вершника с четвертью и порога. Порог с четвертью и пазы для установки косяков выбраны в бревне проема. Конструктивные элементы дверного проема хорошо сохранились. Дверь лежала рядом, петли и жиковины с нее были сняты. Возможно, они были использованы при строительстве другого дома. Дверь была собрана из трех досок различной ширины, толщиной 3,5 см, скрепленных между собой в паз и двумя снаврами на кованые гвозди. На досках прослеживался след кованых жиковин. По центру главного юго-восточного фасада прируба устроен второй дверной проем, располагавшийся на одной оси с дверным проемом дома. Конструкция его более простая: вместо косяков использованы две доски без четвертей, вершник и порог отсутствуют. Открывание двери правое внутреннее, беспетельное, на деревянной втулке, встроенной в специальные гнезда. Дверное полотно состояло из двух досок, собранных на снавры.

Три окна расположены по середине всех стен, за исключением юго-восточного фасада. Высота оконных проемов – 6 венцов. Конструкция оконных блоков состоит из двух косяков, вершника с четвертями и подоконной доски. Оконные рамы не сохранились, расстекловка их неизвестна. Конструктивные элементы сохранились не во всех оконных проемах, состояние их плохое из-за разрушения самих стен дома. В прирубе оконные проемы отсутствуют.

В 12 и 13 венцах в боковых стенах здания устроены пазы для центральной балки (матицы) и двух дополнительных балок чердачного перекрытия. Последнее представляло собой широкие доски, вставленные одним концом в пазы матицы; другие концы досок опирались на бруски, прибитые к юго-восточной и северо-западной стенам. К моменту фиксации перекрытие было разрушено, и его конструкция графически была воссоздана по обмерам сохранившихся элементов. Чердак использовался для хранения вещей и продуктов. Попастъ на него можно было из прируба-сеней через проем во фронтоне главного юго-восточного фасада. Дверь, закрывающая проем, не найдена.

Крыша здания – двухскатная, самцово-слеговой конструкции. На доски фронтонов (самцы) опирались горизонтально уложенные слегы из бревен небольшого диаметра. Об этом свидетельствовали пазы в обнаруженных досках. В верхнюю доску фронтона врезалась князевая слега. На юго-восточную и северо-западную стены – по их середине – опиралась балка. Возможно, она служила опорой для стоек, поддерживавших князевую слегу, а также фронтонов. Последние устанавливались на верхнее бревно юго-восточной и северо-западной стен здания, углами вставлялись в пазы верхних бревен боковых стен. Доски во фронтоне скреплялись между собой – от горизонтальных подвижек – подобием обойм и прибитой изнутри треугольной рамой. Дополнительно устойчивость фронтонам придавали слегы, для которых в досках фронтонов были выпилены пазы. Кровля из пиленого теса, уложенного в два ряда вразбежку, покоилась на обычных слечах и опиралась верхним концом на князевую слегу. В настоящее время кровля разрушена. Следов куриц, водотоков и охлупня не найдено. Конструкции кровли прируба и основного сруба аналогичны. Прируб небольшой, площадь покрытия его невелика, поэтому слег было только три. Князевая слега врезалась одним концом в верхнюю доску фронтона, а другим опиралась на фронтон самого дома. Две остальные слегы упирались в специально вырубленные пазы в основании фронтона. На эту конструкцию помещались вразбежку доски кровли. В 12-м венце в боковых стенах были вырублены пазы для балок перекрытия. На них укладывались доски перекрытия прируба.

Снаружи дом со всех сторон, кроме юго-восточной, был опоясан завалинкой высотой 0,4 м, шириной – 0,25 м. Вокруг прируба она не прослеживалась. С северо-восточной стороны к за-

валинке примыкал оплывший вал размерами 10,5×2,5 м, высотой 0,15 м. С северо-восточной и юго-западной сторон дома фиксировались 3 впадины длиной от 1,9 до 2,9 м, глубиной 0,3–0,5 м. Возможно, именно из них брался грунт для сооружения обваловки.

Интерьер и функциональные зоны дома. Пол в доме и прируб – земляной. В помещении, слева от входа, находилась железная печь, пришедшая на смену традиционному чувалу. Она стояла на опечке из вертикальных коротких бревен. Нары шириной 1,5–1,7 м, высотой 0,25 м были сооружены вдоль трех стен дома и заканчивались перед печью. Они были ограничены досками, поставленными на ребро и закрепленными по углам кольями, воткнутыми в земляной пол. Настил нар не обнаружен. В правом дальнем и правом переднем углах, справа от входа и посередине левой стены, устроены полки для хранения вещей. Кроме того, в доме существовала система вешал для хранения и просушки одежды, сушки рыбы и др. Вешала находились над нарами, вдоль боковых стен дома, крепились деревянными петлями к двум дополнительным балкам, расположенным над входом, и к задней стене с помощью деревянных брусков с пазом.

Здание было сооружено позднее первого, приблизительно в начале XX в. Прируб мог быть построен позднее. Основные черты хантыйского дома в его архитектуре прослеживались в конструкции и расположении нар, системе вешал, полочек для хранения вещей, локализации печи в левом углу. Дом, вероятно, не переносился, так как зарубок на бревнах его стен не обнаружено.

Зимний жилой дом № 3 ориентирован по оси ЮВ–СЗ, главным фасадом на ЮВ (рис. 3). В настоящее время здание заброшено. По сохранности и конструкции оно аналогично дому № 2, что освобождает нас от дублирования при его описании. В основе сооружения – квадратный в плане сруб (4,8×4,8 м), установленный без фундамента прямо на грунт. Диаметр бревен – 17 см. Высота сохранившейся части постройки (без фронтонов и кровли) от земли составляет 1,67 м. Стены дома сложены в 13 венцов. Юго-восточный и северо-западный фасады дома завершались треугольными фронтонами из досок. По найденным доскам графически восстановлены форма фронтонов и облик здания в целом. Изнутри стены дома стесаны «в лас». Прируб размерами 2,44×2,50 м поставлен также «на пошве». Диаметр его бревен – 15 см. Стены сложены в 9 венцов. Остальные его характеристики такие же, как у сеней соседнего дома. Изнутри стены прируба оставлены круглыми без стесок.

По центру главного юго-восточного фасада располагался вход. Дверной проем в 8 венцов. Открывание двери правое наружное. Дверной блок состоял из двух косяков с выбранной под дверь четвертью и пазом для крепления стесанных концов бревен с другой стороны, упрощенного вершника с четвертью и порога. Порог с четвертью и пазы для установки косяков выбраны в нижнем бревне проема. Конструктивные элементы дверного проема хорошо сохранились. Дверь лежала рядом, собрана из трех досок различной ширины толщиной 3,5 см, скрепленных между собой двумя снаврами на кованые гвозди. По центру главного юго-восточного фасада прируба устроен дверной проем. Конструкция его полностью утрачена. Вероятнее всего, она была аналогична конструкции дверного проема самого дома.

Количество, расположение, высота и конструкция окон те же, что у дома № 2. Это же можно сказать об опорах для балки-матицы, чердачном перекрытии, его функции и сохранности, а также об отсутствии двери, закрывавшей лаз на чердак.

Крыша здания двухскатная, самцово-слеговой конструкции. Самцами, в данном случае, являлись доски фронтонов юго-восточного и северо-западного фасадов здания. Крыши такой конструкции охарактеризованы выше. Особая деталь: фронтон заднего (северо-западного) фасада был укреплен вертикальной стойкой из бревна диаметром 14 см, установленной в паз в верхних бревнах стены и упирающейся верхним концом в князевую слегу. Дополнительную устойчивость фронтонам придавали слуги, для которых в досках фронтонов выпилены пазы. Все элементы

фронтонов обнаружены рядом с домом, измерены, и с помощью их проведена реконструкция всего жилища. Кровля из пиленого теса разрушена.

Конструкция кровли прируба более простая, чем самого дома. Крыша прируба имела один скат: тесаные доски опирались одним концом на верхнее бревно юго-восточной стены прируба, другим – на горизонтальный брус, прикрепленный к главному фасаду дома. Отверстия между крышей и стеной на боковых фасадах прируба обычно зашивались вертикальными досками.

Стены дома со всех сторон, кроме юго-восточной, укреплены и утеплены песчаной завалинкой. Ширина ее – от 0,7 м до 1,0 м, высота – 0,35 м. Обваловку опоясывают 13 впадин овальной в плане формы длиной 0,90–1,85 м, глубиной – 0,2–0,8 м. В 3,75 м к северу от дома находился ров размерами 2,6×2,5 м, глубиной 0,15–0,3 м. Вероятно, ров и впадины появились при сооружении завалинки.

Интерьер и функциональные зоны дома. Пол в главном помещении и сенях – земляной. Слева от входа располагался чумал. Нары насыпные из песка, ограничены по периметру досками, поставленными на ребро. Доски от настила нар не обнаружены. Нары шириной 1,40–1,85 м были сооружены вдоль трех стен дома и заканчивались перед чумалом. Зона, расположенная с правой стороны от входа, напротив чумала («хозяйственное помещение»), имела небольшую ступеньку, использовавшуюся для хранения посуды и продуктов. Она была устроена на одном уровне с нарами. В левом дальнем углу устроена полка для хранения вещей хозяина дома. Кроме того, в доме существовала система вешал.

Здание построено в то же время, что и дом № 2, приблизительно в начале XX в., и никогда не переносилось со своего места. Оно и его основные компоненты возведены по традициям хантйской и отчасти переработанной русской архитектуры, как и все предыдущие.

Зимний жилой дом № 4. Дома № 1–3 и 5 были расставлены приблизительно по дуге одной окружности. Это не удивительно: у юганских хантов постройки в селении часто располагались вокруг условного центра, что соответствовало общей круговой планировке поселка. Между тем жилой дом № 4 находился не на линии остальных домов, а внутри окружности. Он ориентирован по оси СВ–ЮЗ, главным фасадом на СВ – к нартенной дороге (рис. 3). Такая обособленность данного дома от остальных может объясняться более ранним временем его постройки. Возможно, все остальные дома стали возводиться вокруг него позднее. В настоящее время здание заброшено. Состояние конструкций плохое: разрушена кровля, дощатые фронтоны, верхние венцы сруба, конструкция дверного проема. Сохранившиеся венцы из-за отсутствия кровли подвержены гниению и постепенно разрушаются. Интерьер дома практически полностью разрушен и восстанавливается по сохранившимся в плохом состоянии деталям.

Здание построено почти по тем же канонам, что и все остальные, но с некоторыми нюансами. Это простая срубная изба-четырёхстенок, без сеней, приближенная в плане к квадрату (4,5×5 м). Сооружена из бревен, срубленных «в обло с остатком», без пазов в большинстве бревен. Отсутствие выборки говорит о более раннем периоде строительства, когда новая строительная технология только осваивалась первыми поселенцами юрт. Средний диаметр бревен – 17 см. От постройки сохранились только нижние венцы сруба, высота ее в настоящее время от уровня земли составляет 1,30 м.

Дом сооружен без фундамента. Конструкцию стен составляют венцы, срубленные «в обло». Его «окладной» венец ни чем не отличается от остальных. Торцы некоторых бревен спилены, выносы бревен равные по длине. Главный и задний фасады завершались, по-видимому, треугольными фронтонами из досок. Вход располагался по центру главного восточного фасада. Открывание двери определить не удалось. Дверной блок состоял, по обнаруженным элементам, из двух косяков с выбранной под дверь четвертью и пазом для крепления стесанных концов

бревен с другой стороны и вершника с четвертью, вставлявшегося в паз в бревне над дверью. Порог с четвертью и пазы для установки косяков были выбраны в бревне нижнего венца. Какого-либо помоста из досок, характерного для хантыйских зимних домов, не обнаружено. Детали дверного проема сохранились очень плохо. Оконных проемов, конструктивных элементов оконных блоков и чердачного перекрытия не обнаружено. Единственное окно могло располагаться в крыше дома, и помещение освещалось через проем в кровле. Это специфика жилищ северных обских, в том числе юганских хантов. Крыша здания была, по-видимому, такая же, как у остальных домов в поселке.

В 1,15 м к СЗ и 0,5 м к ЮВ от длинных стен жилого дома обнаружены 3 овальные впадины длиной 1,2 м, глубиной 0,25–0,3 м (рис. 3).

Интерьер и функциональные зоны дома. Пол в доме был земляной, поэтому пазы для опоры досок в бревнах нижнего венца не выбраны. Слева от входа располагается чувал – глиняная печь на каркасе из жердей. Напротив чувала, с левой стороны от входа, были устроены полки для посуды и продуктов. Эта часть дома считалась хозяйственным помещением, а левый угол – «женским местом». Сразу за перегородкой устроены нары, тянувшиеся по периметру дома вдоль трех стен и заканчивавшиеся рядом с очагом. Нары насыпные из песка, покрыты и ограничены досками. Места на нарах были строго распределены, как и в других жилищах: у левой стены находилось спальное место главы семьи, рядом с ним, ближе к центру, – его жены. У правой стены спали дети или гости. В левом дальнем углу устроена полка для вещей главы семьи.

Здание является одним из самых ранних из числа обследованных. Об этом свидетельствует простота его внутренней планировки и присутствие таких архаичных черт хантыйского дома, как чувал в левом углу, нары вдоль всех стен. Предположительное время постройки – конец XIX – начало XX вв. Дом за историю своего существования переносу не подвергался, так как зарубок на бревнах не обнаружено.

Зимний жилой дом № 5, в отличие от других построек, находился по другую сторону от нартенной дороги, ориентирован в широтном направлении, главным фасадом на запад, к дороге (рис. 3).

Как и остальные, он представлял собой избу-четырехстенок, квадратную в плане (4×4 м), из бревен, срубленных «в обло с остатком». К главному фасаду примыкали прируб-сени из бревен, срубленных с двух углов «в обло», а с двух других – «в заплот», не связанных конструктивно с основным срубом (рис. 37; 38). Дом вместе с сенями поставлен прямо на землю. Стены его по своей конструкции, вероятно, совпадают с соседними. Торцы бревен стесаны, выносы разные по длине. Западный и восточный фасады дома по аналогии с остальными жилищами завершались треугольными фронтонами из досок. Бревна на западном фасаде соединены между собой «в обло», с пазами в нижней части бревна. Восточного фасада у прируба нет, так как этой стороной он примыкал к стене главного фасада дома. Вместо фасада было вертикально установлено два бревна с пазами, в которые «в заплот» вставлялись концы бревен северной и южной стен прируба-сеней. Такое устройство прируба является устойчивой традицией домостроительства южных обских хантов. Изнутри стены оставлены круглыми без стесок.

По центру главного западного фасада был расположен вход. Конструкция дверного проема утрачена. Дверь лежала внутри дома. Она была изготовлена из двух досок различной ширины, скрепленных между собой двумя снаврами. По центру главного фасада прируба устроен дверной проем, находившийся на одной оси с дверным проемом дома. Детали его утрачены. Вероятнее всего, он был аналогичен дверному проему самого дома. Оконные проемы в жилище установить не удалось из-за ветхости последнего, а в прирубе они просто отсутствовали. О конструкции чердачного перекрытия данных нет. Крыша здания, по-видимому, была

двухскатной, самцово-слеговой конструкции. Как и в других постройках, она была сооружена из досок (пиленого теса), опиравшихся на слеги и верхние бревна боковых стен здания. Остатков кровли прируба не сохранилось.

Со всех сторон дома, кроме западной, на удалении от 1,2 до 5,0 м располагались овальные впадины длиной от 1 м до 2,2 м, глубиной 1,1–0,5 м, из которых брали песок для сооружения завалинки. К сожалению, она не сохранилась (рис. 3).

Интерьер и функциональные зоны дома. Пол в жилом помещении и сених земляной. Нары деревоземляные, пристроены к трем стенам дома и заканчивались перед чувалом. Доски от настила нар не обнаружены. Хозяйственная зона находилась напротив чувала, с правой стороны от входа в жилище. Она имела небольшую ступеньку, использовавшуюся для хранения посуды и продуктов, расположенную на одном уровне с нарами.

Здание было построено приблизительно в начале XX в. Интерьер дома восстановлен по сохранившимся в плохом состоянии деталям. Его традиционные элементы: нары вдоль трех стен, чувал в правом углу от входа, хозяйственная зона – в левом углу. Дом за историю своего существования переносу не подвергался, так как зарубок на его бревнах не обнаружено. Сейчас здание заброшено. Состояние конструкций плохое: остался только окладной венец дома и фрагменты стен прируба.

Руинированные объекты № 6–17. Кроме охарактеризованных выше пяти стационарных жилых построек, на территории поселения выявлено 3 дома в руинированном состоянии (объекты № 6–9) и практически полностью сравнявшиеся с землей так называемые археологизированные архитектурно-этнографические объекты – № 9–17 (рис. 3).

Объект № 6 находился в 58,5 м к СВ от зимнего жилого дома № 1. Он представлял собой квадратную впадину, ориентированную по оси С–Ю. Размеры ее в плане: 6,1×6,1 м, глубина – 0,5 м. На поверхности впадины видны остатки окладного венца сруба. В углублении со всех сторон, кроме южной, прослеживалось возвышение длиной 10,9 м, шириной 1,3 м, высотой 0,2 м, интерпретируемое как нары. Небольшой округлый холмик диаметром 1 м, высотой 0,75 м, зафиксированный в юго-восточном углу впадины, представлял собой остатки чувала – традиционной хантыйской печи, заимствованной населением тайги в Раннем Средневековье у южных (тюркских) народов. Отсюда следует вывод, что данный объект является остатками зимнего жилого дома, аналогичного зафиксированному ранее, но более древним, – предположительно второй половины XIX в. С северной стороны от жилищной впадины № 6 выявлено еще одно, но меньшее (3,9×3,5×0,7 м) углубление. Отношение его к руинированному дому не установлено. Возможно, это основание хозяйственной постройки или более ранняя землянка.

Объект № 7 – подпрямоугольная впадина (7,0×6,65×0,3 м), ориентированная по оси СЗ–ЮВ, расположенная в 11,5 м к северу от дома № 4. Вдоль всех ее стенок, кроме юго-восточной, прослеживались остатки нар – в виде плоского возвышения размерами 11,4×1,85–2,1 м, высотой 0,3 м. В южном углу жилищной впадины находился развал чувала – круглое возвышение диаметром 0,95 м, высотой 0,3 м. Объект № 7 представлял собой руинированный зимний жилой дом срубного типа, относящийся ко второй половине XIX в. С СЗ, ЮЗ и СВ большую впадину опоясывают 8 маленьких овальных длиной 0,95–1,8 м, глубиной 0,25–0,35 м. Вероятно, это ямы-«карьеры», из которых брали песок для насыпки нар.

Объект № 8 выявлен в 8 м к северу от остатков жилого дома № 3. Он представлял собой руинированную постройку, ориентированную по оси СВ–ЮЗ. От бревен окладного венца жилища сохранился Г-образной формы валок длиной 9,45 м (с юго-западной и юго-восточной сторон), шириной 0,85 м, высотой 0,15 м. На пространстве, ограниченном данной насыпью, выявлены две приподнятые площадки г-образной формы длиной 3,70–3,85 м, шириной 1,30–1,75 м, высотой 0,2–0,5 м. Между ними имелся небольшой проход размерами 1,0×0,5 м – вход

в дом. В жилом помещении, перед входом, а также у нар, выявлены небольшие овальные впадины длиной 1,10–1,75 м, глубиной 0,15 м. Предположительное время сооружения постройки – вторая половина XIX в.

Объект № 9 – «археологизированная» постройка, возможно полуземлянка начала XIX в. Расположена в 16,6 м к северу от дома № 1. Представляла собой подпрямоугольную приподнятую площадку (7,0×6,7×0,1 м), ориентированную по оси ЮВ–СЗ. С ЮЗ, СВ и СЗ площадка была ограничена валом шириной 1,5 м, высотой 0,2 м, а также двумя всхолмлениями размерами 3,0×1,75 м, высотой 0,3 м. В южном углу постройки читается небольшая впадина овальной формы (1,5×1,25×0,1 м). В 1,5–6,5 м к СВ и ЮЗ от объекта расположены еще 3 впадины. Две из них – овальной формы, размерами 3,75×1,35 и 3,35×0,95 м, глубиной 0,6–0,8 м. Одна – г-образной формы, размерами 3,25×3,0 м, глубиной 0,6 м. Возможно, из этих углублений брали грунт для строительства стен полуземлянки.

Объект № 10 – «археологизированный» архитектурный объект, расположенный в 17 м к СВ от дома № 1. Представляет собой округлую впадину (6,1×6,1×0,1 м), опоясанную замкнутым валом (песчаной обваловкой) шириной 1,8 м, высотой 0,1 м. С запада и северо-востока к насыпи примыкают 3 овальные впадины, размерами 1,9–2,5×0,99–1,7 м, глубиной 0,15–0,25 м, а также 1 всхолмление (2,5×1,8×0,25), разрушенное впадиной.

Объект № 11 расположен в 53 м к СВ от жилого дома № 1. Это подквадратная впадина (3,5×3,5×0,4 м), ориентированная в меридиональном направлении. На дне ее, в северо-восточном и юго-восточном углах, зафиксированы два всхолмления размерами 0,75×0,75×0,2 и 1,5×0,5×0,1 м.

Объект № 12 – подпрямоугольная впадина (6,60×6,45×0,4 м), сориентированная по оси СЗ–ЮВ. Расположена в 44,75 м к востоку от дома № 1.

Объект № 13 представлял собой группу рвов, впадин и ям, расположенных в 8,95 м к ССВ от жилого дома № 4. С северо-западной и юго-восточной сторон этого комплекса находился г-образный ров общей длиной 10,85 м, шириной 1,5 м, глубиной – 0,2 м. С северной стороны – прямой ров (4,7×1,55×0,2 м) и округлая впадина (2,1×2,1×0,4 м). Около первого рва отмечены 2 круглые ямы диаметром 0,75–1,0 м, глубиной 0,2 м.

Объект № 14 – «археологизированная» постройка, обнаруженная в 8,4 м к югу от дома № 1. Представляла собой подпрямоугольную, частично оплывшую впадину (3,95×8,35×0,1 м), ориентированную по оси СВ–ЮЗ. Ее опоясывал замкнутый вал шириной 1,6–3,1 м. Высота насыпи в северной части – 0,3 м, в западной – до 0,5 м, с остальных сторон – 0,2 м. Кроме того, в северо-восточной части вала прослеживалось всхолмление (2,5×1,5×0,5 м). С севера и востока к валу примыкали 4 впадины размерами 1,25–2,0×0,75–1,0 м, глубиной 0,15–0,4 м.

Объект № 15 – «археологизированная» постройка, расположенная в 1,5 м севернее дома № 2 и частично разрушенная его завалинкой. Представлена впадиной (6,25×3,2×0,1 м), ориентированной в широтном направлении и опоясанной валом (обваловкой) шириной 2,3 м, высотой 0,4 м. С западной стороны насыпь разрезана углублением, оставшимся от входа в постройку. Размеры входа – 0,65×2,3 м. К валу со всех сторон примыкали впадины и ямы размерами 1,9–4,95×1,0–1,95 м, глубиной 0,1–0,35 м. Вероятно, данный объект являлся полуземлянкой начала XIX в. Песок для обваловки ее стен бралась из впадин, обнаруженных вокруг постройки.

Объект № 16 – «археологизированная» полуземлянка начала XIX в. Находилась в 3,8 м к ЮВ от дома № 2. От нее сохранилась оплывшая с юго-восточной стороны подпрямоугольная впадина (7,75×4,3×0,1 м) с обваловкой, ориентированная по оси ЮЗ–СВ. Ширина насыпи – 2,5 м, высота с северо-запада и востока – 0,1–0,2 м, с севера – 0,1–0,3 м. В южной части вала выявлено всхолмление высотой до 1 м. Во впадине зафиксирована овальная яма размерами 0,7×1,3 м, глубиной 0,2 м.

Объект № 17 – приподнятая площадка (5,0×4,0×0,2 м), ориентированная по оси СВ–ЮЗ. Обнаружена в 11,1 м к северу от дома № 5. В ее юго-западной части прослеживалось подпрямоугольное всхолмление (1,9×3,1×0,8 м).

Культурно-хронологическая принадлежность памятника

Строительство жилых домов № 1–5 относится к концу XIX – XX вв. и, вероятно, связано с обветшанием ранних построек. Объекты № 6–17 датируются начальным этапом существования юрт Когончиных – не ранее конца XVIII в.

Итоги исследования

В 2006 г. в ходе обследования сотрудниками ООО «НПО «Северная археология – 1» экспортного участка на территории Средне-Угутского месторождения нефти была проведена съемка зимних юрт Когончиных, расположенных на левом берегу реки Кулунигый, притока реки Большой Юган. Это хантыйское поселение неоднократно упоминалось в различных письменных источниках. В настоящее время оно разрушено. Основу поселка составляли наземные жилища. Помимо них, в селении раннего периода имелись полуземлянки, а также ямы и траншеи, из которых брался песок для сооружения завалинок вокруг домов. Вместе с тем на территории данных юрт не выявлены хозяйственные и священные лабазы, равно как и специальные загоны для оленей – корали, обычные для других хантыйских селений. Конструктивное решение каждого дома традиционно для жилищ юганских хантов конца XIX – начала XX вв. Тем не менее нами отмечен ряд деталей, отличающих когончинские постройки от других хантыйских домов. В числе прочего интерес представляет конструкция чердачного перекрытия и кровли когончинских жилищ, «взаимодействие» прируба и основного объема здания, соединение бревен прируба «в заплот», система крепления вешал, конструкция фронтонов.

Разрушенные и находящиеся в руинах постройки поселка представляют собой историко-архитектурный ансамбль и одновременно археологический памятник нового времени. Они являются объектами историко-культурного наследия местного значения, а именно: памятниками культуры юганских хантов. Собранные о них сведения служат полноценным источником для изучения истории домостроительства аборигенного населения таежного Приобья.

Источники

Визгалов Г. П., А–2004. Комплексное изучение историко-культурных объектов реки Аган. Историко-архитектурные исследования: отчет о НИР. – Нефтеюганск, 2004. – Т. 2. – Архив СА. – Ф. I. Д.110/2-2.

Мызников С. А., А–2005. Историко-культурная экспертиза перспективных участков Среднеугутского и Угутского месторождения нефти, Сургутский район, ХМАО – Югра, 2005 г.: отчет о НИР. – Нефтеюганск, 2005. – Архив СА. – Ф II. Д.162.

Носкова А. В., А–2004. Историко-культурная экспертиза территории лицензионного участка «Юганский-42» по заявке ООО «Петротэк-нефть» (этап предварительной камеральной экспертизы: зонирование по перспективности выявления объектов историко-культурного наследия). 01-2004: отчет о НИР. – Сургут, 2004. – БИИКФ. – Ф. Р-4. – Оп. 1. – Д. 223.

Шатунов Н. В., А–2001. Отчет об археологической разведке на территории населенных пунктов (город Лянтор, поселки Федоровский и Угут). – Сургут, 2001. – Архив Н. В. Шатунова.

Литература

- Дунин-Горкавич А. А., 1995. Тобольский Север: в 3 т. Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. – М.: Либерия, 1995. – Т. II. – 432 с.
- Мартин Ф. Р., 2004. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов / науч. пер. с нем. Ж. Н. Труфановой; под ред. А. Я. Труфанова; коммент. А. С. Сопчиной и А. Я. Труфанова. – Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2004. – 144 с.
- Очерки культуросогенеза, 1994а. Очерки культуросогенеза народов Западной Сибири. – Т. 1: Поселения и жилища. – Томск: ТГУ, 1994. – Кн. I. – 490 с.
- Очерки культуросогенеза, 1994б. Очерки культуросогенеза народов Западной Сибири. – Т. 1: Поселения и жилища. – Томск: ТГУ, 1994. – Кн. II. – 286 с.
- Партина А. С., 2001. Архитектурные термины. Иллюстрированный словарь. – М.: Стройиздат, 2001. – 208 с.
- Салымский край, 2000. Салымский край. Научно-художественное издание. – Екатеринбург: Терзис, 2000. – 344 с.
- Соколова З. П., 1998. Жилище народов Сибири (опыт типологии). – М.: Три Л, 1998. – 286 с.
- Списки населенных мест, 1871. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. LX. Тобольская губерния. – СПб., 1871. – С. 97–98.
- Список населенных пунктов, 1926. Список населенных пунктов и административное деление Тобольского округа, Уральской области. На 1 октября 1926 года. – Тобольск: Изд-во Орготдела Окрисполкома, 1926. – 95 с.
- Janko J., 2000. Utazas osztztjakfoldre. – Budapest: Neprajzi Museum, 2000.

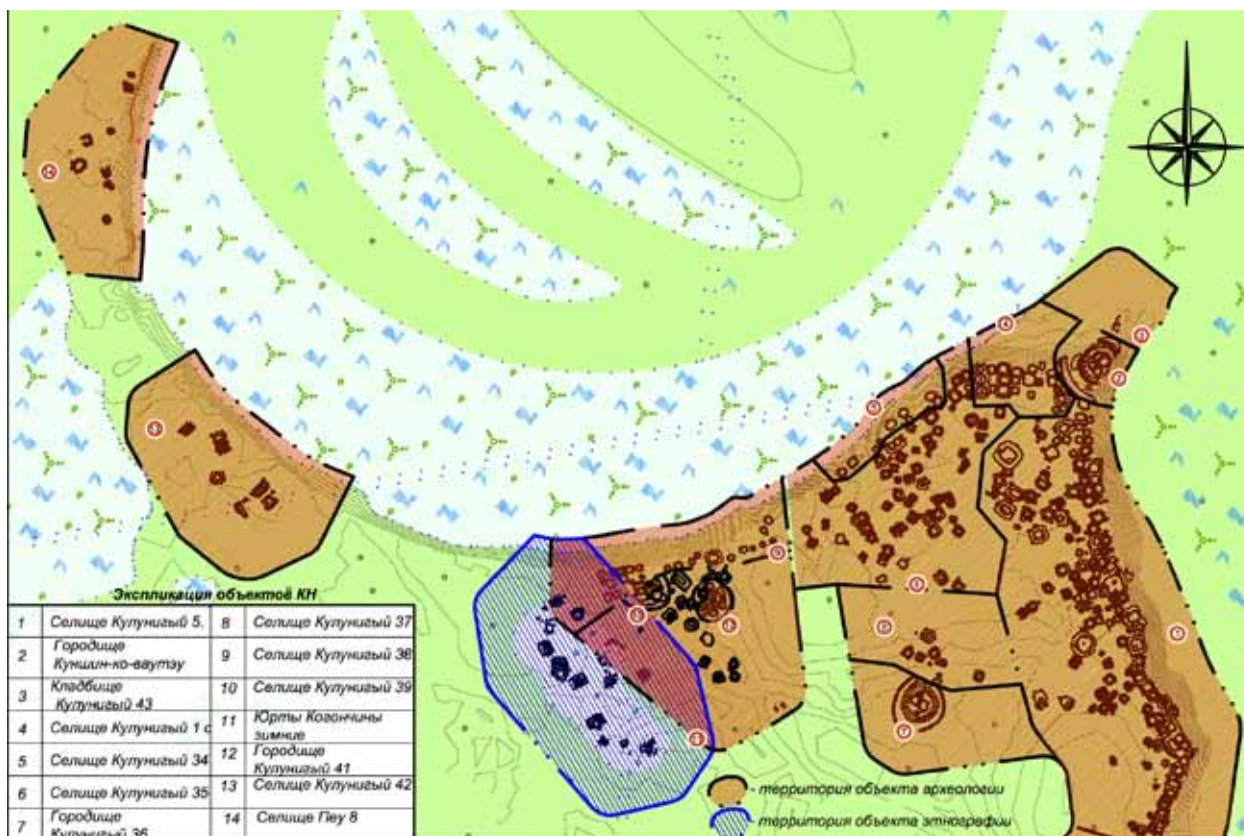

Рис. 1. Комплекс объектов культурного наследия «Когончины». Фрагмент опорного плана. М 1 : 6000

Рис. 2. Левобережье реки Кулунигый, левого притока Большого Югана. Ландшафт в нижнем течении у юрт Когончиных зимних (нежил.) Общий вид с запада. Фото О. В. Кардаша. 2006 г.

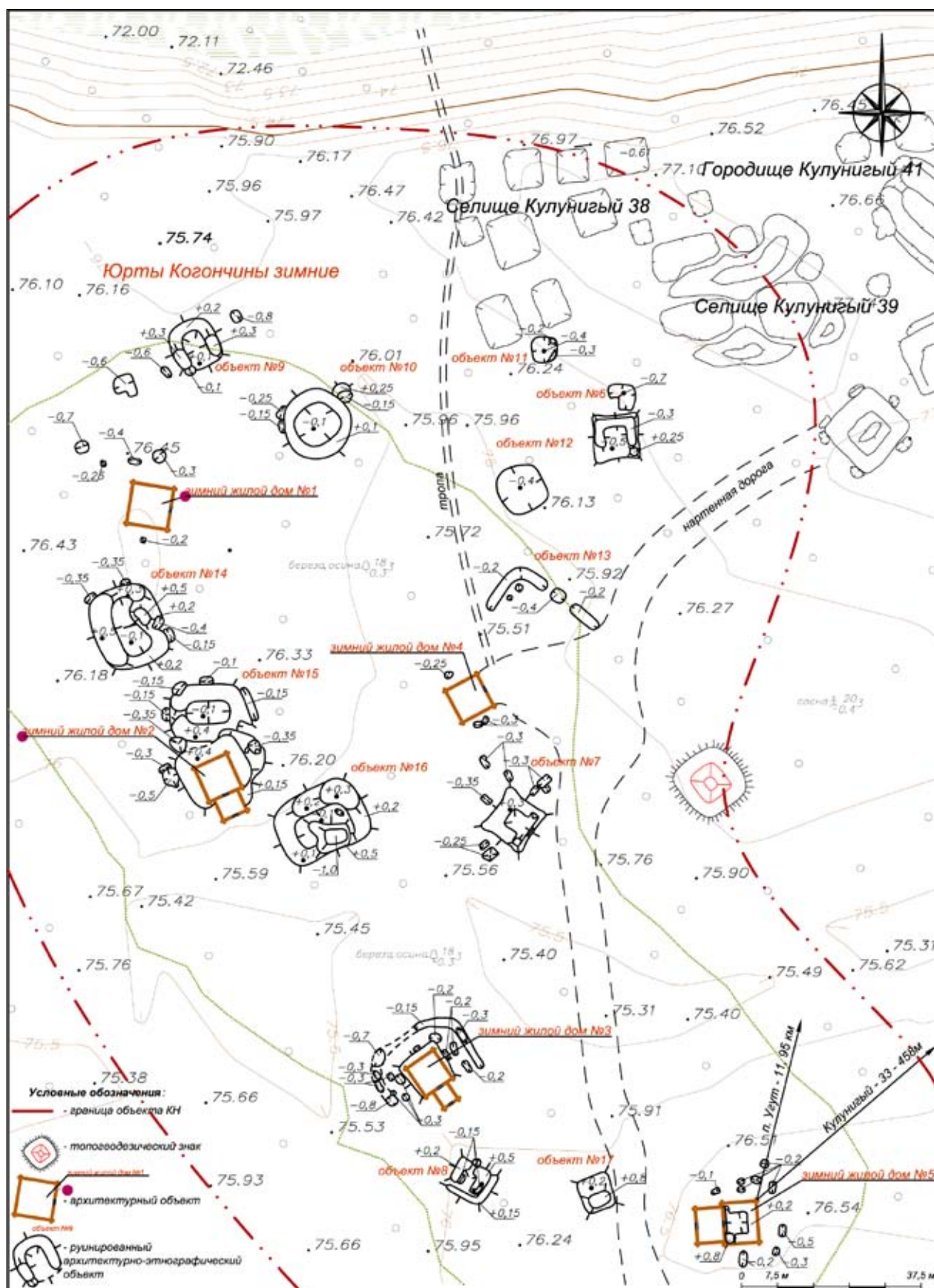

Рис. 3. Юрты Когончиных зимние. Генплан. М 1 : 750

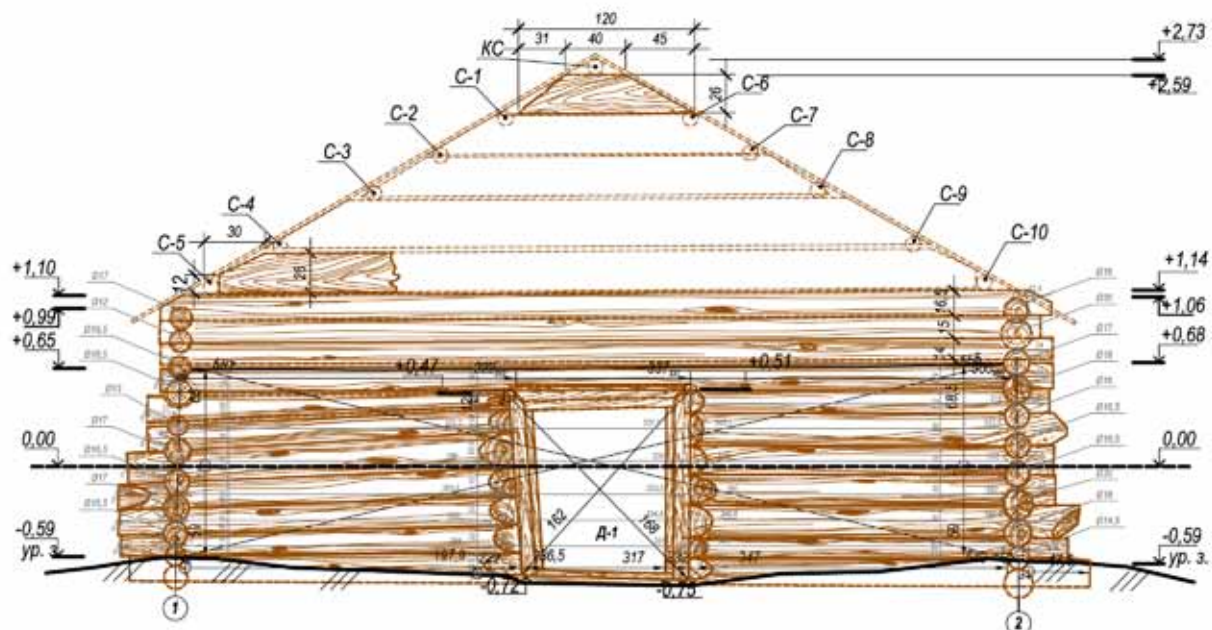

Рис. 4. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 1. Главный фасад в осях 1–2. М 1 : 50

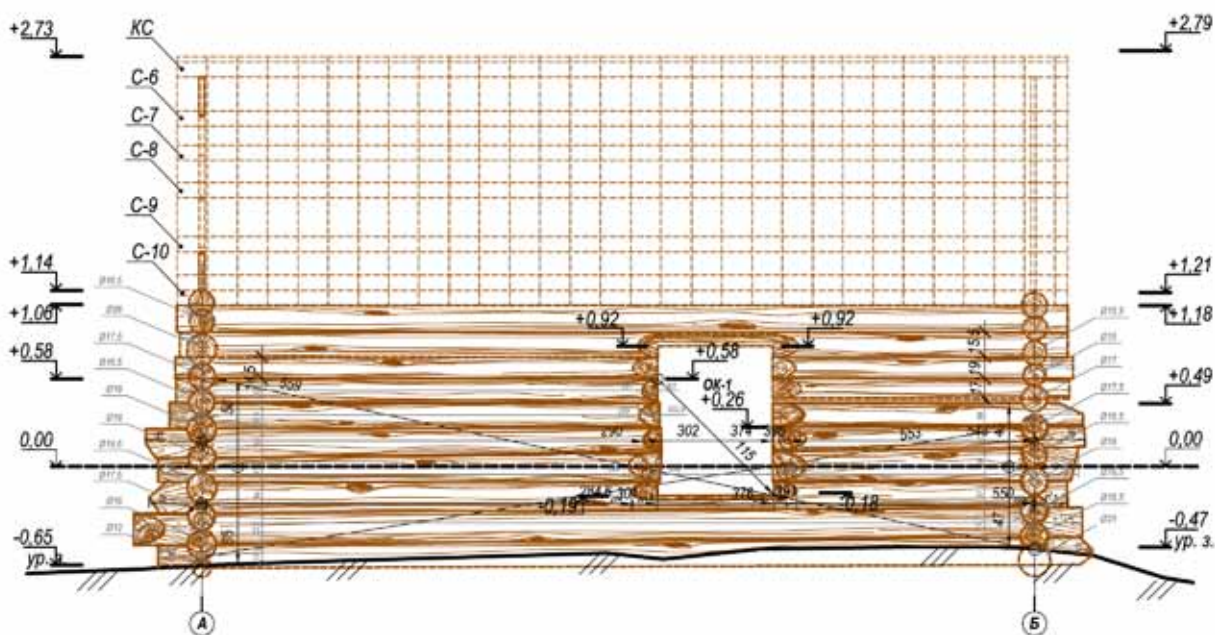

Рис. 5. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 1. Боковой фасад в осях А–Б. М 1 : 50

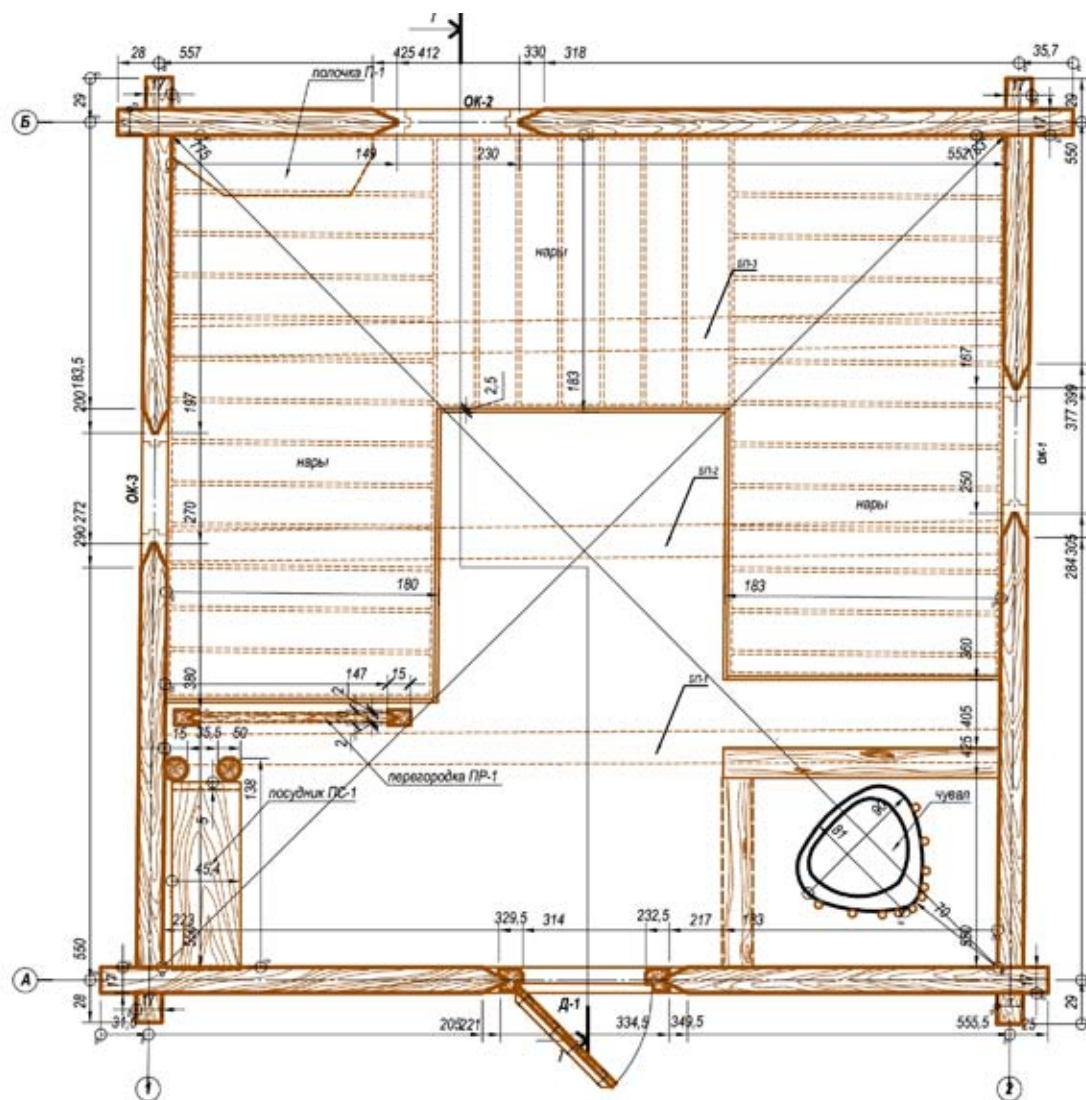

Рис. 6. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 1. План. М 1 : 50

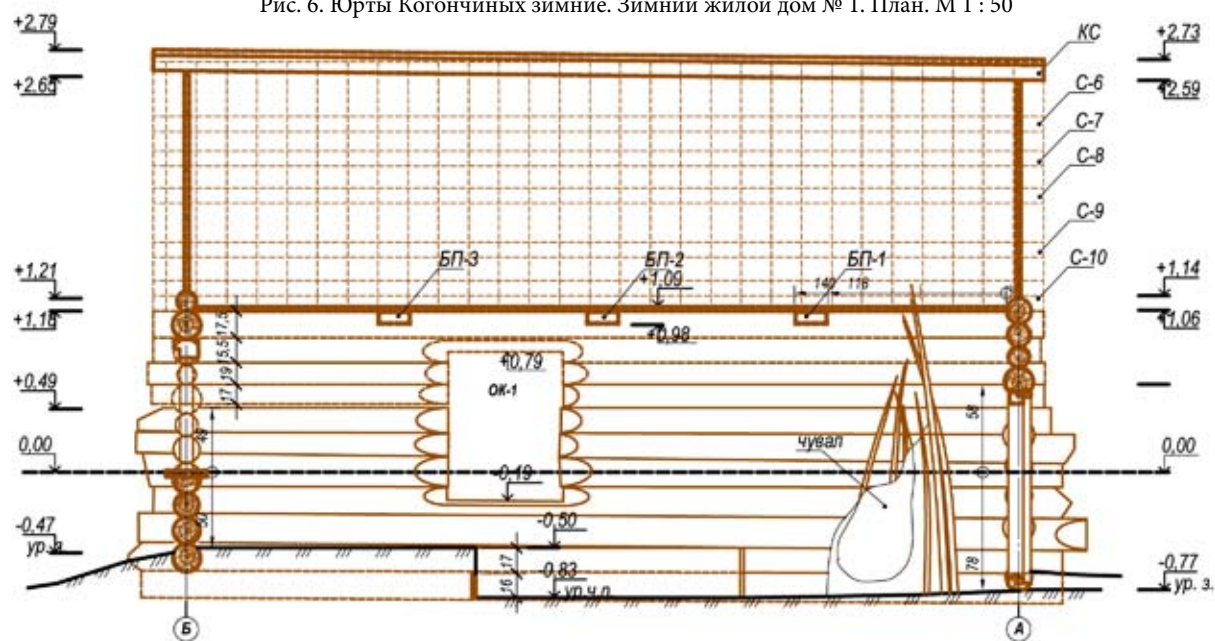

Рис. 7. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 1. Разрез 1-1. М 1 : 50

Рис. 8. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 1. Главный фасад в осях 1–2. Фото М. Н. Пальяновой. 2006 г.

Рис. 9. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 1. Боковой фасад в осях А–Б. Фото М. Н. Пальяновой. 2006 г.

Рис. 10. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 1. Фрагмент интерьера. Фото М. Н. Пальяновой. 2006 г.

Рис. 11. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 1. Фрагмент главного фасада. Конструкция дверного проема. Фото М. Н. Пальяновой. 2006 г.

Рис. 12. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 1. Фрагмент интерьера. Чувал. Фото М. Н. Пальяновой. 2006 г.

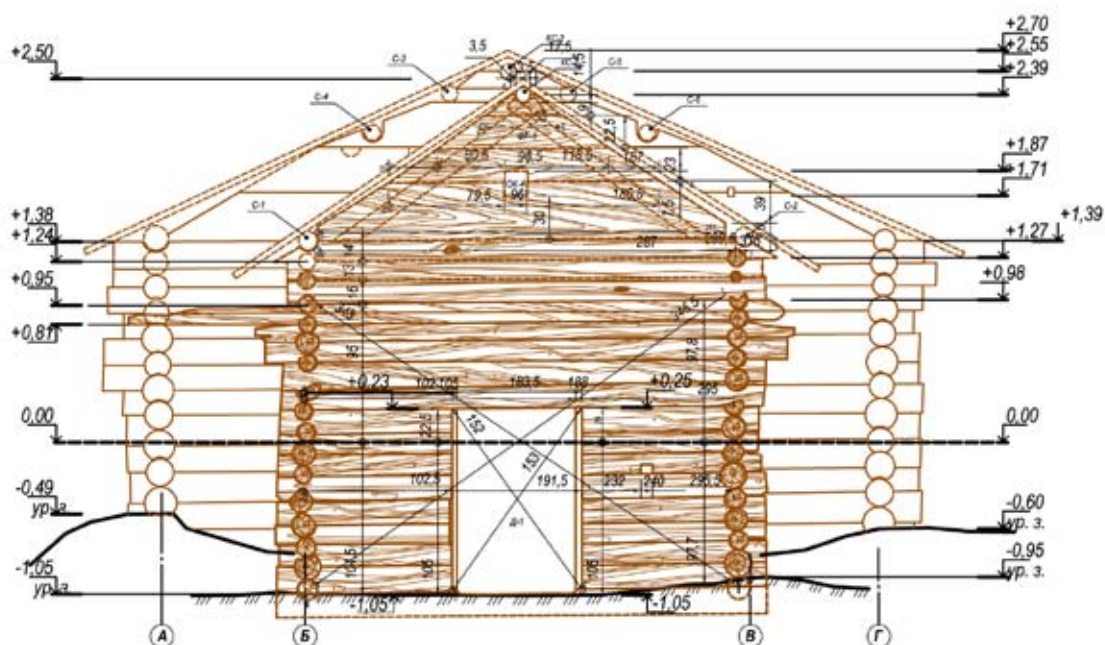

Рис. 13. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 2.
Главный фасад в осях А–Г. М 1 : 50

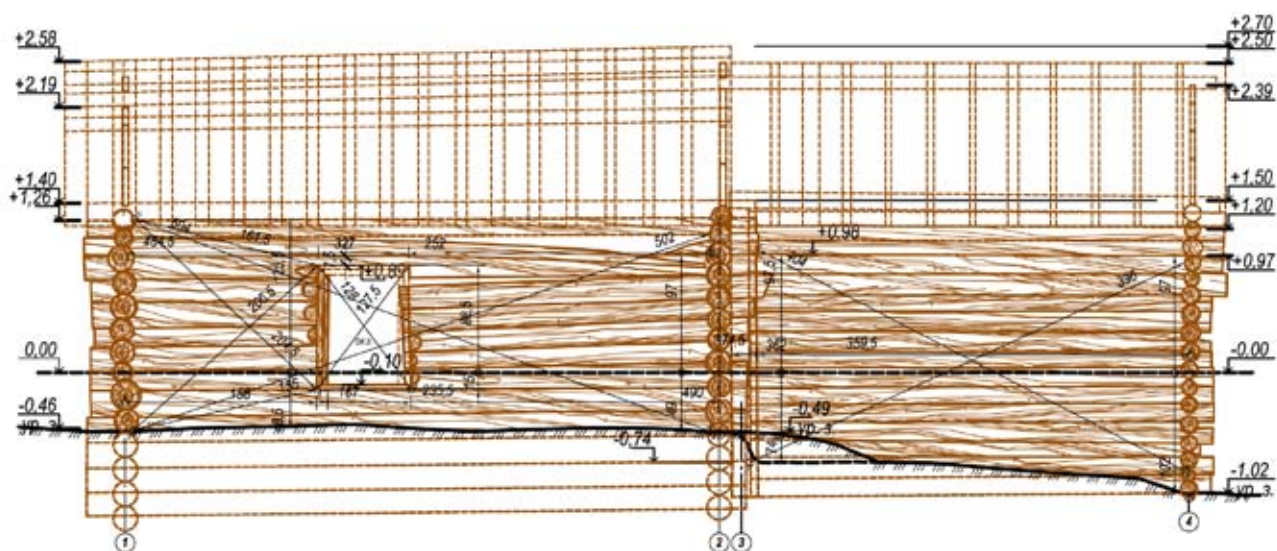

Рис. 14. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 2.
Боковой фасад в осях 1–4. М 1 : 60

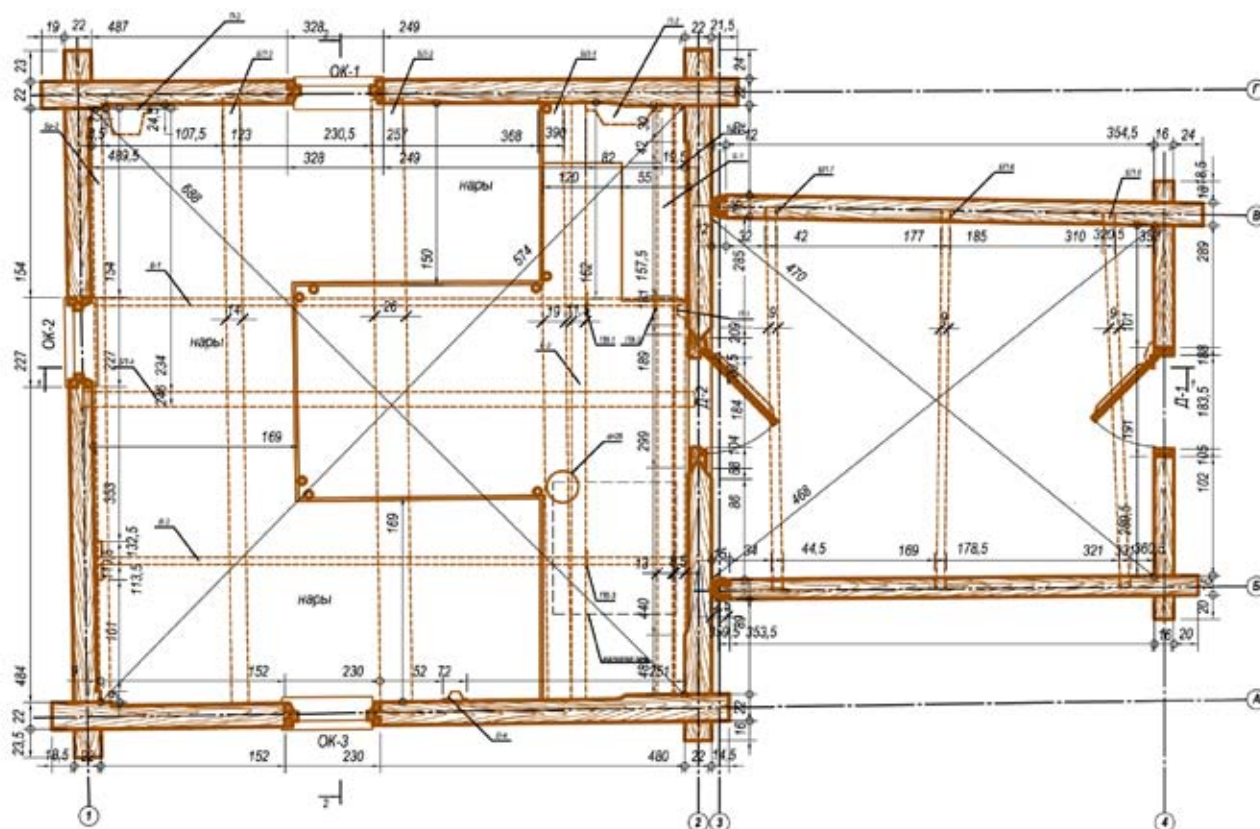

Рис. 15. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 2.
План. М 1 : 60

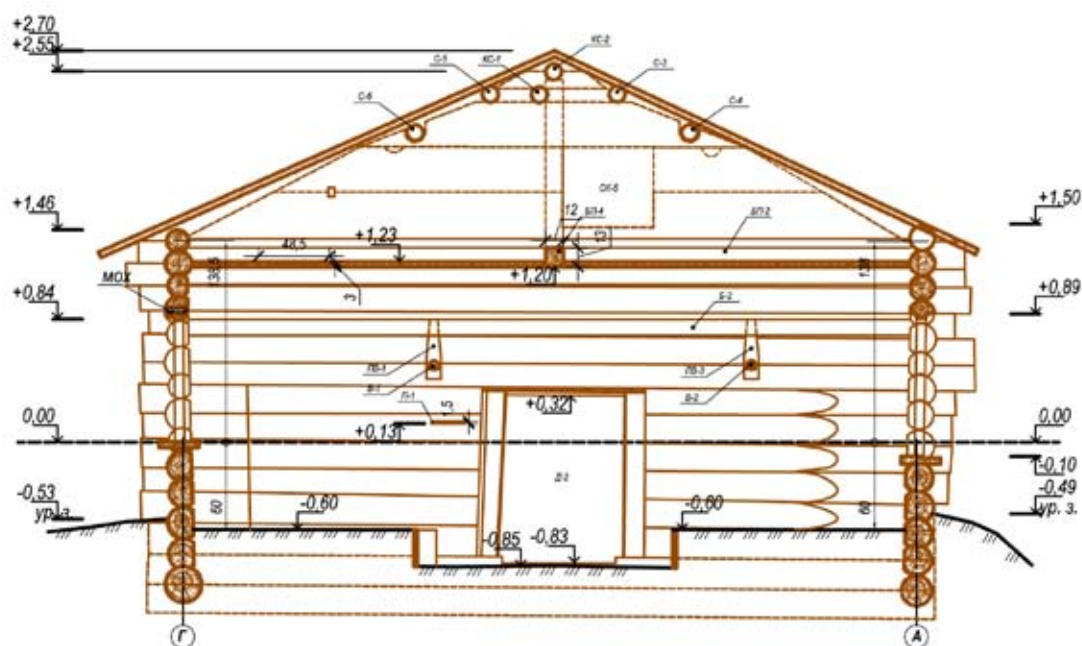

Рис. 16. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 2.
Разрез 2-2. М 1 : 50

Рис. 17. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 2. Общий вид с юго-востока. Фото М. Н. Пальяновой. 2006 г.

Рис. 18. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 2. Главный фасад в осях А–Г. Фото М. Н. Пальяновой. 2006 г.

Рис. 19. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 2. Фрагмент интерьера. Конструкция дверного проема и входа в дом. Нижняя доска фронтона с фрагментом чердачного окна. Фото М. Н. Пальяновой. 2006 г.

Рис. 20. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 2. Фрагмент интерьера. Петля крепления вешала. Фото М. Н. Пальяновой. 2006 г.

Рис. 21. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 2. Фрагмент интерьера. Полочка и кронштейны в северном углу дома. Фото М. Н. Пальяновой. 2006 г.

Рис. 22. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 3. Общий вид с юго-востока. Фото М. Н. Пальяновой. 2006 г.

Рис. 23. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 3. Главный юго-восточный фасад. Фото М. Н. Пальяновой. 2006 г.

Рис. 24. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 3. Фрагмент интерьера. Остатки чувала в нижнем углу дома. Фото М. Н. Пальяновой. 2006 г.

Рис. 25. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 3. Фрагмент интерьера. Конструкция дверного проема. Фото М. Н. Пальяновой. 2006 г.

Рис. 26. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 3. Фрагмент фасада. Конструкция оконного проема. Фото М. Н. Пальяновой. 2006 г.

Рис. 27. Левобережье реки Кулунигый, левый приток Большого Югана. Ландшафт в нижнем течении реки после пожара. Общий вид с востока

Рис. 28. Левобережье реки Кулунигый, левый приток Большого Югана. Ландшафт в нижнем течении реки после пожара. Общий вид с востока

Рис. 29. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 2. Общий вид после пожара. Фото О. В. Кардаша. 2010 г.

Рис. 30. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 2. Общий вид прируба-сеней после пожара. Фото О. В. Кардаша. 2010 г.

Рис. 31. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 2. Общий вид после пожара. Фото О. В. Кардаша. 2010 г.

Рис. 32. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 2.
Сохранившаяся после пожара доска фронтона дома. Фото О. В. Кардаша. 2010 г.

Рис. 33. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 3. Общий вид после пожара с юго-востока. Фото О. В. Кардаша. 2010 г.

Рис. 34. Юрты Когончиных зимние. Зимний жилой дом № 3. Общий вид после пожара. Фото О. В. Кардаша. 2010 г.

Рис. 35. Юрты Когончиных зимние. Конструктивные детали домов и детали интерьера: 1–3 – полки для хранения вещей, 4 – обойма для крепления между собой досок фронтона, 5–6 – петли вешал. Фото М. Н. Пальяновой. 2006 г.

1

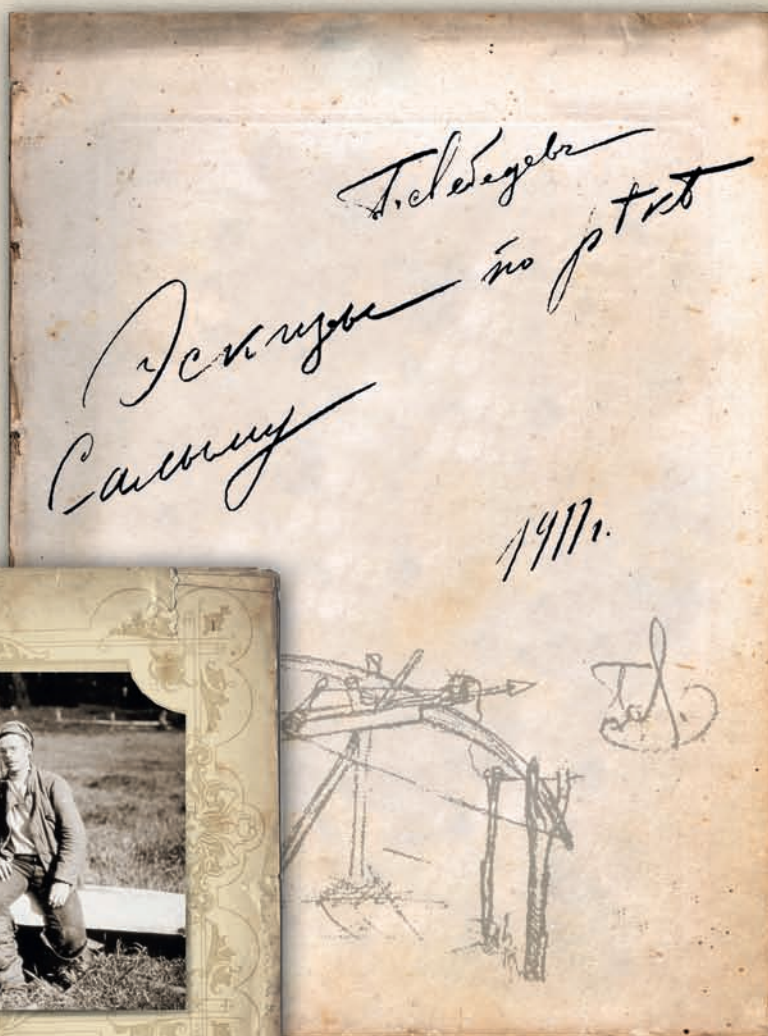

Рис. 36. Юрты Когончиных зимние. Этнографические материалы: 1 – дощечка для окуривания помещения, 2 – спинка детской нарты. Фото М. Н. Пальяновой. 2006 г.

2

Документи
и литературни
исторички

Г. П. Визгалов, О. В. Кардаш

100 лет комплексного археолого-этнографического изучения Салымского края

С 1900 по 1927 гг. Тобольский губернский музей (при участии других организаций) провел 62 экспедиции на Обский Север. Одна из таких экспедиций в 1911 г. вела исследования на реке Салым. О ней стоит рассказать подробнее.

Салымскую экспедицию (в отчетных документах она именовалась экскурсией) музей организовал совместно с Российской академией наук, Русским географическим обществом и Русским музеем. В «экскурсии» участвовали научный сотрудник Тобольского музея Л. Р. Шульц (руководитель), студент-естественник Б. Н. Городков, художник Г. И. Лебедев, проводник и трое рабочих. Шульц занимался этнографическими (вел записи и собирал коллекции) и геодезическими исследованиями, а также описанием реки Салым и ее притоков. Кроме того, все участники экспедиции вели статистические сборы по заранее составленной программе. Задача экспедиции заключалась в «собираании возможно полного материала для описания реки Салыма природы и обитателей данной местности».

Из Тобольска «экскурсия» отбыла 21 июня 1911 г. на пароходе «Иван Игнатьев». В поселке Зеньково (на Средней Оби) участники экспедиции пересели на катер, на котором двигались по Оби, Салымской протоке и Большому Салыму. Побывали в девяти населенных пунктах бассейна Салыма: юртах Сивохребтских, Лемпных (летних и зимних), Соровских, Кинтусовых, Милясовых, Сулиных, Старомирских, Варламкиных, Рымовых. Л. Р. Шульцу удалось сделать записи, касающиеся практически всех сторон жизнедеятельности коренного населения: хозяйственных занятий (с указанием мест промыслов), обрядов, обычаев, верований; описать жилища, хозяйственные постройки, предметы быта, записать легенды и предания. «Экскурсанты» побывали на культовых местах в юртах Соровских и Кинтусовых, сделали несколько фотографий с изображением салымских богов-тонхов прямо у священных амбаров, наблюдали медвежьих пляски с масками в юртах Соровских и Лемпинских (зимних), обследовали городище Ар-ях-вош на озере Емэн-тор у юрт Кинтусовых и городище Ньюром-вош возле бывших юрт Тимиковых.

Экспедиция Л. Р. Шульца возвратилась в Тобольск 18 августа. За два месяца были собраны весьма разнообразные и очень интересные материалы по этнографии салымских хантов, сделано 200 фотоснимков и несколько эскизов. Привезено 314 экспонатов для музея, в том числе 96 археологических находок, несколько изображений духов-тонхов, 12 изделий из бисера, 2 полных ткацких станка, образцы вышивок шерстью по ткани. Большинство экспонатов ныне хранятся в Тобольском музее, а образцы салымской вышивки были переданы Русскому музею в Санкт-Петербурге. Л. Р. Шульц и Б. Н. Городков поместили в Ежегоднике Тобольского музея краткие отчеты об этой поездке.

Кроме того, Л. Р. Шульц обобщил итоги экспедиции в очерке «Салымские остяки» (1924). По его данным, старейшим остяцким селением на Салыме были юрты Кинтусовских (недалеко от

современного пос. Салым). Поселки в верховьях Салыма (юрты Соровских, Айдарских, Вагликовых, Тимкиных, Алабердиных, Тайманковых) основали выходцы с Иртыша, из Тарханской волости. Среднее течение Салыма (юрты Аляминых, Милясовых, Сулиных, Старомирских, Варламкиных, Рымовых, Лемпиных, Савкуниных) заселялись обскими осяками. На Салым перебрались также демьянские ханты. Л. Р. Шульц охарактеризовал хозяйственные занятия, быт салымцев, описал жилища, постройки; много интересных и новых сведений собрал о духовной культуре хантов, особенно жителей юрт Кинтусовских. Л. Р. Шульц обратил внимание на то, что салымские ханты, несмотря на совместное проживание в бассейне реки Салым и небольшую численность, подразделялись на две локальные группы. В отличие от А. А. Дунина-Горкавича, Шульц выделял группировки салымских хантов по лингвистическому (а не по хозяйственному) принципу. По его данным, язык верхнесалымских хантов (юрты Соровских, Кинтусовских и Айдарских) имеет сходство с языком верхнедемьянских хантов и несколько отличается от говора жителей юрт, расположенных ниже по течению Салыма.

Итак, по мнению исследователей начала XX века (А. А. Дунина-Горкавича и Л. Р. Шульца), салымские ханты представляли собой территориальную общность, обладающую языковой спецификой, а также некоторыми хозяйственными, культурными и бытовыми особенностями по сравнению с другими локальными группами хантов.

Шульц Леонид Рудольфович

(1878 – после 1927),

землемер, краевед, этнограф

Родился в Германии в семье агронома. Образование получил в гимназиях немецких городов Кенигсберга и Торна и в землемерно-таксаторской школе г. Горки Могилевской губернии. Работал в Западной Сибири на землеустройстве, в частности, как частный землемер и страховой агент обслуживал участок Тобольского уезда, охватывавший нижнее течение Иртыша. Краеведческой и музейной работой начал заниматься в 1907 г., а в следующем году стал действительным членом Тобольского губернского музея. Сотрудничал с отделом этнографии. В 1907–1910 гг. совершил несколько поездок по местам обитания осяков, вогулов и татар, руководил снаряженной музеем экспедицией на Салым (1911), в составе которой был Б. Н. Городков и Г. Н. Лебедев. «Сибирский листок» в 1908 г. сообщал: «на днях посетил музей страховой агент Демьянского участка Л. Р. Шульц, привезший в дар музею целый ряд очень интересных предметов, которых до сих пор не имелось в музее, – главным образом ткани из крапивы, выделанные осяками. Между прочим, им подарено музею металлическое ожерелье с предметами языческого культа, причем на некоторых из блях есть изображения христианского креста. Г. Шульц намерен пробыть некоторое время в юртах Кондинских Мало-Кондинской волости – центре крапивного производства; он намерен там достать все приборы, образцы изделий в разных стадиях – словом, выяснить вполне способы производства».

В 1911 г. Л. Р. Шульц устраивал отдел этнографии для Западносибирской выставки в Омске, который был составлен из изделий осяков Тобольской губернии. В 1920-е гг. Л. Р. Шульц заведовал Тюменским окружным архивом музея местного края и руководил обществом изучения Тюменского края. Зимой 1924 г. по поручению плановой комиссии Уральского облисполкома он произвел экономическое обследование Приобского края. Краевед Л. М. Хандросс писал, что в этой экспедиции «Обществом изучения Тобольского края при материальном содействии Уралплана были произведены этнографические исследования, обследованы остатки архивов бывшего инороднического управления, внесены изменения, происшедшие в отношении мест сбыта продуктов края и в направлении торговых путей, бюджет типичных

хозяйств; собраны сведения относительно местонахождения и процесс образования заповедников для охраны бобра и соболя и т. д.». Умер после 1926 г. [Хандросс, 1926. С. 201; Белобородов, 1997. С. 322–323; Коновалова, Шварева, 2001. С. 130–155; Белов, 2003. С. 35–55; Огрызко, 2005. С. 71–96].

В период с 26 ноября по апрель 1927 г. Л. Р. Шульц руководил Приполярной переписью населения Тобольского Севера. Впервые, как писали участники переписи, удалось провести хозяйственный учет всего населения Тобольского Севера по единому формуляру и единому плану [ГАСО. Ф. 677-р. Оп. 1. Д. 49. Л. 171.]. Л. Р. Шульц составлял отчеты по результатам переписи. Все материалы переписи были им сданы заведующему отделом разработки переписи Севера Д. М. Бобылеву. Согласно ведомости передачи, документы представляли собой весьма солидный блок [Главацкая, 2010. rhd.uit.no glavatskaya...Archaeography.pdf].

Список научных работ Л. Р. Шульца

Шульц Л. Р., 1898. Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым Сургутского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск, 1898. – Вып. 21. – С. 1–17.

Шульц Л. Р., 1910. Вышивка южных остяков нитками по ткани // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск, 1910. – Вып. 20. – С. 1–36.

Шульц Л. Р., 1924. Салымские остяки (из материалов к этнографии южных остяков) // Записки Тюменского общества изучения местного края. – 1924. – Вып. 1. – С. 166–200.

Шульц Л. Р., 1926. Очерк Кондинского района // Урал: Север. – Свердловск, 1926. – С. 19–57.

Шульц Л. Р., 1927. О необычности краеведческой работы на Тобольском Севере // Урал: краеведение. – Свердловск, 1927. – Вып. 1. – С. 70–75.

Городков Борис Николаевич

(1890–1953),

выдающийся исследователь Крайнего Севера России,
геоботаник, физикогеограф, систематик-флорист

Родился в Тобольске. В 1913 г. окончил Петербургский университет по специальности «Органическая химия», но всю свою сознательную жизнь посвятил изучению природы севера России, особенно Сибири. На протяжении 40 лет Б. Н. Городков совершал экспедиции в малоизученные районы Крайнего Севера: на Полярный Урал, север Западно-Сибирской равнины, Таймыр, Чукотку, о. Врангеля. Многие экспедиции он проделал по заданию Академии наук, как сотрудник Ботанического музея и Ботанического института. В течении многих лет Б. Н. Городков был профессором Ленинградского университета и Педагогического института им. А. И. Герцена. В Ленинградском университете он впервые в СССР читал курс тундроведения. Б. Н. Городков – лучший знаток растительности и почв Крайнего Севера. Безлесье тундр он связывал с физиологической сухостью холодных почв, которой, как показали новейшие исследования, не наблюдается в природе. Дал ботанико-географическое районирование Российской Арктики, выяснил многообразие взаимосвязей вечной мерзлоты с почвами, растительностью и ландшафтом.

Труды по эволюции и динамике ландшафтов. Изучал связи многолетнемерзлых грунтов с почвами и растительностью. Под руководством Городкова в 1932–1933 гг. проведена инвентаризация тундровых и лесотундровых угодий СССР, имевшая большое значение для укрепления кормовой базы оленеводства. За исследования бассейна реки Пур и водораздела рек Пур и Обь в 1923–1924 гг. он был награжден Всесоюзным географическим обществом медалью Н. М. Пржевальского.

С именем Бориса Николаевича связано развитие советского тундроведения, его работы имели огромное значение для географического познания северных районов России. Б. Н. Городков был лучшим знатоком растительного покрова зон тундры и арктических пустынь. Его перу при-

надлежат обобщающие работы «Растительность тундровой зоны СССР» и «Растительность Арктики и горных тундр СССР». Первая из них, по оценке академика Л. С. Берга, составила «эпоху в истории изучения тундры». За серию выдающихся работ по геоботанике Сибири и тундровой зоны президиум АН СССР по представлению квалификационной комиссии в 1935 г. присудил Б. Н. Городкову степень доктора биологических наук без защиты диссертации.

Среди географов широкое признание получили следующие работы Б. Н. Городкова: «Опыт деления Западно-Сибирской низменности на ботанико-географические области» (1916); Растительность тундровой зоны СССР. М.; Л. 1935; Растительность Арктики и горных тундр СССР// Растительность СССР. М.; Л., 1938. Т. 1. Данная книга состоит из предисловия автора и 14 глав, которые повествуют о третьей экспедиции сотрудников Академии наук СССР на Полярный Урал, в задачи экспедиции входило производство ботанических, геологических и зоологических исследований восточного склона Полярного Урала в верховьях рек Войкара, Сыни и Ляпина. Кроме собранных ботанических, зоологических и геологических коллекций, исследователи изучили Полярный Урал, высоту гор и виды ее горных пород, растительный и животный мир, а также «быт туземцев, скупно населяющих Полярный Урал...». Ученый принимал участие в составлении карты растительности СССР в масштабе 1:5 000 000 (1939) и пояснительного текста к ней (1941).

В честь Городкова названы горная вершина и ледник на Полярном Урале, а также 5 видов растений.

[Краткая географическая энциклопедия, 1966; Терминологический словарь ..., 1993].

Лебедев Г. И.

Самый загадочный участник экспедиции Л. Р. Шульца. До сих пор о нем фактически нет никакой информации. Неизвестны его имя и отчество. Как он попал в экспедицию, откуда приехал – из Тобольска, из Санкт-Петербурга, кем он был по профессии, – неизвестно. Альбом его рисунков, привезенных из экспедиции, хранился в фондах Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (ТИАМЗ) и впервые был открыт для ученых во время научных конференций 1998–2044 гг., где и был обнаружен авторами статьи, которые и сделали подписи к рисункам.

Альбом Г. И. Лебедева публикуется впервые.

Литература

- Белов С. Л. Тюменское общество научного изучения местного края в 1920-е годы: [о Шульце Л. Р.] / С. Л. Белов // Лукич. – 2003. – № 1. – С. 35–55.
- Огрызко В. Североведы России: материалы к биограф. слов.: [о Шульце Леониде Рудольфовиче] / В. Огрызко // Мир Севера. – 2005. – № 5/6. – С. 71–96.
- Главацкая Е. М. Материалы Уральской экспедиции Приполярной переписи 1926–1927 гг. rhd.uit. по > glavatskaya...Archaeography.pdf
- Белобородов В. К. [Шульц Л. Р.] // Белобородов В. К., Пуртова Т. В. Ученые и краеведы Югры: Биобиблиогр. словарь / Ханты-Мансийская окр. 6-ка. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – С. 322–323.
- Хандросс Л. М. Краткий обзор научно-исследовательской работы на севере Уральской области: (за период 1919–1925 гг.) // Урал: Тех.-экон. сб. – Свердловск, 1926. – Вып. 8; 4; 2; Урал. Север. – С. 201.
- Краткая географическая энциклопедия Том 5/Гл. ред. Григорьев А. А. М.: Советская энциклопедия – 1966, 544 с., илл., карты, 5 л. карт илл., 1 л. карта-вкладка
- Коновалова Е., Шварева Л. Авторы Ежегодника Тобольского губернского музея (окончание) Лукич. – 2001. – № 4(20). С. 130–155
- Терминологический словарь по физической географии. Под ред. Проф. Ф. Н. Милькова. – М.: Высшая школа. 1993

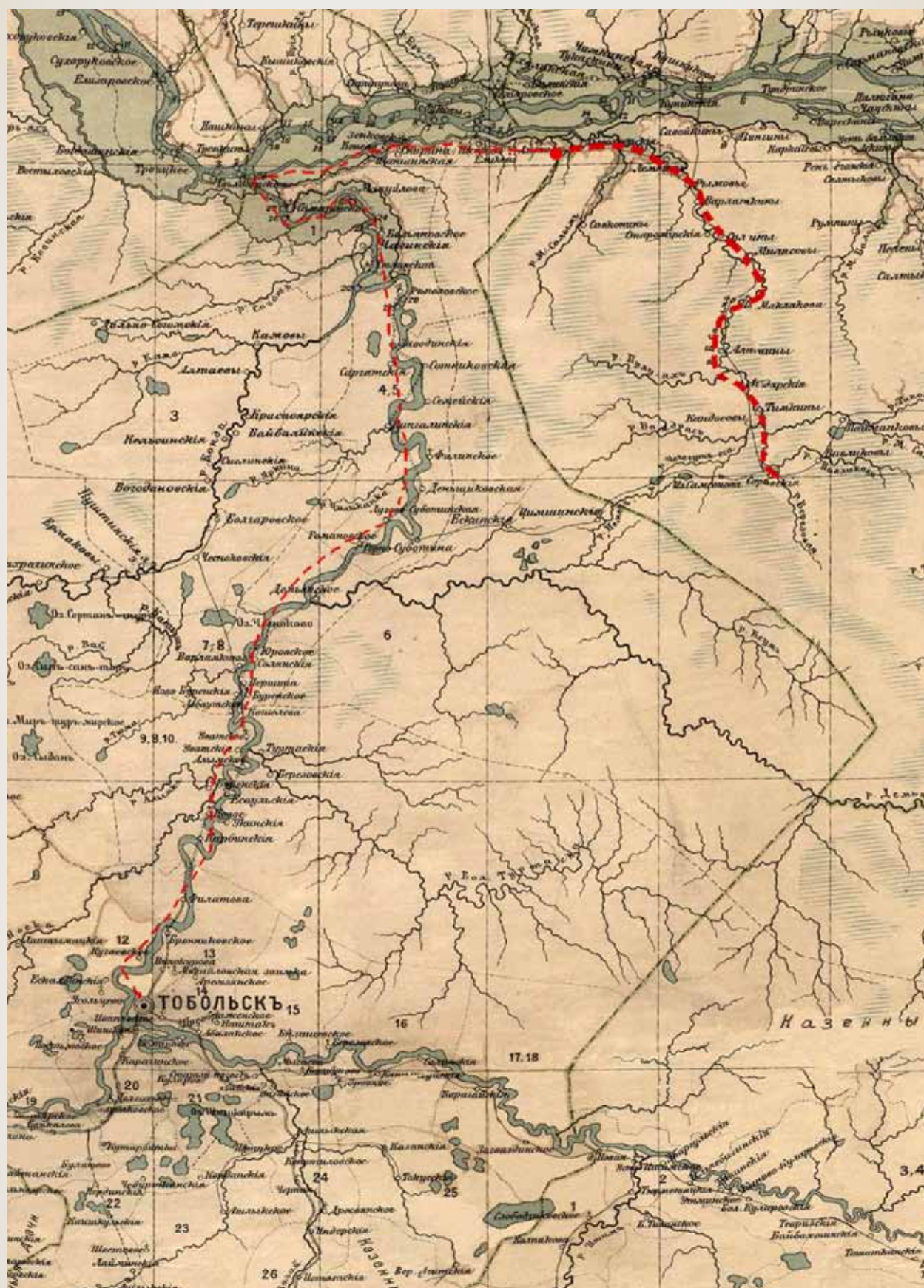

Рис. 1. Маршрут экскурсии Тобольского губернского музея на реку Салым.
Фрагмент карты А. А. Дунина-Горкавича. 1908 г.

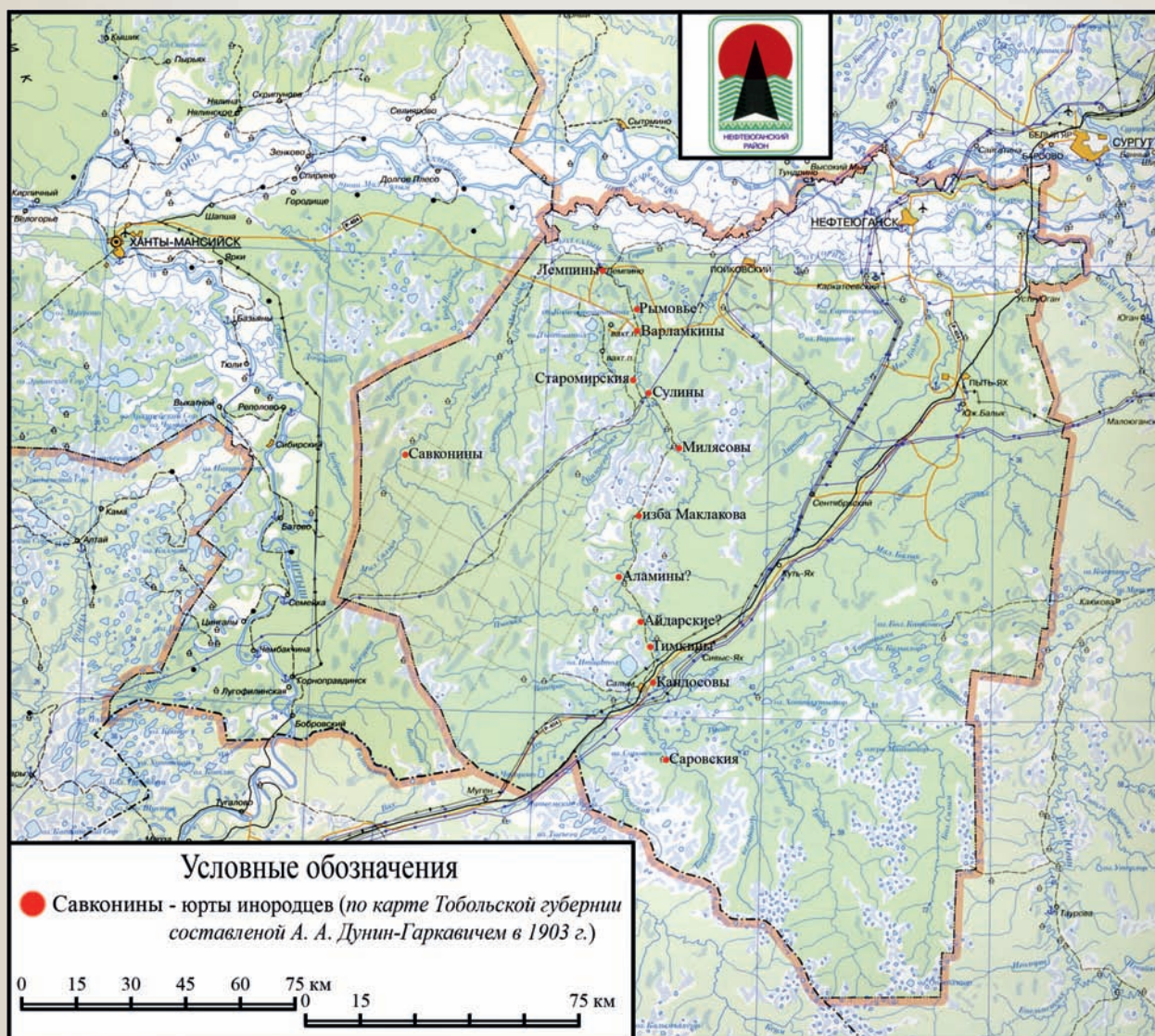

Рис. 2. Маршрут экспедиции под руководством Л. Р. Шульца и Б. Н. Гордкова на реку Салым. Фрагмент современной карты Нefтеyганского района

Рис. 3. Начало экспедиции. Экскурсия в юрты Сивохребтских.
Слева направо: Л. Р. Шульц, Г. И. Лебедев, Б. Н. Городков

Рис. 4. Экскурсия в юрты Лемпиных.
Слева направо: Г. И. Лебедев, Л. Р. Шульц, Б. Н. Городков

Рис. 5. Лагерь экспедиции на реке Большой Салым

Рис. 6. Лагерь экспедиции в юртах Соровских

Рис. 7. Остячки юрт Милясовых и Л. Р. Шульц

Рис. 8. Юрты Кинтусовых. Л. Р. Шульц с жителями

Г. Лебедев
Эскизы по ртк
Салым

1911.

Рис. 2. Пригон ю[рты] Соровские. Загон для скота (овец, лошадей) на окраине юрт Соровских. В юрты Соровские, наиболее удаленный пункт исследований, экспедиция прибыла 6 июля, спустя 2 недели пути

Рис. 3. Ю[рты]. Соровские. Топас. Лестница. Рисунок одного из лабазов в юртах Соровских, возможно, это тот лабаз, который в публикации назван «шайтанным амбаром», где хранились изображения духов

Рис. 4. Без названия. На рисунке изображен навес для хранения вещей: орудий лова, нарт и прочего. Вероятно, выполнен также в юртах Соровских

Рис. 5. Навес. Ю[рты]. Соровские. На рисунке изображение еще одного навеса для хранения вещей

Рис. 6. Сосна (суходрев). Отвлеченная художественная зарисовка. Выполнена, вероятно, также вблизи юрт Соровских на берегу озера

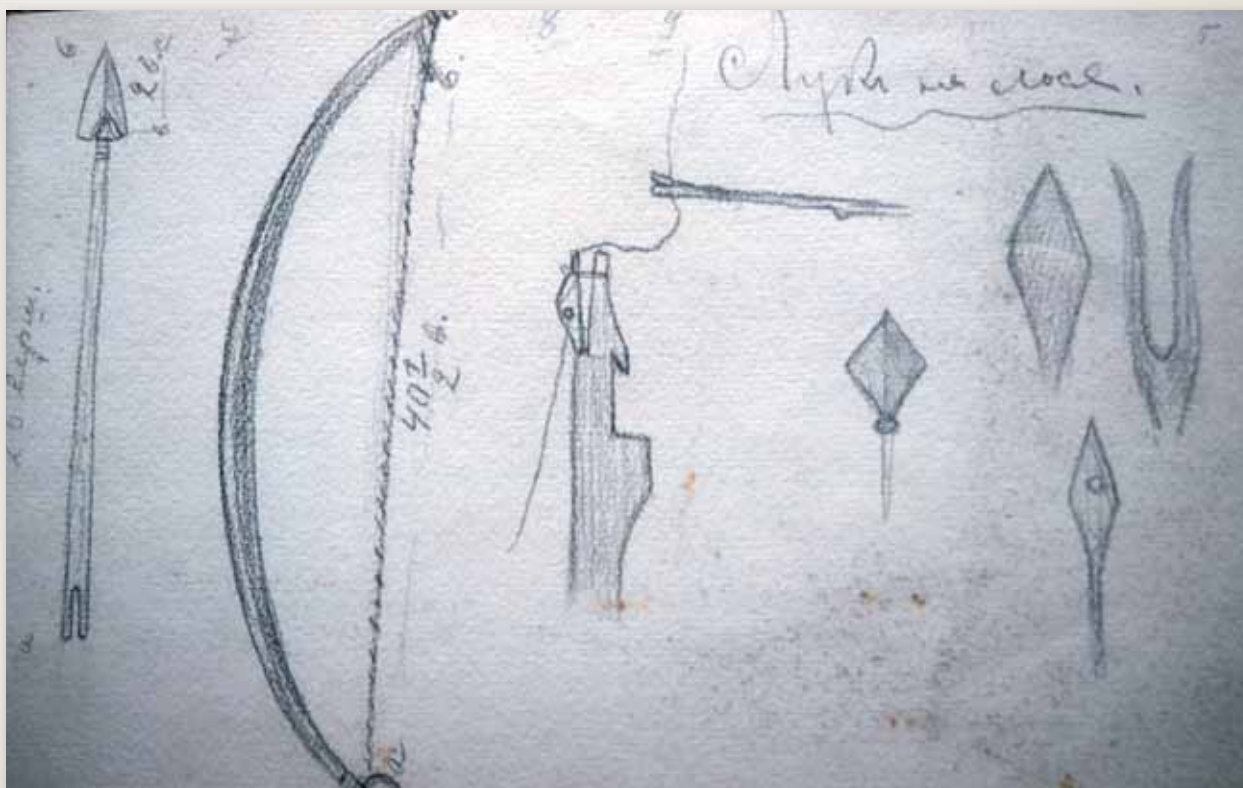

Рис. 7. Лук на лося: 6 [стрела] 26 верш[ков – 115,57 см], 7 [наконечник] 2 ве[ршка – 8,89 см], 8 [лук] 40,5 в[ершков – 180,02 см], 9 [конструкция насторожек], [четыре наконечника стрел разных типов.]. Рисунок выполнен в юртах Соровских. Интерпретация сторожевого лука как орудия добычи лося ошибочна, судя по размерам такой лук мог использоваться при охоте на небольшого зверя размером с выдру

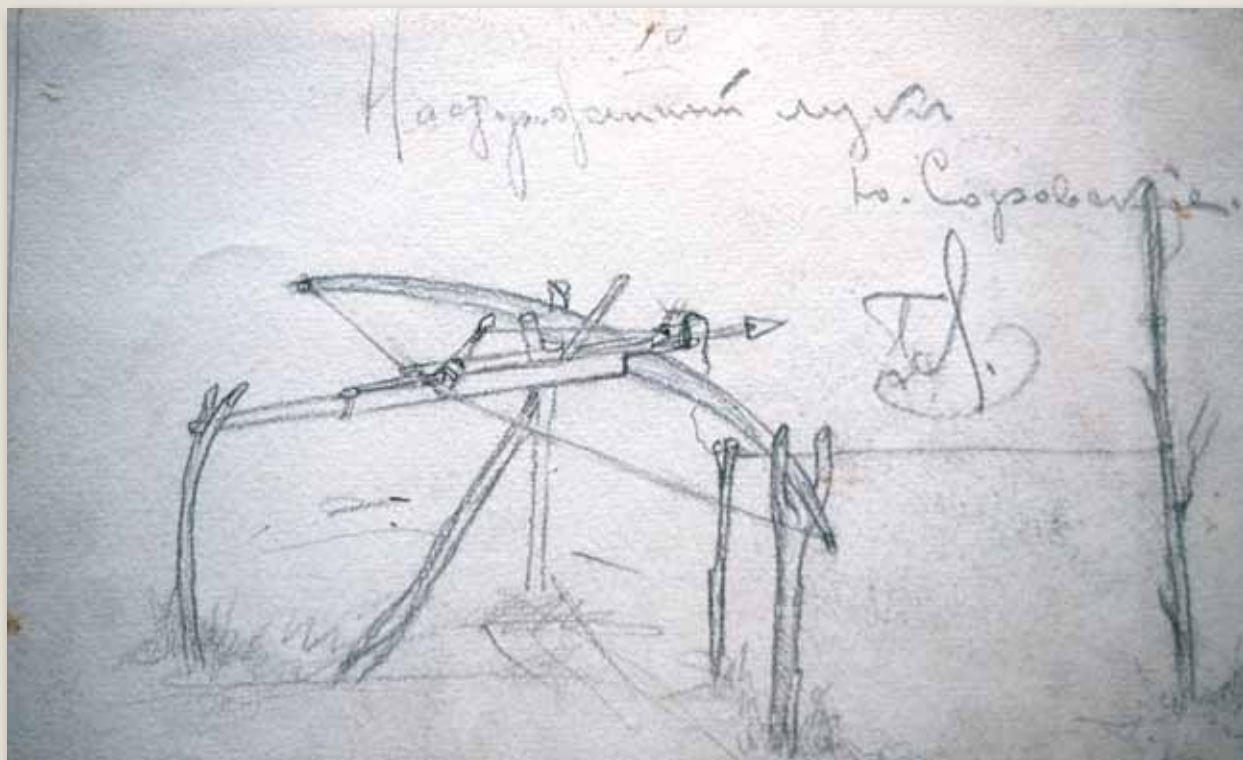

Рис. 8. [связана с нумерацией предыдущего рисунка] Настороженный лук. Юрты Соровские.
Рисунок также выполнен в юртах Соровских

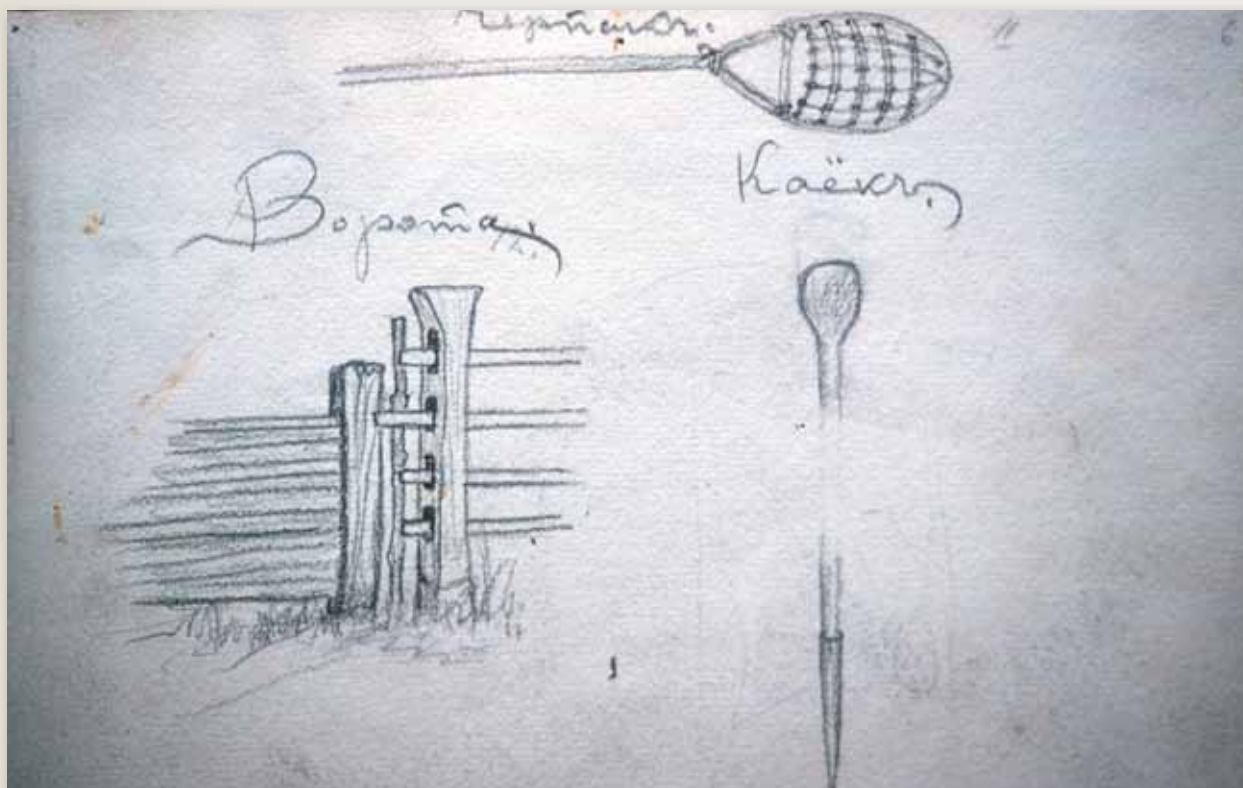

Рис. 9. Черпак. Ворота. Каёк. На рисунке изображены орудия зимнего подледного лова, черпак – для очищения проруби ото льда и извлечения рыбы; каёк – пешня для прорубания льда; ворота загона для скота, по-видимому, привлекли художника необычностью формы. Очевидно, рисунок выполнен в юртах Соровских

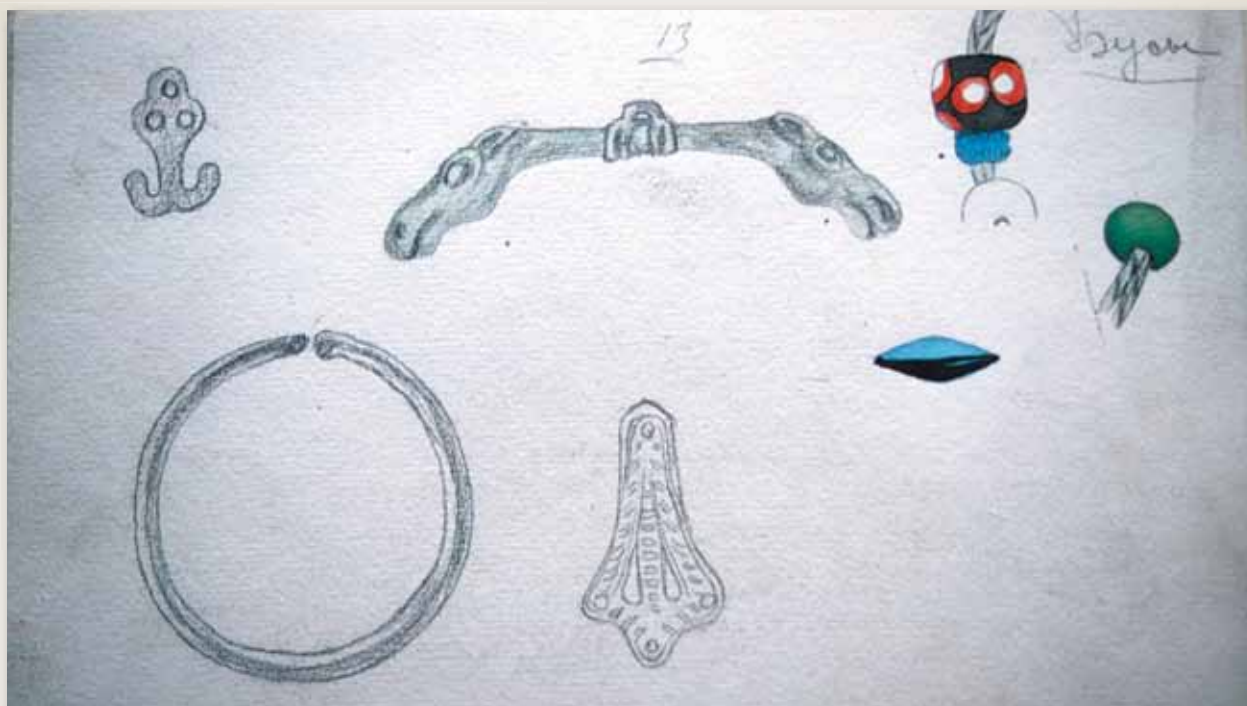

Рис. 10. Без названия. Подписаны только 2: Бусы. Изображение 7 предметов: изделия из бронзы – застёжка в форме двойного крючка, колчанный крюк с зооморфным декором, круглое височное кольцо, подвеска в форме лапки водо-плавающей птицы; изделия из стекла – три цветные бусины. На рисунке изображены археологические предметы, которые находились в священном амбаре Ай-урта близ юрт Кинтусовских летних, куда экспедиция прибыла 13 июля

Рис. 11. Остяцкие боги ю[рты] Соровские [ошибка: юрты Кинтусовские]. Sig [сиг], vas [вэс], jur [юр]. Культовые деревянные фигуры, находившиеся в священной кедровой роще, посещавшейся экспедицией 14 июля. По нашим данным, скульптуры изображают предположительно подводных и подземных существ: рыбу-сиг, подводное чудовище-вэс и мамонта-юр – помощников главного духа хранителя р. Салым Сотым-тэ-ики. Л. Р. Шульц считал, что это изображения медведя, змеи и водяного животного

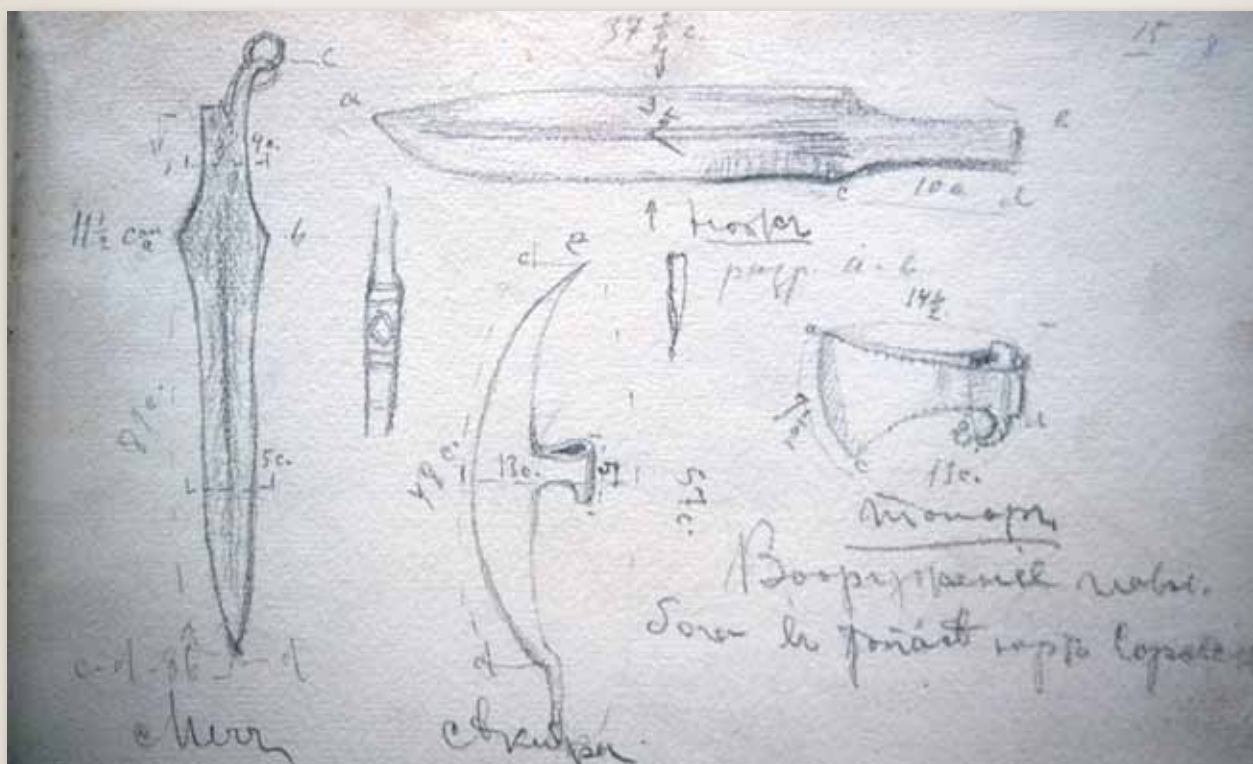

Рис. 12. Вооружение главного бога в топасе [лабазе] юрт Соровских [ошибка: юрты Кинтусовских].
 Меч: [ширина] a-b 11,5 с, [длина] c-d 86 с, [ширина лезвия] 5 с, [ширина рукояти] 4 с. Секира: [длина] a-b 56 с,
 [длина лезвия] c-d 48 с, [максимальная ширина] 13 с, [длина обуха] 5 с. Нож: [длина] a-b 37,5 с,
 [длина рукояти] c-d 10 с, [ширина лезвия] 3,5 с. Топор: [длина] a-b 15,5 с, [ширина лезвия] a-c 7,5 с,
 [длина лезвия] c-d 13 с. Священный лабаз Сотым-тэ-ики близ юрт Кинтусовских летних экспедиция посетила 14 июля

Рис. 13. Общий вид найденного костяка ю. Соровские. [ошибка: юрты Кинтусовских]. 14–15 июля Л. Р. Шульцем близ юрт Кинтусовских было раскопано несколько погребений на городище Арь-ях-вош. Очевидно, это рисунок одного из раскопанных погребений. Впоследствии этот памятник получил название могильник Кинтусовский 4

Рис. 14. Летняя печь. Вероятно, рисунок выполнен в юртах Кинтусовских

Рис. 15. Без названия. В верхней части рисунка изображена глиняная печь летней кухни с вмазанным котлом. В нижней части изображено приготовление рыбы на огне. Вероятно, рисунок выполнен в юртах Кинтусовских

Рис. 16. Чувал, железная печь. Рисунок изображает часть интерьера прируба жилого дома: чувал, железную печь и печь с медным котлом. Вероятно, рисунок выполнен в юртах Кинтусовских

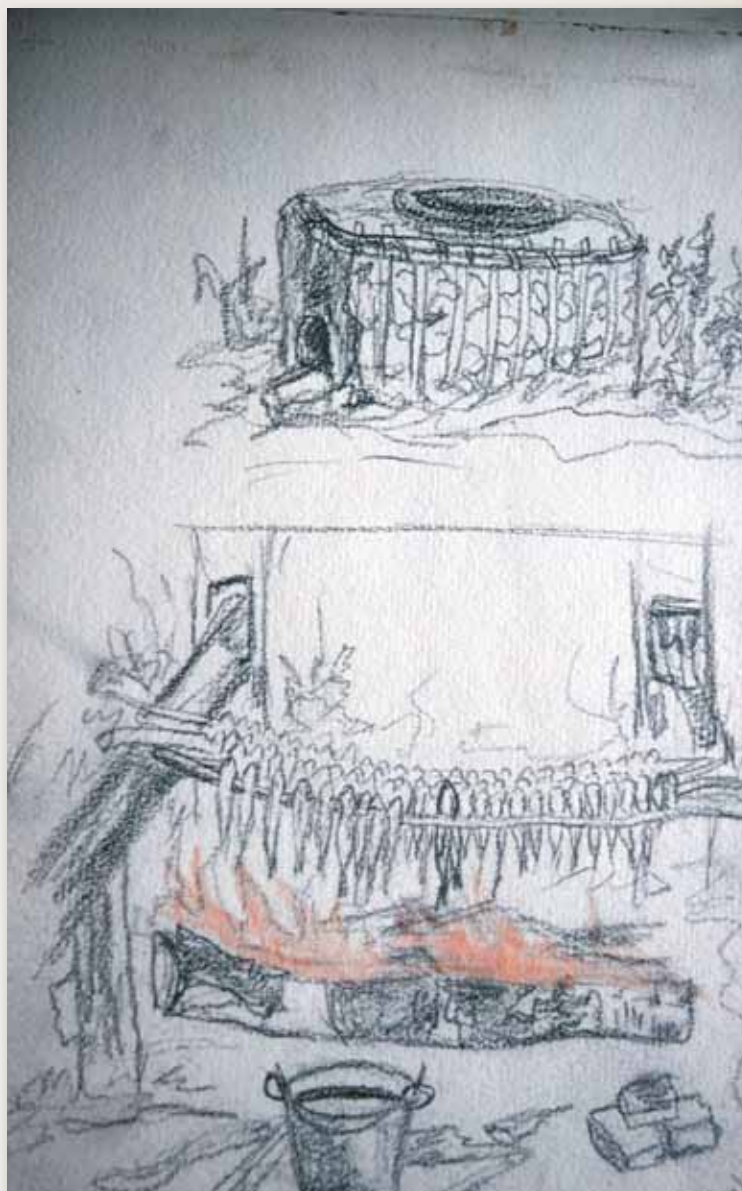

Рис. 17. Топас. Коновязь. Вероятно, рисунок выполнен в юртах Кинтусовских

Рис. 18–20. Растения, акварель. Вероятно, рисунки выполнены в юртах Кинтусовских

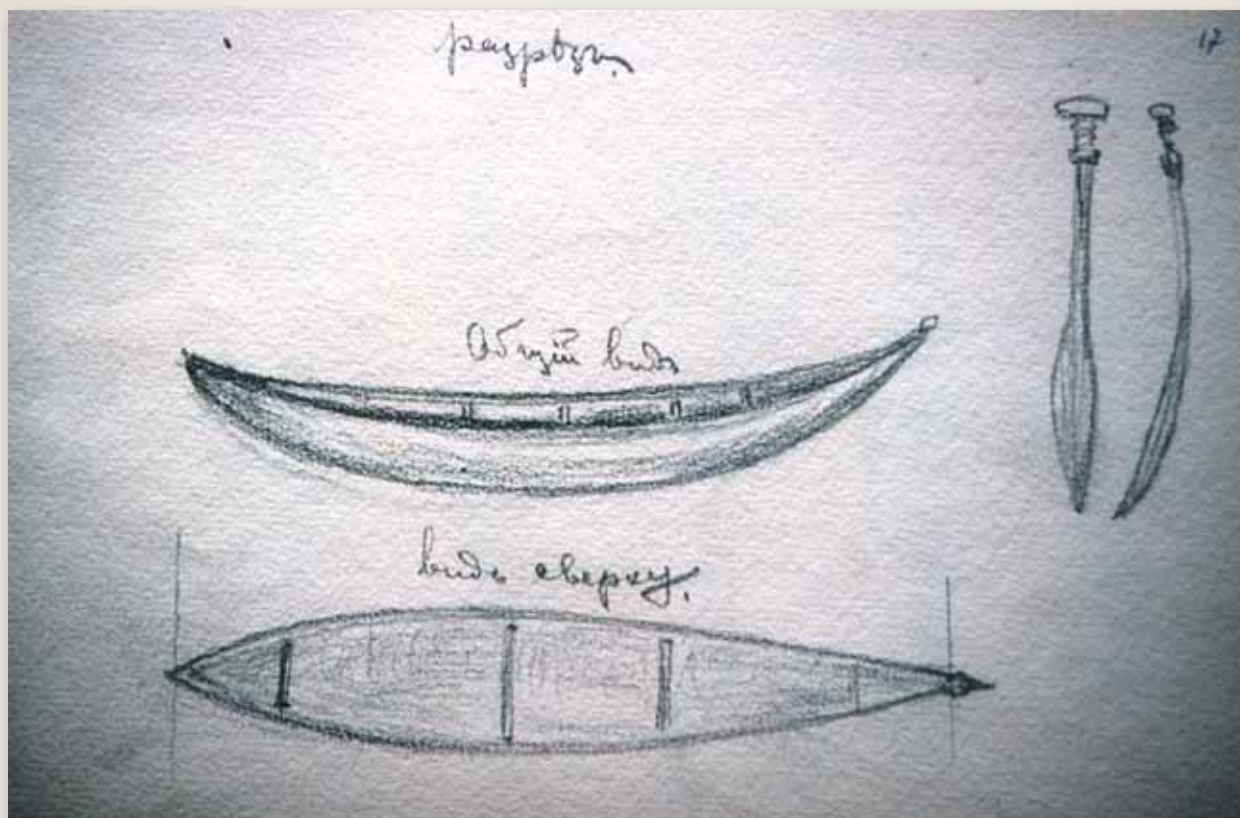

Рис. 21. Развоз. Общий вид. Вид сверху. Вероятно, рисунок выполнен в юртах Кинтусовских

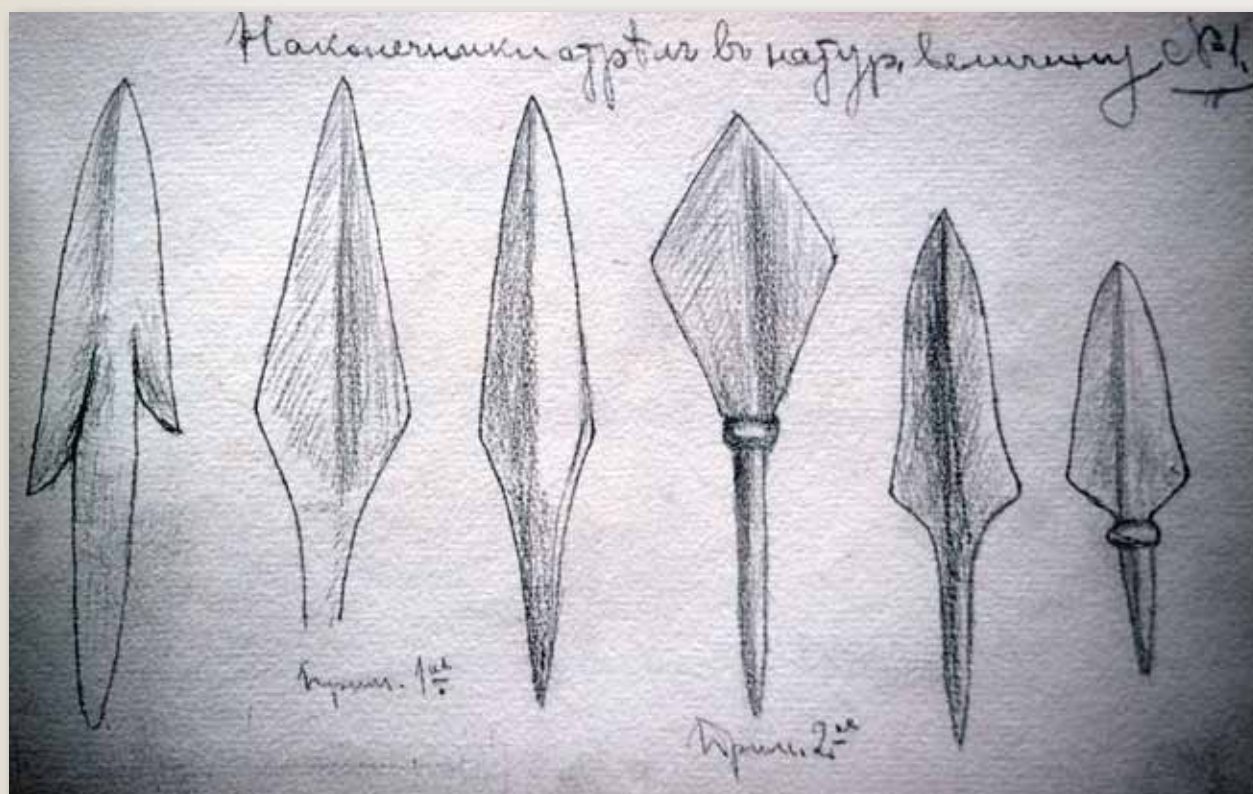

Рис. 22. Наконечники стрел в натур[альную] величину. Вероятно, рисунок выполнен в юртах Кинтусовских

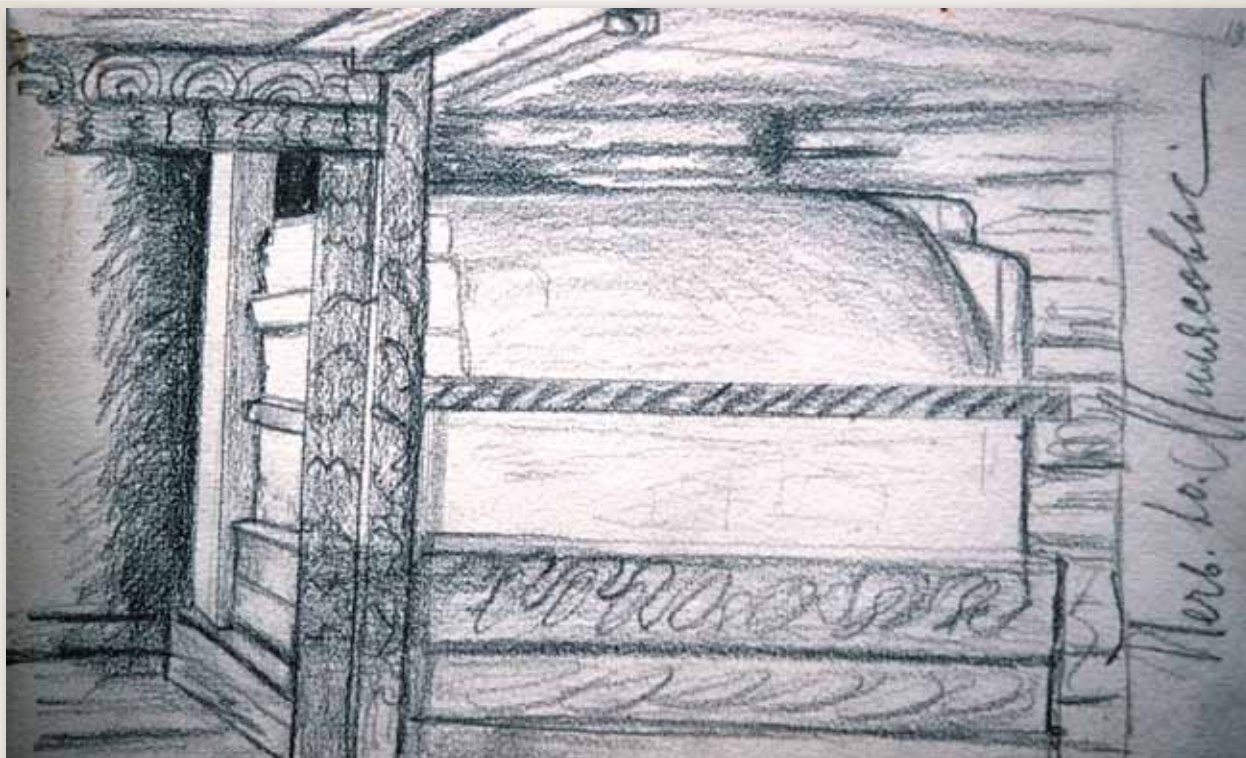

Рис. 23. Печь. Ю[рты] Милясовы. В юрты Милясовы экспедиция прибыла 31 июля.
На рисунке – деталь интерьера жилого дома – подовая печь

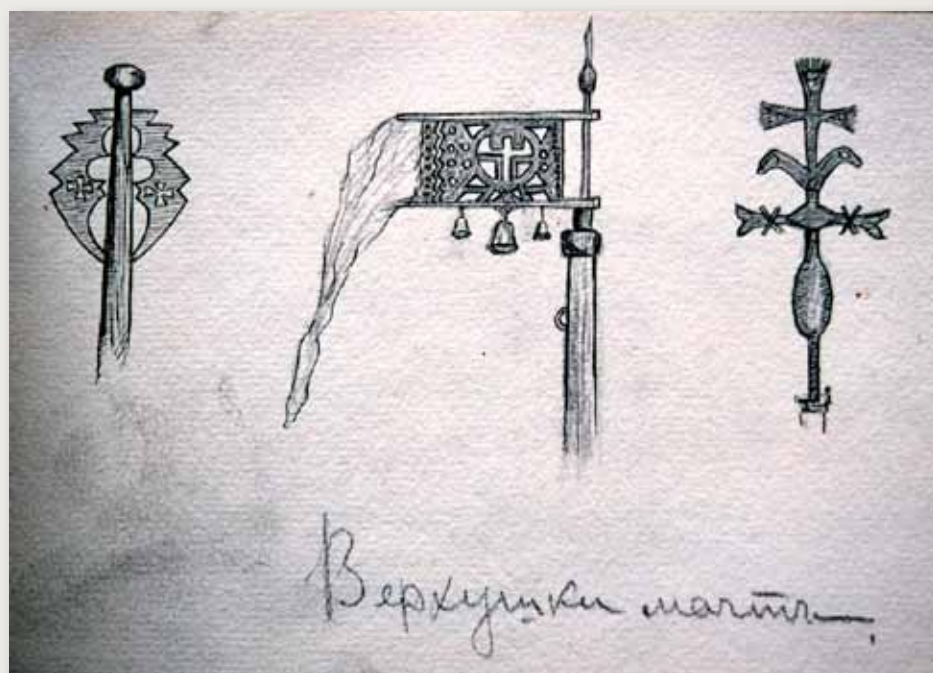

Рис. 24. Верхушки мачт. Такие верхушки мачт дощатых лодок – каюков назывались «сорочки», в таком количестве они могли быть в юртах Сивохребтских, в которые экспедиция прибыла на обратном пути 11 августа

Рис. 25. Ю[рты] Сивохребтские. Рисунок лабаза с коньком на охлупне

Рис. 1. Юр. Кинтусовы, р. Салымъ. Избушка „тонховъ“.

Краткое сообщеніе объ экскурсіи на рѣку Салымъ, Сургутскаго уѣзда.

Задачей организованной Тобольскимъ Губернскимъ Музеемъ въ текущемъ году экскурсіи было собираніе возможно полнаго матеріала для описанія рѣки Салыма, лѣваго притока Оби, природы и обитателей данной мѣстности. Кромѣ того, приходилось имѣть въ виду удовлетвореніе требованій учрежденій, субсидировавшихъ экскурсію, а именно: Ботаническаго Музея Императорской Академіи Наукъ, Императорскаго Географическаго Общества и Музея Императора Александра III. Поставленную экскурсіей задачу удалось выполнить лишь отчасти. Произошло это отъ ряда причинъ, начиная съ уменьшеннаго количества участниковъ экскурсіи, такъ какъ преднамѣченный руководитель ея, консерваторъ Музея В. Н. Пигнатти, по болѣзни не могъ выѣхать изъ города. Далѣе, оказался недостатокъ въ нѣкоторыхъ приборахъ и инструментахъ, а главное—недостатокъ времени. Послѣднее обстоятельство было особенно ощутительно благодаря дурной погодѣ во вторую половину экскурсіи, что отражалось какъ на темпѣ работъ, такъ и на количествѣ сборовъ. Съ другой стороны слѣдуетъ сказать, что во время экскурсіи были собраны свѣдѣнія и сдѣланы пріобрѣтенія по культу и по археологіи такія, на которыя при подготовкѣ экскурсіи никто и не рассчитывалъ.

Въ составъ экскурсіи вошли: членъ Музея Л. Р. Шульцъ, студентъ-естественникъ Б. Н. Городковъ, художникъ Г. И. Лебедевъ. Кромѣ того, при экскурсіи состояли проводникъ и

3 человека постоянных рабочих. Распредѣлялись между ними работы такъ, что Л. Р. Шульцъ, кромѣ общаго руководства экскурсіей, производилъ геодезическія работы (приблизительно 400 верстъ инструментальной съемки, профиля и проч.), этнографическіе сборы (314 №№) и записи, а также описаніе рѣки. Второй экскурсантъ Б. Н. Городковъ собралъ гербарій Салымской флоры (718 листовъ), взялъ 12 почвенныхъ образцовъ приборомъ Ризположенскаго, 8 пропилловъ типичныхъ деревьевъ, дѣлалъ промѣры глубинъ рѣки и озера Кинтусовскаго и велъ записи для ботанико-географическаго описанія пройденнаго пути. Г. И. Лебедевъ сдѣлалъ около 200 фотографическихъ снимковъ и нѣкоторые эскизы. Всѣ экскурсанты дѣлали сборы зоологическаго матеріала насколько это являлось возможнымъ, въ частности сборы по энтомологіи, и заполняли статистическимъ матеріаломъ заранѣе заготовленные по извѣстной формѣ карточки.

21-го іюня послѣ довольно продолжительныхъ сборовъ участники экскурсіи тронулись въ путь на пароходѣ „Иванъ Игнатовъ“ и прибыли 23-го въ деревню Зенькову. Тамъ ихъ ждалъ уже законтрактованный раньше паровой катеръ „Сибирякъ“ и каюкъ, которые, какъ потомъ оказалось, оба заставляли желать многого... Съ каюкомъ на буксирѣ рано утромъ 24-го отвалили и пошли сперва Неулевой протокой, Обью до Глазкова песка и наконецъ протокой Большой Салымъ, или Салымская Обь, до перваго ночлега, дѣлая не больше 4-хъ верстъ въ часъ. Пройденный путь, даже при нынѣшнемъ небольшомъ разливѣ рѣки, велъ по лабиринту изъ затопленныхъ соровъ, протокъ и пряницъ, гдѣ часто, кромѣ тала и воды, ничего не было видно.

По Большому Салыму попадались изрѣдка строенія рыболовныхъ песковъ, отчасти уже населенныя. Такъ какъ мѣсто ночевки было уже недалеко отъ впаденія Салыма въ Большой Салымъ, то мы, пройдя рано мимо юртъ Лѣтне-Сивохребскихъ, къ полудню пришли къ юр. Сивохребскимъ, гдѣ насъ, по старому остяцкому обычаю, встрѣтили ружейной пальбой. Кстати надо замѣтить, что названіе „Большой Салымъ“, дан-

ное на картѣ, приложенной къ „Сѣверу Тобольской губерніи“ А. А. Дунинъ-Горкавича, и рѣкѣ, впадающей въ одноименную протоку, къ ней никѣмъ изъ мѣстныхъ жителей не примѣняется. Обскіе остяки зовутъ рѣку „Сѣдомъ“, мѣстные „Іега“ или „Энтъ-іега“, т. е. рѣка, большая рѣка; русскіе же зовутъ Салымомъ, безъ прилагательнаго.

Изъ десяти домохозяевъ юр. Сивохребскихъ нынѣ только двое выѣзжаютъ ежегодно въ лѣтнія юрты, остальные довольствуются зимними; раньше же всѣ имѣли по два жилища. Дома въ зимнихъ юртахъ въ общемъ немногимъ хуже строеній прииртышскихъ крестьянъ средней зажиточности. Оригинальны на старыхъ домахъ и амбарахъ коньки, выдолбленные изъ цѣльнаго еловаго или кедроваго бревна съ корнемъ, причемъ изъ послѣдняго вырѣзана въ юр. Сивохребскихъ конская голова, въ другихъ же юртахъ то тетеревъ, то лебедь, мало, впрочемъ, различные на видъ между собой. Другой интересный видъ построекъ—овечьи хлѣва изъ косо поставленныхъ жердей и кольевъ, покрытыхъ землею; это, повидимому—единственный остатокъ древней общей урало-алтайской архитектуры, если не считать амбаровъ на ножкахъ, каковыя одинаково свойственны татарамъ, зырянамъ, вогуламъ и остякамъ. Хлѣбныя печи на дворѣ безъ дымохода, съ обратнымъ пламенемъ, ничѣмъ не отличаются отъ такихъ же татарскихъ. Въ зимнихъ юртахъ, въ домахъ чувалы почти вездѣ замѣнены русскими печами, кирпичъ для которыхъ остяки дѣлаютъ сами. Интересны запасы дровъ, поставленные не около домовъ, не въ видѣ полѣнницы, но въ родѣ остова чума изъ жердей и сутунковъ. Тутъ же можно видѣть старыя и запасныя дупла изъ обрубковъ дерева; ихъ вѣшаютъ около воды на ветлахъ и другихъ деревьяхъ съ цѣлью промысла, такъ какъ нѣкоторыя породы утокъ кладутся на высотѣ, охотно пользуясь упомянутыми дуплами.

Обогатившись свѣдѣніями и нѣкоторыми этнографическими покупками, мы двинулись дальше, захвативъ лоцмана, такъ какъ предстояло пройти по Салымскому сору, который хотя и былъ затопленъ водой, но не настолько глубоко, чтобы

позволить идти через яръ напрямикъ. Соръ—шириною до 6-ти верстъ, а длина его стоитъ въ зависимости отъ высоты разлива; въ большую воду онъ, сливаясь съ Лемпинскимъ соромъ, образуетъ громадное водное пространство. Переночевавъ у мыса Каскыръ-ван-тингъ, мы пришли 26-го къ юр. Лѣтне-Лемпинскимъ. Всѣ юрты состоятъ изъ нѣсколькихъ амбаровъ и навѣсовъ, въ которыхъ, поставивъ полога, и живутъ все лѣто. Двѣ печи и вмазанный котелъ, тоже отдѣльно стоящій, даютъ возможность печь и варить; послѣднее, впрочемъ, дѣлаютъ чаще въ котелкахъ, повѣшенныхъ на треногу изъ связанныхъ ремнемъ жердей. Здѣсь около юртъ и выше встрѣтили мы много каюковъ, въ которыхъ остяки изъ выше лежащихъ юртъ отправлялись на рыбный промыселъ. Каюки довольно недурной работы, обычно, крытые берестю и всѣ съ мачтой, какъ для подъема простого паруса, такъ и, главнымъ образомъ, для прикрѣпленія бечевы; на вершинахъ мачтъ встрѣчаются иногда затѣйливыя украшенія и флюгера. Недалеко отъ юртъ—протока Торгить-посеть; ее преграждаютъ запоромъ, около котораго, главнымъ образомъ, и неводятъ. Слѣдующія юрты, и въ другое время малолюдныя, во время нашего проѣзда были совсѣмъ пусты. Всю свою семью, собакъ и овецъ, если послѣднія есть, остяки берутъ съ собой на каюки, лошадей отпускаютъ на все лѣто, а коровъ выше Лемпинскихъ юртъ нѣтъ ни одной. Не останавливаясь, прошли мы юрты Рымовы, Варламкины, Старомірскія и Сулины; изъ нихъ только Старомірскія видны съ рѣки. Характеръ Салыма послѣ юр. Лемпинскихъ рѣзко мѣняется: рѣка значительно уже и течетъ въ трубѣ. Выше Рымовыхъ становится замѣтно теченіе, до этого мѣста задержанное напоромъ воды изъ Оби. Во время нашего проѣзда въ низовьяхъ вода еще прибывала, здѣсь же убывала выше, чѣмъ на 2 аршина. Заливные луга съ группами тальниковъ и рѣдкими березами постепенно смѣнились лѣсомъ, оставляющимъ для тальника и осоки только узкую полосу около самой рѣки. Характерной особенностью средняго теченія Салыма являются правильно чередующіеся на каждомъ поворотѣ пески,—

обычно, чисто бѣлаго цвѣта,—придающіе своеобразную красоту ландшафту.

Постепенно нарастая, пески образуютъ ряды параллельныхъ гривъ, покрытыхъ, въ зависимости отъ своей высоты, тальникомъ, лиственнымъ или хвойнымъ лѣсомъ: это и есть первая терраса Салыма. Вторая терраса мѣстами подходитъ въ видѣ яровъ разной высоты къ рѣкѣ и сплошь покрыта лѣсомъ. Рѣка, совершенно еще не установившаяся, нагромождая осадки, дѣлаетъ самые неожиданные повороты, сплошь и рядомъ удлинняя свой путь; вѣроятно, по той же причинѣ она, не смотря на доминирующее направленіе по меридіану, подмываетъ вопреки закону Бэра одинаково оба берега.

Еще близъ юр. Сулиныхъ намъ встрѣтился остякъ юр. Милясовыхъ; онъ съ нами дошелъ до юртъ и принялъ на храненіе половину нашихъ запасовъ. Черезъ 2 дня, не дойдя немного до юр. Аламиныхъ, мы отпустили паровой катеръ, такъ какъ, во-первыхъ, онъ шелъ очень медленно, не оправдывая суточной стоимости, а во-вторыхъ, въ рѣкѣ до сихъ поръ чистой, стали встрѣчаться переборы съ лѣсомъ и отдѣльные карчи. Идя бечевой, мы, какъ оказалось, потеряли очень немного въ скорости.

Еще около юртъ Лемпиныхъ замѣтенъ былъ дымъ отъ лѣсного пожара, здѣсь же онъ сдѣлался настолько густымъ, что мѣшалъ фотографіи. Вскорѣ прошли и мимо мѣста пожара. Берега здѣсь вообще выше, а не доходя до мѣста бывшихъ юртъ Тимиковыхъ встрѣчаются два такъ называемые чугаса высотой до 20 сажень. Первый изъ нихъ *pérít-vos-gar* —обиталище земляныхъ духовъ и, вѣроятно, ихъ остяки желаютъ умиловитъ стрѣльбою, когда проѣзжаютъ мимо чугаса первый разъ послѣ женитьбы или рожденія ребенка —обычай, до сихъ поръ свято соблюдаемый. Съ другимъ чугасомъ связано преданіе о лисицѣ, хитростью заставившей лося свалиться подъ яръ и разбиться.

Юрты Тимиковскія вымерли сравнительно недавно; еще стоятъ два полуразрушенныхъ амбара послѣдняго жителя ихъ. Отсюда ведетъ пѣшая тропа къ юр. Кинтусовскимъ на рѣкѣ

Вандрасъ. Тропою до юртъ—версть 9, кругомъ же по Салыму и Вандрасу, противъ воды, дня полтора ходу; поэтому экскурсанты, отправивъ каюкъ впередъ, пошли подъ вечеръ тропой, съ расчетомъ притти къ ночи въ Кинтусовскія юрты. Сперва хорошо замѣтная тропинка скоро теряется въ ряновомъ болотѣ на лывѣ. Вслѣдствіе этого экскурсанта́мъ, послѣ безплодныхъ поисковъ дороги, пришлось выходить на Вандрасъ по компасу, а затѣмъ по рѣчкѣ спуститься на встрѣчу каюку, такъ какъ рѣчка оказалась настолько мелкой, что подъемъ каюка по ней былъ невозможенъ. Здѣсь мы имѣли случай убѣдиться въ незначительности сухой прибрежной полосы Вандраса въ этой части его. Посѣщеніе юр. Кинтусовыхъ было отложено до обратнаго пути.

4-го іюля вечеромъ остановились у начала Салыма, который получаетъ свое названіе начиная съ мѣста сліянія Торсана и Малаго Салыма (Ай-содома). Несмотря на то, что берега какъ Торсана, такъ и Салыма, здѣсь достигаютъ высоты 4 сажень надъ малымъ горизонтомъ, ихъ въ большую воду топитъ, такъ что тогда образуется громадное водное пространство, предѣлы котораго трудно установить.

Уже съ перваго плеса Торсана берега мѣняются, начинаются заливные луга, напоминающіе нѣсколько низовья Салыма. Кстати будетъ сказать, что разстоянія на Салымѣ измѣряются лѣтомъ „плесами“ и песками. Два песка, расположенныхъ на разныхъ берегахъ, составляютъ плесо; если же они на одномъ берегу, то считаются за одинъ песокъ. Зимой дорога измѣряется остяцкими верстами „ätenъ“—старинной мѣрой, которая сохранилась только здѣсь и въ верховьяхъ Демьянки; равняется она приблизительно 5-ти русскимъ верстамъ. Въ употребленіи еще мѣра на „титъ“, т. е. ручныя (или такъ наз. у русскихъ „маховыя“) сажени, въ отличіе отъ которыхъ трехаршинную сажень называютъ „хопъ-титъ“, т. е. царская сажень.

Торсанъ—крайне извилистая рѣка, неширокая—отъ 10—15 сажень, и течетъ почти все время среди заливныхъ луговъ, изрѣдка прерываемыхъ островками хвойнаго лѣса, часто го-

рѣлаго. Несмотря на свою незначительность, Торсанъ богатъ рыбой, особенно щукой, которую мы добывали мимоходомъ „дорожками“; это—обычный у остяковъ способъ достать себѣ варево въ дорогѣ. Вечеромъ 6-го мы подошли къ истоку малаго Соровскаго сора, который оказался настолько мелкимъ, что пришлось оставить каюкъ и отправиться въ юр. Соровскія на найденной тутъ же осиноvkѣ. Юрты расположены на юго-западномъ концѣ большого сора, соединеннаго съ малымъ перешейкомъ, верстахъ въ 3-хъ отъ истока Торсана; вокругъ юртъ—сосновый боръ, по которому идетъ тропа въ 100 сажень къ пристани. Судя по отзывамъ остяковъ, обыкновенно, какъ по Торсану, такъ и по сору, возможно пройти съ осадкою около 1½—2 аршинъ во всякое время года; нынѣшній же годъ—небывалое мелководье. Впрочемъ, остякамъ чаще приходится страдать отъ излишка воды. Такъ, въ 1908 и 1909 годахъ все лѣто и осень луга были затоплены такъ, что негдѣ было ставить сѣно и пришлось зарѣзать большую часть скота.

Отъ юр. Соровыхъ, какъ крайняго пункта экскурсіи, начата была съемка пройденнаго пути.

Соровскіе остяки производятъ хорошее впечатлѣніе. Въ жилищахъ у нихъ относительно чисто, во всѣхъ трехъ обитаемыхъ домахъ—чистая половина съ русской печкой и передняя съ чуваломъ. Здѣсь пришлось видѣть какъ пляску женщинъ, такъ и рядъ мужскихъ плясокъ-пантомимъ, исполняемыхъ въ честь медвѣдя. Употребительные здѣсь музыкальные инструменты—„лебедь“ и „тарнобой“; послѣдній, повидимому, болѣе древняго происхожденія, судя по его болѣе примитивному устройству, а также и по тому, что для аккомпанимента къ несомнѣнно очень стариннымъ медвѣжьимъ пѣснямъ берется всегда онъ. Скоро мы познакомились съ остяками настолько, что они показали намъ мѣстныхъ боговъ—„тонховъ“. Ихъ—два: оба изображаютъ всадниковъ на небольшихъ пластинкахъ бѣлой бронзы и, очевидно, являются давно сдѣланными археологическими находками: остяки считаютъ, что они упали съ неба. Какъ большинство божествъ южныхъ остяковъ, они являют-

ся не фетишами, но считаются имѣющими божественную силу изображеніями древнихъ героевъ. Почти каждое мѣсто древняго до-остяцкаго селенія имѣетъ своего тонха, и въ то время, какъ память о міровыхъ божествахъ остяковъ постепенно исчезаетъ, культъ мѣстныхъ божествъ отличается живучестью наравнѣ съ культомъ медвѣдя. Соровскіе „Вальтавенъ-хуръ“ и „Водъ-ике“ почитаются только ближайшими остяками, другіе же, какъ Кинтусовскій Іемингъ-тувъ-ике, извѣстны на большое разстояніе. Недалеко отъ юртъ, въ лѣсу около рѣчки лежитъ большой камень около $\frac{3}{4}$ аршинъ высоты; это—„кѣвъ-ике“, каменный старикъ,—по преданію, остякъ, превращенный въ камень за то, что онъ увидѣлъ своего тестя, купающагося въ рѣчкѣ.

Сдѣлавъ рядъ снимковъ, записей и этнографическихъ пріобрѣтеній, въ числѣ коихъ былъ хорошій ткацкій станокъ для крапивнаго холста,—мы 11-го двинулись въ обратный путь. Впереди шелъ каюкъ съ двумя экскурсантами, а Л. Р. Шульцъ съ двумя рабочими, изъ которыхъ одинъ былъ остякъ, и съ двумя лодками-осиновками оставались назади для съемки. Принятый способъ съемки оказался удобнымъ по дешевизнѣ и производительности. Одинъ рабочій оставался съ рейкой и лодкой на указанномъ мѣстѣ, пока другой довозилъ съемщика до мѣста стоянки инструмента; въ то время, какъ съемщикъ устанавливалъ инструментъ и бралъ разстояніе по дальномѣру и румбъ до первой рейки, второй успѣвалъ отъѣхать до мѣста установки второй рейки, а во время отсчета по ней и записи первый рабочій подѣзжалъ къ съемщику и т. д.

13-го вечеромъ пришли въ юрты Кинтусовы, оставивъ каюкъ на устьѣ Вандраса и поднявшись въ обласахъ. Юрты расположены на высокоомъ лѣвомъ берегу Вандраса, который, несмотря на его болѣе, чѣмъ пятисаженную высоту, иногда топить водою, хотя и не весь. Еще со времени поѣздки покойнаго д-ра Янко было извѣстно, что около озера Іемингъ-тувъ, верстахъ въ трехъ отъ юртъ, находятся остатки городища Ag-jah-vos, или какъ русскіе его зовутъ, „Чудского го-

родка“. Туда мы на другой день и отправились, по пути зашли къ большому тонху Іемингъ-тувъ-ике. Въ глухомъ лѣсу низенькій амбаръ съ небольшою квадратною дверью, на косячкахъ которой вырѣзаны лица стражей тонха. Въ полутьмѣ виднѣется самъ тонхъ съ лицомъ изъ бѣлой жести, въ большой войлочной шляпѣ-гречневикѣ; рядомъ съ нимъ и передъ нимъ другіе тонхи поменьше, самые малые изъ нихъ изображаютъ женъ его; рты у всѣхъ обильно смазаны кровью и жиромъ. Такъ и вспоминается Григорій Новицкій и его „Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ“; только вмѣсто червленнаго сукна и чернобурыхъ лисицъ нынѣшнему тонху приходится довольствоваться бѣлками и ситцемъ. Черезъ каждые 7 лѣтъ деревянныя фигуры тонховъ замѣняются новыми, которыхъ вытесываютъ изъ кедровъ особой священной рощи на восточномъ берегу озера Іемингъ-тувъ. Тѣ изображенія, которыя замѣнены новыми, складываютъ недалеко отъ амбара, лицомъ внизъ въ общую кучу. Изъ нихъ намъ были подарены тѣ, которыя мы привезли сюда въ Музей; но для полученія такого подарка намъ пришлось предварительно сдѣлать приличное главному тонху приношеніе, чтобы не разсердить его. Водку и брагу поставили на короткое время передъ тонхами на специально для этого имѣющуюся скамью, а затѣмъ, поклонившись, выпили то и другое; брагой, кромѣ того, обрызгали амбаръ и березы вокругъ него. Деньги, которыя мы положили на тарелку, гдѣ уже лежали другія, почти исключительно мѣдныя, тоже пойдутъ на покупку водки. Жертвы бываютъ двухъ родовъ „рог“ и „jig“; первыя состоятъ изъ водки, браги, ситца и могутъ быть приносимы каждымъ; вторыя состоятъ изъ животныхъ, которыхъ для полной жертвы полагается 7; ихъ приносятъ только хозяева тонха, въ данномъ случаѣ члены двухъ семействъ Борисовыхъ. Они считаютъ себя и почитаются другими за потомковъ тонха. Такіе потомки богатырей-боговъ называются „var-rix-jax“, и интересно, что до сихъ поръ между ними и самоѣдами и казымцами (носящими здѣсь общее названіе jogi-jax) существуетъ преемственная вражда; послѣдніе, встрѣ-

чаясь съ остяками, всегда будто бы справляются о томъ, нѣтъ ли среди нихъ ваг-рих-ях'овъ, чтобы имъ отомстить за подвиги ихъ божественныхъ предковъ, нѣкогда истреблявшихъ самоѣдовъ. Что въ Кинтусовскихъ юртахъ семьи Борисовыхъ коренныя, подтвержденіе этому можно найти при внимательномъ осмотрѣ юртъ: ихъ дома расположены какъ разъ въ томъ мѣстѣ, до котораго вода и въ самые большіе разливы не доходитъ, чего нельзя сказать про другіе дома, а это—характерная и общая всѣмъ до-остяцкимъ поселеніямъ черта. Своеобразной жертвой является еще слѣдующая: игрушечные луки и веретена привѣшены къ потолку амбара; луки приносятся въ случаѣ рожденія мальчика, веретена—дѣвочки.

Жестяное лицо и шляпа (раньше ихъ было 7) переходятъ отъ стараго тонха къ новому, а также и другіе атрибуты, которые очень интересны. Это, во-первыхъ, желѣзный мечъ съ раздвоенной рукояткой, своей формой онъ напоминаетъ древне-скандинавскіе мечи; во-вторыхъ,—боевой топоръ, формы близкой къ цельту; далѣе,—малый, но очень массивный ножъ, служившій, по преданію, для скальпированія враговъ и, наконецъ, бердышъ очень похожій на имѣющійся здѣсь въ Музеѣ татарскій; ему приписываютъ особое свойство: когда рыба плохо подымается изъ Оби въ Салымъ, его привязываютъ къ корму одного изъ каюковъ, и стоитъ каюку вернуться въ Салымъ, чтобы рыба пошла вслѣдъ за нимъ.

На другой день намъ пришлось познакомиться съ другимъ тонхомъ (рис. 1), у котораго опять другіе хозяева. Помѣщается онъ почти въ такомъ же амбарѣ (рис. 2), какъ большой тонхъ, но имѣетъ своими ассистентами, вмѣсто братьевъ и женъ, „рube“ и „ai-rube“. Знатокъ культа угорцевъ Н. Л. Гондатти переводитъ „рube“ — „идолъ“, „божокъ“, но на Салымѣ первое названіе исключительно присвоено медвѣдю, а второе—змѣѣ. И тутъ намъ удалось получить выслужившихъ срокъ тонха, змѣю и медвѣдя.

Недалеко отъ большого тонха кедровая роща (рис. 3) на берегу озера Іемингъ-тувъ; въ ней мы увидѣли трехъ тонховъ Чагырскаго сора. Озеро—около юр. Цингинскихъ, откуда

Рис. 1. Юр. Кинтусовы. р. Салымъ. Избушка „тонховъ“.

Рис. 2. Юр. Кинтусовы, р. Салымъ. „Тонхи“.

Рис. 3. Юр. Кинтусовы, р. Салымъ.
Священная кедровая роща.

за 60 верстъ прїѣзжаютъ сюда, чтобы тесать изображенія изъ священныхъ кедровъ. Здѣсь лежатъ головой къ озеру, какъ бы охраняя его, изображенія налима, мамонта и юра, т. е. какого-то водяного чудища. Какъ роща, такъ и берегъ озера до городка Ag-jah-vos священны, и женщинамъ ходить туда запрещено подъ опасеніемъ болѣзни и несчастій, посылаемыхъ тонхомъ.

Озеро Іемингъ-тувъ почти круглое, имѣетъ около 4-хъ верстъ въ окружности и очень глубокое; промѣръ въ самую малую воду далъ 12½ сажень глубины, поэтому оно никогда не „горитъ“. Кромѣ всякой другой рыбы, въ немъ водится сырокъ, нѣсколько болѣе темной окраски, чѣмъ обской; добываютъ его неводами. Налима здѣсь не ловятъ, хотя онъ и есть; считаютъ его священнымъ.

На восточномъ берегу, довольно высокою, расположено городище Ag-jah-vos. Съ трехъ сторонъ оно окружено ясно различимымъ рвомъ и валомъ, нѣсколько хуже сохранившимся; съ четвертой стороны оно сильно подмыто валами озера, здѣсь на приплескѣ находятъ черепки посуды, кости, металлическія вещи и т. п., особенно въ годы большихъ водъ. На городищѣ видны слѣды раскопокъ д-ра Янко и русскихъ рыбаковъ, промышлявшихъ на озерѣ. Не имѣя возможности дѣлать правильныхъ раскопокъ, мы все же сдѣлали рекогносцировку по старымъ, при чемъ были найдены нѣкоторыя интересныя вещицы. Въ числѣ другихъ, если не ошибаюсь, впервые были найдены цѣльные гончарные сосуды до-остяцкаго происхожденія; есть и металлическія вещи и оружіе, первыя часто тождественны съ Обскими находками.

Мѣсто между озеромъ и юртами изъ всѣхъ видѣнныхъ нами наиболѣе пригодно для опытовъ хлѣбопашества. Гарь съ не очень густымъ березовымъ лѣсомъ лѣтъ около 40—50, никогда не затопляемая, была бы пригодна для расчистки. Раньше тутъ успѣшно занимались огородничествомъ, но со смертью русской женщины, начавшей его, оно заброшено. Лѣсные пожары, начавшіеся еще въ юр. Соровыхъ, сильно тревожили остяковъ, а здѣсь они подошли настолько близко,

что жители стали обдумывать, какъ бы спасти хоть имущество; на счастье ихъ два дня подрядъ пошли сильные дожди, нѣсколько удержавшіе огонь.

16-го іюля былъ иней, по словамъ остяковъ, въ 6 часовъ утра; мы его уже не видѣли. Послѣ самыхъ сердечныхъ проводовъ съ нескончаемой пальбой, мы 21-го двинулись внизъ по Вандрасу цѣлой флотиліей обласовъ, такъ какъ насъ до устья еще провожали остяки и помогали въ доставкѣ вещей; я сзади дѣлалъ связки съемки Іемингъ-тувъ съ Салымской. Вандрасъ все время течетъ въ высокихъ съ обѣихъ сторонъ берегахъ, покрытыхъ снизу осокой, а наверху лѣсомъ. Попадаютъ небольшіе кедровники.

22-го мы подошли къ яру, верстахъ въ 4-хъ отъ бывшихъ юртъ Тимиковскихъ; здѣсь недалеко отъ рѣки среди рямового болота лѣсной островъ, кончающійся довольно высокимъ мысомъ; на немъ — городище *Nugom-vos*.

По преданію, тутъ жилъ Кинтусовскій тонхъ съ 2-мя братьями. Городище довольно хорошо сохранилось. Съ юго-западной стороны прокопанъ довольно глубокій ровъ, отдѣляющій мысъ отъ остального острова; укрѣпленіемъ другихъ сторонъ служатъ откосы мыса, увѣнчанные валомъ ясно замѣтнымъ. Обычные спутники бывшего остяцкаго и до-остяцкаго жилья *Urtica dioica* и *Lamium album* попадаютъ здѣсь, какъ и на *Ar-jax-vos*. Двѣ проложенныя черезъ все городище траншеи обнаружили только уголь и слѣды костей.

За валомъ, на юго-западѣ отъ городища, на берегахъ развѣшены куски ситца, и стоитъ примитивно сдѣланный столикъ; это *jir-karге*, мѣсто жертвоприношеній Кинтусовскихъ и Аламинскихъ остяковъ. Между прочимъ здѣшніе остяки рѣжутъ жертвенному животному шею; въ этомъ, повидимому, сказывается татарское вліяніе, потому что, по старому обряду, его надо удушить и умертвить, проколовъ сердце острымъ коломъ; такъ до сихъ поръ и поступаютъ юганскіе остяки. При почти ежедневномъ дождѣ дошли мы 29 іюля до рѣки Харымской, недалеко отъ мѣста бывшихъ юртъ того же имени. Здѣсь довольно ощутительно далъ себя знать недоста-

токъ запаса, такъ какъ первая половина пути затянулась, а добыть, кромѣ смородины, неимоვნно изобильной и крупной, ничего не приходилось. Выручила встрѣча съ остякомъ изъ Нарымскаго края, вѣрнѣе, съ остякомъ-самоѣдомъ, такъ какъ онъ не понималъ ни сургутскихъ ни васьюганскихъ остяковъ. У него мы разжились хлѣбомъ, для печенія котораго онъ остановился у печи, устроенной въ лѣсу на берегу рѣки. Видно, что охота на Салымѣ, несмотря на сильное уменьшеніе числа звѣрей, все еще является приманкой и для охотниковъ. Насколько, впрочемъ, такой охотникъ-звѣроловъ подвиженъ, видно хотя бы изъ того, что онъ съ отцомъ, древнимъ уже старикомъ, охотился отъ Енисея до Верхотурскаго уѣзда, заходя на Васьюганъ, Уй, Туртасъ, Конду и другія рѣки, при чемъ я случайно имѣлъ возможность контролировать его рассказъ о своихъ походахъ.

31-го вечеромъ добрались благополучно до юр. Милясовыхъ и своихъ запасовъ. Послѣ двухъ дней остановки, употребленныхъ на фотографическіе снимки остяковъ Милясовскихъ юртъ и другихъ, возвращающихся съ рыбнаго промысла на Оби, на покупку вещей и просушку инвентаря и коллекцій, мы двинулись въ путь, чтобы въ первый же день снова попасть подъ дождь.

4-го августа мы пришли въ юр. Сулины, небольшія, но красиво расположенныя. Здѣсь у одного остяка пришлось видѣть рѣдкое сочетаніе—остяцкій лебедь и грамфонъ рядомъ. Мало задерживаясь въ юр. Старомірскихъ и Варламкиныхъ, мы пришли 6-го въ юр. Рымовы; онѣ лежатъ на старицѣ, бывшей еще на памяти нынѣшняго поколѣнія Салымомъ. Дома здѣсь поражали своей чистотой: во всѣхъ чисто скобленные полы, стѣны и лавки; непріятенъ только запахъ сушившейся на воздухѣ рыбы и проквашенныхъ рыбьихъ внутренностей для полученія жира.

Также на старицѣ расположены юр. З.-Лемпины, куда мы пришли 7-го августа. Тамъ мы застали почти все населеніе дома, такъ какъ начинали косить. Косятъ, какъ и вездѣ по Салыму, почти исключительно горбушками,—косы-литовки имѣ-

ются у немногихъ, и ими пользуются только тамъ, гдѣ трава не особенно густа и не жестка. Подъ горбушей трава не ложится валами, но разбрасывается по всему пространству покоса; этимъ ускоряется просушка, для той же цѣли сѣно складываютъ не копнами, а узкой стѣной около нарочно вбитыхъ на покосѣ кольевъ. Осоку сгребаютъ вилами, мелкую траву граблями. Даже тѣ хозяева, у которыхъ нѣтъ вовсе скота,—а такихъ много,—ставятъ сколько-нибудь сѣна для ямщиковъ, которые зимою прѣзжаютъ сюда за рыбой; имъ отдаютъ сѣно даромъ, или, вѣрнѣе, за угощеніе водкой.

Въ Лемпиныхъ удалось видѣть медвѣжью пляску въ берестяныхъ маскахъ, которыя здѣсь надѣваются на голову, а не передъ лицомъ, какъ, напр., на Кондѣ. Одновременно была записана часть медвѣжьей пѣсни, къ сожалѣнію не полная, такъ какъ до предварительнаго вдохновенія водкой трудно заставить пѣть остяковъ, а одновременно съ этимъ быстро утрачивается способность къ отчетливой членораздѣльной рѣчи. Говорятъ въ Лемпиныхъ, какъ и въ другихъ юртахъ до Милясовыхъ включительно, на Салымскомъ нарѣчій, которое нѣсколько отличается отъ верхне-Салымскаго; послѣднее ближе къ верхне-Демьянскому. Юганскихъ и обскихъ остяковъ Салымскіе понимаютъ, но съ нѣкоторымъ трудомъ. Въ этихъ же юртахъ удалось пополнить коллекцію игрушекъ остяцкихъ дѣтей. Онѣ такъ же не затѣйливы, какъ и быть взрослыхъ остяковъ. Мальчики играютъ коньками и каюками, переходя позже къ самодѣльнымъ удочкамъ, лукамъ и стрѣламъ, подготавливаясь, такимъ образомъ, къ дѣятельности рыболова и охотника. У дѣвочекъ свои куклы, мальки, кузовки для сбора ягодъ и пр. Нѣкоторыя игрушки интересны, какъ пережитки старины: таковъ, напримѣръ, родъ волчка съ тетивой, напоминающій первобытный снарядъ для добыванія огня. Куклы напоминаютъ своимъ видомъ домашнихъ боговъ остяковъ.

10-го двинулись въ путь по Салымскому сору, превратившемуся къ этому времени въ громадный лугъ, среди котораго извилисто течетъ рѣка. У мыса Имъ-ваутингъ встрѣ-

тили часть Малосалымскихъ остяковъ около своихъ лѣтнихъ юртъ; до зимнихъ—около пяти дней ходу въ лодкѣ, и намъ поэтому пришлось отказаться отъ посѣщенія ихъ вслѣдствіе недостатка времени и запасовъ. Уже 11-го мы были въ юртахъ Сивохребскихъ, торопясь попасть во время къ отходу парохода на Обь. Въ юртахъ была закончена съемка рѣки. Полтора дня были употреблены на приведение въ порядокъ вещей, на покупки, фотографическіе снимки и статистику. Интересны были двѣ пляски: одна *jottem-tattit-jokte* изображаетъ наборку и починку невода, по-русски такъ и зовутъ ее „наборщикъ“; другая—пантомима. Для нея исполнитель превращаетъ свои двѣ ноги въ куклы съ руками изъ палокъ. Затѣмъ его приносятъ на носилкахъ на мѣсто пляски, гдѣ онъ подъ музыку лебедя заставляетъ плясать ноги—куклы; отсюда и его названіе *kur jokte*, т. е. пляска ногъ. А. И. Каннисто описываетъ точно такую же пляску у вогуловъ, но только тамъ она названа пляской дѣтей дьявола.

Послѣ небольшой задержки около Лѣтне-Сивохребскихъ юртъ мы поздно ночью пришли къ песку „Долгое плесо“ на Большомъ Салымѣ, а на другой день вышли на Обь около Глазкова песка, гдѣ остановились для фотографическихъ снимковъ рыбной ловли. До пристани Зеньковой добрались мы уже въ темнотѣ и на утро принялись за разгрузку каюка, внушавшаго не одинъ разъ опасенія за цѣлость матеріаловъ экскурсіи. Еще въ передній путь, идя съ бичевой, мы пробили дно о карчу, къ счастью, недалеко отъ берега, такъ что отдѣлались небольшой подмочкой запаса и задержкой для починки части днища, оказавшейся насквозь гнилой.

Здѣсь экскурсія собственно и закончилась, но такъ какъ этнографическіе сборы вещей, относящихся до одежды и украшеній, оказались бѣднѣе, чѣмъ предполагали, а онѣ нужны были, между прочимъ, для Музея Императора Александра III, то я рѣшилъ ихъ пополнить на Иртышѣ,—тѣмъ болѣе, что приходилось отдѣлится отъ товарищей по экскурсіи и остаться для расчета съ владѣльцемъ катера и каюка, проживающимъ въ юр. Нялиныхъ. По пути изъ Зеньковой въ

юр. Нялины я остановился въ деревнѣ Торопковой, чтобы имѣть возможность приобрѣсти археологическія находки съ могильника Leng-ponk, упоминаемаго С. К. Паткановымъ. Дѣйствительно, удалось приобрѣсти нѣкоторыя вещи, но Leng-ponk оказался почти совершенно смытымъ протокой Оби,---участь, которую онъ раздѣляетъ съ цѣлымъ рядомъ могильниковъ и городищъ неподалеку отъ него; я успѣлъ записать ихъ 6. Раскопки здѣсь болѣе, чѣмъ своевременны, такъ какъ все, что не пропадаетъ въ водѣ, растаскивается ребятами и взрослыми, ломается и теряется. Покончивъ расчеты на Оби, я отправился въ юр. Цингалинскія на Иртышѣ въ надеждѣ найти тамъ вышивки и бисерныя работы. Покупокъ пришлось сдѣлать сравнительно немного, зато удалось установить названія нѣкоторыхъ узоровъ, раньше неизвѣстныхъ.

Тутъ же пришлось мнѣ присутствовать при гаданіи. Остячка, предварительно поставивъ свѣчи у иконъ, которыя имѣются обязательно въ каждомъ домѣ, положила на столъ каравай хлѣба и сдѣлала на немъ 7 надрѣзовъ, приговаривая и упоминая Astanai—мѣстнаго духа, покровителя юртъ, —и другихъ героев остяцкихъ былинъ. Затѣмъ она съѣла мелкими кусочками три сушеныхъ мухомора, запивая каждый кусокъ глоткомъ воды; минуты черезъ 3—4 съ ней началась икота, переходящая въ рядъ выкликовъ и что-то вроде пѣсни. Слѣдуетъ сказать, что самоѣ остячку, хлѣбъ на столѣ и всѣхъ присутствующихъ окуривали предварительно горящей еловой корой; дѣлалъ это старикъ—остякъ, играющій въ юртахъ этихъ роль жреца или священника. Онъ же переводилъ мнѣ то, что говорила старуха, или, по мнѣнію остяковъ, духъ мухомора. Длилось это все около получаса, въ теченіе котораго и икота и пѣніе становились все тише и тише, и кончилось тѣмъ, что старуха, видимо, сильно утомленная, выпила водку, поклонившись опять въ сторону иконъ; то же сдѣлали всѣ присутствующіе остяки, попросили сдѣлать это и меня. Когда же я предварительно налилъ довольно сомнительной чистоты стаканъ и, пополоскавъ, вылилъ на землю черезъ окно, остяки это поняли по своему и начали благо-

дарить, что я вспомнилъ про „migime“, т. е. земляную старуху, которую они забыли угостить.

Осмотрѣвъ городище Тарак-вог со священными березами, у которыхъ, кромѣ остяковъ, и татары кладутъ приношенія, я отправился внизъ по Иртышу, гдѣ только въ юртахъ Чагинскихъ нашелъ еще кое-какія вещи, годныя для пріобрѣтенія,—и то, повидимому, послѣднія на Иртышѣ. Очень немного остяцкой старины остается въ другихъ юртахъ, и думается, что намъ необходимо позаботиться о пріобрѣтеніи этихъ остатковъ для русскихъ музеевъ, а въ особенности для Тобольскаго, не дожидаясь момента, когда такіе остатки исчезнутъ безслѣдно навсегда.

Л. Шульцъ.

ЗАПИСКИ

790
91(С18)2
3-32

Тюменского Общества
Научного Изучения
== Местного Края ==

Выпуск I-й.

1924 г.

Библиотека Тобольского
Гос. Музея ияв. № 14327

62

MITTEILUNGEN

50K

der wissenschaftlichen Gesellschaft
== für Heimatskunde in Tjumen ==

Lieferung I.

1924.

САЛЫМСКИЕ ОСТЯКИ

(из материалов к этнографии южных остяков).

Настоящий очерк результат двух поездок на реку Салым: одной сделанной по зимнему пути с реки Демьянки в верховья до урт Айдаровых, в 1909 году и другой, летней, по всему течению Салыма вверх от устья до истока и обратно, в 1911 г. Последняя поездка сделана по поручению и на средства Tobольского губернского Музея.

Кратковременность этих поездок, которые первоначально предполагалось дополнить третьей, не могла не отразиться на полноте очерка. Пишущий тем не менее решился издать его ввиду крайней скудности данных о салымских остяках в литературе; насколько известно, они сводятся к упоминанию нескольких отдельных сведений в следующих трудах: U. T. Sirelius «Die Handarbeiten der Ostjaken und Wogulen», его же «Über die Sperrfischerei bei den finnisch—ugrischen Völkern», его же «Muster der Ostjaken und Wogulen auf Birkenrinde und Fell», Dr Janko J. «Einnahmen und Ausgaben eines ostjakischen Haushaltes», его же «Über die Quadratstichstickerei bei den Ostjaken», С. Ю. Патканов «Материалы для изучения экономического быта крестьян и инородцев Tobольского округа», его же «Die Irtyschostjaken und ihre Volkspoesie», его же «Vocabularium dialecti ostjacorū regionis fluvii Irtysch», K. Karjalainen «Ostjakkeja oppimassa».

А. А. Дунин—Горкавич «Север Tobольской губернии.» Статьи в ежегоднике Tobольского губ. Музея: Б. Н. Городков «Поездка в Салымский край», со «списком растений, собранных на р. Салыме в 1911 году»; последние две статьи посвящены вышеупомянутой поездке в 1910 году, также как «краткое сообщение о поездке на р. Салым». Л. Р. Шульц.

Недостаток средств, к сожалению, не дает возможности иллюстрировать очерк и издания имеющейся съемки Салыма, а отсутствие обще—принятого для транскрипции Урало—Алтайских языков шрифта, принуждает к передаче остяцких имен русским алфавитом.

— 167 —

Наименование отдельных групп остяков по обитаемым ими рекам, принятое почти всеми исследователями не является случайным; реки в северной части Тобольского уезда, а также в Сургутском и Березовском являются почти единственными путями сообщения, по которым и расположены населенные пункты. Остяки, проживающие по отдельным рекам и их притокам, почти все говорят на общем наречии и живут в более или менее одинаковых бытовых условиях, отличаясь в то же время от жителей других речных бассейнов, часто смежных, но в то же время изолированных друг от друга, трудно проходимыми водоразделами. Остяки проживающие по Салыму в общем по своему наречию и по быту могут быть отнесены к так называемым «Иртышеским». Сюда кроме остяков обитателей Иртыша принадлежат жители реки Демьянки с ее притоками, р. Чиликанки, обитающие по Конде с притоками, по Согому, по низовью р. Назыма и по Оби, в пределах от устья Салыма до устья Иртыша.

Обширная территория, заселяемая салымскими остяками, или вернее занимаемая их промысловыми вотчинами, расположенная вдоль реки Салыма, приблизительно между $60^{\circ}-30'$ и $61^{\circ} 15'$ т. е; границами ее служат болота на водоразделе между Салымом и Иртышом Запада; между Салымом и Демьянской, вернее ее притоком Кеумом с Юга и такие же водоразделы между Салымом и Юганам, между средним течением Салыма и малым Балыком с Востока; на севере границей служит протока под названием Салымская Обь или Большой Салым. По весьма приблизительному подсчету площадь этой территории составляет от 10-до 12-ти тысяч квадратных верст; орошается или вернее осушается она рекой Салымом или ее притоками.

Река Салым, по остяцки „Содом“, берет свое начало из соровского сора и протекает в преимущественно меридиальном направлении к северу около 200 верст до своего впадения в обскую протоку под названием салымская Обь; считая же по всем многочисленным извилинам длина Салыма составляет около 360 верст. Название Салымом река получает начиная от места слияния с рекой Пи-Содом или Пайманковой малым салымом до этого места места она называется «Торсап». Салым летом и зимой не может быть назван многоводным; зато весенний подъем воды достигает громадной высоты, для сравнительно небольшой реки и мелкого рельефа местности: У устья Ай — содома и на Вандросе разность между меженным и высокими горизонтами достигнет 4-х сажен.

Во время такого подъема бассейн Салыма, большого Югана и Демьянки сливаются в одно непрерывное водное пространство, в котором более возвышенные места являются островами; встречаясь на востоке с разливом Васюга они образуют часть так называемого

Васюганского „моря“ с Демьянкой и посредством ее с Иртышем. Салым сообщается и не во время половодья через речку Челегута протекающую из озера (сора) чагирева из которого в свою очередь по рекам. Немечь и Кеум попадают в Демьянку. Главнейшие притоки Салымаслева: Вандрос, Пулу-яг и малый Салым (р. Савколина); притоки справа: река Вавликова (впадает в соровской сор). р. Пайманкова или малый Салым.

Крупных озер в присалымском краю мало, зато тем больше число староречий, часть которых успела обратиться в озера; те из них которые сообщаются с рекой во время под'ема воды остьяки зовут «уре» глухие же зовут «маге».

Зимой Салым наравне с большинством северных вод подвергается так называемому замору или горению.

Вода в это время темнеет, приобретает неприятный вкус и запах и становится непригодной для питья и для обитания в ней рыбы которая тогда массой собирается около ключей со свежей водой, так называемых живунов.

Замора не бывает в некоторых глубоководных озерах, как Кинитусовский сор и Чагирев сор; зато в них наблюдается другое явление: во время больших морозов когда лед достигает значительной толщины он сразу с шумом трескается, распадаясь на отдельные глыбы, как бы от взрыва.

Весь Салым протекает в зоне высокоствольных лесов: по характеру растительности берегов он может быть разделен на 3 части: в верхней части преобладают заливные луга, пригодные для покосов с разбросанными по ним группами хвойного и лиственного леса.¹⁾ Для средней части типичны правильно чередующиеся с ярами чисто промытые пески. Выше песков тянутся в несколько параллельных рядов гривы поросшие ближе к воде тальником, а выше лиственным и хвойным лесом. Хороших лесов по Салыму мало; чисто сосновые бора встречаются редко, главным образом по верхнему течению. По среднему течению встречаются довольно крупные кедровые леса, отчасти сохранившиеся от опустошительных пожаров 60 годов отчасти вновь появившиеся и вытеснившие березовый и осиновый лес, на местах старых гарей.

Из фауны Присалымья известны только те животные, которые имеют то или иное значение для промысла или хозяйства остяка; об остальных почти совершенно не имеется сведений, в особенности это надо сказать по отношению к энтомофауне.

Из млекопитающих наиболее важные: медведь бурый (*ursus arctos*) медведь---муравейник (*ursus bormicarius*) россамха (*gulo*

¹⁾ Подробные данные о растительности по Салыму см. Б. Н. Гордков „ежегодник Тоб. Музея“ вып XXI 1912 г.

borealis) лисица (*vulpes vulgaris*), трех разновидностей: белодушка, сиводушка и чернобурая, соболь (*martes zibellina*), куница (*martes abietum*), метис соболя и куницы, так называемый «кидос, колонок» (*mustela sibirica*) горноста́й (*mustela erminea*), ласка (*mustela vulgaris*), выдра (*lutra vulgaris*), белка (*sciurus vulg.*), заяц-беляк (*lepus, variabilis*), северный олень (*cervus tarandus*), лось (*cervus alces*), реко встречается волк (*canis lupus*), рысь (*lynx vulg.*) и барсук (*meles vulg.*), бурундук (*tamias striatus*), хотя обыкновенен, но не имеет промыслового значения, также как и белка—летяга (*pteronis vulgaris*), которая сравнительно редка.

Из птиц тетерева (*tetrao tetrix*), глухарь (*tetrao urogallus*), рябчик (*bonas belulnia*) белая куропатка (*lagopus alba*), многочисленные породы уток (*anas bosdras, anas penelopa, netta rufina, fuligula cristata, clangula, glaucion* и др., гусь серый (*anser cinereus*), лебедь-кликун (*cygnus musicus*), гагара большая (*colymbus arcticus*) и малая (*columbus septentrionalis*), почитаемая осянками, как священная птица: сравнительно редок вальдшнеп (*scolopax rusticola*), зато кроншнеп (*numenius arguatus*), бекас (*scolopax gallinaga*), дупель (*scolopax major*) встречаются в изобилии, но их не промысляют.

Из рыб, водящихся в Салыме и в озерах важнейшие: щука (*esox lucius*), чебак (*cyprinus lenciscus*), мегден (*cyprinus dobula*), карась (*carassius carassius*), язь (*cyprinus idus*), налим (*gadus lota*), окунь (*perca fluviatilis*), редко встречаются сравнительно ерши (*acerina ceruна* и линь (*cyprinus tinca*), сырок (*coregonus vimba*) водится в самых глубоководных озерах, и отличается несколько от речного, мoksун (*coregonus muksun*) и нельма (*coregonus nelma*) встречаются в низовьях Салыма и в Салымской протоке.

Из гадов обыкновенна лягушка (*rana*), которая имеет несколько видов: змеи представлены гадюкой (*pelias berus*), ужом (*protopdonotus uatrix*).

Как весь почти север Тобольской губернии, Салымский край был заселен издавна; об этом свидетельствуют многочисленные городища и могильники, разбросанные повсюду, а также отдельные археологические находки. Среди городищ можно различить два типа; одни из них обычно занимают высокие прибрежные мысы, на больших реках и озерах, господствующие над окрестностью, такие городища укреплены одним или несколькими рвами и валом сильных профилей, другие, в большинстве случаев, небольших размеров, расположены среди болот или около озер, в глуши и в стороне от главных водных путей.

В Салымском краю встречаются городища только второго типа. Не вдаваясь в определение того, кто именно были обитатели этих городищ и производители или владельцы находимых вещей,

(народ ли «Сибирь», по мнению С. К. Патаханова или Югра, по мнению Лерберга, Дмитриева и др.) можно налагать с большой вероятностью, что это не были остяки и с уверенностью, что они имели тесную связь, если не были тождественны с современными им обитателями Оби и Иртыша. Сходство и тождество находимых по Салыму бронзовых изделий с такими же по Оби и по Иртышу может быть объяснено предположением о привозе их из общего источника, но груды обломков керамической посуды, иногда не вполне отделанной, заставляет думать, что она производилась на месте, а ее техника и орнамент совершенно одинаковы с Обской и с Иртышской. Не исключена также и возможность того, что предки остяков умели обрабатывать металлы и выделывать гончарную посуду и что это умение утрачено впоследствии, но этому противоречит предание общераспространенное среди всех остяков; оно приписывает их также как сооружение городищ и могильников народу Ар-ях, который остяки определенно отличают от своих предков Ханда-ях.

Против единства ар-яхов и остяков говорит и то, что на городище-могильнике около Кинтусовского озера, среди черепов брахио и суббрахиокефальных, какие у современных остяков, находят долихокефальные, какие у остяков не встречаются. О том, что этот могильник служил раньше местом погребения ар-яхов, а позже остяков, говорит также предание среди жителей юрт Кинтусовских.

О себе и о заселении Салыма остяки говорят следующее: недалеко от Салыма, на возвышенности среди болота лежит городище Нюром—Вож (болотный—городок) в старину в нем жил богатырь (по остяцки «урт») Емин-Тув-Ике¹) с четырьмя помощниками и двумя женами, все вместе они именуются «Ас-Икаве» т. е. обские старики. Их потомки носящие название «Вар-пук-ях» и потомки другого богатыря «Ай-урт», являются коренными жителями юрт Кинтусовских, старейшего остяцкого селения на Салыме; к ним переселились, в разное время, остяки с Иртыша, с Югана и с Демьянки. После пришествия русских и оскудения охотничьих угодий часть жителей Тарханской, или как ее раньше звали Колпуховской, волости переселилась в верховья Салыма, основав там юрты Соровские, Айдарские, Вавликовы, Тимкины, Агабердины и Пайманковые. Из них Тимиковы и Вавликовы вымерли; жители юрт Пайманковых переселились в низовья Салыма, на урочище Сивохраб, то есть налимьи Яр, основав юрты Сивохребские, а единственный оставшийся житель юрт Алабердиных поселился вместе с остяком—Юганцем на месте бывших юрт Пайманковых.

¹) Ике старик множест. икаве и икае (старуха), обычные эпитеты остяцких божеств и героев фольклора

Жители юрт среднего течения Салыма, согласно предания, пришли с Оби и поселились на Салыме раньше Тарханцев, они образовали юрты Аламины, бывшие Маклаковы, Милясовы, Сулины, Старомирские, Варламкины, Рымовы, Лемпины и на малом Салыме, Савконины; к ним также переселялись остяки, иногда издалека, как например из Нарымского края или даже татары из юрт около Тобольска. Не имея, к сожалению, документальных данных о переселении остяков с Иртыша на Салым, можно все же найти подтверждение предания в том, что вышепозванные юрты, несмотря на то, что они находятся на территории Сургутского уезда, в административном отношении принадлежат к Нарымской волости, Тоб. уезда, а в нее, в числе прочих, вошла бывшая Тарханская.

Некоторое различие в говоре жителей юрт по верхнему и среднему течению также говорит за разность происхождения. Дальше, сейчас еще в пределах б. Тарханской волости на Иртыше имеется протока Тимкина, одноименная с вышеупомянутыми юртами на Салыме. Относительно юрт Кинтусовских интересно отметить, что усадьба так называемых Вар-пук-ях находится на самом высоком месте никогда не затопляемом, чему подвергается остальная часть юрт в годы больших вод; это говорит за правильность предания о первенстве их поселения.

Наконец о приходе жителей юрт среднего течения с Оби свидетельствует их принадлежность к Тундринской волости и общая с ней тамга «вохсар» (изображение лисицы), в то время как у жителей верхнего течения тамга вообще отсутствует, также как у остяков живущих по Иртышу. Кроме всего, вышеизложенное положение подтверждается тем обстоятельством, что верхне-салымскими остяками почитается один общий тоух (божество-покровитель рода), а жителями среднего Салыма другой. Всего в 1910 г. по Салыму с притоками было 12 юрт, с числом дворов от 1—10 и с населением в 254 остяков; из них 127 мужского пола и 127 женского, против 270 душ (136 м. и 134 ж.), в 1894 г. Кроме них в юртах Кинтусовских живет 1 русская женщина, принявшая не только остяцкий язык в качестве разговорного, но и разделявшая все верования остяков; в юртах Лемпинных проживает один татарин. По поводу его приема в общество приходилось слышать, от остяков, что татар (хатань) они почитают за родню. «Старики друг у друга невест брали», «на одной площадке плясали», «хатань для нас первые люди», говорили остяки. Если припомнить, что остяки Тарханской волости ¹⁾ вели свое происхождение от татар, то такое отношение остяков к татарам может тоже служить косвенным указанием на тождество Тарханцев и Салымцев верхнего течения.

¹⁾ См. Г. Ф. Мидлер, «Описание Сибирского царства» С. Петерб. 1737.

Выше уже было упомянуто, что говор остяков юрт Соровых, Кинтусовых и Айдарских несколько иной, чем у жителей юрт ниже по течению; к этому надо добавить, что различие настолько незначительно, что они совершенно свободно говорят друг с другом, также как с придемянскими остяками. На много больше, по их же словам, разница с наречием юганцев, которые каждую зиму прикочевывают с оленями к Салыму. В антропологическом отношении, насколько можно судить без измерений, не заметно разницы между жителями верховий и среднего течения. Салымцы роста ниже среднего и среднего, особей высокого роста не наблюдалось. Телосложение в общем пропорциональное, хотя у многих мужчин, как будто, замечается некоторый перевес в развитии туловища и рук в ущерб ногам; это может быть объяснено тем, что проводя почти третью часть жизни в лодке, остяки работают маховым веслом, причем нижние конечности бездействуют. Остяков, производящих впечатление особо сильных людей не встречалось: это видно, между прочим, при сравнении салымских сторожевых луков, с такими же остяка-нарымца; последних никто из салымцев не мог натянуть.

В движениях салымцев замечается некоторая неповоротливость и неторопливость, которая при привычных остякам работах искупается выносливостью и целесообразностью приемов, указывающих на долготелую и преимущественную тренировку. Женщины по сложению своему также несильные, с мало развитой грудью и бедрами. Ступни ног и руки у них небольшие, несмотря на тяжесть и обилие работы. Монголообразные черты (монгольское веко, скуластость и пр.), найденные некоторыми исследователями у остяков, в салымцах мало или совсем не заметны и если сказываются, то больше у женщин. Это, между прочим не мешает некоторым из молодых и детям быть вполне благообразными. Глаза почти у всех темно-карие, голубовато-серые пришлось заметить только в одном случае—у остяка Борисова, одного из „вар-пух-ях“, юрт Кинтусовых и в то же время единственного обладателя светлых волос. Является ли данный случай атавизмом, указывающим на светловолосых до остяцких предков, или это просто продукт новейшего смешения с русскими, сказать, конечно, трудно. Две родные сестры Борисова, темно-глазые и черно-волосые, как все салымцы.

Чаще чем у других остяков, попадаются среди салымцев мужчины с сравнительно обильной бородой. Лиц, изуродованных оспой очень мало. Трахома, сильно распространенная по Конде и по Оби, по Салыму совсем не встречается. С явными следами люэса пришлось видеть только одного остяка.

У салымцев, как у большинства остяков—рыболовов, имеются селения зимние и летние. Первые на них служат постоянным местожительством и расположены недалеко от реки или старицы, по

в тоже время вне пределов весеннего разлива; вторые, обитаемые только во время рыбного промысла, стоят непосредственно у воды. Все без исключения юрты имеют в самом близком соседстве небольшую речку носящую стереотипное название «Пухтин—Яга», то есть «деревенская речка», или «Ай-Яга», «Малая речка». На таких речках обычно устраиваются запоры, на которых мордами промышляют рыбу для ежедневного употребления в пищу.

Зимние юрты представляют собою группу разбросанных в беспорядке строений. Дворов как комплекса связанных общей оградой строений нет. В недалеком расстоянии от жилого дома стоит обычно хлебная печь и большой вмазанный в глину котел, для вытопки рыбьего жира и варки корма для собак. Там где держат овец для них устраивают помещения из жердей также недалеко от дома; дальше стоят амбары обычного вида, амбары на ножках, для хранения разного домашнего имущества и запасов. Один из амбаров служит для помещения домашнего бога. Еще дальше находятся пригоны для лошадей; в тех юртах где имеются бани их ставят обычно на самом краю, около речки.

Жилые дома мало чем отличаются от изб прииртышских крестьян. В юртах Соровых они срублены из соснового леса, в юртах ниже по течению из елового или пихтового, а изредка и из кедрового. Большинство домов состоит из одного сруба с сенями, но имеются и несколько пятистенных домов. Вокруг домов не устраивают завалин стены срублены обычным способом в чашу.

Материалом для покрытия жилых домов служит тес, большей частью уже пиленный; колотые плахи редко встречаются в более старых домах, в качестве материала для полниц. Крыши на всех строениях, кроме овечьих хлевов, двухскатные. В жилых домах крыши обычно устроены на стропилах, причем стропильные ноги чаще всего делают из молодых еловых деревьев у которых один из корней оставлен в виде крюка, поддерживающего отливину. Охлупень делают также из елового бревна но потолще, на конце его служит коньком корень, обделанный то в виде птицы (тетерева в юртах Милясовых и Лемпных) лебедя в юртах Киятусовых, то конской головы (в юртах Сиво-хребеких), или похоже на корабельный рострум (в юртах Киятусовых). Двери делаются из плах и подвешиваются на железных петлях, работа русских кузнецов. Расположению входной двери относительно стран света значения не придают. Двери запираются висячими замками на время отлучки ковыев для рыбного промысла на Обь, в остальное время их не запирают. Окна небольших размеров веде застеклены. Окон затянутых брюшиной, какие часто встречаются по Иртышу и по Демьянке, по Салыму не замечается. Вместо

— 174 —

зимних рам, во время морозов, снаружи вставляется льдина. Большинство домов отапливается чужалами, поставленными на срубе из плах в один, два венца. Чужал ставится около одной из стен, но не в самом углу и очень редко против входных дверей; в промышленных же избушках он всегда устраивается в углу. Свободным углом пользуются для помещения запаса дров, а с другой стороны почти везде пристроен большой вмазанный котел, топка которого выведена в чужал. Материалом для устройства чужала служат неочищенные от коры жерди, таловые и осиновые; их схватывают в трех местах обручем из черемухи, затем их обмазывают в несколько приемов глиной, промятой ногами, с прибавлением конского навоза. Для придания более красивого вида, не совсем еще обсохший чужал, натирают просеянной золой. Обмазку зимой приходится часто подновлять, для этого держат в избе запас талой глины. Часть чужала, выходящую на крышу, в защиту от дождя, обматывают берестой. На ночь закрывают чужал изнутри деревянным кругом, подпираемым палкой.

Амбары бывают двух родов; одни старого типа устраивают на ножках. Ножки делают или из круглых обрезков бревна, с врубленным перехватом в защиту от мышей и крыс, такие вкапывают в землю; или же из нижней части ели и березы срубленной вместе с корнями, такие только подравниваются ставятся в нужном месте не углубляя их в землю. Такого рода амбары называются «топас», другие стоящие на земле, позднейшего происхождения и носят русские названия «амбар»; материалом для покрытия амбаров служит исключительно береста; отдельные листы ее придерживаются часто наложенными поперечными жердями схваченными с продольными хомутами так же как в жилых домах. Для подема амбары на ножках и на крышах домов служат бревна, со сделанными в них зарубками.

Пригоны для крупного скота состоят из прясла и открытого кругом навеса, на котором складывают зимой запас сена. Наиболее архаическим типом из современных построек являются овечьи хлева; Их строят из жердей, поставленных наклонно вершинами вместе, как остов чума и обложенных навозом и землей: иногда такие хлева почти круглые, в основании но чаще продолговатые и несколько углубленные в землю. Интересно было бы проследить, поскольку эти постройки являются наследием до-русского периода. Старинное остяцкое жилище—землянка (тод-кот) в селениях не встречается, но служит до сих пор обиталищем во время охотничьего промысла в урмани; только в юртах Сивохребских один остяк устроил землянку в качестве постоянного жилья.

Неизбежной принадлежностью каждого селения являются отдельно стоящие, печи по форме тождественные с такими же татарскими (миуц) без трубы, с обратным пламенем сложенные из необож-

— 175 —

железного кирпича: обычно рядом с печами ставят большие котлы «батанихи» варят пищу собакам; над теми и другими часто устраивают небольшую крышу.

Внутреннее убранство домов Салымцев мало чем отличается от такого же у менее зажиточных крестьян — русских в волостях ниже г. Тобольска, если не считать чучала и котла, которые напоминают татарские жилища того же Тобольского уезда. В одном из углов, противоположном дверям обычно расположены скамьи, а между ними стол. Иконы имеются во всех домах и размещены, как у православных крестьян-сибиряков, в углу. Чаще всего встречаются иконы Богородицы и Чудотворца Николая особо почитаемого, которого как по Иртышу и по Конде зовут „Микул-иге“ т. е. Николай — старик. Нередко можно увидеть небольшой, подвешенный к стене шкаф, в котором хранят посуду и всякую мелочь. Люльки подвешиваются к крюку из лосяного или оленьего рога, прикрепленному в свою очередь ремнями к кольцу, привинченному к матке. Люльки двух типов: одна дневная, более короткая с высокой спинкой рассчитанная на полусидячее положение ребенка; другая, со спинкой значительно ниже, предназначена для сна ночью. Как та так и другая делаются из дерева (спинка и дно) и сосновой или еловой драни (бока), сшитых ремешками или веревками. Берестяных люлек не приходилось видеть, но говорят, что делают и такие. Кровати имеются в большинстве домов ими пользуются старшие члены семьи, реже встречаются нары, такие, как в татарских домах, но обычно устроенные повыше. Встречаются часто табуретки, реже стулья со спинками, своей работы. Там где дом состоит из двух половин, при чем иногда еще с перегородкой, так называемую чистую или белую половину стараются сохранить в чистоте, правда довольно условной, но не меньшей, чем у соседей русских. Насекомых всех родов, кроме черных тараканов, неизвестных здесь, составляют, повидимому, необходимую принадлежность всех домов. В юртах Гымовых пришлось удивиться образцовой чистоте в большинстве домов. Начисто выскобленные полы, косяки и лавки напоминают скорее дом крестьянина старообрядца с Исети или с Тобола, чем остяцкое жилище, если бы не специфический запах сушившейся рыбы и квашеных рыбных внутренностей, из которых добывают жир для приправы кушанья.

Летом живут и спят охотно в амбарах. Во первых в них прохладнее, в виду отсутствия окон, да и домашних насекомых меньше, от комаров же вполне спасает полог из выстиранного ситца который имеется в каждой семье.

Для освещения пользуются почти исключительно керосиновыми лампами небольших размеров, свечи покупные очень редки, а лучиной совсем не пользуются.

— 176 —

Из посуды самой ценной является самовар, который имеется в каждом доме, также, как покупные чашки блюдца и несколько тарелок. Самодельной посуды мало: несколько берестяных чуманов, сделанных довольно неискусно, пара, другая деревянных блюд и чаш тоже грубой работы и большие ложки черпаки, которые русские наравне с остяками зовут «кэуль».

Утвари приготовленной из бересты салымцы имеют немного и не высокого качества. Как по прочности, так и по чистоте отделки и по украшению салымские пайвы, чуманы, коробки и проч. далеко уступают изделиям Обских, Ваховских, Аганских и других остяков, достигших в этого рода изделиях высокого совершенства. Названий орнаментов по бересте не знают. Также не делают теперь уже давно кожаных узорных вещей и то немного, что встречается выменено и куплено у юганских и пимских остяков. Паща салымских остяков довольно однообразна. Хлеб давно уже вошел в обиход, хотя старики вспоминают, вернее всего с чужих слов, те времена, когда хлеба не было; при этом такое воспоминание обычно ассоциируется с таким же о бывших тогда голодовках когда ели все, вплоть до ремней и кож. Второе, а временами и первое место в пище занимает рыба. Преимущественно употребляется мелкая рыба, добытая близко от селения мордами: среди нее преобладает почти везде чебак *Leucyhetis rutilus*. Рыбу чаще всего варят, а иногда и жарят с рыбьим жиром, на сковороде. Ее же коптят и в то же время сушат в горячем дыму, под особым навесом, получая так называемый «шамыс» Шамыс, или как Иртышские крестьяне его зовут «кунак».

Много употребляют в пищу шучины, причем из более крупных шук делают поземы: для этого срезают чистое мясо вместе с кожей со спинного хребта щуки и сушат его на солнце, делая предворительно неглубокие поперечные надрезы до кожи.

По мнению остяков это самый вкусный вид рыбной пищи, который подносят почетным гостям для угощения и как гостинец. Много рыбы сушат на солнце и ветру, из нее составляется главный запас на зиму: таким способом, между прочим, охотно сохраняют карасей. В юртах Кинтусовых не едят налимов, водящихся в сору Еминтув, считая их священными, а в юртах Сивохребских налимов не едят вообще, в других же юртах налимов употребляют в пищу.

Более ценные сорта рыбы, добываемые в низовьях Салыма и в протоках к Оби целиком сдаются немногим скупщикам—русским, также сырок из озера Емин-тув.

Мясо лосей и оленей раньше употреблялось в значительном количестве, теперь его добывают редко; едят его вареным или вяленым.

Довольно значительным подспорьем в питании является птица, добытая летом и вообще до холодов, пока ее нельзя хранить для продажи: главным образом это утки и тетерева.

Как лакомство едят бруснику, клюкву, морошку, малину, княжнику, которая встречается редко, черную и красную смородину а также черемуху и рябину. Чтобы ягоды хранили впрок, кроме клюквы и брусники, которые замораживают, не приходилось слышать.

Перед каждой едой или во время ее непременно пьют чай, которого вообще употребляют много. Чай исключительно кирпичный. Сахар в виду его дороговизны употребляется не всегда, зато соль является обязательной приправой всех мясных и рыбных блюд.

Грибов Салымцы, как и все остяки, не едят, кроме мухомора, который раньше судя по рассказам, был в большом ходу, как наркотическое средство. Сейчас нам известен только один остяк, с'едающий зато до 21 мухомора за раз. Мухоморы едят в сушеном виде, кусочками и запивая глотками холодной воды, также как это делают по Иртышу и по Конде. Через некоторое время после приема наступает икота и опьянение, повидимому соединенное в высших стадиях с галлюцинациями, так как опьяненный, по его словам видит и слышит разговоры разных сверхестественных существ. Число 21 имеет значение как кратное семи, числа пользующегося особым почетом у всех остяков. Вышеупомянутый остяк, хотя не очень еще старый, производит впечатление физически дряхлого и психически ненормального человека.

Небольшое сравнительно значение в питании салымских остяком имеет скотоводство и продукты его. Больше всего овец, но и их так немного, что редко приходится колоть какуюнибудь из них. Коровы имеются теперь только в юртах Лемпиных, и Сивохребских и они дают ничтожное количество молока, употребляемого в свежем виде. Домашней птицы совершенно нет, если не считать единственного петуха в юртах Соровых, оберегаемого для жертвоприношения; зато весной собирают яйца диких уток и гусей, добывая их иногда очень много.

Табак-махорку, а чаще так называемую линейку, курят все мужчины и большинство женщин постарше, молодые девушки и дети не курят, чем отличаются от соседних прииртышских русских и остяков. Курят из трубок самодельных и покупных. Меньше нюхают табак; чтобы его жевали, как делают например Кондинские и северные остяки, не приходилось видеть.

Сравнительно немного, но зато очень неравномерно, употребляют салымские остяки водку, привозят ее на Салым главным образом, скупщики рыбы и пушнины, а также арендаторы рыболовных песков в низовьях реки, таким образом она попадает туда только зимой. Для большинства салымцев нужно не большое коли-

— 178 —

чество водки, чтобы опьянеть, причем они меняются до неузнаваемости: обычно приветливые и смирные, они пьяные становятся придиричливыми и драчливыми, готовые взяться, как впрочем все остяки, за ружье из за пустяков.

Салымские остяки давно уже вышли из той стадии хозяйства, в которой потребность в одежде удовлетворяется своими средствами. Охота почти не дает материала для одежды и немногочисленные меховые вещи, имеющиеся в их обиходе, или случайно сохранившиеся старые, или купленные у Пимских и Юганских остяков при встречах во время сдачи ясака. Холст из крапивы изготовлялся еще недавно, но теперь его перестали делать почти совершенно.

Фабричные ткани, готовое покупное платье, овчинные шубы, заменили крапивный холст и оленьи шкуры. Праздничный костюм Салымского остяка ни чем не отличается от такового у приобского и при иртышского крестьянина—русского, если не считать неизбежного шейного платка—косынки, который летом в защиту от камаров, надевается на голову под картуз, а чаще и вовсе заменяет последний. Волосы стригут в скобку или коротко, кос уже давно не носят, Рубашка—косоворотка почти совершенно вытеснила рубашку с отложным воротником и прямым разрезом. В будничной одежде своеобразны ноговицы с голенищами из грубого холста при кожаных головках и ради красоты, с разноцветными вставками из материи в месте скрепления их. Обычно вставляют 3-5 полос красно-синих, или красночерных. Кожу для головок, или покупают у русских, или выделывают сами приемами, усвоенными у русских же. Зовут остяки этого рода обувь «ханда—нвир», т. е. остяцкий сапог, в отличие от русского, всего кожанного. Для шитья головок употребляют до сих пор нити из лосинных и оленьих сухожилий, которые каждая хозяйка сама prepares; для этого, предварительно высушенные сухожилия расщепляют ножом и полученные полоски обрабатывают деревянной колотушкой, пока они распадутся на отдельные волокна, последние расчесывают деревянным гребнем и ссучат на колене в нитки.

Обуваясь, кладут в ноговицу стельки из особого рода осоки, которую сушат а за тем мелко расчесывают, как кудель. Остяцкие меховые шапки-капоры, которые раньше шились самими салымцами, теперь покупаются у соседних остяков, а чаще заменяются суконными самодельными фуражками-безковырками, похожими на арестанские. Вовсе вышел из употребления ошейник из беличьих хвостов (танке-дур). раньше он имелся у каждого охотника, но с тех пор как скупщики пушнины перестали брать белку без хвостов, он вывелся. Верхней одеждой во время промысла, даже зимой, служит короткий шабур из грубого холста. Шубы во время лесного промысла не носят из за тяжести. Несколько больше, хотя в общем тоже немного. ста-

рины сохранилось в женском наряде. Старинная праздничная рубашка из крапивного холста, вышитая разноокрашенной шерстью и носимая без юбки выветривается почти совсем.

Очень немного сохранилось также шабуров из самодельного холста с прямым срединным разрезом до низу, на которых шитье расположено в виде поперечных параллельных полос на груди и треугольником в нижних углах переда, а также по швам и на запястьях, так, как на шабуре, изображенном в книге А. Альквиста. *Unter Ostlaken und Wogulen*. Встречающиеся рубашки не имеют полного шитья, большей частью вышиты только грудь и рукава. Большинство рубах донашиваются как затрапезные или они хранятся немногочисленными старухами, чтобы служить в качестве савана. Из молодежи никто не вышивает нитками и только некоторые пожилые женщины знают типы шитья и названия узоров, но и от них приходилось часто получать противоречивые сведения и далеко не такие полные, как например на Конде от известной мастерицы Ирины Пахтисевой.

Вышивки по Салыму встречаются всех видов техники, известной у Иртышских остяков, то есть: ханда-ханчъ, керем-ханчъ, руть-ханчъ, севем-ханчъ и актем-ханчъ.¹⁾ Из узоров удалось собрать следующие и установить для них названия: «морощка», по остяцки «морох-сэм», в двух вариантах (в юр. Лемпных и в юрт. Соровских); «хребет осетра» по ост. «сах-тэмме» (в юрт. Миласовых); «душка от котла», по ост. «пут-иор» (в юрт. Соровых) и «пут-вагит» (в юрт. Лемпных); «заячьи уши», по ост. «чавр-шиг» (в юрт. Соровских, Лемпных, вариант в юрт. Старомирских); «зерно хлебное» по ост. «тант» (в юртах Соровских); «шинка кедровая», по ост. «нахр» (в юртах Соровских); «мышинный след», по ост. «тэнкр-кур» (в юртах Виласовых); «журавлиная нога» по ост. «торе-кур» (в юртах Соровских); «мухомор», ост. «панк» (в юртах Кинтусовских); «сосиная лопатка», ост. «вое-панкет» (в юртах Старомирских и Лемпных); «сорочье гнездо», ост. «сауне-тэгит» (в юртах Миласовых), «глухаринный глаз» ост. «йедернай-сэм» (в юртах Айдарских); «оленьи рога», ост. «ветте-хорангет» (в юрты Лемпных); «голова», ост. «ох» (в юртах Старомирских), «воробьиная голова», ост. «шинкеле-ох» (в юртах Соровских и Лемпных); «церковь», ост. «торм-кот» (в юртах Соровских); «мучный зуб», ост. «сорт-пэнк» (в юртах Сивохребских); «утки», ост. «васэ» (в юртах Сивохребских), «соболья лапа», ост. «ньехос-кур» (в юртах Сивохребских); «топор», ост. «таем» (в юртах Сивохребских); «огниво», ост. «най-вак» (в юртах Лемпных и Старомирских); «оленьи

¹⁾ Подробное описание приемов вышивания см. Ежегодник Тоб. Губ. Музея XX «Вышивки остяков нитками по ткани» Л. Р. Шульц.

кишки», ост. «ват-онтр» (в юртах Лемпиных); «малые штаны», ост. «ай-тагем-кюре» (в юрт. Лемпиных); «узор бухтами или валивами», ост. «аугэ-люк» (в юртах Старомирских); конский след», ост. «тау-лок» (в юртах Соровских); «старая баба», ост. «пириш-имэ» (в юртах Лемпиных); «каньрас», инструмент для выделки ложек (в юртах Лемпиных); «рох-вак» подражание оловяниному литью на воротниках, «пляшущие остяки», ост. «йокта-ханда», «гусь» по ост. «тунги»; «две ноги», по ост. «кат-кур»; «утка с утками» по ост. «васэ-отмыш»; «змея», ост. «мыха-воэ» или «ай-пубе»; утиные следы» ост. «васе-локет».

Некоторые из узоров вышивок встречаются в изделиях из бисера, главным образом в косоплетках и в нашивках на плечах и запястьях рубаш. Следующие бисерные узоры в вышивках установить не удалось, как например: «муравей» ост. «хачне» (в юрт. Старомирских); «вал» или «волна», ост. «таге-кюмп»; «налимья шкурка» ост. «сиге-туйен» (в юртах Сивохребских); «бабочка», ост. «липентай»; «солнце», ост. «хат»; «полсолнца», ост. «чуп-хат»; «половина (продольная) месяца», ост. «тилиш-пэдек».

Особый интерес представляют те узоры, в которых можно установить заимствование от финских народов Европейской России и от русских. Заимствование двойное: в одних случаях самый узор и название его одинаковы у остяков и у других народов, в других один и тот же узор носит различные названия или наоборот под одинаковыми названиями встречаются разные узоры. Например узоры «заячьи уши» и «огниво» весьма распространены в вышивках мордовских и черемисских, совпадая в точности с того же названия остяцким узором. Узоры «морозка» и «щучий зуб» встречаются в вышивках мордвы, мокши, черемис, карелов, а также великоруссов и белоруссов, но называются «цветом яблони», «гребешками» и пр. Остяцкие названия узоров «оленьи кишки» и «глаз глухаря» соответствуют однотипным мордовским названиям «гусиные потроха» и «глаз рябчика», но рисунок их иной.

Было уже упомянуто, что покупные ткани главным образом ситец, преобладают в женском наряде. Рубашки шьются с прямым грудным разрезом, причем верхняя часть, так называемые «рукава» делается большей частью из ситца, а нижняя—«стан», иногда из старого крапивного холста, иногда же из купленного у русских. В праздник надевают еще ситцевую кофту, обычно яркой краски, с крупным узором, к ней пришивается полустоячий шитый бисером или украшенный оловянным литьем воротник—(сукинй-рох). Полоской бисера также украшен грудной разрез, плечи и запястья. Юбка в будни холщевая, в праздники она из ситца и по примеру приуртышских крестьян, делается из большого количества материала, от 10 до 12 аршин, собранных у пояса сборками.

Непременной принадлежностью праздничного наряда женщин является большая шаль, часто обшитая кругом самодельной бахромой из ниток; ее надевают складывая пополам, треугольником, таким образом, что два конца опускаются на плечи, а один на спину; ее прототип, так называемая «татарская косынка» (хатань-охчам), на Салыме уже не встречается, также как не встречается уже головная повязка из бисера (саравать, татарская «сарауд»).

Бисерные косоплетки, вернее подвески к косам, сохранились больше других украшений, в обиходе Салымских девушек; реже заменяют их подвески из бус, а в юртах Кинтусовских вместо них служат бронзовые мелкие археологические находки, которые собирают на берегу озера Емин-тув. Косы заплетают или по старинному, при чем две косы идущие от висков соединяются в одну, на расстоянии в приблизительно около двух четвертей от головы, или по примеру русских в одну косу у девушек и в две косы у женщин.

Распространенные по Конде и Иртышу ожерелья из бисера, на которых носят крест (пирне-пегет) почти не встречаются, так же как головное украшение «ох—чундже».

В будничном наряде заслуживают внимания самодельные широкие пояса: их делают из шерсти, обычно двух цветов, одна полоса из темной неокрашенной шерсти, а другая из белой шерсти окрашенной в желтый цвет плауном (*Lycopodium complanatum*) или в красный, корнями подмаренника *Galium boreale*.¹⁾ Ткут пояса или на ткацких станках, служивших раньше для изготовления крапивного холста, или при помощи доски с двумя параллельными рядами дырок. Пояса около 6-ти вершков ширины и настолько длинны, что их оборачивают в несколько раз вокруг туловища, над верхней одеждой. Еще носят пояса из материи, украшенной обыкновенными мелкими пуговицами, нашитыми разными узорами.

Ноги обувают в вязаные шерстяные чулки, украшенные вязаными же узорами и в чирки. Во время ходьбы по лесу и в худую погоду носят такие же поговинны, как и мужчины.

Рукавицы вяжут и поверх их надевают кожаные голицы: шитых бисером рукавиц, как на Конде нет.

Оловянное литье для украшения воротников отливают в формы вырезанные из сосновой коры («хомдат»), которую сверху покрывают берестой. Для вырезывания узора употребляют обыкновенный нож, а для круглых узоров нечто вроде циркуля из лосиной кости, с острыми краями.

Зимой верхней одеждой служат овчинные пубы, иногда крытые какойнибудь материей.

¹⁾ С. К. Патнашов ошибочно проводит *Galium tinctorium*.

которых стачивалась только одна сторона, другая же оставалась плоской, также как у архаических бронзовых ножей. Ручки в виду малой прочности покупных, часто заменяются самодельными из березового корня или бересты. Ножи носят на поясе в ножнах, сделанных из двух деревянных пластинок, иногда обтянутых кожей, иногда же только соединенных сверху и внизу ремнями. В более старых ножнах к нижней части прикрепляется ремень подлиннее, которым они прихватываются к ноге, чтобы не болтаться на ходу. Все виденные по Салыму ножи и ножны самого простого вида, без всяких украшений. Медвежье копыто—рогатина, тоже очень простое; оно состоит из лезвия длиной до полуторых четвертей аршина, шириной 1-2 вершков. Нижняя часть лезвия четырехгранная и заостренная, причем грани завершенны снизу вверх, этой частью его всаживают в древко, длиной около 1 сажени, а чтобы последнее не расщеплялось, набивают на него железное кольцо. Лезвия и ножны заказывают русским кузнецам.

У Парымского остяка, проживающего по Салыму имеется «пальма» тунгусской работы. Ручных луков своей работы нет хороших. Все луки делаются из одной сосны, двойных склеенных из сосны и березовой пластинки делать не умеют, и те, которые попадаются, куплены на Оби у самоедов. Бьют из ручных луков почти исключительно уток, недавно еще добывали ими белок. Стрелы для уток имеют обычно наконечник развилиной, который делается холодным путем при помощи подпилка из куска железа. На белок употреблялись томары с костяной или деревянной головкой. Теперь стрелы хранятся как попало, раньше их носили в колчане из оленьих ки, который пристегивался к поясу при помощи небольшой деревянной рукоятки. Старые стрелы оперялись перьями орла в три прямые полоски; завитых спиралью не знают; теперь для оперения стрел берут перья и других птиц.

До последних годов на Салыме были в ходу только кремневые ружья, чаще всего Тобольской (Нижне-Фидатовской) работы, причем здесь, как везде на севере, ценят ружья покойного мастера старика Пискунова; теперь кремневки вытесняются берданками, имеется и одна магазинка Винчестера. Стреляют с руки или со случайной подставки, подсошек мы не встречали. Для пыжа употребляют «штып» т. е. мягкую древесную стружку. Белку и других мелких зверей в последние годы стали бить дробью, вместо малокалиберных пуль и томаров. Помимо ружей заряженных жеребьем для добычи лося, оленя, и редко уже медведя, пользуются сторожевыми луками. Размер луков колеблется в довольно больших пределах в зависимости от обычая в данных юртах и силы настораживающего, но как это ни странно, не от рода ожидаемой добычи. Попадают луки, поставленные на выдру, гораздо более крупные и тугие, чем расчи-

таинные на лося. Устройство сторожевых луков по всему Салыму в общих чертах одинаковое: самый лук делается из смолистой, так называемой кремлевой сосны, а тетива из попушной конопляной веревки, или пряжи; крапиву считают слабой для этой цели. Для настораживания служит деревяшка, которая одним концом, при помощи зарубки, упирается в лук, а на другом имеет курок, удерживающий тетиву. Курок бывает различно устроен и устанавливается на желаемом месте деревяшки или при помощи петли-удавки, когда деревяшка гладкая, или глухой петли, когда она с зарубками.

При помощи спуска, соединенного с курком и петельки, лук соединен с «симой» т. е. тонкой веревкой из бонского волоса, белого зимой, черного летом, другой конец которой прикреплен к палке воткнутой по другую сторону тропы зверя, около которого лук поставлен. Задевая «симу», которая никогда не натягивается туго, зверь освобождает спуск и курок в тот момент, когда стрела направлена в убойное место.

Нацеливают лук различно, в разных юртах. В юртах Сорвских на месте, долженствующем соответствовать своей высотой убойному месту добычи, отмеряют по палке сперва высоту колена и затем считают, окладывая при каждом названии по одной ручной четверти: «пубе, ватте, воз», т. е. «медведь, олень, лось», причем, если ожидают очень большого лося, добавляют еще до четверти. Милясовские остяки меряют сразу с земли четвертями, считая до четырех, переходя затем на те же названия, как выше сказано. Стрелы употребляют без оперения, для лосей и оленей им дают, наконечники треугольные, чаще всего из нетолстого листового железа; для выдры употребляют наконечник, привязанный к древку и имеющий у переднего конца зазубрину, обращенную назад, как у удочки, а на заднем ушко, к которому привязывают веревку, прикрепленную другим концом к самому луку, так что раненая выдра не может от него освободиться. Те, и другие стрелы, немного отступая от наконечника, надрезают настолько, чтобы они войдя в тело добычи тут же переломились.

Для ловли горностаев, ставят чирканы и щемилы такого же типа, как у татар и крестьян-русских Тобольского округа, от которых они, по словам остяков, заимствованы.

Белок ловят еще, так называемыми, плашками, т. е. двумя досками, из которых одна насторожена над другой, при помощи небольшого клина; ставят их аршина на $1\frac{1}{2}$ от земли между деревьями, на поперечинах, по которым белки любят перебегать с дерева на дерево.

Петлями добывают зайцев, глухарей, белых куропаток; меньше рябчиков и тетеревей, последних ловят в большом количестве при

— 186 —

помощи ям, устраиваемых в таких местах, где на берегу реки или озера имеется галька или крупный песок. Ямы копаются глубокие, до сажени и больше, причем они внизу шире, чем в верхней части. От ямы до ямы, оставляя только узкий проход над каждой, делают невысокие загороды из небольших деревьев и хвороста. Верхние отверстия ям прикрывают ветками, настолько тонкими, что птицы проваливаются в них. Попадает в ямы иногда несколько десятков птиц. Меньше в ходу ловцы для тех же тетеревов.

Остяки юрт Сивохребских добывают уток перевесами; т. е. сетями из тонких, черных ниток, которые при помощи блоков поднимают вдоль высоких жердей, последние устанавливаются по краям просеки, между рекой и озером. Вечером утки, перелетая с озер на реку попадают в сети, которые в момент попадания опускают, накрывая иногда целую стаю. Те же остяки вешают на деревьях, в пределах разлива, выдолбленные обрубки деревьев, или часть дуплистого ствола. Некоторые породы уток пользуются такими дуплами, как гнездами, из которых остяки достают потом себе яйца.

Рыболовные снаряды салымцев можно подразделить на два типа, по своему происхождению. ¹⁾ К первому, туземному принадлежат морды, рукав, запоры и котцы; ко второму заимствованные от русских летние снасти т. е. невода, ставные сети и фитили. Удочки и крючковые снасти не в употреблении; только дети промышляют иногда самодельными удочками с крючками из булавок, в виде забавы.

В большом ходу зато дорожки, которые во время своих поездок, остяки всегда берут с собой и которыми, при всяком удобном случае, добывают щук и изредка окуней; блесны, распространенной в районе Конды, не знают. Лучшие морды изготавливаются в верховьях и служат для добычи ежедневного запаса пищи себе и собакам в течении круглого года. Рукава имеются только в юртах Сивохребских, где ими пользуются весной во время разлива.

Морда (пун)—необходимейшее орудие рыбной ловли туземного происхождения. В верховьях Салыма, особенно в юртах Кинтусовских, морды делают в совершенстве, хуже работают их в нижних юртах. Морды делаются высотой до 1 сажени, материалом для их изготовления служат сосновые лучины (варсагит), которые щеплют при помощи ножа из прямых сосновых обрубков, такой длины, какой стена морды. Основа морды делается из таловых ветвей, неочищенных от коры в виде прямоугольника. В нижнем конце морды с внутренней стороны основания, привязывается входная воронка; ее связывают при помощи вязки (нбуч) из кед-

¹⁾ Подробное описание см. U. T. Sirelius „Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern“ Helsingfors.

рового корня, расщепленного вчетверо. Вязка охватывает непрерывной, правильной спиралью воронку. С наружной стороны того же основания привязываются лучины для внешней оболочки морды; они длиной до сажени и выше. Начиная с двух третей высоты, драпцы вгибаются внутрь и связываются верхушками. Сбоку вырезают в стенке морды четырехугольное отверстие для выемки рыбы, которое во время лова закрывается берестой. Морды ставятся около заграждения, более или менее прочного, в специально приготовленные отверстия (пун-хур), при помощи заостренного кола, отверстием вниз по течению ¹⁾.

Рукава (по остячки «титъ») употребляются только в юртах Сивохребских во время весенней ловли.

Сенокосение не занимает большого места среди промыслов Салымцев. Больше всего они ставят сено в верховьях Салыма, в юртах Соровских имеют много покосов по Тарсану и в юртах Лемпиных и Сивохребских, где покосы имеются на одноименных сорах. Косят горбушами, косы—литовки, хотя известны остякам, но не прививаются, считают, что трава потрубее, во первых легко косится горбушей, а во вторых ложится не валами, а россыпью и поэтому быстрее сохнет. Что последнее обстоятельство имеет большое значение видно из того, как ставят сено; его сперва сушат на кольях, а затем кладут между высокими жердями, воткнутыми в землю, в виде стены, которая легко продувается ветром. Сено идет, кроме прокорма своего скота, еще для лошадей ямщиков, приезжающих за рыбой, ягодой и орехом с Иртыша в верховья Салыма и с Оби в низовья. Кедровый орех по Салыму добывается в незначительном количестве и то в годы урожая, которые чередуются с годами, когда он совсем не родится. Промышляют кедровые шишки, лавом при помощи когтей, или колотом: добытый орех сразу чистят и выносят из лесу не оставляя до зимы. Добытую рыбу, пушнину, ягоды и кедровые орехи салымцы сбывают небольшому числу постоянных скунчиков, главным образом торгующим крестьянам Демьянской и Самарской волостей. Раньше вся добыча отдавалась целиком в обмен на товар, в последние же годы остяки стали предпочитать уплату деньгами, которые, однако, редко кому из них приходилось получать, так как почти каждый в долгу у упомянутых крестьян.

Салым—единственное место, обитаемое южными остяками, где сохранились в обиходе старинные меры. По Демьянко, старые меры хотя известны, но не употребляются. Мерой длины служит

¹⁾ подробное описание снарядов и способов ловли заграждениями см. U. T. Sirelius „Über die Sperrfischerei bei den finnisch—ugrischen Völkern“, Helsingfors 1906.

— 188 —

ручная сажень «тэт», приблизительно около 2-х аршин; от нее отличают 3-х аршинную казенную сажень—«хон-тэт», т.-е. ханскую: Остяцкая верста—«эдеп» равняется семи русским верстам. Кроме того существует мера «пут», т.-е. котел, соответствующая тому расстоянию, которое можно пройти пока сварится содержимое котла, очевидно это было когда-то мерой времени. Расстояние по реке измеряется плесами, причем каждый плес состоит из одного песка и одного яра. При делении предмета на две части или половины, различают деление вдоль и деление поперек. в первом случае, половина называется «пелек», во втором—«чуп». Число семь, как у всех остяков, пользуется особым значением: в семилетние сроки приносят жертвы тонхам; семь, или кратное от семи число мухоморов съедается для приведения себя в экстаз; на части, состоящие из семи песен каждая, делаются гимны в честь медведя, семь-число «Ас-икаве», т.-е. семьи «Кюмин-тув-ике», состоящей из его братьев и жен; семь число жертвенных животных при полном жертвоприношении «йир» и т.-д.

Развлечением Салымский остякам служит музыка и пляски. Музыкальных инструментов три. Наиболее старинным инструментом считается домбра (нарес юх); она состоит из корпуса, напоминающего своей формой лодку с раздвоенным концом,¹⁾ крытую декой, с отверстием в середине. Раздвоенные концы соединены перекладиной, на которой при помощи колков из косточек от собольих (эти считаются лучшими) или беличьих лап, притянуты пять струн. Струны делают из сухожилий с ног лося или оленя, смоченных и смазанных для прочности рыбьим клеем, к другому концу корпуса струны прикреплены петлей из таких же сухожилий. Лебедь, вернее журавль (тороп-юх) по словам салымцев, позаимствован у обских остяков; он имеет корпус в виде птицы с длинной шеей, выдолбленной из куска елового дерева вместе с корнем. Лебедь имеет 9 медных струн из тонкой проволоки, идущих от колков в шею лебедя к планке с дырочками вдоль деки. Третий инструмент «хомыз» или губная домбра, как уже показывает название, заимствован у татар и состоит из пластинки костяной или железной, с вырезанным в ней узким, выбрирующим язычком, который приставляется к губам. Все три инструмента, среди которых хомыз встречается наиболее редко, все чаще вытесняются русской гармонией, на которой остяки хорошо играют как свои, так и русские мотивы.

Большинство плясок носит характер пантомим. Кроме плясок в честь убитого медведя пришлось встретить в юртах Сивохребских

¹⁾ В остяцком фольклоре часто упоминается „богатырская лодка с раздвоенным концом“ см. С. К. Патканов „Die Irtyshostjaken und ihre Volkspoesie“.

пляску «кур—йокта» т. е. пляску ног; начинается она с того, что под музыку двое мужчин приносят носилки, на которых лежит третий на спине, покрытый какой-нибудь одеждой. На одну ногу надета рубашка, а в ее рукава просунута палка, которую действующее лицо держит за концы; при помощи ноги и палок он изображает движения и жесты пляшущего человека. Главной причиной успеха «кур-йокта» служит, повидимому, трудность исполнения, на которую остяки особо указывали. Вторую пляску в тех же юртах остяки называли русским именем «наборщик», при ней пляшущий изображает все действия по забрасыванию невода и собиранию невода, напоминая отдаленно матлёт или английский джиг, без их живости. При обыкновенных плясках женщины или мужчины довольно медленно кружатся под музыку гармонии или лебеда, причем, полусогнув ноги в коленях, держат ступни близко одна к другой; женщины при пляске обязательно надевают шаль, надвигая ее далеко вперед, настолько, что почти закрывают лицо, а концы придерживают распростертыми руками. Вместе с гармоникой, распространились и русские плясовые мотивы, под которые пляшут русскую и др.

Забавы и игрушки детей Салымских остяков немногочисленны. Девочки играют в самодельные куклы, свернутые из тряпок, с лицами из утиных клювов, а иногда из дерева; куклы интересны своим сходством с домашними божками. Игрушечные люльки и сани — точные воспроизведения настоящих. Весьма интересной игрушкой является сверло с тетивой, с насаженным на него кругом, точно такое, какое в старину употреблялось для добывания огня путем трения. Мальчики забавляются самодельными луками и стрелами, упражняясь в стрельбе и удочками с самодельным крючком из куска проволоки или булавки, ими, при обилии рыбы, они добывают некрупные экземпляры. Девочкам, небольших размеров берестяные чумашки и кузовья служат для собирания ягод. В юртах Кинтусовских в качестве игрушек нередко служат археологические находки с озера Емин-тув. В числе игр пришлось заметить игру в мяч — «пакаль»; перенятую повидимому от русских, игру в городки — «чука-чахте» и игру, состоящую в стрельбе из лука — «мора-чахте»; при последней, играющие становятся друг от друга сажень в 10-ти или более, и втыкают около себя в землю узкую дощечку. Задача состоит в том, что-бы попасть в дощечку противника. Попавший подвигается к противнику на длину лука и снова стреляет; выигравшим считается тот, кто первый доберется до метки противника. В городки и в мяч играют также, как русские дети. Дети также забавляются подражанием плясок взрослых, в честь убитого медведя, при чем стараются также нарядиться и исполнить те же пантомимы.

- 190 -

Особых обрядов, связанных с рождением ребенка, у остяков не удалось заметить. Известно только, что мать после рождения считается нечистой и очищается окуриванием бобровой струей или корой ели, «остяцким ладаном», как ее называли остяки. Выше было упомянуто, что в юртах Кинтусовых при рождении мальчика венчают вотивный лук и стрелу, а в случае рождения девочки ступку для толчения крапивы, с пестом и веретенко.

Салымские остяки стараются брать жен по возможности из юрт подальше на Оби, отдавая в свою очередь туда своих невест.

Сватанье не сопряжено с особым обрядом и сводится, главным образом к установлению размера калыма, который колеблется в зависимости от зажиточности семьи жениха и приданого невесты. Ограниченное количество невест-остячек привело в общем к непомерному вздорожанию калыма, так, что многие остяки остаются холостыми до старости. Из старинных обрядов сохранился, между прочим, один: когда невесту везут с Оби в лодке, то проезжая мимо высокого яра «Нотьев-раи», стреляют из ружей по направлению к нему; раньше стреляли из луков, о чем говорит самое название (Нют-стрела). Помнят также, что лодка с невестой украшалась красным сукном и ситцем и что весла были украшены резьбой и погремушками, в последнее время этого уже нет.

Обычай прятать свое лицо и в особенности босые ноги от мужчин соблюдается салымскими остяками только по отношению к мужчинам-остякам и в особенности по отношению к родственникам мужа. Что для возникновения этого обычая, имевшего целью предохранить жену от покушений со стороны родни мужа, имела почва, это можно заключить из довольно свободного полового общения между теперешними салымцами. В юртах Соровых известен случай сожительства брата с сестрой. К этому их соседи относятся без особого осуждения, а скорей насмешливо, как, между прочим, русские крестьяне Сургутского уезда, где такие случаи нередки. Такое явление противоречит, как будто обычаю экзогамического брака, установившегося среди остяков и указывает на другой более древний аналогичный старо-якутский обычай «Хотунур», упоминаемый В. С. Серошевским в его «Якутах».

Своих покойников салымцы хоронят соблюдая также древний обычай, правда несколько измененный, но все же очень стойкий. Места похорон разные в отдельных юртах. В юртах Кинтусовых, по словам их жителей, старики хоронили своих покойников на старинном могильнике—городище у озера Емин-тув, причем их клали головой к озеру. Хоронили на доске, обернув труп берестой, на небольшую глубину, судя по находкам. В головах покойника клали стрелы, ножи и др. оружие. Теперь хоронят на другом кладбище в гробах—колодах, а над могилой устраивают сруб в виде

— 101 —

домиком высотой около $1\frac{1}{2}$ саж. В головном конце сруба делают маленькое отверстие, в которое покойнику приносят пищу в дни поминков; вместе с покойником кладут вещи необходимые для него, как-то: топор, нож, огниво и даже самовар; последний послужил, между прочим, причиной кражи, произведенной демьянским остяком проживающим в юртах Кинтусовых и интересно для характеристики салымцев, что несмотря на общее возмущение этим поступком, о нем никто не довел до сведения властей. Вещи которые кладутся в могилу, предварительно, портят: нож ломают, котелок продырявливают и т. д.; интересный остаток анимизма, т. к. такая порча делается для того, чтобы убить душу предмета. В юртах Сивохребских на довольно большом кладбище с такими-же домиками—могилами на них пришлось видеть поломанные весла и прялки указывающие на то, что тут похоронен мужчина или женщина. Священник из села Селияровского на Салыме бывает один раз в год и сразу исполняет тогда все требы: венчает и тут же крестит годовалых детей брачующихся и отпевает давно похороненных.

Налого или штрафа за «скверноядение», т. е. за употребление в пищу, во время охоты, беличьего мяса на Салыме, повидимому, нет, в то время как во многих других приходах он существует.

Все Салымские остяки считаются официально и сами называют себя христианами; на самом же деле их верования смесь христианских и старых языческих, в которых христианский бог и святые отождествляются с божествами остяцкого пантеона и с героями фольклора.

Сохранилось несколько культов: культ торма, культ предков, культ медведя а также, повидимому, следы тотемизма и анимизма. Торм общеостяцкое мировое божество, изображения которого не делают он же «Сорин-сапке», т. е. олицетворение неба и света, Салымские остяки Торма называют богом, а мифического героя Тункпак или Пайрахта—Христом. По рассказу салымцев Пайрахта совершил ряд чудесных подвигов из которых особенно популярна охота за шестиногим лосем (Кут-карт-вое).

Этот лось и поныне виднеется на небе, куда его загнал Тунк-пак, в виде созвездия большой медведицы, а след его чудесных лыж, на которых он с каждым шагом делал несколько сот верст, в виде млечного пути, на котором даже заметно, где его лыжи разжались. По другому преданию месячный путь проложен Пайрахтой для того, чтобы служить дорогой птицам при их перелете на Юг. О самом Торме знают только обще-распространенный среди остяков миф о сотворении земли. Давно когда все было покрыто водой Торм плавал по ней в деревянном домике; чтобы сотворить землю ему необходимо было достать хоть небблыпую

— 192 —

частицу ее; для этого он велел нырнуть большей гагаре, но она вернулась недоставши земли, после этого он послал малую краснозобую гагару; дважды она нырнула в воду тицетно, а на третий раз принесла в клюве немного илу, при этом она настолько устала, что у ней от напряжения выступила кровь, след которой до сих пор виден в оперении зоба.

Наиболее целюно сохранился культ предков, хотя и он претерпел известную эволюцию, став из родового культом территориальной группы. Известную долю влияния на культ предков оказало и христианство. Выше было упомянуто, что в юртах Кинтусовских члены семьи Борисовых считают себя, и почитаются другими, за потомков легендарного богатыря «Емин-тув-ике», Тох тынь-ике или «Токоп-ике». Культ этого родоначальника ставшего тонхом носит целый ряд признаков типичных для культа предков. Важнейшим признаком, конечно, является то, что право приношений жертв тонху имеют только члены упомянутой семьи Борисовых и притом мужчины. Запрещение женщинам не только присутствовать при обряде, но даже приближаться к амбару с изображением тонха и проходить по восточному берегу озера, вблизи которого амбар стоит, будет легко понятно, если припомнить, что браки остяков раньше были строго экзогамические, так что жены являлись чужеродками. Одновременно с утратой сознания о принадлежности к одному роду и замены его семьей, забылась первоначальная причина запрещения для женщины, чужеродок, сменившись понятием о женщине, как о существе нечистом; в настоящее время кинтусовские остяки заставляя женщин обходить озеро кругом по Западной стороне, мотивируют это тем, что женщины во время менструаций нечисты и могут вызвать гнев тонха. Лишним подтверждением того, что культ тонха был первоначально культом предков, служит то, что вместе с тонхом почитаются его братья то-есть члены того же рода. То обстоятельство, что почитание тонха не ограничивается одной семьей Борисовых, которые, как «Варпук-яхи» пользуются привилегией приношений жертв, но распространено во всех юртах в верховьях Салыма, позволяет предположить, что в этих пределах раньше был распространен род потомков тонха. Это тем более вероятно, что в этих же пределах живут остяки бывшей Тархановской волости. Отсутствие родовой тамги и архивных изысканий, к сожалению не дает возможности судить о принадлежности этих остяков к общему роду.

Весьма вероятно, что настав на местах теперешнего заселения Варпук-яхов и заменив их, они в тоже время от них переняли культ тонха и сохранили его до сих пор.

Для культа тонха «Емин-тув-ике» со временем выработался целый ритуал, который начинается с изготовления изображения.

Каждые семь лет в роше из священных кедров на Западном берегу озера Емин-тув из кедровых плах делают изображения тонха, его четырех помощников или братьев и двух жен и одновременно изображения медведя, змеи и юра; (значение последнего слова не удалось добиться от остяков; можно только сказать, что это, повидимому, какое то водяное животное. С. К. Патканов считает, что юрт является водяным жуком-плавунцом). После изготовления фигуры, ставят около кедров роши стол и приносят им в жертву: или петуха, или барана, кровью и салом которых мажут им рот, фигура, тонка высотой около 2 аршин, грубо вытесана. Руки только намечены, ноги вытесаны раздельно, также как утрированных размеров мужской член. Фигуры братьев тонких несколько ниже; одна из них двухголовая с округлыми, небольшими размеров головами. На всех изображениях место сердца отмечено трехгранным углублением.

Следует заметить, что лица тонхов напоминают по общему складу (длинный прямой нос, продолговатое лицо) идолов северных остяков, но отличаются от них прямо срезанной верхушкой головы в то время как те всегда остроголовые. Изображения идолов, находимых в могильниках и городищах, в том числе и Ар-ях-вож, напоминают современных тонхов, но лица шире.

Рядом с вышеупомянутыми фигурами стоит изображение богатыря «Ай-урт»; оно меньше, не имеет ни рук ни ног и голову с округлой верхушкой. В той же роше остяки юрт Цингинских (на реке Немечь, впадающей через Кеум в Демьянку) изготавливают изображение богатыря Салхана, почитаемого ими тонхом.

Из роши изображения переносятся в амбар (тонх-топас), который стоит близ восточного берега озера, на полянке, среди густого урмана, поросшей березами после пожара. Амбар имеет вид низенькой избушки с двухкатной крышей и с небольшой входной дверью. На косяках двери вырезаны изображения стражей тонха. Окон в амбаре нет и в нем даже днем полуирак. У стены против двери стоит тонх с помощниками, по сторонам перед ним две жены. Лидо Тонха покрыто жестяной пластинкой, на которой намечены нос, глаза и рот, последний вымазан кровью и жиром. Все фигуры покрыты куском белого коленкора до шеи. Перед тонхами стоит низенький стол, служащий для размещения жертв; тут же рядом небольшой жестью обитый ящик для денежных приношений. Вокруг стоят и лежат предметы вооружения тонха: железный, обоюдо-острый, короткий меч («атта Кетче») с желобком для стока крови и с раздвоенной рукояткой, сделанной из одного с ним куска, типа Галыпатских мечей. Один отросток рукоятки обломан, а через другой продето железное же кольцо; дальше бронзовый отлитый вместе с рукояткой нож, из красной бронзы, сплошь покрытой темной патиной. Нож отточен с одной стороны,

— 194 —

как у современных остяцких ножей. Нож, называемый «тит-хур кетче», по преданию носился в рукаве (тит-рукав) и служил для скальпирования убитых врагов. Находящийся тут же железный бердыш, напоминает своей формой так называемый, татарский «ай-болта», то есть топор с лезвием в виде полумесяца; он обладает чудесным свойством: если рыба плохо заходит с Оби, то стоит только привязать бердыш к лодке, чтобы она шла вслед за ним в Салым. Четвертым оружием является железный боевой топор, небольших размеров, с закругленным лезвием, напоминающий и средневековую франциску и венгерский фокош, и как они, насаженный на палку. Все предметы несомненно древние и носят на себе следы огня; действительно они горели вместе с амбаром во время легкого пожара, уничтожившего большую часть урмана около юрт Кинтусовских. Тут же висят миниатюрные луки (тув-йогит) с такими же стрелами и ступки для толчения крапивы (тув-кир-вай) с пестами и веретена (тув-йенит) это приношения тснху по случаю рождения сына, или дочери.

Жертвоприношения, как обычно у остяков делаются на малые некровавые «нор», которые совершаются в неопределенное время, в случае какой либо нужды, и на кровавые «йир», приносимые через определенный цикл лет, именно через семь. Первые состоят из кисловатого пива (пусса), очевидно, заимствованного от татар («буза»), которое в небольшом количестве варят из овсяной муки, или из кусков ситца и платков надеваемых на фигуры тонхов, или, наконец, из денег.

Фигуры жен, которые не покрыты общим колленкоровым покрывалом обмотаны материями и тряпками. На голову тонха одеты три шляпы, одна на другую; нижняя войлочная шляпа грешневик крестьянской работы, а верхняя детский суконный картуз; на груди висит оловянное блюдо.

Оружие тонха и жестяное лицо являются наиболее почитаемой частью его изображения. Деревянная фигура меняется каждые семь лет и после выслуги срока складывается лицом вниз на землю около амбара. При совершении некровавой жертвы «хозяин» тонха Борисов, ставит перед его изображением деревянную чашу с бузой или с водкой, как это было в нашем присутствии и говорит, повидимому, в традиционных выражениях, обращение к тонху, а затем высказывает свои пожелания и нужды, в упомянутом случае это была просьба о прекращении лесного пожара, угрожавшего юртам. Остальные участники моления стоят перед амбаром и также молятся. Окончив молитву выпивают принесенные собой бузу и водку, причем выливают некоторое количество на землю, для угощения «мик—ния», (в буквальном переводе: земляная старуха), т. е. духа земли, или, как его зовут Демьянские крестьяне—«хозяин места».

Каждые семь лет тонху должна приноситься большая кровавая жертва «йир». Ее приносят в особом месте, так называемом «йир-карре», на городище «Нюром вож», в котором по преданию Тонх и его братья когда-то жили. Для жертвоприношений с'езжаются остяки всех веровых юрт, предварительно купив в складчину лошадь, или при недостатке средств овцу. Кровавую жертву также, как другую приносит представитель рода Борисовых. Часть жертвы, посвящаемая тонху кладется на маленький столик, состоящий из простого кола с доской на нем и который стоит у подножья большой старой березы.

Присутствовать при таком жертвоприношении не пришлось, из распросов же остяков выяснилось, что жертвенных животных убивают перерезывая горло; старинный способ умерщвления при помощи заостренного кола, который в ходу у юганцев, салымские остяки осуждают, как жестокий, они же говорили, что раньше полная жертва приношения состояла из семи животных, но с обеднением населения число жертвенных животных уменьшилось.

Выше упоминался тонх Ай-урт «хозяин» этого тонха также проживает в юртах Кинтусовских. Сам тонх хранится почти в таком же амбаре, как Емин-тув-ике, на той же восточной стороне овера. Атрибутом этого тонха служат две археологические находки, свалившиеся по рассказам остяков с неба. Первая из них круглая пластинка из белой бронзы, диаметром около 3½ вершков, с выпукло отлитым геометрическим орнаментом своеобразного стиля; вторая тоже бело-бронзовая привеска в виде палочки 2,—2,5 вершка с двумя лосиными головами, симметрично расположенными на концах, и с ушком на середине. Кроме этих археологических находок рядом с тонхом стоят небольшие, деревянные изображения медведя—«пубе» и эмен—«ай-пубе». Также как фигуры тонха их меняют каждые семь лет. Здесь также, как у Емин-тув-ике или у Салхана право жертвоприношения присвоено только членам рода или семьи, так называемых «хозяев» тонха.

В беседах с остяками юрт Кинтусовских приходилось неоднократно слышать, что напрасно русские их зовут шайтанщиками, а тонхов шайтанами. «Тонх это все равно, что святой, а мы делаем из дерева, как бы икону его, это его лик хур», говорили остяки, стараясь очевидно примирить в своем сознании старый культ с христианским.

Неоднократно говорилось, что по словам остяков сила не в деревянных изображениях тонхов, а в древних атрибутах. Археологические находки вообще и в особенности с изображением людей и животных пользуются почетом. В юртах Соровских две такие находки сами служат тонхами. Тонх Ивана Степанова Баяндина (по прозвищу Мотков)—круглая пластинка, из красной бронзы с изображением горельефа человеческой фигуры, держащей в руках

196

круглый сосуд с отверстием. Отверстие в сосуде сквозное и из него, по мнению остяков, тонх выпускает дождь и бурю, в случае гнева. Название тонха «Вот-ике». Тонх другого остяка Ивана Темлякова (по прозвищу Согра, потомка переселенцев из Темлячевской волости) состоит также из красно-бронзовой пластинки, слегка выпуклой и прямоугольной с закругленными краями по своей форме; повидимому она служила раньше пряжкой, орнамент на пластинке звериного стиля, со сквозными узорами. Этот тонх, носящий название «Вальтавен-хур», шлет удачу на охоте: и он хранится на березе, недалеко от юрт: вокруг него по деревьям развешены куски ситца и черепа животных. Первый тонх хранится в амбаре на ножках, в самых юртах около священного кедра.

Культ медведя среди салымских остяков утратил свое почти значение как таковой, приняв скорей характер традиционной забавы.

Почему именно так случилось трудно установить: по всей вероятности, помимо влияния русских, надо это приписать тому, что по мере улучшения вооружения, утрачивался страх перед сильным зверем, в котором следует искать первоисточник этого культа медведь по Салыму чаще всего называется «пубе»¹⁾ эпитеты — «ошнин-ике», то есть «старик в шубе», «кунджен-ике» — старик с когтями и «емин-вое» — «святой зверь», — хотя известны, но не в ходу. Среди салымцев, как у других остяков распространено предание о том, что медведь первоначально был сыном Торма. В наказание за проступок Торм спустил его с неба на землю на железной цепи. В юртах Кинтусовских пришлось слышать, что медведь раньше не имел шерсти, как человек, но сброшенный с неба Тормом попал в развалину между сучьями дерева, где провисел до тех пор пока не оброс шерстью. Распространенного среди остяков предания о том, что медведь послан для наказания дурных людей не приходилось слышать. Обряды совершаемые салымцами в случае добычи медведя уже не представляют из себя стройного целого, как у северных остяков, или у Сосвинских вогулов.

В отдельных юртах исполняют разные части обряда более или менее полно; при этом по словам самих остяков только немногие среди них, которые постарше, знают что надо делать. В юртах Соровых, например, знатоком обряда почитается один остяк-Согра; по его же словам свое знание он перенял у юганских остяков, у которых, как более первобытных, обряд сохранился полнее.

Но и Согра знает немногие из нескольких сот медвежьих песен („пуб—аре“) и главным образом исполняет только пафтоимы под аккомпанимент музыки. В них изображается медведь в разные моменты жизни: На охоте за добычей; при встрече с охотником,

¹⁾ С. К. Пашканов переводит „пубе“ словом „идол“.

на которого он брасается: ухаживающий за медведицей и т. д. Исполнение всех сцен отличается большим реализмом, особенно сцены эротического характера, которые тем не менее ни мало не смущают присутствующих женщин и девушек. Музыка исполняется обязательно на семиструнной домбре („нарес-юх“), а не на девятиструнном лебеде (тороп-юх), который является инструментом позднейшего происхождения. Мотив, сопровождающий пантомиму, состоит из немногих повторяющихся нот и чрезвычайно архаичен.

В дополнение к пантомиме, главного действующего лица, женщины и подростки исполняли разные танцы. Один из них состоит в том, что танцующий, надевая на голову шабур или другую верхнюю одежду, в один рукав которой просунута палка, изображает пляшущего журавля. Берестянные маски, по словам Согры, употреблялись раньше, но не обязательно; в юртах Лемпинных ими пользуются и сейчас, но в ином виде, чем у северных остяков. Маски [миль] имеют вид берестяного обруча с пришитым носом и с намазанными углем глазами и ртом; их надевают на голову, а не привязывают перед лицом. В тех же юртах Лемпинных старик остяк знает довольно много медвежьих песен, но все же как он сам говорит, далеко не все. Для счета песен делают особые бирки, на которых каждая песнь отмечается мелкой зарубкой, а каждая седьмая крупными.

Из всех прежних обычаев, связанных с чествованием убитого медведя, сохранились только следующие: на грудь и живот убитого медведя, положенного на спину, накладывают поперек семь небольших палочек, если это самец, или пять, если это самка. Разрезая ножом шкуру, чтобы ее снять, перерезают одновременно палочки, показывая этим, что расстегивают шубу. Голову отрезают от туши и снимают ее вместе со шкурой.

Когда медведя приносят в юрты, то женщины и дети поливают всех встречающих водой или забрасывают снегом, если дело происходит зимой. Значения этого обычая остяки объяснить не могли. Шкуру вносят в дом, добывшего ее охотника и стелют на лавку в том углу, где стоят иконы; при этом передние лапы и голова кладутся на стол. Женщины и девушки убирают шкуру платками и шальями, а на когти надевают кольца, снятые со своих рук. Перед головой в особом корыте ставят угощение, состоящее из самой вкусной пищи, какую в данный момент можно найти в селении. Вечером сородичи охотника и остяки соседних юрт собираются для чествования медведя.

Никакого порядка в исполнении пантомим и плясок не придерживаются; также не обязательно празднование медведя в течение определенного числа дней. По окончании празднества шкура убирается и продается, как всякая другая. Раньше обривали

— 198 —

передние лапы и хранили, между прочим, для приношения присяги; теперь и этот обычай не соблюдается. В юртах Кинтусовых и Лемпиных, когда шкура медведя лежит на столе, возле нее ставят маленькие деревянные изображения медведя и змея, которая на Салыме носит название «ай-пубе».

Крайне интересно, но в то же время трудно установить, поскольку в верованиях салымских остяков сохранились следы тотемизма. Имеется налицо целый ряд запрещений, относящихся к убийству и к употреблению в пищу тех или иных видов животных и почитания других, но ни то, ни другое в отдельности не дает уверенности в том, что они тотемического происхождения. Некоторые запрещения, как например, употребление свинины, явно заимствованы у татар: трудней объяснить другие, как например запрет есть налимов из озера Емин-тув, тогда как другие породы рыб из того же озера употребляются в пищу. Мясо медведя, несмотря на его почитание, употребляется в пищу; в то же время старых и в особенности большоголовых щук избегают есть, хотя щука вообще составляет один из наиболее распространенных продуктов питания. Избегают убивать змей, гагар и в большинстве юрт лебедей. Распространенный от Финляндии до Алеутских островов культ медведя, может быть объяснен страхом первобытного охотника перед сильным зверем и остяки не составляют исключения в этом отношении; почитание гагары объясняется ее вышеприведенной ролью в остяцкой мифологии. Почитание лебедя, по словам салымских остяков, имеет причину в обще-известном и распространенном также среди них предании о том, что при сожжении самаровского идола под названием «Обской старик», он поднялся на небо в виде лебедя. Наиболее под понятие тотемического культа подходит почитание налима остяками юрт Сиво-хребских. Во первых они не ловят и не употребляют в пищу налима вообще, независимо от места их промысла; во вторых они ему приносят жертвы, бросая перед началом рыбной ловли мелкие деньги в воду. Такое почитание налима вызывает даже насмешки со стороны остяков других юрт: «Сивохребцы молятся налиму» говорят они. Интересно сопоставить с этим название самих юрт, происшедшее от остяцкого «Сивох рац», то есть «налимьий яр». Следы анимизма можно усмотреть в почитании кедра и во многих легендах и преданиях, которые связаны с редко находимыми по Салыму крупными камнями, и высокими ярами; например камень, лежащий близ юрт Саровских на берегу речки Катын—есть по рассказам остяков, зять, превращенный в камень за то что во время купания подсмотрел своего обнаженного тестя; интересна параллель с библейским рассказом про праведного Иова и Хама.

Верования Салымских остяков не исчерпываются вышеупомянутыми культами и остатками культов. В культе тонхов отличительной чертой является поклонение, оказываемое предмету не своего изделия, а происхождения более чудесного, мифического (археологические находки). Кроме тонхов многие из остяков имеют своих домашних божков, которых они делают сами; от посторонних остяки, обычно, их скрывают, но в вымерших юртах Тимкиных, в ящиках, стоящих внутри покинутого дома, удалось найти домашних божков. Один из божков был сделан из дерева в виде куклы без рук, с головой овальной формы, напоминающей голову идола с могильника у овера Емин-тув, но несколько более круглый. Весь божок был завернут в несколько слоев тряпок, в том числе шелковую. Другой божок состоял из грубо отлитой оловянной фигуры, изображающей человеческую; на туловище, в виде прямоугольника с узором, отлитым в виде перекрещивающихся линий, как у спеленутого ребенка; голова не отделена от туловища и на ней отлиты выдающийся острый нос и два глаза в виде горошинок и эта фигура завернута в тряпки. Судя по тому, что в ящике лежали две шкурки белок и медные монеты, этим божкам делались приношения, а из того, что их в течении нескольких лет никто не трогал, можно заключить о почтении, которое они внушали другим остякам, кроме своих умерших хозяев. Кроме богов еще много существует равного рода духов лесных, водяных и земляных. Лесной дух лесий—«мэнт», по рассказам остяков, имеет вид человека и иногда сходится с женщинами—остячками, отчего рождаются дети полу-люди, полу-лешие. Около яра ¹⁾. Перит-вож, т. е. городок духов (перит), по рассказам салымцев, живут духи в виде маленьких людей; их видели иногда около ключа у подножья яра.

Находимые в ярах останки мамонтов и носорогов, по мнению остяков, подтверждают распространенное среди них, как и во всей Сибири, предание о том, что мамонты живут под землей и погибают, когда выходят на воздух. Дракой мамонтов между собой, объясняют остяки, упомянутое в начале очерка, внезапное растрескивание льда на озерах. Иногда мамонт, по рассказам остяков, принимает другой вид; так например Соровской остяк Темляков, Согра рассказывал, что он видел мамонта зимой на озере Емин-тув в виде змейки быстро ползущей по льду. Приходилось также слышать, что у очень старых больших шук, в конце концов, вырастают рога и что они тогда становятся мамонтами. Интересно отметить, что тунгусы (?) живущие в верховьях реки Кети различают мамонтов двух родов: одних «сури-козар», т. е. мамонт—зверь и др.

¹⁾ Сравни вотяцкое название „перит“ для лесных и других божеств.

— 200 —

«кволи-козар», т. е. мамонт рыба; последний мамонт получается от превращения старых шук¹⁾).

Остается сказать несколько слов об остяцком народном эпосе на Салыме. Военные песни «тарини-аре», говорящие о подвигах древних остяцких богатырей и распеваемые речитативом под аккомпанимент домбры, на Салыме забыты и в памяти остяков сохранились только отдельные имена и эпизоды. Так, например, вспоминают иногда кровавого богатыря Сонг-хуш, или богатырей горюда у стерляжьей протоки — «карыс—поспатурдаг-вож» или легендарного героя Куй мурухта севэн-урт, Куй-мурухта-веген-урт». Сказки тоже плохо сохранились и записать ни одной целой не удалось. Любопытно отметить, что имя героя сказки, известной по Салыму, по Демьянке и по Иртышу «Пой-липэгэ-каплат хой, Пой-липэгэ-тамплат-хой» в настоящее время призывается во время камлания. В юртах Цингалинских, по моей просьбе, старуха остячка присутствуя к обряду камлания, с'ев предварительно семь сушеных мухоморов и залив их водой, после начала икоты, что считается вступлением сношения с духами, начала призывать упомянутое лицо. Так называемый процесс вымирания на Салыме можно считать установленным: об этом говорит ряд, ныне уже необитаемых юрт (Маклаковы, Тимиковы, Алабердины и Бавликовы), предания среди жителей и сопоставления данных переписей. Причина вымирания, повидимому, двоякая: с одной стороны большая смертность детей при невысоком проценте рождаемости и эпидемии, с другой сношение с русскими и ассимиляция остяков последними; второе явление более заметно по Иртышу и на Конде, на Салыме же вымирание должно быть приписываемо первому.

Л. Шульц.

¹⁾ С. Чугунов — «Обь-Енисейский канал» XII том, журн. Естествознания и географии 1909 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. П. Визгалов, М. Б. Горбунова, О. В. Кардаш

Два юбилея: 100 лет научного изучения Салымского края,
35 лет производственному объединению ООО «РН-Юганскнефтегаз» 6

Памятники древней истории

С. В. Александров, П. В. Пальянов, Т. М. Пономарева

Аварийные раскопки городища Нехсап I на территории
Средне-Угутского месторождения нефти 22

Ю. П. Чемякин, В. А. Борзунов

Итоги исследования средневековых поселений на протоке Сартым-урий
в зоне хозяйственного освоения Угутского месторождения нефти 60

С. Г. Пархимович

Поселение Усть-Камчинское 2 на реке Малый Салым
(к проблеме возникновения черной металлургии в Северо-Западной Сибири) 94

М. А. Рудковская

Селище раннего железного века Нёгусьях 2 116

Памятники этнической истории

М. Н. Пальянова, Е. Н. Петрова, М. А. Усолкина

Архитектурно-этнологические исследования юрт Когончиных
на территории Средне-Угутского месторождения нефти 140

Документальные и литературные источники

Г. П. Визгалов, О. В. Кардаш

100 лет комплексного археолого-этнографического изучения
Салымского края 172

Г. И. Лебедев. Эскизы по реке Салым. Полевой альбом 181

Л. Р. Шульц. Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым, Сургутского уезда 195

Л. Р. Шульц. Салымские остяки 205

Список сокращений 250

Сведения об авторах 251

CONTENTS

G. P. Vizgalov, M. B. Gorbunova, O. V. Kardash

Two anniversaries: 100 years of scientific research of Salym Krai,
35 years of production enterprise LLC «RN-Yuganskneftegaz » 6

Monuments of ancient history

S. V. Aleksandrov, P. V. Palyanov, T. M. Ponomareva

Rescue excavations of gord Nekhsap Sredne-Ugutsk oil deposit 22

Y. P. Chemyakin, V. A. Borzunov

Results of the study of medieval settlements in the bayou Sartym-Uriy
in the areas of economic development of the Ugutsk oil deposit 60

S. G. Parkhimovich

Settlement Ust-Kamchinskoe 2 on the river Maly Salym
(to the problem of rise of the steel industry in the North-Western Siberia)..... 94

M. A. Rudkovskaya

Ancient settlement of Early Iron Ages Negusyakh 2..... 116

Monuments of ethnic history

M. N. Palyanova, E. N. Petrova, M. A. Usolkina

Architectural and ethnological studies of Kogonchiny
yurts on the territory of Sredne-Ugutsk oil deposit 140

Documentary and literary sources

G. P. Vizgalov, O. V. Kardash

100 years of comprehensive archeological and ethnographic study of Salym Krai..... 172

G.I. Lebedev. Sketches on the river Salym. Field album 181

L.R. Shults. Short message about excursions on the river Salym, the Surgut district 195

L.R. Shults. Ostiaks of Salym 205

List of acronyms 250

Author information 251

Список сокращений

АВКОМ	–	аудиовизуальные коммуникации
АО	–	археологические открытия
АСА	–	Ассоциация северной археологии
БИБИФ	–	Библиотечно-информационный историко-культурный фонд [Сургутского района]
БКИ	–	Банк культурной информации
В	–	восток
ВАУ	–	Вопросы археологии Урала
вып.	–	выпуск
ВЮВ	–	восток-юго-восток
гл.	–	глубина
ГУП	–	Главное управление печати
д.	–	дело
дис.	–	диссертация
З	–	запад
ЗСЗ	–	запад-северо-запад
ИА	–	Институт археологии
ИИА	–	Институт истории и археологии
ИИМК	–	Институт истории материальной культуры
ИК НПЦ	–	Историко-культурный научно-производственный центр
ИКЭ	–	историко-культурная экспертиза
ИрГТУ	–	Иркутский государственный технический университет
ИЭРЖ	–	Институт экологии растений и животных
КА	–	кабинет археологии
КСИИМК	–	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
ИИМК	–	Института истории материальной культуры
ЛРА	–	лаборатория радиоуглеродного анализа
М.	–	Москва
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
МУ ЦИКН	–	муниципальное учреждение «Центр историко-культурного наследия»
НГДУ	–	нефтегазодобывающее управление
НИР	–	научно-исследовательская работа
НИСО	–	научно-исследовательский отдел
НПО	–	научно-производственное объединение
НПМП	–	научно-производственное многопрофильное предприятие
ОАО	–	открытое акционерное общество
ОмГПУ	–	Омский государственный педагогический университет
ООО	–	общество с ограниченной ответственностью
оп.	–	опись
ПГПУ	–	Пермский государственный педагогический университет
ПНИАЛ	–	Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
пос.	–	поселок
РА	–	Российская археология
РАН	–	Российская академия наук
РИФ	–	редакционно-издательская фирма
РН	–	Роснефть
С	–	север
СА	–	Северная археология – 1
СВ	–	северо-восток
СЗ	–	северо-запад
СПб.	–	Санкт-Петербург
СПбГУ	–	Санкт-Петербургский государственный университет
ССВ	–	северо-северо-восток
СурГПУ	–	Сургутский государственный педагогический университет
ТГУ	–	Томский государственный университет
УИФ	–	Уральская издательская фирма
УПАСК	–	Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция
ур.	–	уровень
УрГПУ	–	Уральский государственный педагогический университет
УрГУ	–	Уральский государственный университет
УрО	–	Уральское отделение
УрФУ	–	Уральский федеральный университет
уч.	–	участок
ф.	–	фонд
ХМАО	–	Ханты-Мансийский автономный округ
ЦАИ	–	Центр археологических исследований
ч.	–	часть
Ю	–	юг
ЮВ	–	юго-восток
ЮЗ	–	юго-запад
ЮЮЗ	–	юго-юго-запад

Сведения об авторах

АЛЕКСАНДРОВ
Сергей Викторович

В 2005 г. окончил исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.

В настоящее время работает м.н.с. в отделе охранной археологии ИИМК РАН. Имеет 20-летний опыт полевых археологических работ. Автор 10 научных статей.

Сфера научных интересов – археология Южной Сибири и Центральной Азии, изучение процессов адаптации древнего населения.

Sergey Victorovich
ALEKSANDROV

In 2005, he graduated from the Faculty of History of St. Petersburg State University.

He is currently working as a junior research fellow in the department of guard archeology of the Institute for History of Material Culture of Russian Academy of Sciences. He has 20 years of experience in the archeological field work. The author of 10 scientific articles.

Area of expertise – Archeology of South Siberia and Central Asia, the study of the adaptation processes of the ancient population.

ВИЗГАЛОВ
Георгий Петрович

С 1978 г. начал заниматься археологией Урала и Северо-Западной Сибири. В 1983 г. окончил исторический факультет Уральского государственного университета им. А. М. Горького. В настоящее время директор ООО «НПО «Северная археология». В сфере научных интересов – изучение истории освоения Сибири государством Московским и Российской империей. В 2007 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Мангазея – первый русский город в Сибирском Заполярье». Автор 40 научных статей и 4 коллективных и собственных монографий. Из наиболее значительных исследований можно назвать раскопки русских городов и острогов XVI–XVIII вв. на Крайнем Севере и изучение памятников арктического мореплавания.

Georgiy Petrovich
VIZGALOV

A doctor of History. He has been studying archaeology of the Urals and North-Western Siberia since 1978; in 1983 graduated the Ural State University after A. M. Gorkiy in history. He is currently a director of “RPA Northern archeology” ООО (LLC). The area of expertise is history of land invasion of Siberia by Muscovy and the Russian Empire. In 2007 he defended a doctoral theses “Mangazeya – the first Russian city in Siberian High Arctic”. His previous publications number 40 scientific articles and 4 personal and coauthored books. Among his researches the most significant are archaeological excavations of Russian cities and Ostrogs (fortresses) of 16th – 18th centuries in the Extreme North and investigation of Arctic navigation sites.

БОРЗУНОВ
Виктор Александрович

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра археологических исследований Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург). Автор 130 статей и 5 монографий. Основные научные интересы: Зауралье на рубеже бронзового и железного веков, укрепленные поселения лесной полосы Урала и Западной Сибири каменного, бронзового и раннего железного веков.

Victor Aleksandrovich
BORSUNOV

Candidate of historical sciences, senior research fellow of the Center for Archaeological Research of Institute of Humanities and Arts of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg). Author of 130 articles and 5 monographs.

Area of expertise: Transurals at the turn of the Bronze and Iron Ages, fortified settlements of the forest zone of the Urals and Western Siberia of Stone, Bronze and Early Iron Ages.

КАРДАШ
Олег Викторович

С 1979 г. начал заниматься археологией Урала и Северо-Западной Сибири. В 1991 г. окончил исторический факультет Уральского государственного университета им. А. М. Горького. В настоящее время занимает должность заместителя директора по науке в ООО НПО «Северная археология». Научные интересы сосредоточены в сфере изучения древней истории аборигенного населения Сибири. В 2007 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Культура аборигенного населения бассейна реки Надым конца XVI – первой трети XVIII вв.». Автор 50 научных статей и 5 монографий. Наиболее значительные полевые работы – комплексное исследование археологических памятников в арктических районах Крайнего Севера.

Oleg Victorovich KARDASH

A doctor of History. He has been studying archaeology of the Urals and North-Western Siberia since 1979; in 1991 graduated the Ural State University after A. M. Gorkiy in history. He is currently a vicedirector of "RPA Northern archeology" ООО (LLC). The area of expertise is ancient history of indigenes population of Siberia. In 2007 he defended a doctoral theses "The culture of aboriginal population of the Nadym basin from the end of 16th century to the first half of 18th century". His previous publications number 50 scientific articles and 5 personal and coauthored books. The most significant fieldworks are comprehensive studies of archeological sites in the Extreme North.

ПАЛЬЯНОВ
Петр Владимирович

В 2005 г. окончил Тобольский государственный педагогический институт им. Д. И. Менделеева (г. Тобольск) по специальности «История».

С 2005 по 2012 гг. работал в должности археолога ООО «НПО «Северная археология».

Сфера научных интересов – история, археология, этнография Западной Сибири. Участник археологических, археолого-геодезических, этнографических экспедиций на севере Западной и Восточной Сибири. Автор научных статей, посвященных археологическому наследию этих территорий.

Petr Vladimirovich PALYANOV

In 2005, he graduated from Tobolsk State Pedagogical Institute named after D.I. Mendeleev (Tobolsk), majoring in history.

From 2005 to 2012 he worked as an archeologist of LLC «Research and manufacturing association «Northern archeology».

Area of expertise – history, archeology, ethnography of Western Siberia. Member of archeological, archeology-geodetic, ethnographic expeditions in the North-West and East Siberia. Author of scientific articles on the archeological heritage of these areas.

ПАЛЬЯНОВА
Мария Николаевна

В 2003 г. окончила кафедру реставрации Уральской государственной архитектурно-художественной академии (г. Екатеринбург).

С 2005 по 2012 гг. работала в должности архитектора ООО «НПО «Северная археология».

В настоящее время – заместитель председателя комитета градостроительной политики администрации г. Тобольска.

Основные интересы в научной и профессиональной деятельности связаны с сохранением объектов культурного наследия – памятников архитектуры. Со времени учебы в УралГАХА занималась изучением деревянного зодчества русского старожильческого и аборигенного населения севера Западной Сибири. Автор ряда научных статей, посвященных этой тематике. В настоящее время принимает активное участие в сохранении исторического и развитии современного облика города Тобольска.

Maria Nikolaevna PALYANOVA

In 2003, she graduated from the Ural State Academy of Architecture and Art, Department of Restoration (Ekaterinburg).

From 2005 to 2012 she worked as an architect of LLC «Research and manufacturing association «Northern archeology».

Currently she is a Deputy Chairperson of city planning committee of Tobolsk administration.

The main interests in the scientific and professional activities are related to the conservation of cultural heritage - monuments. Since the study in USAAA she has been exploring wooden architecture of Russian indigenous peoples in the North of Western Siberia. Author of several scientific articles on the subject. Currently actively participate in historic preservation and development of modern face of Tobolsk.

ПАРХИМОВИЧ
Сергей Григорьевич

В 1978 г. окончил исторический факультет УрГУ им. А. М. Горького. Научный сотрудник ООО «НПО «Северная археология – 1». В сфере научных интересов — культура русского населения Западной Сибири конца XVI – начала XVII вв., проблема освоения Северо-Западной Сибири народом коми в XII–XVII вв., индоиранский и иранский компоненты в культурах обских угров (II–I тыс. до н. э.). Автор около 80 научных статей и соавтор 4 монографий, посвященных археологии и истории западносибирского края.

Sergey Grigoryevich
PARKHIMOVICH

In 1978 he graduated the A. M. Gorky Ural State University in history. He is currently a staff scientist of “RPA “Northern Archaeology”, Ltd. The area of expertise includes culture of the Russian population in West Siberia of the late XVI – XVII cent., the matter of moving of the Komi people into North-West Siberia in XII–XVII cent. and Indo-Iranian and Iranian components of Ob-Ugrian culture (II–I millennium BC). He is an author of about 80 scientific articles and a coauthor of 4 monographic works, devoted to archaeology and history of the West-Siberian region.

ПЕТРОВА
Елена Николаевна

Окончила факультет архитектуры Уральской государственной архитектурно-художественной академии, специальность «Градостроительство».

Сфера научных интересов – традиционная архитектура русского старожильческого и аборигенного населения севера Запада Сибири

Elena Nikolaevna PETROVA

She graduated from the Ural State Academy of Architecture and Art (Department: Architecture, Speciality: City Planning).

Area of expertise: traditional architecture of Russian indigenous peoples in the North of Western Siberia.

ПОНОМАРЕВА
Татьяна Михайловна

Окончила Уральский государственный университет им. А. М. Горького в 2004 г. по специальности «История». Научный сотрудник АНО «Институт археологии Севера».

Сфера научных интересов – средневековая археология Западной Сибири.

Tatyana Mihailovna
PONOMAREVA

She graduated from the Urals State University named after Gorky in 2004, speciality history. Research fellow of ANO «The Institute of Archeology of the North».

Area of expertise: Medieval archeology of Western Siberia.

РУДКОВСКАЯ
Мария Алексеевна

В 2002 г. закончила исторический факультет Томского государственного университета.

С 2002 по 2003 гг. работала исследователем-лаборантом в Проблемной научно-исследовательской лаборатории «История, археология и этнография Сибири» Томского государственного университета, с 2003 по 2008 гг. являлась научным сотрудником археолого-этнографического отдела МУ «Музей г. Северска».

С 2008 г. по настоящее время работает в ООО «НПО «Северная археология-1»; с 2012 г. руководит сектором в АНО «Институт археологии Севера».

М. А. Рудковская имеет 16-летний опыт полевых археологических работ на территории Томской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югра, Красноярского края. Сфера научных интересов – археология Западной Сибири, археология и история Сибирского Севера периода освоения русскими Сибири (XVII – XVIII вв.). Автор 15 научных статей.

Maria Alekseevna
RUDKOVSKAYA

In 2002 she graduated from the History Department of the Tomsk State University.

From 2002 to 2003 she worked as a research assistant in the problematic scientific research laboratory «History, Archeology and Ethnography of Siberia» of the Tomsk State University. From 2003 to 2008 she was research fellow of archeological and ethnographic department of Municipal institution «Museum of Seversk».

Since 2008 she has been working in the LLC «Research and manufacturing association «Northern archeology-1»; from 2012 she has been leading the branch of NCO «The Institute of Archeology of the North».

M.A. Rudkovskaya has 16 years of experience in the archeological field works in Tomsk Oblast, Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Yugra, Krasnoyarsk Krai. Area of expertise: Archeology of Western Siberia, archeology and history of the Siberian North of the period of exploration of the Russian Siberia (XVII-XVIII centuries.). The author of 15 scientific articles.

УСОЛКИНА
Мария Алексеевна

В 2012 г. с отличием окончила исторический факультет Московского Государственного Университета по кафедре этнологии. В полевой сезон 2012 г. начала производство археологических раскопок и разведок по открытым листам.

С 2011 г. по настоящий момент – младший научный сотрудник АНО «Институт археологии Севера».

В сферу научных интересов входит материальная культура и изобразительные традиции народов Северо-западной Сибири, в частности обских угров, а также археология аборигенных памятников с замороженным слоем XIII–XIX вв.

Maria Alekseevna
USOLKINA

In 2012 she graduated with distinction from the History Department of the Moscow State University in the Department of Ethnology. During the field season of 2012 she began archeological excavations and explorations on archeological excavation permit.

From 2011 she is junior research fellow of NCO «The Institute of Archeology of the North.»

Area of expertise: material culture and figural traditions of the North-Western Siberian peoples, in particular Ob-Ugric peoples, and archeology of indigenous sites with a frozen layer of XIII–XIX centuries.

ЧЕМЯКИН
Юрий Петрович

Чемякин Юрий Петрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ЦАИ ИГНИ УрФУ, доцент кафедры всеобщей истории УрГПУ. На территории ХМАО–Югры более 30 лет исследовал комплекс памятников в урочище Барсова Гора, 12 лет – средневековые поселения в бассейне р. Большой Юган. Им впервые охарактеризованы древности неолита – раннего железного века Сургутского Приобья, предложена периодизация этих эпох в регионе, выделен ряд типов памятников и археологических культур. Автор более 250 работ, в т.ч. 6 монографий (5 – коллективных), 2 учебных пособий (в соавторстве).

Yuri Petrovich
CHEMYAKIN

Yuri Petrovich Chemyakin is the candidate of historical sciences, senior research fellow of the Center for Archeological Research of Institute of Humanities and Arts of the Ural Federal University, assistant professor of General History Department of the Ural State Pedagogical University. More than 30 years he studied the complex of monuments in the urochishche Autograph Mountain on the territory of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, he studied medieval settlements in the basin of Bolshoi Yugan for 12 years. He was first who described the ancients of the New Stone Age – Early Iron Age of Surgut Ob, proposed periodization of these periods in the region, identified a number of types of monuments and archeological cultures. Author of more than 250 works, including 6 monographs (5 – collective), 2 manuals (in collaboration).

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

Создан в 2010 году с целью объединения региональных коммерческих научно-производственных организаций для развития и совершенствования гуманитарной научно-исследовательской деятельности в сфере изучения, сохранения и популяризации культурного и природного наследия Севера России.

Юридический адрес: 628300, Тюменская обл., Ханты-Мансийский АО – Югра,
г. Нефтеюганск, ул. Мира, пром. зона Пионерная, стр. 8/1

Почтовый адрес: ХМАО-Югра, г. Нефтеюганск 5, а/я 398. тел. +7 (3463)-23-49-56,
25-13-93, +7-922-43-60-089. e-mail: archeonord@yandex.ru archeonord-buch@yandex.ru

Директор Кардаш Олег Викторович

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «НПО «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ»

Юридический адрес: 628305, Российская Федерация, Ханты-Мансийский АО – Югра, г. Нефтеюганск,
промышленная зона Пионерная, ул. Сургутская, строение 18

Почтовый адрес: 628305, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ, г. Нефтеюганск-5,
а/я 398, тел. +7 (3463) 250-273, +7 (3463) 296-386, 296-886,
факс +7 (3463) 294-623, e-mail: chistory@mail.ru; nv-chistory@rambler.ru

Директор Визгалов Георгий Петрович

МАУ СУРГУТСКОГО РАЙОНА «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР «БАРСОВА ГОРА»

Юридический адрес: 628400, ХМАО-Югра, Тюменская область, г. Сургут, Энергетиков, 22

Почтовый адрес: 628405, ХМАО-Югра, Тюменская область, г. Сургут, ОПС-5,
а/я № 243, тел. +7 (3462) 77-43-25, +7 (3462) 77-43-24, +7 (3462) 77-43-26, e-mail: Barsova-gora-09@yandex.ru

Директор Бочкарев Дмитрий Викторович

ООО «ГИПЕРБОРЕЯ»

Юридический адрес: 628405, ХМАО-Югра, г. Сургут, пр. Пролетарский, 10/1

Почтовый адрес: 628405, а/я 240 ОСП 5, г. Сургут. Тел. +7 (3462) 25-52-91, +7(3462) 25-52-80,
e-mail: Giperboreja-05@rambler.ru

Директор Шатунов Николай Владимирович

Научное издание

ДРЕВНЕЕ НАСЛЕДИЕ СРЕДНЕЙ ОБИ
на территории хозяйственного освоения
ООО «РН-Юганскнефтегаз»

Художественное оформление, верстка: М. Б. Горбунова
Корректурa: Л. Д. Селедкова

Подписано в печать 15.07.2013. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 29,76. Тираж 300. Заказ № 2092

Отпечатано в типографии АМБ
620144, г. Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 59.
Тел.: (343) 251-65-91, 251-65-95.